

Т. 8, № 4 • 2023

ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия Общество. История.
Современность

OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series Society. History.
Modernity

ИСТОРИЯ HISTORY

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

ЭКОНОМИКА ECONOMY



ОМСКИЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Серия
«Общество. История.
Современность»

Издается с июля 2016 г.
Выходит 4 раза в год

Том 8 № 4 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Омский государственный
технический университет»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ55-00555 от 29.03.2017 г.
выдано Управлением Роскомнадзора
по Омской области

Сайт журнала:
<https://journals.omgtu.ru>

Страница журнала
на сайте учредителя:
[http://www.omgtu.ru/
general_information/
media_omgtu/
journal_of_omsk_research_journal/](http://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_omsk_research_journal/)

Подписной индекс
в каталоге Роспечать 80638

Ответственный секретарь
М. Ф. Федорчук

Редактор
Т. П. Семина

Компьютерная верстка
О. Н. Чирун

Макет обложки
Н. С. Плотникова

© Редакция журнала
«Омский научный вестник»
Серия «Общество. История.
Современность»,
ОмГТУ

Подписано в печать 04.12.2023 г.
Дата выхода в свет 15.12.2023 г.

Формат 60x84 1/8.
18,60 усл. печ. л.
Бумага офсетная.

Отпечатано на дупликаторе
отдела научной информации ОмГТУ

Тираж 500 экз.
(1-й завод 1–100).

Заказ 176
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Нехаев Андрей Викторович (главный редактор),
доктор философских наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Сущко Алексей Владимирович (заместитель главного редактора),
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия
Омский автобронетанковый инженерный институт, Омск, Россия

Бернацкий Владилен Осипович,
доктор философских наук, профессор,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Борисов Евгений Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Владимирски Ирена,
доктор исторических наук, профессор,
Академический колледж Ахва, Беэр Тувия, Израиль

Гагкуев Руслан Григорьевич,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН, Москва, Россия

Гончаренко Марк Васильевич,
доктор философских наук, доцент,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет, Томск, Россия

Дидикин Антон Борисович,
доктор философских наук, кандидат юридических наук,
«Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»,
Астана, Республика Казахстан

Калинина Ольга Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Ковалев Василий Александрович,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Кротова Мария Владимировна,
доктор исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Кулинок Святослав Валентинович,
кандидат исторических наук,
Национальный архив Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Ладов Всеволод Адольфович,
доктор философских наук, доцент,
Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия

Мартишина Наталья Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
Сибирский государственный университет
путей сообщения, Новосибирск, Россия

Мячин Юрий Васильевич,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Новиков Сергей Валентинович,
доктор исторических наук, профессор,
Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина, Омск, Россия

Петин Дмитрий Игоревич,
кандидат исторических наук, доцент
Исторический архив Омской области, Омск, Россия

Пученков Александр Сергеевич,
доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Растова Юлия Ивановна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Федотова Марина Геннадьевна,
доктор философских наук,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Фоменков Артем Александрович,
доктор исторических наук,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Харченко Лариса Павловна,
доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Шевцов Вячеслав Вениаминович,
доктор исторических наук, доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия

Яковлева Елена Владимировна,
доктор экономических наук, доцент,
Омский государственный технический университет, Омск, Россия



OMSK SCIENTIFIC BULLETIN

Series
«Society. History.
Modernity»

Published Since July 2016
4 Times per Year

Volume 8 No. 4 2023

FOUNDER

Federal State
Autonomous Educational Institution
of Higher Education
«Omsk State Technical University»

Mass Media Registration Certificate
ПИ № ТУ55-00555 from 29.03.2017
issued by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media,
Omsk region

Journal Website:
<https://journals.omgtu.ru>

Journal Page on Founder's Website:
[http://www.omgtu.ru /
general_information/media_omgtu/
journal_of_oms_k_research_journal/](http://www.omgtu.ru/general_information/media_omgtu/journal_of_oms_k_research_journal/)

Subscription Index
in Federal Agency on Press and Mass
Communications Catalog 80638

Executive Secretary
M. F. Fedorchuk

Editor
T. P. Semina

Computer Page-Proofs
O. N. Chirun

Cover Layout
N. S. Plotnikova

© Editorial Board of
«Omsk Scientific Bulletin»
Series «Society. History.
Modernity», OmSTU

Signed in Print 04.12.2023
Date of Publication 15.12.2023

Format 60x84 1/8. Conventional
Printed Sheets 18,60. Offset Paper.

Printed on a Duplicator
at Scientific Publishing Office,
Omsk State Technical University

Circulation 500 Copies.
(The 1st Printing Factory 1–100).

Order 176
Open Price

EDITORIAL STAFF

Nekhaev Andrei Viktorovich (Chief Editor),
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Sushko Aleksey Vladimirovich (Deputy Chief Editor),
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia
Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk, Russia

Bernatsky Vladilen Osipovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Borisov Evgenii Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Vladimirsky Irena,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Achva Academic College, Beer Tuvia, Israel

Gagkuev Ruslan Grigorievich,
Doctor of Historical Sciences,
Institute of Russian History of RAS, Moscow, Russia

Goncharenko Mark Vasilievich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

Didikin Anton Borisovich,
Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law,
M. Narikbayev KAZGUU University, Astana, Republic of Kazakhstan

Kalinina Olga Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Kovalev Vasilii Aleksandrovich,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Krotova Mariia Vladimirovna,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Kulinok Svyatoslav Valentinovich,
Candidate of Historical Sciences,
The National Archives of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Ladov Vsevolod Adolfovich,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Tomsk Scientific Center of SB RAS, Tomsk, Russia

Martishina Natalia Ivanovna,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

Myachin Yuriy Vasilievich,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Novikov Sergey Valentinovich,
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russia

Petin Dmitry Igorevich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Historical Archive of Omsk Region, Omsk, Russia

Puchenkov Aleksandr Sergeevich,
Doctor of Historical Sciences,
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Rastova Yuliya Ivanovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Fedotova Marina Gennadiyevna,
Doctor of Philosophical Sciences,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Fomenkov Artem Aleksandrovich,
Doctor of Historical Sciences,
Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia

Kharchenko Larisa Pavlovna,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Shevtsov Vyacheslav Veniaminovich,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yakovleva Elena Vladimirovna,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk State Technical University, Omsk, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А. В. Ганин. Дело «Приволжской шпионской организации». 1919 г.	5
Д. И. Попов. Государственная регламентация деятельности публичных библиотек в России в первой половине XIX в.	13
А. В. Сушко, Н. В. Лидер. Школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады: история, опыт и значение патриотической работы	19
А. А. Фоменков. История движения «Демократическая Россия» в Нижегородской области: политическое поражение было логичным	31
М. С. Новиков. Деятельность органов власти и общественно-политических организаций по вопросам создания территориальной автономии сибирских татар (1989 – 1997 гг.)	36
М. А. Князев. Взаимоотношения дворцового коменданта В. А. Дедюлина и правых: идейное единство или взаимовыгодное сотрудничество?	46
Д. А. Малюченко. О степени импортозависимости торгового флота Российской империи накануне и в начале Первой мировой войны	52
В. М. Тарелко. Заготовительное дело в сфере военного имущества: к деятельности Русского заготовительного комитета в Америке в 1917 г.	59

Актуальная история

Ю. З. Кантор. «Выставка открылась в вдвойне неслучайном месте...»	65
--	----

Имя в истории

С. В. Новиков. Александр Дмитриевич Колесников (1919 – 2012 гг.): патриарх исторической науки в Сибири	71
---	----

NOTA BENE

С. А. Папков. Новый труд по истории Тувы (о книге З. Ю. Доржу и О. Ю. Иргит «Политические репрессии в Тувинской Народной Республике (1921 – 1944 гг.)» — Новосибирск, 2023)	80
--	----

ФИЛОСОФИЯ

Е. В. Борисов. Каплан и Марти об определенных дескрипциях	84
--	----

Актуальная философия

В. В. Васильев. «Бриллианты и миражи»	89
--	----

ПРОВОКАЦИИ

К. МакГинн. Почему быть живым — это благо? / пер. с англ. Р. А. Кочнев	94
---	----

Критики и реплики

А. В. Мерцалов. В защиту стандартной психологической теории: может ли личность быть типом?	99
---	----

ЭКОНОМИКА

Е. Б. Дворядкина, А. А. Елисеева, Н. А. Истомина. Цифровая среда развития региональных рынков персональных услуг и меры их регулирования	116
Е. В. Яковлева, О. В. Пропп. Организационно-управленческое совершенствование регионального рынка труда специалистов на основе элементов институционального подхода	126
А. В. Зинич. Мотивы и социально-профессиональные ориентации молодежи при выборе профессии	133
Н. М. Калинина, Н. А. Кулик. Оценка степени инновационной готовности системной трансформации менеджмента в условиях перехода к шестому технологическому укладу	139
А. В. Шастин. Экономика гибридизации: работа с интеллектуально емкими процессами и продуктами	146
Р. Е. Гартвич. Наукастинг выпуска обрабатывающей промышленности России с использованием данных опросов предприятий	152

CONTENTS

HISTORY

A. V. Ganin. The case of the «Volga Espionage Organization». 1919	5
D. I. Popov. State regulation of public libraries in Russia in the first half of the XIX century	13
A. V. Sushko, N. V. Leader. School museum of combat glory of the 75th Guards brigade: history, experience and importance of patriotic work	19
A. A. Fomenkov. The history of the democratic Russia movement in the Nizhny Novgorod region: political defeat was logical	31
M. S. Novikov. Activities of government bodies and socio-political organizations on the creation of territorial autonomy of the Siberian Tatars (1989–1997)	36
M. A. Knyazev. The relationship between the palace commandant V. A. Dedyulin and the rightists: ideological unity or mutually beneficial cooperation?	46
D. A. Maliuchenko. On the degree of import dependence of the merchant fleet of the Russian Empire on the eve and at the beginning of the First World War	52
V. M. Tarelko. Procurement in the field of military property: to the activities of the Russian Supply Committee in America in 1917	59

Actual History

Yu. Z. Kantor. «The exhibition opened in a doubly non-random place...»	65
---	----

History Name

S. V. Novikov. Alexander Dmitrievich Kolesnikov (1919–2012): Patriarch of historical science in Siberia	71
--	----

NOTA BENE

S. A. Papkov. A new publication on the history of Tuva (about the book by Z. Y. Dorzhu and O. Y. Irgit Political repressions in the Tuva People's Republic (1921–1944) – Novosibirsk, 2023)	80
--	----

PHILOSOPHY

E. V. Borisov. Kaplan and Marti on definite descriptions	84
---	----

Actual Philosophy

V. V. Vasilyev. «Diamonds and Mirages»	89
---	----

PROVOCATION

C. McGinn. Why Is It Good to Be Alive? / trans. from Engl. R. L. Kochnev	94
---	----

Critical Notices and Comments

A. V. Mertsalov. In defence of the standard psychological theory: can a person be a type?	99
--	----

ECONOMY

E. B. Dvoryadkina, A. A. Eliseeva, N. A. Istomina. Digital environment of development of regional markets of personal services and measures of their regulation	116
E. V. Yakovleva, O. V. Propp. Organizational and managerial improvement of the regional labor market of specialists based on elements of an institutional approach	126
A. V. Zinich. Motives and socio-professional orientations of young people when choosing a profession	133
N. M. Kalinina, N. A. Kulik. Assessing the degree of innovative readiness of systemic transformation of management in the context of transition to the sixth technological paradigm	139
A. V. Shastin. The economics of hybridization: working with intellectually capacious processes and products	146
R. E. Gartvich. Nowcasting of Russian manufacturing output using business survey data	152

УДК 93/94+929

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-5-12

EDN: BUFKYZ

А. В. ГАНИН

Институт славяноведения РАН,
г. Москва

ДЕЛО «ПРИВОЛЖСКОЙ ШПИОНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ». 1919 г.

В статье на основе неопубликованных источников из Центрального архива ФСБ России детально изучено расследованное в 1919 г. органами ВЧК дело контрреволюционной «Приволжской шпионской организации» в РККА. Этот сюжет нашел фрагментарное отражение в историографии; цель данной работы — устранить эту лакуну. Теоретическая основа исследования — сочетание антропологического подхода, проблемного и биографического методов. В рамках этого дела, наряду с другими лицами, были арестованы несколько слушателей Академии Генерального штаба РККА, которых подозревали в контрреволюционном заговоре. Проанализирован ход оперативной разработки дела, ведение следствия, состав фигурантов (в их числе — братья Михаил и Николай Тухачевские, избежавшие ареста), оговорены особенности вынесенных приговоров.

Ключевые слова: РККА, Академия Генштаба, ВЧК, советские спецслужбы, репрессии, Гражданская война, Восточный фронт, М. Н. Тухачевский, Н. И. Колицкий, «Приволжская шпионская организация».

Среди недавно рассекреченных архивно-следственных дел Центрального архива Федеральной службы безопасности России особый интерес вызывает дело «Приволжской шпионской организации» 1919 г., в котором фигурировал даже такой видный советский военный деятель эпохи Гражданской войны, как М. Н. Тухачевский. Обзор дела был впервые представлен в монографии Ю. З. Кантор [1, с. 147–153], однако эти документы заслуживают специального исследования.

В начале мая 1919 г. в Особый отдел Восточного фронта явились начальник штаба Симбирского укрепрайона слушатель Академии Генштаба РККА А. К. Парм с помощником А. К. Наумовым и заявили, что вместе с ними в поезде председателя Реввоенсовета Республики (РВСР) Л. Д. Троцкого в Симбирск приехали их товарищи по академии И. Т. Дравниэк и В. Д. Залесский, с которыми была некая О. И. Валуева, представлявшаяся супругой Дравниэка, но жившая в Симбирске с мужем М. М. Валуевым. Дравниэк был назначен в 1-ю армию, Залесский — в Казанский укрепрайон, Валуева же осталась в Симбирске.

Парм и Наумов посчитали подозрительным поведение Валуевой и бывавшего у нее артиста Г. М. Новикьяна, старавшихся вести с приехавшими слушателями академии разговоры на военные темы (хотя это происходило в прифронтовой полосе в военное время, а собеседники являлись военно-

служащими, что делало подобные беседы неизбежными). Особым отделом фронта руководил известный чекист Г. И. Бокий, который энергично взялся за расследование. Чекисты установили негласное наблюдение за Валуевой (его вел агент Иванов), которое дало немного, но подозрения лишь усугубились. Валуева и другие лица из ее дома осторожничали и вели себя так, будто за ними следят. Валуева постоянно переписывалась с Дравниэком, отправляя письма с курьерами. За Дравниэком также начался негласное наблюдение [2, т. 4, л. 434]. Новикьян вскоре уехал в Самару, где чекисты за ним тоже стали следить. Что касается Парма и Наумова, то они с ведома чекистов продолжили общение с Валуевой, выдавая себя за сочувствующих белым [2, т. 1, л. 1].

По настойчивым просьбам Валуевой они устроили ее на службу в один из отделов штаба укрепрайона, при этом считали, что их разговоры с Валуевой и ее близкими «носили характер систематического выжимания из них военных сведений» [2, т. 1, л. 1]. По мнению Парма и Наумова, Валуева обладала очень непривлекательной внешностью, но старалась завлечь красных командиров к себе обществом красивых артисток городского театра, выпивкой и пирогами. Однако в деле сохранились две фотографии Валуевой [2, т. 1, л. 207], судя по которым вряд ли можно считать эту женщину крайне непривлекательной.

Особый отдел Восточного фронта провел в Симбирске усиленные обыски, в связи с чем Валуева попросила Парма помочь без огласки вывезти из ее квартиры оружие (часть оружия была закопана во дворе). Парм вынес неизвестно куда целый арсенал — 25 шашек, 3 револьвера и несколько штыков. Затем он с Наумовым уехал в Уфу и остальное оружие вывезти не смог (Валуева хранила, с ее слов, еще и ракеты [2, т. 1, л. 24]).

В тот период фронт отодвинулся к Уралу, а Валуева стала настойчиво добиваться назначения на ответственную должность в оперативный отдел штаба фронта. Для этого она познакомилась с членом РВС фронта К. К. Юреневым и политическим комиссаром штаба Петуховым (они также действовали по указаниям Особого отдела), причем с Юреневым разыгрывала влюбленность [2, т. 1, л. 34].

В одном из писем Юреневу она отмечала: «Я хочу просить Вас устроить мне такое место, где я могла бы, пока штаб стоит в Симбирске, получать как можно больше командировок. В 1-й армии я почти всегда ездила в командировки, что может подтвердить наш командующий Тухачевский и нач[альник] штаба армии Корицкий» [2, т. 1, л. 4 об.]. Место в штабе комиссары Валуевой обещали. В письме Парму женщина отметила: «Не думайте, ради Бога, что если я так навязывалась, только исключительно для каких-либо мелких целей. Нет, у меня действительно есть такое большое серьезное дело, о котором я могу поговорить и сказать то только Вам» [2, т. 1, л. 5]. Подобные недосказанности выглядели намеком на разведывательную работу в интересах белых.

Затем, незадолго до ареста, Валуева отправилась в Казань (там жил отец ее сына Владимира — Б. Н. Гопшен [2, т. 1, л. 31; т. 2, л. 23 об.]), где имела несколько свиданий с В. Д. Залесским для выяснения положения на северных участках фронта. С Дравниэком же она продолжала переписку. Непосредственно в день ареста, 15 июля 1919 г., Валуева хотела на несколько дней проехать в штаб 1-й армии к Дравниэку. Перед тем она поведала члену РВС фронта Юреневу, что Особый отдел подозревает ее в хранении оружия, но это неправда, причем просила защиты. Возможно, агентурная разработка провалилась, так как Валуева узнала о возникших подозрениях в свой адрес. Кроме того, арестованный вместе с супругой муж Валуевой 52-летний служащий Симбирского городского продовольственного комитета М. М. Валуев за несколько дней до ареста, видимо, опасаясь обыска, сжег свои старые письма, вещи, счета и доверенности [2, т. 1, л. 3]. Следователь Я. Я. Фогель впоследствии предполагал, что осведомить Валуеву о подозрениях мог Парм, переносивший из ее квартиры оружие.

В связи с этим заявлением Валуевой особысты решили ускорить ликвидацию дела. Первоначально арестовали до 30 человек. У мужа Валуевой был изъят серьезный запас оружия: два Браунинга, Маузер, маленький револьвер Бульдог, еще один револьвер, карабин винчестер, трехлинейка со штыком, пулеметная лента с патронами, патроны, две шпаги и противогаз [2, т. 1, л. 40].

С арестованными велась оперативная работа. В частности, в камеры к ним подсаживали работников ЧК. Уже находясь в тюрьме, муж Валуевой поведал подсадному агенту чекисту Иванову, что аресты должны быть связаны с проделками супруги в Москве, где она активно участвовала в организации белогвардейской ячейки в Академии Генштаба

РККА. Он утверждал, что в ячейку входили слушатели Н. Н. Тухачевский (родной брат знаменитого советского военачальника М. Н. Тухачевского), И. Т. Дравниэк, А. Ф. Пиллит и Л. И. Репкин [2, т. 1, л. 1 об.]. Подсаженный чекист установил, что «академики» имели даже конспиративную квартиру для встреч и заседаний. К сожалению, агентурные материалы для исследователей недоступны, поэтому сложно судить, что именно и в какой связи было сказано Валуевым и какими еще материалами располагало следствие. Как бы то ни было, дело о возможном шпионаже в Симбирске получило выход на Москву.

На допросах арестованные упорно отрицали вину и давали сбивчивые показания. Тот же Валуев при допросе заявил, что об академической организации в Москве ему неизвестно [2, т. 1, л. 49]. Его супруга на вопрос о белой организации в красной академии также ответила отрицательно. Впрочем, первоначально отрицала она даже имевший место вынос оружия из своей квартиры Пармом, а также стремление устроиться на службу в оперативный отдел штаба фронта [2, т. 1, л. 31, 32].

Центральная фигура всего дела, 29-летняя (по материалам реабилитации она также указала на родившейся в 1880 г. [2, т. 1, л. 211]), т.е. в период ареста ей должно было быть около 39 лет, но на фотографиях из дела более молодая женщина) Ольга Ивановна Валуева родилась в Алатыре в семье крупной бывшей помещицы Сухаревой. Девушка служила машинисткой в управлении формирований советского Восточного фронта в Симбирске. В Первую мировую войну она была сестрой милосердия в 13-м подвижном лазарете на рижском фронте, где действовали латышские стрелковые полки и там познакомилась с будущим советским главкомом И. И. Вацетисом [2, т. 1, л. 1 об.]. С Дравниэком она была знакома, видимо, с 1918 г. [2, т. 1, л. 67], с Залесским познакомилась в апреле 1919 г. через Дравниэка, когда ехала из Москвы в Симбирск [2, т. 1, л. 32]. Кроме того, знала трех братьев Тухачевских: Михаила, Николая и Александра Николаевичей [2, т. 1, л. 32 об.]. Это и неудивительно с учетом того, что в 1918 г. М. Н. Тухачевский как командующий 1-й армией руководил взятием Симбирска и провел там немало времени.

Валуева была хорошо осведомлена о положении в колчаковском тылу и утверждала, что у нее там есть знакомые, а также знала состояние РККА [2, т. 1, л. 64]. Якобы в беседах с близкими в ненависти к Советской власти женщина доходила до истерики (позднее, уже в одиночном заключении, у нее были зафиксированы истерические припадки и сильное нервное расстройство [2, т. 4, л. 247]). Агенту Иванову она, в частности, заявляла: «Скорее бы Советская власть сгнила, этакая сволочь, если могла бы, то всех расстреляла бы» [2, т. 1, л. 4]. Валуева жаловалась на безденежье, но была причастна к махинациям в связи с хищением Дравниэком в 1-й армии денег и сукна на продажу, а также намеревалась спекулировать в Симбирске мылом [2, т. 1, л. 4].

Крайне подозрительно выглядела вся ее деятельность — хранение запаса оружия, настойчивые попытки добиться службы в советских штабах, участие в махинациях. Поражал воображение круг знакомств женщины с ответственными советскими военными работниками. Помимо слушателей академии среди ее знакомых были советские главкомы И. И. Вацетис и С. С. Каменев, командармы М. Н. Тухачевский и Г. Д. Гай, член РВС фронта

К. К. Юренев и т.д. Она говорила Дравниэку, что «если она захочет, то нет такого человека, чтоб она не могла познакомиться с ним и пригласить к себе в гости» [2, т. 1, л. 68]. Это и неудивительно, так как Валуеву знавшие ее характеризовали как легкомысленную особу, не чуждую флирта [2, т. 1, л. 100 об., т. 2, л. 160]. Также выяснилось, что она доставала пропуска для хождения по городу по ночам [2, т. 1, л. 5]. При обыске у нее под полом нашли две шашки и револьверные патроны [2, т. 1, л. 24]. В целом же обыски почти ничего не дали.

Другим центральным фигурантом дела был 28-летний артист, итальянский подданный и близкий знакомый Валуевой Гурьян Меркич Новикьян. При обыске у него нашли три револьвера и чертеж водного велосипеда, оказавшийся его изобретением [2, т. 1, л. 134]. Новикьян дружил с персидским консулом и хранил в консульстве 80 000 руб. Жил он широко, тратя до 15 000 руб. в месяц. В планах артиста была поездка в Баку (как он показал на допросе — к больной матери). Чекисты подозревали его как шпиона Антанты, а особенно подозрительной им казалась дружба Новикьяна с бывшим командующим 1-й армией Г. Д. Гае (настоящая фамилия — Бжишкян), хотя их дружба, по-видимому, основывалась на общности происхождения и службы в армянских частях в Первую мировую войну.

Как отмечали в докладе по делу от 5 августа 1919 г. начальник Особого отдела Восточного фронта Г. И. Бокий и заведующий активной частью А. С. Иоселевич, «в общем дело чрезвычайно запутанное: арестованные не сознаются даже в мелочах и начинают говорить лишь после ряда очных ставок и предъявления фактических доказательств и то дают очень сбивчивые показания» [2, т. 1, л. 2]. По мнению авторов документа, организация охватывала район Симбирск — Самара — Саратов — Казань. Связь с Москвой, как они предполагали, могла поддерживаться через слушателей академии Пиллита, Репкина и Н. Н. Тухачевского. При этом симбирские особисты не могли точно ответить центру, существовала ли связь «с раскрытой Вами центральной организацией... ввиду нашего незнакомства с делом центральной организации» [2, т. 1, л. 2]. По-видимому, подразумевалось дело Полевого штаба РВСР, развернувшееся летом 1919 г. и затронувшее, прежде всего, генштабистов дореволюционной школы.

После того, как выяснилась вовлеченность в дело группы слушателей Академии Генштаба РККА, были арестованы и они. И. Т. Дравниэка арестовали уже 16 июля и содержали в Симбирске. По телеграмме Особого отдела Восточного фронта в 20-х числах июля 1919 г. в Москве были арестованы слушатели Репкин и Пиллит, а также связанные с ними лица, всего 18 человек. Таким образом, общее число арестованных достигло 50. Из Москвы Пиллита и Репкина отправили в Симбирск в распоряжение Особого отдела Восточного фронта. Кроме того, к делу по неизвестным причинам присоединили материалы в отношении бывшего командующего 1-й армией перебежчика А. И. Харченко, который сдался красным на фронте уже в период расследования дела и не имел к нему отношения. По-видимому, включение этих материалов было вызвано тем, что в деле «Приволжской шпионской организации» фигурировали многие служащие 1-й армии.

Кем являлись и чем провинились арестованные слушатели академии?

На Восточном фронте арестовали не только Дравниэку, но и Залесского. 24-летний латыш Иван Тимофеевич Дравниэк служил в штабе 1-й армии на должности для поручений при командующем Г. Д. Гае. Ранее Дравниэк учился в Рижском политехническом институте, являлся бывшим офицером, имел опыт командования ротой и батальоном. В РККА поступил на командную должность в гарнизоне Сызрани. При занятии города чехами летом 1918 г. остался и был арестован. После ухода чехов продолжил служить у красных. Занимал посты начальника охраны штаба 1-й армии, правителя дел начальника штаба, начальника общего отдела полевого управления армии. С последнего места службы его командировали в Академию Генштаба РККА, а оттуда он был направлен на практику в войска и в 1919 г. вновь оказался в 1-й армии. С Валуевой Дравниэк состоял в интимных отношениях и вместе с ней, как отмечено в следственных материалах, украл 86 000 руб. и 40 аршин материи [2, т. 1, л. 5 об.]. Дравниэк пытался представить себя жертвой Валуевой, кроме того, он категорически отрицал ее знакомство с И. И. Вацетисом на рижском фронте (об этом же говорил и еще один фигурант дела А. Ф. Пиллит, служивший в 6-м Латышском стрелковом полку).

Слушателя академии Виктора Дмитриевича Залесского, начальника оперативного штаба Казанского укрепрайона, предполагалось арестовать 16 июля 1919 г. в Казани, однако он уехал сначала в Елабугу, а оттуда в Сарапул. В итоге его смогли арестовать только 1 августа. Залесский прежде был студентом Петроградского университета, окончил Владимирское военное училище и получил чин прапорщика. После октября 1917 г. он был избран командиром батареи. В 1918 г., демобилизовавшись, уехал в Курск к родителям. Добровольно вступил в РККА. Служил адъютантом командующего войсками Курской губернии, начальником штаба участка, адъютантом 2-й бригады 9-й стрелковой дивизии, начальником оперативной части, а также временно исполняющим должность начальника бригады. После этого попал в академию. Считался сочувствующим РКП(б). Весной 1919 г. был назначен начальником оперативного отдела Казанского укрепрайона, а летом того же года стал начальником штаба района [2, т. 2, л. 77]. Под арестом содержался в Бутырской тюрьме, причем сидел там до декабря 1919 г., хотя самые поздние по времени приговоры по делу датированы еще концом сентября. Складывается впечатление, что следователь о нем просто забыл [2, т. 2, л. 79]. Вина арестованного заключалась в нескольких встречах с Валуевой. В итоге слушателя освободили, предупредив комиссара по месту его службы о необходимости строгого наблюдения за Залесским.

Московские аресты коснулись слушателей Репкина, Пиллита, Тылтыня и Эглита.

25-летний Леонид Иванович Репкин окончил пензенскую гимназию, был студентом Харьковской технологического института, инженер-механиком, в Первую мировую добровольцем пошел на фронт, за боевые отличия был произведен в прапорщики, окончил Севастопольскую военную школу авиации и стал военным летчиком. В итоге дослужился до штабс-капитана. В 1912—1917 гг., по его свидетельству, состоял в РСДРП (без указания на большевиков или меньшевиков), арестовывался в Харькове за хранение нелегальной литературы, однако о более позднем периоде пи-

сал, что был лишь сочувствующим РКП(б) [2, т. 1, л. 77 об.]. Возможно, вышел из партии, но из анкеты понять это сложно. Симпатизировал социалистам, сотрудничал в газете объединенных социалистов «Наш путь» и в газете «Известия», был секретарем пензенского совдепа. По свидетельству И. Т. Дравниэка, Репкин выступал за советы, но против коммунистов [2, т. 1, л. 71]. Как отмечали чекисты, «после революции был сотрудником буржуазной [э]с[е]ровской газеты, по сообщению его знакомых — безусловный противник Советской власти» [2, т. 1, л. 1 об.]. После еврейского погрома в Пензе 8 ноября 1917 г. Репкина назначили начальником пензенского губернского военно-революционного штаба. В мае 1918 г. он добровольно поступил на службу в РККА (впрочем, о нем писали и как о мобилизованном). Командовал батареей, был помощником начальника артиллерии 2-й Пензенской пехотной дивизии, затем попал в штаб 1-й армии, где служил помощником правителя дел Дравниэка. Вместе с последним поступил в Академию Генштаба РККА.

В Москве Дравниэк, Валуева и Репкин жили вместе на одной квартире. Более того, Репкин продавал Валуевой хлеб, который, видимо, получал как слушатель академии [2, т. 1, л. 100 об.]. Наконец, у Валуевой, Репкина и Дравниэка были обнаружены идентичные записки с названием «Страсть любовницы». Следствие предполагало, что это мог быть ключ от двойного шифра.

В академии Репкин вел себя подозрительно, резко критиковал Советскую власть, а в феврале 1919 г. вместе с Валуевой неизвестно для чего ездил в Сызрань. Однако никто на него не заявлял, считая безвредным. Подозрения усилились после того, как в академию пришла телефонограмма № 7075 от 21 мая 1919 г., копии которой адресовались комиссару и самому Репкину. В телефонограмме содержалось приглашение Репкина ни много, ни мало на заседание Совета обороны. Однако наведение справок показало, что такой телефонограммы Совет обороны не посылал и Репкина не знает [2, т. 1, л. 6]. При командировке из академии на фронт Репкин не принял ни одну из предложенных ему должностей и до ареста находился без определенных занятий. Особый отдел Московской ЧК установил за странным слушателем наблюдение, но результаты не впечатляли. Например, подозрения чекистов вызвало то, что на вечере в академии Репкин достал сверток и с тремя спутниками пошел в сад, где передал сверток одному из них, а назад вернулся уже с двумя сопровождающими [2, т. 1, л. 6]. Соседи (Ермолаевский переулоч, д. 4, кв. 7) указывали, что Репкин постоянно поздно приходил домой. Кроме того, однажды к нему пришла барышня, но ушла со словами: «Мало ли за нами следят шпионов» [2, т. 1, л. 6]. Также следствие установило, что в Москве Репкин имел две квартиры. Впрочем, в обстановке Гражданской войны для подозрений было достаточно и вышеперечисленных моментов.

24 июля 1919 г. арестовали 25-летнего бывшего поручика Арвида Федоровича Пиллита. Чекисты обратили внимание на его попытку через И. И. Вацетиса поступить на службу в латышский стрелковый полк [2, т. 1, л. 2], хотя ничего особенного в такой просьбе не было. Пиллит окончил реальное училище и Александровское военное училище. По взглядам он симпатизировал эсерам. После демобилизации из старой армии до марта 1918 г. жил в Челябинске, а затем поступил на службу в

РККА, в интернациональный легион, где прослужил с апреля по август 1918 г. По предложению Дравниэка позднее он попал в штаб 1-й армии старшим адъютантом. Штабом 20-й стрелковой дивизии был отправлен на учебу в Академию Генштаба РККА. Его товарищ по академии Я. К. Эглит свидетельствовал, что помимо академии Пиллит посещал кинематографическую студию, объясняя это тем, что «при первой возможности он собирается ехать за границу, путешествовать, и там ему знание кинематографического дела послужит... как средство питания» [2, т. 2, л. 125]. Такие намерения слушателя красной академии выглядели довольно странно. Также несколько дней Пиллит жил на квартире у Валуевой. Он показал, что ни в какой белогвардейской организации не состоял и не знал ни о ком, кто бы мог в ней быть [2, т. 1, л. 97]. Следом за мужем арестовали и супругу Пиллита Веру Михайловну, вышедшую за него замуж всего двумя месяцами ранее. Следовательно предлагал заключить ее в концлагерь с привлечением к работам до конца Гражданской войны.

В связи с арестом Репкина в Москве арестовали и заведующего строевой частью командных курсов тяжелой артиллерии бывшего генерала Н. В. Скрыдлова, у которого жили Репкин, Дравниэк и Валуева. При ремонте ванной у Скрыдловых рабочие под полом нашли оружие [2, т. 1, л. 71 об.]. Скрыдлов содержался в Бутырской тюрьме. Туда же попали его супруга и 18-летний сын, причем последний сообщал, что квартирантов отца почти не знал и не понимал причин своего ареста [2, т. 5, л. 522]. Были арестованы и другие квартиранты Скрыдловых.

Пристальное внимание следствия вызывала фигура Николая Николаевича Тухачевского — смотрителя Академии Генштаба РККА и родного брата будущего маршала, прославленного советского военачальника М. Н. Тухачевского. Из академии его уволили по болезни, после чего он уехал в свое имение в Чембарском уезде Пензенской губернии, откуда должен был ехать к брату. В результате арестовать его не удалось за неизвестностью местопребывания, и велся розыск. Возможно, от репрессий тогда его спас брат.

В деле содержались материалы и в отношении самого М. Н. Тухачевского, командующего 5-й армией и бывшего командующего 1-й армией Восточного фронта, одного из организаторов побед РККА на Восточном фронте. Тухачевский подозревался ни много, ни мало в шпионаже, так как знал Валуеву и даже выполнил ее просьбу о переводе сына генерала Скрыдлова на другое место службы (из 81-го рабочего полка в окружное артиллерийское управление переписчиком).

Фигурировал в деле и начальник штаба 1-й армии Николай Иванович Корицкий [2, т. 4, л. 365] — сын генерала старой армии и фрейлины императорского двора, член РКП(б) и близкий соратник М. Н. Тухачевского. Он устроил на службу в штаб армии мужа Валуевой, ездил с последней в командировки, бывал у нее на квартире. Позднее, как отмечалось в деле, уехал в Пензу и скрылся. На самом же деле Корицкий не скрывался, а большую часть 1919 г. служил в 5-й армии, которой командовал Тухачевский [3; 4, с. 51–101].

Арестам подверглись и совершенно случайные люди, однако их, в основном, быстро освобождали. Так, 27 июля 1919 г. был арестован 23-летний Ян Кришнянович (Христианович) Эглит. Он являлся

членом большевистской партии с 1912 г. [5, с. 453], выпускником учительской семинарии и Владимирского военного училища, бывшим подпоручиком. В 1918 г. его командировали в старую Военную академию [6]. Комиссары академии и члены штаба отрядов особого назначения в этой связи сообщали: «Был зачислен в академию в Екатеринбурге как находившийся на излечении после ранения под Казанью» [2, т. 1, л. 10 об.], а секретарь бюро фракции коммунистов Академии Генштаба РККА отметил: «Слушатель академии Эглит также обучался в екатеринбургской академии» [2, т. 1, л. 10 об.]. В действительности же Эглит туда не попал из-за решения фракции 6-го Латышского стрелкового полка [2, т. 1, л. 10–10 об.]. Сам Эглит отмечал, что в Екатеринбурге никогда не был, т.к. его туда не отпустили по службе [2, т. 2, л. 127]. 26 ноября 1918 г. Эглита зачислили на параллельный курс новой Академии Генштаба РККА. Держал он себя замкнуто, но считался способным и был выдвинут на пост командира и ответственного организатора отрядов особого назначения Москвы при московском комитете РКП(б). Кроме того, пользовался авторитетом во фракции коммунистов академии [2, т. 2, л. 122об.]. Арестован он был из-за дружбы с арестованным слушателем Пиллитом. Когда стала очевидна вся несуровость ареста Эглита, он вместе с супругой Мартой Андреевной (в 1918 г. она оставалась в Казани при власти Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания) был освобожден по ходатайству бюро фракции РКП(б) академии.

Были арестованы и супруги-коммунисты Тылын Ян Альфред Матисович и Антонина Андреевна. Ян Альфред был латышом, окончил реальное училище, Алексеевское военное училище и учился в Академии Генштаба РККА. Командовал ротой, позднее 1-м Интернациональным коммунистическим полком, после чего был командирован в академию. Они содержались с 30 июля по 14 августа 1919 г. в Бутырской тюрьме и были освобождены также по ходатайству бюро фракции РКП(б) академии, т.к. мотивом ареста было неразглашение данных об аресте Пиллита. Тылын даже в период тюремного заключения демонстрировал политическую бдительность. В частности, уже освободившись, дал 15 августа 1919 г. показания о том, что в Бутырке левые эсеры установили между собой надежную связь и переговаривались между камерами и необходимо обратить внимание на усиление тюремного режима в их отношении [2, т. 2, л. 108–108 об.].

Аресту подвергся и бывший полковник Евгений Викторович Агокас — преподаватель Академии Генштаба РККА и 1-х артиллерийских курсов. Он был арестован в засаде на квартире Скрыдловых, куда пришел навестить сестру — супругу Скрыдлова и подарить ей кусочек мыла [2, т. 1, л. 12]. Так как это был незаменимый специалист, вскоре его освободили.

Четверо из шести арестованных слушателей были этническими латышами. В связи с арестами слушателей к начальнику оперативного отделения Особого отдела ВЧК 25 июля 1919 г. для разбирательства приехали комиссары академии В. Н. Залежский и Э. И. Козловский [2, т. 2, л. 122]. Был даже составлен акт, в котором шла речь, в основном, о Пиллите и Эглите.

В информационном бюллетене РВС Восточного фронта от 13-15 июля 1919 г. отмечалось, что «в деле замешаны ответственные сотрудники штаба»¹,

датский и персидский консулы, артисты и артистки частных театров и др[угие] лица. Одним из средств шпионажа было выманивание с помощью красивых женщин и пьянства сведений от ответственных работников Красной армии. Некоторые обвиняемые были хорошо знакомы с бывш[им] главкомом Вацетисом с 1914 г. Дело расследуется в самом спешном порядке» [2, т. 1, л. 16].

Дело получило номер 1897/23Р. Следствие вел военный следователь Особого отдела ВЧК Я. Я. Фогель — впоследствии советский генерал и Герой Советского Союза. Он считал, что организация могла иметь связь с Пензой, выходами откуда были некоторые фигуранты, там же формировался штаб 1-й армии, «благодаря чему разные контрреволюционные элементы, б[ывшие] помещики и офицеры с целью скрываться от преследования карающих органов Советской власти и укрывательства от призыва в тыловое ополчение поступили на службу штаба 1-й армии» [2, т. 1, л. 14 об. — 15].

Фогель 5 августа 1919 г. сообщил начальнику оперативного отделения Особого отдела ВЧК А. Х. Артузову о деле и просил донести о нем заместителю начальника Особого отдела И. П. Павлуновскому, так как «предполагаю, что должна быть связь с делом “Ставки”» [2, т. 1, л. 19 об.]. Связать оба дела в одно, судя по всему, надеялся и сам Павлуновский. Во всяком случае 26 июля он телеграфировал Бокию: «Арестованы и препровождаются Пиллит и Репкин. Тухачевский, по сведениям, был на Восточный фронт. Арестованы еще несколько лиц. По-видимому, дело [в] Москве разовьется. Вышлите курьером доклад по делу и копии протоколов» [2, т. 4, л. 440]. Так или иначе, но связать дела против старых и новых генштабистов не удалось. 30 августа 1919 г. Особый отдел при РВС Восточного фронта направил дело вместе с арестованными в Москву для дальнейшего расследования Особого отдела ВЧК [2, т. 1, л. 20].

Всего по делу привлекался 61 обвиняемый, из которых 20 были осуждены [2, т. 1–5; т. 1, л. 1, 211–272]. 26 сентября 1919 г. Президиум ВЧК постановил О. И. Валуеву, М. М. Валуеву, Н. И. Корицкого (по обнаружению), Г. М. Новикьяна, Н. В. Скрыдлова, М. А. Толстого (начальника инженеров 1-й армии, хранившего секретные документы на квартире Валуевой), А. И. Харченко расстрелять [2, т. 1, л. 26–26 об.]. Против ключевых фигурантов дела были выдвинуты обвинения в причастности к шпионажу, а также к контрреволюционной организации или в соучастии (в отношении Новикьяна — в соучастии и в хранении оружия). И. Т. Дравниэка, А. Ф. Пиллита и Л. И. Репкина постановили заключить в лагерь до конца Гражданской войны (они содержались в Москве в Ивановском лагере особого назначения), Н. Н. Тухачевского объявить в розыск. В лагерь до конца Гражданской войны предписывалось заключить и других фигурантов: И. А. Рудневу, Б. Н. Скрыдлова и Л. В. Скрыдлову. В. М. Пиллит и Г. Л. Россиньоль были приговорены к году лагеря. Е. В. Агокаса освободили. Приговор подписали И. К. Ксенофонтов, С. Г. Уралов, М. С. Кедров и И. П. Жуков [2, т. 1, л. 28]. Обращает на себя внимание сравнительная мягкость приговоров в отношении красных генштабистов [7–8; 9, с. 381–400, 490–506] — слушателей Академии Генштаба РККА, хотя они близко общались с Валуевой. Не понес дополнительного наказания И. Т. Дравниэк, которого считали причастным к краже армейского имуще-

ства. Очевидно, такой приговор был предопределен классовым подходом к делу, поскольку нарождавшуюся советскую военную элиту чекисты считали лояльной властям.

Часть приговоров в отношении второстепенных фигурантов дела была вынесена Особым отделом Восточного фронта. Решениями этого органа в июле-августе 1919 г. были освобождены (в отдельных случаях под подписку о невыезде) 25 человек и четверо, хотя и не причастных к организации, но, по версии следствия, сочувствовавших белым (М. С. Денисов и три женщины — О. Э. Рингс, Н. Ф. Тилли и П. П. Чичерова) 16 августа 1919 г. приговорены к содержанию в лагере до конца Гражданской войны.

Материалы дела составили семь томов. Правда, заключительный из них был посвящен совсем другому расследованию, именованному «Деникинская разведка малолетних». Речь шла о случайно арестованных во время стоянки поезда видного чекиста М. С. Кедрова в Орле молодых людях, которых заподозрили в шпионаже в пользу белых. Как уже отмечалось, не имел отношения к делу «Приволжской шпионской организации» и бывший красный командарм-перебежчик А. И. Харченко.

В целом, следствие по делу «Приволжской организации» велось поверхностно, доказательств виновности фигурантов собрано не было, следствие не пыталось установить контакты арестованных с белым подпольем, чтобы вскрыть таким путем тайные антибольшевистские организации, в материалах дела не прослеживается и попыток выявить возможности передачи сведений противнику. Обвинения по делу носили выраженный политический характер, причем порой обычные действия квалифицировались как контрреволюционные (так, сожжение М. М. Валуевым старых бумаг трактовалось как уничтожение улики, а встречи у Валуевой с выпивкой, развлечениями и разговорами на военные темы расценивались как контрреволюционные собрания). Некоторым арестованным не предъявлялось обвинений, а отдельными фигурантами следствие почти не интересовалось. Например, один из арестованных, бывший инженер для поручений при начальнике инженеров 1-й армии И. А. Руднев, уже в марте 1920 г. жаловался, что после перевода в Москву не был допрошен, но сидел долгое время в Бутырской тюрьме и Ивановском лагере [2, т. 5, л. 557], ранее же его допросы носили характер свидетельских показаний [2, т. 1, л. 125]. Никакой вины за собой не чувствовал сосед Валуевых М. С. Денисов — председатель правления объединенного общества потребителей Симбирска, приговоренный к заключению в лагерь до конца Гражданской войны. Неясна была вина семьи Скрыдловых. Все фигуранты дела дали показания о непричастности к белым организациям, никакого единства контрреволюционных действий не наблюдалось, и дело можно считать сфабрикованным следствием. В сентябре 2003 г. решением военного прокурора Приволжско-Уральского военного округа репрессированные по этому делу были реабилитированы [2, т. 1, л. 211, 220].

Расследование показало, что среди арестованных могли быть лица, враждебные большевикам, а действия Валуевой в условиях Гражданской войны выглядели объективно подозрительно. Возможно, в каких-то целях она пыталась внедриться в среду красных генштабистов. Последние, несомненно, устраивали неформальные встречи, могли вести

политические разговоры, участвовать в каких-то махинациях, но все же эта среда была лояльной большевикам (к тому же в ней было немало членов партии), а обвинение в существовании в академии контрреволюционной ячейки осталось недоказанным. С другой стороны, нет ответа на вопрос о причинах хранения несколькими фигурантами дела (Валуевы, Новикьян, Скрыдлов) немалых запасов оружия. Так или иначе, у чекистов не было ни квалификации, ни времени, чтобы вести полноценное расследование, поэтому наиболее подозрительных лиц проще было ликвидировать или изолировать, что и было сделано. К сожалению, ввиду недоступности агентурных материалов по делу ответить на ряд непроясненных вопросов не представляется возможным.

Под маховик репрессий тогда едва не попали братья Тухачевские, что могло иметь печальные последствия для Красной армии. Это обстоятельство демонстрирует незащищенность от репрессий в Советской России даже наиболее высокопоставленных военспецов, включая членов РКП(б). Кроме того, следствием предпринимались попытки получить в рамках этого дела дополнительный обвинительный материал в отношении уже арестованного к тому времени бывшего советского главкома И. И. Вацетиса и связать дело «Приволжской организации» с арестами штабных работников по делу Полевого штаба РВСР (делу Ставки). Осуществить это не удалось.

При этом в Гражданскую войну даже вполне лояльные партийные военные работники не были застрахованы от тесного общения с темными и подозрительными личностями. Именно в таком положении оказались красные генштабисты, проводившие время с О. И. Валуевой. Неудивительно, что результатом подобного общения стали их аресты.

Как сложились судьбы уцелевших фигурантов и тех, кто был связан с этим делом? Многие из них в дальнейшем блестяще себя проявили в Красной армии. А. К. Наумов дослужился в РККА до комкора, в 1930-е гг. был заместителем начальника управления ВВС РККА. В 1936 г. в возрасте 41 года он умер. А. К. Парм академично так и не окончил, арестовывался в 1920 г., а в мае 1921 г. был убит бандитами под Киевом. Судьбы Дравниэка и Репкина проследить не удалось. Н. Н. Тухачевский, который не пострадал в 1919-м, был расстрелян в 1937-м. Е. В. Агокас служил в РККА, был вновь арестован в 1930–1932 гг. и в 1938 г. Вышел на свободу, стал профессором и умер в Москве в 1960 г. Я. А. М. Тылтынь в 1920 г. попал в польский плен, на следующий год вернулся в Россию, доучился в академии, затем стал советским военным разведчиком, работал нелегальным резидентом во Франции и США, получил звание комбрига, участвовал в Гражданской войне в Испании, в 1937 г. был арестован и умер в лагере в 1942 г. [10, с. 95–97].

В. Д. Залесский дослужился в РККА до звания комбрига. Он вновь был арестован в 1923 г., а затем в 1938 г. и тогда же расстрелян [10, с. 254–256]. Я. Х. Эглит умер в 1958 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище.

Больше всех повезло Н. И. Корицкому, который в 1919 г., несмотря на расстрельный приговор, продолжил служить в РККА. Впоследствии он перешел на военно-педагогическую работу, получил звание генерал-майора. Избежав политических репрессий, в 1948 г. он вышел в отставку и умер в 1965 г. Его именем названа улица в Минске.

Примечания

¹ Штаба 1-й Армии.

Библиографический список

1. Кантор Ю. З. Война и мир Михаила Тухачевского. Москва: Издат. дом Огонек; Время, 2005. 576 с. ISBN 5-89947-007-0.
2. Центральный архив Федеральной службы безопасности России. Д. Р-49582. Т. 1, 2, 4, 5.
3. Федотова И. В. Трудности и достижения: становление Сибирского управления военных учебных заведений РККА (1919–1920 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 73–82. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-73-82.
4. Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников / Сост.: Н. И. Корицкий, С. М. Мельник-Тухачевская, Б. Н. Чистов. Москва: Воениздат, 1965. 248 с.
5. Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя / Сост. В. А. Гочаров, А. И. Кокурин. Москва: Индрик, 2009. 492 с. ISBN 978-5-91674-014-1.
6. Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. Москва: Книжница, 2014. 768 с. ISBN 978-5-903081-24-0.
7. Снесарев А. Е. «Мне было ясно с первых же шагов, что эти "буревестники" создадут... довольно сложную обстановку» / публ. И. С. Даниленко // Военно-исторический журнал. 2002. № 11. С. 59–65.

8. Военная академия за пять лет / Под ред. М. Л. Белоцкого, И. Г. Клочко, Е. А. Шиловского. Москва: Тип. воен. акад. РККА, 1923. 412 с.

9. Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. 2-е изд., испр. Москва: Кучково Поле, 2017. 678 с. ISBN 978-5-9950-0757-9.

10. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. Москва: Кучково Поле; Мегapolis, 2014. 528 с. ISBN 978-5-9950-0388-5.

ГАНИН Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН, г. Москва.

SPIN-код: 1144-9875

AuthorID (РИНЦ): 523679

ORCID: 0000-0002-8602-1990

AuthorID (SCOPUS): 55658925000

ResearcherID: A-5606-2009

Адрес для переписки: andrey_ganin@mail.ru

Для цитирования

Ганин А. В. Дело «Приволжской шпионской организации». 1919 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 5–12. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-5-12.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023 г.

© А. В. Ганин



THE CASE OF THE «VOLGA ESPIONAGE ORGANIZATION». 1919

Based on unpublished sources from the Central Archive of the FSS of Russia, the article examines in detail the case of the counter-revolutionary «Volga Spy Organization» in the Red Army, investigated by the Cheka in 1919. This plot found a fragmentary reflection in historiography. The purpose of this work is to eliminate this gap. The theoretical basis of the study is a combination of the anthropological approach, problematic and biographical methods. As part of this case, along with other persons, several students of the Academy of the General Staff of the Red Army were arrested, who were suspected of a counter-revolutionary conspiracy. The course of the operational development of the case, the conduct of the investigation, the composition of the defendants (among them were the brothers Mikhail and Nikolai Tukhachevsky, who escaped arrest), were analyzed, the features of the sentences passed were discussed.

Keywords: Red Army, General Staff Academy, Cheka, Soviet secret services, repression, Civil War, Eastern Front, M. N. Tukhachevsky, N. I. Koritsky, «Volga Espionage Organization».

References

1. Kantor Yu. Z. Voyna i mir Mikhaila Tukhachevskogo [War and peace of Mikhail Tukhachevsky]. Moscow, 2005. 576 p. ISBN 5-89947-007-0. (In Russ.).
2. Tsentral'nyy arkhiv Federal'noy sluzhby bezopasnosti Rossii [Central archive of the FSB of Russia]. File: R-49582/1, 2, 4, 5. (In Russ.).
3. Fedotova I. V. Trudnosti i dostizheniya: stanovleniye Sibirskogo upravleniya voyennykh uchebnykh zavedeniy RKKA (1919–1920 gg.) [Difficulties and Achievements: formation of Siberian Directorate of Military Educational Institutions of the Red Army (1919–1920)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 1. P. 73–82. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-1-73-82. (In Russ.).
4. Marshal Tukhachevskiy. Vospominaniya družey i soratnikov [Marshal Tukhachevsky. Memoirs of friends and associates] / Comp. N. I. Koritskiy, S. M. Mel'nik-Tukhachevskaya, B. N. Chistov. Moscow, 1965. 248 p. (In Russ.).
5. Gvardeytsy Oktyabrya. Rol' korennykh narodov stran Baltii v ustanovlenii i ukreplenii bol'shevistskogo stroya [The Guards of October. The role of the indigenous peoples of the Baltic States in establishing and strengthening the Bolshevik system] / Comp. V. A. Gocharov, A. I. Kokurin. Moscow, 2009. 492 p. ISBN 978-5-91674-014-1. (In Russ.).
6. Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom [Sunset of the Nicholas Military Academy 1914–1922]. 2nd ed. Moscow, 2014. 768 p. ISBN 978-5-903081-24-0. (In Russ.).
7. Snesev A. E. «Mne bylo yasno s pervykh zhe shagov, chto eti "burevestniki" sozdatut... dovol'no slozhnyuyu obstanovku» [«It was clear to me from the very first steps that these "petrels" would create ... a rather difficult situation»] / Publ. I. S. Danilenko // Voennno-istoricheskij zhurnal. *Voennno-istoricheskij Zhurnal*. 2002. No. 11. P. 59–65. (In Russ.).

8. Voyennaya akademiya za pyat' let [Military Academy for five years] / Eds.: M. L. Belocky, I. G. Klochko, E. A. Shilovskiy. Moscow, 1923. 412 p. (In Russ.).

9. Ganin A. V. Povsednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom [The daily life of the General Staff under Lenin and Trotsky]. 2nd ed. Moscow, 2017. 678 p. ISBN 978-5-9950-0757-9. (In Russ.).

10. Cherushev N. S., Cherushev Yu. N. Rasstrelyannaya elita RKKA. 1937–1941: Kombrig i im ravnyye [The executed elite of the Red Army. 1937–1941: Brigade commanders and their equals]. Moscow, 2014. 528 p. ISBN 978-5-9950-0388-5. (In Russ.).

GANIN Andrey Vladislavovich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of History of Slavic Peoples during the World Wars Department, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

SPIN-code: 1144-9875

AuthorID (RSCI): 523679

ORCID: 0000-0002-8602-1990

AuthorID (SCOPUS): 55658925000

ResearcherID: A-5606-2009

Correspondence address: andrey_ganin@mail.ru

For citations

Ganin A. V. The case of the «Volga Espionage Organization». 1919 // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 5–12. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-5-12.

Received June 15, 2023.

© A. V. Ganin

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНЫХ БИБЛИОТЕК В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Статья посвящена содержанию государственной регламентации открытия и деятельности публичных библиотек в России в первой половине XIX в. В работе показано, что правительство предоставило общественности ограниченную свободу действий в сфере библиотечного обслуживания образованного и материально обеспеченного населения губернских и уездных городов. Сложился разрешительный порядок открытия публичных библиотек, которые получили легальный статус и возможность самостоятельно и под свою ответственность комплектовать книгохранилища. Одновременно над функционированием публичных библиотек, открытых по инициативе общественности, был установлен строгий административно-полицейский надзор.

Ключевые слова: публичные библиотеки, общественная инициатива, самоорганизация, государственная регламентация, охранительная политика, цензура.

Введение. В первой половине XIX в. в России получили распространение публичные библиотеки, по характеру и целям деятельности отражавшие просветительный потенциал отечественной общественности и являвшиеся ячейками формировавшейся гражданской культуры. Чтение являлось доступным и эффективным средством образования и просвещения населения империи, поэтому публичные библиотеки стали важной частью социокультурной среды губернских, а затем и уездных городов. Они способствовали развитию культурной жизни горожан, выполняли досуговые, информационные, образовательные функции, расширяли интеллектуальный багаж образованных слоёв населения.

Государственная власть не предпринимала почти никаких практических усилий, направленных на развитие библиотечного дела в стране [1, с. 95]. Однако, осознавая позитивное значение массового книжного чтения, предоставляла общественным силам ограниченную свободу действий в данной сфере. Публичные библиотеки, получив легальный статус, вошли в правовое поле империи, были регламентированы бюрократические процедуры, связанные с открытием библиотек и государственным контролем над их функционированием.

Цель статьи — определить цели и раскрыть содержание государственной регламентации создания и деятельности публичных библиотек в России в первой половине XIX в.

Имеющиеся в отечественной научной литературе публикации ограничены тематическими, региональными или хронологическими рамками. Наряду с работами, посвященными практике цензурного контроля [2–4], опубликованы исследования, в которых характеризовались отдельные правовые акты, регламентирующие деятельность публич-

ных библиотек в России в XIX в. [5, 6]. До сих пор исследовательская проблематика остаётся весьма фрагментированной, что не позволяет воссоздать целостное представление о политике государства в отношении библиотечной деятельности общественности в рассматриваемый период.

Типы библиотек и особенности их развития в России в XIX в. Общественные библиотеки, возникшие в результате просветительной инициативы «снизу», типологически можно разделить на три группы, взяв в качестве исходного критерия их видовое назначение и контингент пользователей.

К первой группе следует отнести публичные библиотеки, участие в создании которых, наряду с губернским и уездным чиновничеством, принимали представители образованного городского общества — преподаватели, учителя, врачи, инженеры, лица свободных профессий. В большинстве случаев публичные библиотеки обладали универсальными книжными фондами, выписывали и хранили разнообразные периодические издания — газеты и журналы. Контингент посетителей таких библиотек состоял преимущественно из образованных и материально обеспеченных горожан. Это объяснялось наличием абонентской платы, необходимостью внесения залогов за выдаваемые на дом книги и небольшим количеством в фондах публичных библиотек так называемой «народной литературы» [7, с. 83–90].

Основным источником финансирования общественных публичных библиотек, наряду с пожертвованиями филантропов, являлась плата за пользования книгами. Стремясь сделать книгу доступной читателю любого материального достатка, учредители библиотек обычно дифференцировали плату по разрядам. Читатели первого разряда (преимущественно это были дворяне и чиновники), приобрета-

самые дорогие абонементы, получали такие привилегии, как чтение поступивших в фонды книжных новинок или периодической печати, а также право брать на дом несколько книг за раз. Абонементы второго разряда приобретали мещане и учащаяся молодежь. Читательские запросы малоимущего городского населения (ремесленников и рабочих) был призван удовлетворить третий читательский разряд, дававший возможность бесплатного чтения книг в читальных залах. В некоторых случаях читателям третьего разряда разрешалось брать книги на дом, но для этого необходимо было вносить специальные залоги или находить себе поручителей из числа «благонадежных» горожан.

Вторую группу составляли корпоративные библиотеки, основанные общественными организациями и предназначенные почти исключительно для их членов. Как правило, эти учреждения обладали не только универсальными, но и специализированными библиотечными фондами, аккумулируя литературу из той или иной сферы науки, культуры или профессиональной деятельности. В XIX в. корпоративные библиотеки стали неотъемлемой частью организационной структуры просветительных общественных организаций, объединявших людей с общими интересами и увлечениями (общества сельского хозяйства, пчеловодства, охоты, рыболовства, игры в шахматы), обеспечивавших своим членам возможность совместной деятельности в определенной сфере науки и профессиональной деятельности (медицинские, педагогические, географические, краеведческие, инженерные общества), а также культуры (общества литературно-музыкальные, певческие, театральные, изобразительного искусства).

К третьей группе относятся многочисленные бесплатные народные библиотеки-читальни, предназначенные для демократических слоев населения, в отношении которых такие учреждения должны были выполнять не только образовательные, но также воспитательные задачи. В рассматриваемый период их учредителями выступали как правило культурно-просветительные общества.

Учитывая особенность читательской аудитории народных библиотек, Министерство народного просвещения предложило установить особый надзор за книгами, предназначенными для «простонародного чтения». «Народ наш читает не для одного только развлечения, но и для поучения», — говорилось в 1860-х гг. в докладе министра Д. А. Толстого императору Александру II, — «прямой долг правительства позаботиться ... чтобы не проникали в массу народа понятия ему чуждые и могущие отозваться в будущем вредными последствиями» [8, с. 42]. Поэтому функционирование народных библиотек в России детально регламентировалось специальными законами и подзаконными актами, призванными не допустить «неправильную и несогласную с видами правительства» постановку библиотечного дела и тем самым «оградить особый класс читателей» от книг, «могущих возбудить брожение умов».

С точки зрения государственной регламентации порядка открытия, функционирования и контроля, публичные и корпоративные библиотеки, по сравнению с народными библиотеками, оказались в гораздо более благоприятном положении.

Губернские публичные библиотеки 1830-х гг.: несостоявшееся партнёрство власти и общественности. В 1830-х гг. правительство поддержало общественную инициативу по созданию в губерн-

ских городах России публичных библиотек, создав для их работы относительно комфортную правовую среду. В апреле 1830 г. председатель первой в России общественной организации — Вольного экономического общества — граф П. С. Мордвинов обратился к министру внутренних дел А. А. Закревскому с посланием о необходимости открытия в губернских городах публичных библиотек, «в которых бы все жители могли пользоваться чтением книг, выходящих на русском языке и в коих могли бы составлять общие подписки на получение российских литературных и ученых газет и журналов» [9, с. 523]. «Учреждение библиотек, — полагал П. С. Мордвинов, — «разовьёт дух общественности, откроет большой сбыт для хороших сочинений по части наук и промышленности и будет эпохой народных улучшений» [10, с. 70]. Реакция властей на это предложение последовала быстро. Летом 1830 г. министр внутренних дел подписал циркуляр «Об учреждении в губернских городах публичных библиотек для чтения», предписавший начальникам губерний «пригласить к совещанию губернских и уездных руководителей дворянства, директоров гимназий и вообще ревнителей просвещения как из среды дворянства, так и купечества, чтобы совокупно с ними приискать средства для учреждения библиотек». Всего планировалось открыть 52 библиотеки. В 1832 г. новый министр внутренних дел Д. Н. Блудов поддержал инициативу своего предшественника, направив губернаторам соответствующее распоряжение [11, с. 4, 6].

В губернских центрах министерство предполагало создать своего рода государственно-частные библиотечные партнёрства, где местная власть со своей стороны гарантирует публичным библиотекам легальный статус, оказывает им организационную помощь, а представители общественности со своей — принимают на себя финансирование и осуществляют текущую библиотечную работу. Однако на практике полноценные партнёрства не сложились. Как правило, губернаторы в приказном порядке привлекали к открытию и содержанию библиотек местных чиновников, тогда как «ревнители просвещения» очень осторожно и без особого энтузиазма откликнулись на эту попытку внедрения общественного почина бюрократическими методами. В некоторых случаях губернаторы прямо сообщали в Санкт-Петербург, что учредить библиотеку во вверенной им губернии не представляется возможным. В частности, министерское предписание отклонила тобольский губернатор, мотивируя отказ малочисленностью купечества, «для коего не настало еще время учредить библиотеку», и «неимением в городе дворянства» [11, с. 5]. Проживавшей в Тобольске интеллигенции губернатор не доверял и дел с ней иметь не захотел.

В полной мере реализовать министерский проект не удалось. В 1830-х гг. было открыто только 29 публичных библиотек [12, с. 115]. Заведывание ими возлагалось на особые комитеты, состоявшие из губернаторов (в качестве председателей) и попечителей из числа городской общественности. Комитеты решали организационные и финансовые проблемы функционирования библиотек, а также следили за соблюдением установленных правил комплектования книжных фондов.

Министерство внутренних дел, распорядившись об открытии публичных библиотек, не предоставило последним какую-либо субсидию. Единственным источником финансирования таких библиотек

признались добровольные пожертвования [1, с. 47]. Как правило, губернские публичные библиотеки испытывали трудности в поисках филантропов — жертвователей на нужды книгохранилищ, а также энтузиастов, готовых «жить не личными, а общественными интересами». Обязанности библиотечкарей нередко выполняли губернские чиновники в свободное от несения службы время, а сами библиотеки помещались в домах дворянских собраний, приказах общественного призрения или зданиях городских обществ [10, с. 70–71]. Лишь некоторые библиотеки получали регулярное финансирование от местных властей. В частности, одесской публичной библиотеке городское самоуправление назначило ежегодное пособие в 1 000 р. Публичной библиотеке в Тифлисе по распоряжению начальника Кавказского наместничества ежегодно предоставлялась государственная субсидия в 1 500 рублей [13, с. 247].

В 1840-х гг. в отчетах губернских библиотечных комитетов всё чаще сообщалось о хронической нехватке денежных средств, обременённости долгами, «ничтожных поступлениях» от платы за чтение, а также «оскудении пожертвований», так, что некоторые книгохранилища «еле могли сводить концы с концами» [10, с. 71–72]. Всё это не могло не отразиться на судьбе открытых по министерской инициативе библиотек, к 1850-м гг. их число сократилось до семи [12, с. 115]. В пореформенный период большинство из оставшихся библиотек, а также целый ряд возобновивших работу прежних публичных библиотек были преобразованы в городские публичные библиотеки, перейдя под опеку местного самоуправления и общественных просветительных организаций. Следует отметить, что, несмотря на скромные результаты министерского проекта по созданию губернских публичных библиотек, общие принципы государственной регламентации их деятельности были распространены на все другие публичные библиотеки в России.

В 1850-х гг. потребности развития в российских городах культурной среды вызвали к жизни многочисленные просветительные инициативы «снизу». Организаторами новых публичных библиотек не только в губернских, но и в уездных городах выступили местные просветительные общества, кружки местного чиновничества или разночинцев. К 1857 г. общее количество публичных библиотек в России достигло 49 [13, с. 247].

В 1850–1860-х гг. неизмеримо возросло количество общественных просветительных организаций, повысилась их активность, увеличилось разнообразие методов работы [14, с. 180]. Учитывая, что большая часть проектов уставов просветительных формирований предусматривала открытие библиотеки (публичной или народной), можно сделать вывод о том, что в России начался библиотечный бум. Инициативы «снизу» правительство Александра II восприняло в качестве продолжения и поддержки собственных реформаторских усилий, поэтому проявило известную заинтересованность в привлечении общественности к развитию культурной жизни городских центров и даже сельской местности.

Разрешительный порядок открытия публичных библиотек в России. В первой половине XIX в. в России сложился разрешительный порядок открытия публичных библиотек. Инициативная группа горожан должна была образовать комитет попечителей и обратиться к министру внутренних дел за разрешением на открытие библиотеки. Правом

учредить библиотеку также обладали культурно-просветительные организации, но только в том случае, если это предполагалось их уставными документами, утверждёнными императором. Каждый утверждённый монархом устав представлял собой форму «привилегии и пожалования» [15, с. 16].

Политика властей в отношении самоорганизации общественности, по словам отечественного историка А. С. Тумановой, исходила из того, что «счастья можно достичь только благодаря тотальной регламентации всего и вся и что только государь мог знать, что является для отдельного индивида и для государства в целом позитивным, а что негативным» [16, с. 33]. В рассматриваемый период просветительные инициативы интеллигенции носили в целом элитарный характер и распространялись преимущественно на образованные и материально обеспеченные слои населения. Поэтому правительство не создавало этим инициативам препятствий, в известной степени даже стимулировало их. Одновременно контролировало общественное просветительство, не допуская его уклонения в сторону «брожения умов» и «противозаконных манифестаций». В 1840 г. Министерство народного просвещения отвергло проект члена Вольного экономического общества С. М. Усова об основании публичных библиотек в уездных городах, сославшись на то, что там нет еще жителей, которые могут оценить их «пользу и важность» [1, с. 47].

Правительство, опасавшееся, что публичные библиотеки могут быть использованы для «разглашения вредных толков» или «совершения каких-либо злых умыслов» против самодержавия, взяло их под строгий надзор. Библиотечные комитеты должны были ежегодно предоставлять в министерство отчеты о деятельности подопечных учреждений [10, с. 41]. Одновременно по требованию императора Николая I на губернские власти возлагалась обязанность ежегодно проверять каталоги на предмет содержания в них книг, не одобренных цензурными органами [1, с. 47].

Основным источником цензурного законодательства в первой половине XIX в. являлся Устав о цензуре 1828 г. [17]. Министерство внутренних дел, в чьем ведении находились публичные библиотеки, учитывая социальную принадлежность их абонентов, не считало нужным посредством подзаконных актов влиять на содержание библиотечных каталогов, и указывать предпочтительную для комплектования фондов литературу (как это будет сделано с народными библиотеками). Формально власти требовали лишь соответствия содержания каталогов положениям цензурного устава.

Задачи усиления цензурного контроля за содержанием книжных фондов, на чём настаивал император Николай I, потребовали передачи библиотек в ведение министерства, в чьем подчинении находились цензурные комитеты — народного просвещения. В 1834 г., согласно высочайшему повелению, все публичные библиотеки оказались «под наблюдением» Министерства народного просвещения, на которое была возложена обязанность «просматривать каталоги поступающих в библиотеки книг», для «сохранности благой в сём деле цели и отклонения вреда, могущего произойти от фальшивого направления» [18, стб. 574–575].

Государственная регламентация деятельности библиотек, которую теперь осуществляло учебное ведомство, не претерпела существенных изменений. За одним исключением. В центре внимания вла-

стей оказалась учащаяся молодежь, составлявшая одну из основных категорий абонентов публичных библиотек в губернских и уездных городах. Министерские чиновники полагали, что молодых людей «особенно легко совратить с истинного пути», поэтому в переписке с губернским начальством просили его особенно тщательно контролировать комплектование книгохранилищ, чтобы уберечь молодежь от «зловредной посредством печати пропаганды». В частности, в письме министра народного просвещения С. С. Уварова томскому губернатору (июль 1834 г.) содержалась просьба «обращать особенное внимание на выбор дозволенных для чтения молодым людям книг, равно как и на то, чтоб они, не увлекаясь заманчивостью чтения, изощряющего иногда одно бесплодие, если не вредное по последствиям любопытство, не пренебрегали настоящими своими занятиями» [11, с. 8].

Выводы. Публичные библиотеки, получившие распространение в России в первой половине XIX в., стали результатом общественной инициативы в сфере просвещения. Книгохранилища выполняли функции информационного обеспечения социальных и личных потребностей, заполнения досуга. Поскольку абонентами публичных библиотек являлось преимущественно образованное и материально обеспеченное население губернских и уездных городов, центральные и местные власти создали для их работы относительно комфортные правовые условия и организационную среду. Библиотеки, получив легальный статус, были введены в правовое поле империи, их попечителям из числа социально активной общественности (главным образом интеллигенции) предоставлена возможность самостоятельно и под свою ответственность комплектовать книгохранилища, определять правила библиотечного обслуживания читателей.

Одновременно власть создала механизмы, препятствующие уклонению этих учреждений общественной самостоятельности «в сторону, не соответствующую видам правительства». В целях недопущения в книгохранилища отвергнутых цензурой изданий, был установлен тщательный надзор над книжными каталогами.

Таким образом, в первой половине XIX в. библиотечное дело в стране получило импульс к развитию. Несмотря на охранительную политику самодержавия, число общественных, в том числе публичных библиотек, к середине века заметно выросло, совершенствовались формы и методы работы с читателями.

Библиографический список

1. Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. Москва: Книга, 1980. 352 с.
2. Биюшкина Н. И. Дискриминационно-охранительные отношения в Российском государстве в период правления Александра III (с марта 1881 г. по 1894 г.). Москва: NOTA BENE, 2011. 305 с.
3. Строева А. А. Практика цензурного контроля над библиотечными фондами во второй половине XIX — начале XX вв. (по материалам губерний Черноземного центра) // Библиосфера. 2013. № 1. С. 31—38. EDN: PVSXVX.
4. Рейфман П. С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1. Вып. 3: 1855—1917 гг. Москва: Пробел-2000, 2017. 305 с.
5. Фомина А. А. Становление государственной политики в области библиотечного дела // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 84—87. EDN: TBFMOD.
6. Землянский И. А. Государственная политика в библиотечном деле во второй половине XIX — начале XX вв. // Национальная ассоциация учёных. 2015. № 5-6 (10). С. 17—20. EDN: YITMIN.
7. Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике: факты, цифры, наблюдения. Санкт-Петербург, 1895. 246 с.
8. Георгиевский А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург: Сенатская тип., 1902. 202 с.
9. Очерки русской культуры XIX века. В 6 т. Т. 3. Культурный потенциал общества / Под ред. Л. В. Кошман. Москва: Изд-во Московского ун-та, 2001. 640 с.
10. Хавкина Л. Б. Библиотеки, их организация и техника. Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1904. 376 с.
11. Первая публичная библиотека Западной Сибири. Хроника Томской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина / Автор-сост. О. Г. Никиенко; ред.: С. С. Быкова, Л. В. Черединова. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 2020. 227 с.
12. Матвеев М. Ю. Публичные и народные библиотеки в Российской империи в 1850—1860-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры. 2012. № 4 (13). С. 114—121. EDN: PFGQWZ.
13. Ф. Ч. Внешкольное образование народа: народные библиотеки и музеи, народные чтения, деятельность обществ по народному образованию в России и других странах // Северный вестник. 1894. № 8. С. 239—259.
14. Туманова А. С. Формирование социокультурных и правовых основ для общественной самоорганизации в имперской России // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. / Отв. ред. А. С. Туманова. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 166—216.
15. Ануфриев Н. П. Правительственная регламентация образования частных обществ в России // Вопросы административного права. Москва: Тип. А. И. Мамонтова, 1916. Кн. 1. С. 15—44.
16. Туманова А. С. Рецепция Европейского права в формировании законодательных основ функционирования общественных организаций в Российской империи // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 32—36. EDN: NWFAOP.
17. Высочайше утверждённый Устав о цензуре (22 апреля 1828 г.) // Полное Собрание Законов Российской Империи: собр. 2-е. Т. III. 1828. Санкт-Петербург: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 459—489. [Док. 1979].
18. О передаче губернских библиотек под наблюдение Министерства народного просвещения (29 мая 1834 г.) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2: Царствование Императора Николая I. 1825—1855. Отд. первое 1825—1839. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Академ. наук, 1864. Стб. 573—575.

ПОПОВ Дмитрий Иванович, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.

SPIN-код: 5520-3751

AuthorID (РИНЦ): 192070

Адрес для переписки: 55popov@mail.ru

Для цитирования

Попов Д. И. Государственная регламентация деятельности публичных библиотек в России в первой половине XIX в. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 13—18. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-13-18.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023 г.

© Д. И. Попов

STATE REGULATION OF PUBLIC LIBRARIES IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The article reveals the content of state regulation of the activities of public libraries in Russia in the first half of the 19th century. It is shown that the government showed interest in involving the public in the development of the cultural life of urban centers, and therefore created relatively comfortable legal conditions and an organizational environment for the work of public libraries.

In the 1830, the authorities tried, using bureaucratic methods, to introduce a public initiative to create public libraries in provincial cities. In response to the proposal of the head of the Free Economic Society P. S. Mordvinova, the Minister of Internal Affairs attracted the heads of regions — governors — to create a kind of library partnership. Local authorities, for their part, had to guarantee legal status to provincial libraries, provide them with organizational assistance, and representatives of the public, for their part, had to accept funding and carry out ongoing library work.

The government established a licensing procedure for opening public libraries, which received legal status and the ability to independently stock book depositories. In an effort to prevent public libraries from becoming centers of anti-government propaganda, the authorities exercised administrative and police supervision over them.

The results of the implementation of the ministerial project turned out to be modest: instead of the planned fifty-two, only twenty-nine public libraries were opened, most of which ceased to exist within 10–15 years. However, the general principles of state regulation of the activities of provincial libraries were extended to all other public libraries in Russia. In the middle of the 19th century, a library boom began in the country, which was caused by numerous public initiatives from below.

Keywords: public libraries, public initiative, self-organization, state regulation, protective policy, censorship.

References

1. Abramov K. I. *Istoriya bibliotchnogo dela v SSSR* [History of librarianship in the USSR]. Moscow, 1980. 352 p. (In Russ.).
2. Biyushkina N. I. *Diskriminatsionno-okhranitel'nyye otnosheniya v Rossiyskom gosudarstve v period pravleniya Aleksandra III (s Marta 1881 g. po 1894 g.)* [Discriminatory-protective relations in the Russian state during the reign of Alexander III (from March 1881 to 1894)]. Moscow, 2011. 305 p. (In Russ.).
3. Stroyeva A. A. *Praktika tsenzurnogo kontrolya nad bibliotchnymi fondami vo vtoroy polovine XIX—achale XX vv. (po materialam guberniy chernozemnogo tsentra)* [Censorship control over library funds in the second half of the XIX—early XX century (based on the materials of Chernozem provinces in central Russia)] // *Bibliosfera. Bibliosphere*. 2013. No. 1. P. 31–38. EDN: PVSXV. (In Russ.).
4. Reyfman P. S. *Tsenzura v dorevolutsionnoy, Sovetskoy i postsovetskoy Rossii. V 2 t.* [Censorship in pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet Russia. In Vol. 2]. Moscow, 2017. Vol. 1, Issue 3. 305 p. (In Russ.).
5. Fomina A. A. *Stanovleniye gosudarstvennoy politiki v oblasti bibliotchnogo dela* [The formation of state policy in the field of library science] // *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya. The World of Science, Culture, Education*. 2014. No. 5 (48). P. 84–87. EDN: TBFMOD. (In Russ.).
6. Zemlyanskiy I. A. *Gosudarstvennaya politika v bibliotchnom dele vo vtoroy polovine XIX—nachale XX vv.* [Public policy at librarianship during the second half of 19 and the beginning of 20 centuries] // *Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh. National Association of Scientists*. 2015. No. 5-6 (10). P. 17–20. EDN: YITMIN. (In Russ.).
7. Rubakin N. A. *Etyudy o russkoy chitayushchey publike: fakty, tsifry, nablyudeniya* [Sketches about the Russian reading public: facts, figures, observations]. Saint Petersburg, 1895. 246 p. (In Russ.).
8. Georgiyevskiy A. I. *K istorii Uchenogo komiteta Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [On the History of the Scientific Committee of the Ministry of Public Education]. Saint Petersburg, 1902. 202 p. (In Russ.).
9. *Ocherki Russkoy kul'tury XIX veka. V 6 t. T. 3. Kul'turnyy potentsial obshchestva* [Essays on Russian culture of the XIX century. In Vols. 6. Vol. 3. Cultural potential of the society] / Ed. by L. V. Koshman. Moscow, 2001. 640 p. (In Russ.).
10. Khavkina L. B. *Biblioteki, ikh organizatsiya i tekhnika* [Libraries, their organization and technology]. Saint Petersburg, 1904. 376 p. (In Russ.).
11. *Pervaya publichnaya biblioteka Zapadnoy Sibiri. Khronika Tomskoy oblastnoy universal'noy nauchnoy biblioteki im. A. S. Pushkina* [The first public Library of Western Siberia. Chronicle of the Tomsk Regional Universal Scientific Library named after A. S. Pushkin] / Comp. O. G. Nikiyenko; ed. by S. S. Bykova, L. V. Cherednikova. 2nd ed. Tomsk, 2020. 227 p. (In Russ.).

12. Matveyev M. Yu. Publichnyye i narodnyye biblioteki v Rossiyskoy imperii v 1850–1860-kh gg. [Public and people's libraries in the Russian empire in 1850–1860's] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta Kul'tury. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2012. No. 4 (13). P. 114–121. EDN: PFGQWZ. (In Russ.).

13. F.Ch. Vneshkol'noye obrazovaniye naroda: narodnyye biblioteki i muzei, narodnyye chteniya, deyatel'nost' obshchestv po narodnomu obrazovaniyu v Rossii i drugikh stranakh [Extracurricular education of the people: public libraries and museums, public readings, activities of public education societies in Russia and other countries] // Severnyy vestnik. *Northern Herald*. 1894. No. 8. P. 239–259. (In Russ.).

14. Tumanova A. S. Formirovaniye sotsiokul'turnykh i pravovykh osnov dlya obshchestvennoy samoorganizatsii v imperskoy Rossii [Formation of sociocultural and legal foundations for public self-organization in imperial Russia] // Samoorganizatsiya rossiyskoy obshchestvennosti v posledney treti XVIII–nachale XX v. *Self-organization of the Russian Public in the last third of the 18th–early 20th Centuries* / Ed. by A. S. Tumanova. Moscow, 2011. P. 166–216. (In Russ.).

15. Anufriyev N. P. Pravitel'stvennaya reglamentatsiya obrazovaniya chastnykh obshchestv v Rossii [Government regulation of the formation of public organizations in Russia] // Voprosy Administrativnogo Prava. *Administrative Law Issues*. Moscow, 1916. Vol. 1. P. 15–44. (In Russ.).

16. Tumanova A. S. Retseptsiya Evropeyskogo prava v formirovanii zakonodatel'nykh osnov funktsionirovaniya obshchestvennykh organizatsiy v Rossiyskoy Imperii [Reception of European law in the formation of the legislative framework for the functioning of public organizations in the Russian Empire] // Grazhdanskoye Obshchestvo v Rossii i za Rubezhom. *Civil Society in Russia and Abroad*. 2011. No. 1. P. 32–36. EDN: NWFAOP. (In Russ.).

17. Vysochayshe utverzhennyy Ustav o tsenzure (22 Aprelya 1828 g.) [The Most highly approved Statute of Censorship (April 22, 1828)] // Polnoye Sobraniye Zakonov Rossiyskoy Imperii. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection 2nd. Vol. III. 1828. Saint Petersburg, 1830. P. 459–489. [Doc. 1979]. (In Russ.).

18. O peredache gubernskikh bibliotek pod nablyudeniye Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya (29 Maya 1834 g.) [On the transfer of provincial libraries under the supervision of the Ministry of Public Education (May 29, 1834)] // Sbornik Postanovleniy po Ministerstvu Narodnogo Prosveshcheniya. T. 2: Tsarstvovaniye Imperatora Nikolaya I. *Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. Vol. 2: The Reign of Emperor Nicholas I*. 1825–1855. Part One 1825–1839. Saint Petersburg, 1864. Column 573–575. (In Russ.).

POPOV Dmitry Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of History and Theory of International Relations Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk.

SPIN-code: 5520-3751

AuthorID (RSCI): 192070

Correspondence address: 55popov@mail.ru

For citations

Popov D. I. State regulation of public libraries in Russia in the first half of the XIX century // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 13–18. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-13-18.

Received September 21, 2023.

© D. I. Popov

¹ Омский государственный
технический университет,
г. Омск

² Омский автобронетанковый
инженерный институт,
г. Омск

ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ 75-й ГВАРДЕЙСКОЙ БРИГАДЫ: ИСТОРИЯ, ОПЫТ И ЗНАЧЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

В статье проанализирована история создания и развития с момента основания в 1973 году до настоящего времени школьного музея боевой славы 75-й Гвардейской бригады, находящегося в средней общеобразовательной школе города Омска № 41. Исследование выполнено на основе материалов музея и документов ветеранской организации воинского соединения, хранящихся в Историческом архиве Омской области. Дана оценка опыту и общественному значению проводимой в музее патриотической работы. Особое внимание уделено сравнительно-историческому исследованию форм работы по патриотическому воспитанию молодежи в советский и современный российский периоды отечественной истории. В заключение даются рекомендации по совершенствованию работы музея.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Омск, 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков, 65-я Гвардейская Сталинская Рижская стрелковая дивизия, музей боевой славы, комната боевой славы, патриотизм, историческая память, коммеморация.

Введение. Процесс создания школьных музеев боевой славы активно развивался в СССР в 1960–1970-х гг. Он был связан с политикой государства по увековечению подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Накопленный в этих музеях опыт патриотического воспитания молодежи в настоящее время в основном активно исследуется и пропагандируется в рамках педагогического знания [1–3]. В последние годы исследование деятельности музеев боевой славы (не только школ, но и других учреждений) в нашей стране вышло за пределы педагогической науки и стало изучаться междисциплинарно, на стыке педагогики, культурологии и истории [4–6].

Для Сибири, традиционно в истории нашей Родины «славившейся своими полками», исследование различных аспектов существования музеев боевой славы особенно актуально. В 1960–1970-х гг. во многих школах Омска, в соответствии с общим вектором развития музейного дела в СССР, были созданы музей боевой славы в честь воинских формирований, ушедших на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Большую роль в этой работе сыграли ветераны Великой Отечественной войны. В результате распада СССР, «смутных 90-х» и ухода большинства ветеранов из жизни к концу 2000-х гг. большинство этих музеев переживает сложные времена поиска форм работы в новых условиях. Позитивным примером адаптации к современности является школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской

бригады средней общеобразовательной школы № 41 города Омска. Здесь сохраняется историческая память о воинском соединении сибиряков, а за долгие годы работы сформировались устойчивые традиции патриотического воспитания молодежи. На школьном сайте размещена общая информация, характеризующая процесс создания музея и его экспозицию, но сайт не дает полного представления об истории музея и его деятельности по патриотическому воспитанию молодежи [7].

75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков, входившая в состав 6-го Сталинского Сибирского добровольческого стрелкового корпуса, была одним из прославленных омских воинских формирований Великой Отечественной войны. В апреле 1943 г. 6-й Сталинский добровольческий стрелковый корпус в связи с массовым героизмом бойцов и командиров был преобразован в 19-й Гвардейский Сталинский стрелковый корпус сибиряков. 75-я Омская и такая же добровольческая 78-я Красноярская бригады, которые в ходе реорганизации заслужили гвардейское звание частей корпуса, были сведены в одну — 65-ю Гвардейскую Сталинскую стрелковую дивизию, прошедшую славный боевой путь. За освобождение от фашистов столицы Советской Латвии дивизия завоевала почетное наименование «Рижская».

Первым к истории основания музея обращался в своей монографии С. П. Ултургашев, кратко

описавший историю создания музея и некоторые формы его работы на начало 1980-х гг. [8, с. 138–139]. В статьях современных омских исследователей анализируется историография 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков и практики коммеморации в честь воинского соединения. В частности, в них подчеркнуто, что по факту бригада была «Сталинской», но не была «Гвардейской», и, соответственно, вся омская коммеморация в этом отношении фактологически недостоверна [9–10]. При этом одно из главных мест памяти бригады — школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады, в работах не описан.

Цель данной работы — проанализировать историю создания и развития указанного музея, оценив опыт и общественное значение проводимой в его стенах патриотической работы.

Создание и советский период деятельности музея. В 1970 г. в шаговой доступности от улицы 75-й Гвардейской бригады была построена средняя школа № 41 города Омска. С момента создания образовательной организации ее первый директор Геннадий Павлович Митин заложил основу тесного сотрудничества с ветеранской организацией бригады. В тот период в СССР уже активно праздновалась Великая Победа, по стране стали повсеместно создаваться школьные музеи, посвященные Великой Отечественной войне, и руководство школы решило во взаимодействии с организацией ветеранов организовать здесь музей бригады. В свою очередь, ветераны, которые проводили активную общественную работу, были рады получить площадку для встреч и работы с молодежью, находившуюся рядом с улицей, названной в честь их воинского соединения. В плане работы комитета ветеранов воинского соединения на 1972 г. было намечено «оказание помощи средней школе № 41 по ул. 75-й стрелковой бригады в создании комнаты боевой славы» [11, л. 1]. Однако этого сделано не было. В отчете ветеранской организации о проделанной работе за 1972 г. указывалось только, что «ветераны большую работу проводят в Чкаловском поселке, в клубе «Юность», имеется подшефная школа № 41 Чкаловского поселка» [12, л. 1].

Организация музея воинского соединения была перепланирована ветеранами и руководством школы на 1973 г. (год 30-летия завоевания добровольцами-сибиряками гвардейского звания). Ветеранская организация наметила «оказать помощь средней школе № 41 по ул. Гвардейской стрелковой бригады в создании комнаты-музея боевой славы 75-й стрелковой бригады — 65-й Гвардейской дивизии» [11, л. 3]. Накануне празднования Дня Победы в 1973 г. в школе был открыт музейный уголок, выросший в школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады. Первым руководителем его стала учитель русского языка и литературы Людмила Александровна Щирова. Согласно информации, имеющейся в музее, с 15 июля по 31 июля 1973 г. она и представитель ветеранской организации Иван Михайлович Галямин свозили школьный актив в поездку по местам боевой славы бригады [13]¹.

В «Справке о проделанной работе ветеранами 75-й стр. бригады и 65-й гв. стр. Рижской дивизии за 1974 год» описана поездка школьников с ветеранами, которая состоялась в 1974 г. В документе при-

водятся важные факты, связанные с посещением участниками мест боев и установкой мемориальных досок: «В летние каникулы школы № 41 группа учеников во главе с нашим ветераном тов. Галяминым И. М. прошла по местам боев 75-й бригады — 65-й гвардейской дивизии, установили 6 мемориальных досок, изготовленных на авиационном заводе. Также провели митинги в г. Белом, Спас-Демьянске, Красное, Павлиново, Риге и других городах» [14, л. 3–3 об.]. Сопоставляя информацию школьного музея о поездке в 1973 г. с данными ветеранской организации о поездке в 1974 г. можно сделать вывод, что в 1970-х гг. школьники совершили не одну поездку. Об этом в своей монографии писал и С. П. Ултургашев, лично общавшийся с ветеранами воинского соединения. Он утверждал, что «следопыты не раз совершали походы по дорогам боевой славы сибиряков-гвардейцев, привозили ценные экспонаты для своего музея» [8, с. 139]. В это же время при музее была создана группа «Поиск», объединившая юных активистов музейного дела, которые занимались сбором экспонатов и сведений по истории воинского соединения.

В дальнейшем одним из ведущих направлений деятельности ветеранской организации стало создание выставочного пространства боевой славы бригады/дивизии. Ветераны включали ее в план своей деятельности на 1974 г., в очередной раз запланировав «создать комнату славы в 41-й школе» [14, л. 1]. Здесь необходимо подчеркнуть, что открытый в 1973 г. в школе музейный уголок вырастал в музей постепенно, и существованию музея именно в этой школе были альтернативы. В 1970-х гг. ветеранская организация бригады вела чрезвычайно активную патриотическую работу с молодежью: в ее планах на 1974 г. также стояли создание комнаты славы в школе № 33 и уголка боевой славы в школе № 8 [14, л. 1]. Более того, еще с конца 1950-х гг. ветераны активно сотрудничали с Омским танко-техническим училищем (ныне Омский автобронетанковый инженерный институт), в музее которого также хранилась информация о героической истории воинского соединения омичей. Дело в том, что на земле, где впоследствии разместилось училище, в годы войны находился военный лагерь, в котором формировалась и обучалась бригада [15]. В результате решающим при выборе места стали сложившиеся добрые личностные отношения между активом ветеранской организации бригады и коллективом 41-й школы, а также местоположение учебного заведения рядом с улицей 75-й Гвардейской бригады.

И здесь, для освещения дальнейшей истории школьного музея, необходимо остановиться на терминологии. В вооруженных силах традиционно принято отождествлять понятия «музей боевой славы» и «комната боевой славы» [16, с. 584]. Поэтому в документах ветеранской организации в 1970–1980-х гг. они употреблялись как синонимы. В современной музееведческой практике сложилось разделение понятий «музей» и «комната боевой славы». Музеи отличаются от комнат боевой славы масштабом: музей имеет несколько залов и хранилище для экспонатов, не входящих в экспозицию, в то время как вся экспозиция комнаты боевой славы размещена в одном помещении. Кроме того, комната в школе использовалась не только для выставления музейной экспозиции, но и как комната комсомольского актива, где, как и во всех советских школах, традиционно проводились мероприятия по патриотическому воспитанию молодежи.

жи, связанные не только с Великой Отечественной войной, но и с различными историческими и текущими событиями в жизни государства и КПСС. В СССР патриотическое воспитание молодежи было организовано в школах через пионерские и комсомольские организации и было тесно взаимосвязано с политическим воспитанием «будущих строителей коммунизма».

Судя по документам ветеранской организации и материалам школьного музея качественный рост в организации музея (комнаты боевой славы) бригады случился в 1975 г. Это был год 30-летия Великой Победы. На масштабные празднования этой даты в Омск съехались ветераны воинского соединения со всей страны. Выступая на собрании, бывший комиссар бригады Федор Яковлевич Макаров высоко оценил деятельность ветеранской организации в Омске, отметив, что «живущим в Омске приходится все тянуть на себе, нам приятно, мы видимся, а вам приходится работать». Далее он перечислил следующие достижения омских ветеранов: «Музей открыли, улицу назвали, и мемориал открыли» [17, л. 2 об.]. На собрании также выступил И. М. Галлямин, на которого в мае 1975 г. ветеранская организация официально возложила «работу в школе № 41 по созданию музея» [17, л. 1 об.]. Он «сделал обращение по созданию музея», акцентировав внимание присутствующих на том, что ветераны бригады должны «что сохранилось, отдать в музей» [17, л. 2 об.].

Со своей стороны в 1975 г. руководство и преподаватели школы так же вели активную деятельность по созданию музея. Это подтверждает приказ, сохранившийся в материалах музея школы, о награждении девяти учителей почетными грамотами «за активное участие в создании и формировании зала боевой славы и умелую организацию учащихся» (№ 10 от 7 марта 1975 г.) [13]. Он был подписан директором школы Г. П. Митиным. Таким образом, в год 30-летнего юбилея Великой Победы ветераны и работники школы создали комнату боевой славы 75-й добровольческой бригады / 65-й гвардейской дивизии. В то время в комнате боевой славы были размещены следующие тематические стенды: «Омская добровольческая», «По фронтовым дорогам», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Незабываемая встреча», «Ветераны в гостях у красных следопытов» [8, с. 139].

С 1974 по 1981 гг. комнатой боевой славы в школе руководили Нина Трофимовна Истомина и Татьяна Николаевна Бунецкая — учителя истории. Наличие комнаты боевой славы обусловило специфику деятельности пионерской дружины школы, которая длительное время боролась за право носить имя Героя Советского Союза А. В. Сосновского, и 19 мая 1980 г. бюро Омского обкома ВЛКСМ присвоило ей это почетное имя (А. В. Сосновский был единственным Героем Советского Союза в 65-й Гвардейской Сталинской стрелковой дивизии сибиряков. Это звание ему было присвоено посмертно) [8, с. 139]. В конце 1970-х гг. комната боевой славы выполняла не только функцию музея, но и была комнатой комсомольского актива. Уже к 1980 г. патриотическая деятельность школы № 41 привлекла внимание Омской областной партийной организации. На базе школы были проведены семинары секретарей школьных партийных организаций города Омска, организаторов-методистов домов пионеров области, научно-практическая конференция райвоенкомов и секретарей

райкомов комсомола. Как подчеркивал С. П. Ултургашев, «участники этих мероприятий высоко оценили состояние военно-патриотического и интернационального воспитания учащихся школы № 41 и особо отметили плодотворную деятельность ветеранов 75-й бригады — 65-й Гвардейской дивизии» [8, с. 139]. В отношении патриотического воспитания уже тогда школа была образцовой.

С 1983 г. комнатой боевой славы руководила учитель истории Тамара Викторовна Завалько. Она внесла значительный вклад в преобразование школьной комнаты боевой славы в полноценный музей. О самоотдаче педагога в музее свидетельствует запись в Книге почетных гостей музея, сделанная в 1988 г. группой посетителей. В ней говорилось: «Невозможно уйти, не сказав ОГРОМНОЕ СПАСИБО Тамаре Викторовне за все то, что рассказано от сердца и, чувствуем, — пропущено через сердце! СПАСИБО за память к ветеранам-сибирякам, за воспитание молодежи. Доброго Вам здоровья, творческих успехов» [13]. В год 40-летия освобождения Риги (1984 г.) под руководством Т. В. Завалько, совместно с ветеранами 65-й Гвардейской Рижской дивизии, школьный актив совершил еще одну поездку в Ригу. В числе детей были Митина Марина и Завалько Максим — потомки героев Великой Отечественной войны и педагогов, трудившихся над созданием и развитием музея.

Новый организационный этап в истории музея бригады наступил в 1985 г. Это был год 40-летия со Дня Великой Победы. К этому юбилею комната боевой славы была преобразована в полноценный музей. В ходе масштабной реконструкции были открыты два зала — зал боевой славы 75-й Гвардейской бригады и зал истории школы. Дополнительно к ним школа выделила помещение под хранилище экспонатов, не входящих в действующую экспозицию. К этому времени над школой шефствовал завод «Полет» (где долгое время работали ветераны воинского соединения), и все работы были проведены на средства и силами его работников. В работах принимали участие начальники цехов, конструкторы, строители. Со стороны завода работу координировал ветеран воинского соединения и работник завода М. М. Аранбицкий [13].

В это время школа № 41 и ее музей стали принимать самое активное участие в подготовке и проведении «Дня улицы». Традиция празднования этого дня зародилась сразу после появления в Омске улицы 75-й Гвардейской бригады в Октябрьском районе города. В нем активное участие принимали местные власти, ветераны войны, воинские части и жители района. Организационная работа строилась вокруг обслуживавшего культурные потребности жителей района ДК «Юность». О его масштабах свидетельствуют сохранившиеся в музее школы материалы — афиша с росписями ветеранов воинского соединения и фотография с торжества 1985 г. (фото 1).

Следует подчеркнуть, что большинство ветеранов регулярно посещало музей. Сохранились многочисленные записи в Книге почетных гостей. Приведем пример одной из них: «23 февраля 1988 г., в день 70-летия Советских вооруженных сил, мы, ветераны 75-й добровольческой бригады — 65-й Гвардейской Рижской дивизии, на встрече с учащимися и педагогическим коллективом 41-й ср. школы г. Омска, посетили музей 75-й Гвардейской бригады» (под записью 11 подписей) [13]. Фотографии, хранящиеся в музее, свидетельствуют о частом его



Фото 1. Праздник улицы 75-й Гвардейской бригады [1980-е гг.] [23, с. 400]



Фото 2. Ветераны воинского соединения в школьном музее. Сидят слева направо: С. С. Мариупольская, Г. А. Овчаренко, П. А. Скипин, А. А. Чикишева. Стоят слева направо: В. Н. Шкинёв, И. И. Ахламченко, Б. Н. Земцов, А. Ф. Бережков, И. М. Галямин [1980-е гг.] [13]

посещении ветеранами 75-й добровольческой бригады / 65-й гвардейской дивизии (фото 2).

Во второй половине 1980-х гг. музей 41-й школы был лучшим среди школьных музеев воинской славы Омска. Об этом свидетельствует коллективный отзыв в Книге почетных гостей музея, оставленный 26 марта 1988 г. руководителями семинара школьных музеев области. Сам факт, что участникам семинара был показан школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады говорит об этом. По результатам посещения была сделана следующая запись: «От руководителей семинара школьных музеев области выносим сердечную благодарность за огромную проделанную работу коллективу школы № 41. Желаем дальнейшей плодотворной работы. Все нам очень понравилось» [13].

Таким образом, к 1985 г. в школе № 41 г. Омска сформировался полноценный музей истории добровольческого воинского формирования омичей,

созданный усилиями ветеранов бригады / дивизии, педагогического коллектива школы и ее учеников, при участии трудового коллектива завода «Полет».

Основными особенностями педагогических условий патриотического воспитания школьников в этот период были: коммунистическое воспитание молодежи, организуемое государством, и живое общение школьников с ветеранами Великой Отечественной войны.

В советский период истории музея были разработаны основные формы проводимой педагогами и учащимися патриотической работы:

- формирование экспозиции музея силами ветеранов, педагогов и учеников школы;
- поездки школьников, объединившихся в группу «Поиск», и педагогов с участием ветеранов по местам боевой славы воинского соединения;
- экскурсий по музейной экспозиции, которые проводили сами школьники;

— активное участие коллектива школы в «Дне улицы» (мероприятию в память 75-й бригады и в честь Дня Победы), проводимом ежегодно при участии партийных и советских органов, ответственности Октябрьского района.

Очень важно подчеркнуть, что во все формы работы были активно вовлечены школьники. Они выступали не только как объекты воспитания, но и как субъекты. Их участие в процессе сохранения и популяризации исторической памяти о бригаде оказывало на них куда большее воздействие, нежели они были бы пассивными потребителями готовой информации.

Развитие музея в постсоветской России. Новый этап в истории музея был обусловлен эпохой распада СССР и последующим процессом становления российской демократической государственности. Впоследствии 1990-е гг. были названы «лихими девяностыми». И в самое непростое для страны и музея десятилетие с 1989 по 1999 гг. руководила музеем учитель истории Вера Федоровна Гелемей.

О значении патриотической деятельности музея в этот период мы можем судить по сохранившимся индивидуальным и групповым записям в Книге почетных гостей музея, которых множество. Так, посетитель А. Никитина оставила запись, очень точно отражающую разницу в восприятии значимости музея в Советском Союзе и в Российской Федерации. Она написала: «Наверное, музей вашей школы не был так дорог в 60-е—70-е, 80-е годы, когда о патриотизме говорили все, когда многие участники ВОВ были молоды. Но! Именно сегодня ваш музей — это островок патриотизма, чести, долга и всего того, что дорого сердцу советского, русского человека. Огромное спасибо всем Вам за то, что Ваш коллектив сохранил частицу истории нашей Родины, наших земляков. Бесценно то, что вы делаете...» [13].

В непростых условиях кризиса, охватившего все сферы жизни российского общества, музей являлся островком патриотического воспитания уже не только молодежи, но и более возрастного населения, не только в отдельно взятом Чкаловском поселке, но и в Омске. Вопреки общественно-политическим и экономическим реалиям патриотизм, как духовная ценность, был востребован у россиян. Об этом тоже свидетельствуют записи, оставленные в Книге почетных гостей музея. Так, ветеран 75-й добровольческой бригады Михаил Александрович Разумов написал 21 февраля 1995 г. следующее: «Сердечно благодарю коллектив 41-й школы за отличное оформление музея боевой славы и за воспитание моего сына Разумова Игоря Михайловича. Еще раз низкий вам поклон» [13]. Родители одного из 6-х классов в 1996 г., выразив благодарность педагогам школы, написали: «Огромное спасибо за память, за ту искру, которую вы поддерживаете в наших разуверившихся во всем сердцах. Спасибо вам за ту работу, которая проводится с детьми и помогает им верить в наши идеалы» [13].

С 1999 по 2010 гг. музей возглавляла учитель истории Ольга Николаевна Пинигина. Именно она в начале 2000-х гг. проводила активную работу с последними ветеранами бригады / дивизии. С конца 1990-х гг. в школьном музее стала ежегодно проводиться «Встреча трех поколений», куда приходили ветераны бригады, Афганской войны и старшеклассники, которым в торжественной обстановке вручались приписные свидетельства. Данное мероприятие проводится в школе по настоящее время,

но сегодня на него приглашаются ветераны Афганистана, Чечни и военной службы, которые представляют молодежь. На такие встречи школьники стали готовить патриотические театрализованные представления.

Развитие технических средств и их доступность в постсоветский период способствовало появлению новых форм в работе музея. Во-первых, был создан сайт школы, который содержал и контент, посвященный школьному «Музею боевой славы 75-й Гвардейской бригады». То есть появилось современное информационное место памяти, отражающее состояние знаний по истории бригады. Сайт стал дополнением к созданному в советское время комплексному месту памяти, куда входит школьный музей 75-й Гвардейской бригады, расположенный в одном районе с улицей 75-й Гвардейской бригады и стелой в память о ней. Этот единый комплекс и сегодня формирует и поддерживает в историческом сознании омишей образ гвардейской бригады.

Во-вторых, активистами-школьниками были сняты и смонтированы фильмы-интервью с ветеранами Великой Отечественной войны, на которых ветераны вспоминают о своем военном прошлом. В 2000-х гг. эти фильмы были оцифрованы, а позднее размещены на интернет-странице школьного музея и на YouTube. Сегодня они имеют особую ценность в качестве коммеморативных практик. Также учащиеся собрали и разместили на странице музея уникальную коллекцию стихотворений, написанных после войны ветеранами бригады, отражающую их историческую память о войне.

Еще одна новая форма работы музея в постсоветский период связана с взаимодействием с церковью. С 2002 года в рамках реализации направления духовно-нравственного воспитания школа активно стала сотрудничать с Омской митрополией. Это соответствовало общему положению дел в стране. Как подчеркивает исследователь исторической памяти о Великой Отечественной войне В. Г. Кокоулин, «в современной России активным агентом политики исторической памяти стала Православная церковь, которая все активнее проникает в школы и вузы, продвигая свою версию российского исторического прошлого. Следует отметить, что в последние десятилетия РПЦ активно переформирует память о Великой Отечественной войне» [18, с. 10—11].

На сегодняшний день в сотрудничестве с Церковью школой проведено 19 городских научных конференций школьников «Ефремовские чтения». Каждое пленарное заседание конференции стало сопровождаться патриотической театральной постановкой, подготовленной учащимися. На конференции школьники представляют свои научно-исследовательские работы духовно-нравственного и краеведческого содержания. Часть материалов конференции была издана. В сборниках XIII—XVI чтений были опубликованы результаты исследовательской работы краеведческого объединения «Поиск» школьного музея боевой славы 75-й Гвардейской бригады по истории бригады / дивизии. Значительная часть этих материалов имеет ценность в качестве исторических источников, так как в них напечатаны воспоминания, стихи ветеранов Великой Отечественной войны и их биографии, собранные школьниками [19—22]. Безусловно, участие в конференции способствует патриотическому, духовно-нравственному воспитанию детей. В подтверждение этих слов приведем запись из Книги почетных гостей музея, сделанную епи-

скопом Азовским Зосимой Викарием Омской епархии 12 февраля 2019 г. Владыка написал: «Посетив Ефремовские чтения и школьный музей боевой славы, я уношу в своей душе чувство глубочайшей признательности педагогам 41-й школы, чей, без преувеличения сказать, подвиг дает надежду на то, что посеянные в душах учеников благие семена дадут сторичный плод для будущего нашей дорогой Отчизны! Храни вас Господь!» [13].

Таким образом, в постсоветский период музей меняется, заметно преобразуется, старается идти в ногу со временем. Это отмечали и посетители музея. «Мы, выпускники школы № 41 1980 г., посетили школьный музей боевой славы. Когда мы еще были учениками, музей всегда привлекал нас, так интересно было узнать о прошлом нашей школы, рассматривать экспонаты, сохранившиеся со времен Великой Отечественной войны, пройти по боевым дорогам легендарной 75-й Гвардейской бригады!

Сейчас мы уже взрослые люди, многое изменилось в нас, изменилось наше восприятие мира, изменился и сам наш любимый музей, он стал богаче, разнообразнее, интереснее, добавились новые фотографии, экспонаты, и вновь музей будоражит наши сердца, тревожит память.

Мы очень благодарны руководителю музея Пинигиной О. Н., группе «Поиск», юным экскурсоводам, которые хранят школьные традиции, способствуют воспитанию у детей чувства патриотизма, доброй памяти к прошлому» [13].

С начала 2000-х гг. в российском обществе стал постепенно возрастать запрос на патриотизм, актуализировавший работу музея и послуживший стимулом к появлению новых источников финансирования его деятельности со второй половины 2010-х гг. С 2013 г. по настоящее время музей возглавила заместитель директора школы Ирина Анатольевна Малышева. Под ее руководством, участвуя в грантах и конкурсах, музей стал получать финансовую поддержку со стороны государства и общественных организаций. С 2016 года в рамках национального проекта «Культура» школа была трижды награждена поездками в Москву и Санкт-Петербург за высокий уровень организации работы по патриотическому воспитанию школьников. В 2019 г. музей занял I место в городском конкурсе школьных музеев «Салют, музей!».

С 2014 г. под руководством преподавателя информатики Натальи Санфиевны Левшиной непрерывно проводится работа по обработке собранного музеем документального наследия и соотнесения сведений с данными открытых сетевых ресурсов о Великой Отечественной войне. Цель этой работы — создание биографий ветеранов 75-й Гвардейской бригады и их электронных версий для размещения на сайте БОУ г. Омска «СОШ № 41» в рубрике «С благодарностью помним». Школьный музей также принял активное участие в проекте «Дорога памяти», созданном Министерством обороны Российской Федерации, где с участием организаций и граждан в свободном доступе размещаются записи и фотографии об участниках Великой Отечественной войны. Музей поместил фотографии и биографические сведения о более чем 70 ветеранах воинского соединения. Краеведческое объединение «Поиск» школьного музея боевой славы 75-й Гвардейской бригады БОУ «Средняя общеобразовательная школа № 41» также приняло участие во Всероссийском конкурсе следопытских работ школьных музеев «Неизвестный солдат». Ребята

провели исследование и сняли фильм о героически погибшем при освобождении Латвии лейтенанте Л. О. Розенберге. Проект стал победителем в Сибирском Федеральном округе в номинации «Лучшая следопытская работа городского школьного музея». В качестве поощрения школа получила призовой сертификат на сумму 500 000 руб. на развитие музея. Диплом победителя и призовой сертификат вручали заместитель председателя Законодательного собрания Омской области седьмого созыва Артемов А. В. и секретарь Омского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия» В. Г. Бережной [13]. Этот факт наглядно свидетельствует о том, что власти стали поддерживать деятельность наиболее активных школьных музеев боевой славы.

С 2019 года школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады неоднократно становился победителем конкурсов различного уровня с грантовой поддержкой, что позволило обновить материально-техническую базу музея. Благодаря сотрудничеству с ОМОО «Совет ветеранов педагогического труда» (где авторитетным человеком был бывший первый директор школы Г. П. Митин) учебное заведение получило грант на развитие музея. Это позволило оформить Зал боевой славы 75-й Гвардейской бригады. Значимым событием для развития школьного музея стало открытие 31 октября 2022 г. с участием мэра Омска Сергея Шелеста новой экспозиции «Омск — город трудовой доблести. Всё для фронта, всё для победы!». Периодически экспозиция музея обновляется. Об этом в своем телеграмм-канале Сергей Шелест сообщал: «В этом году при грантовой поддержке правительства Омской области и участии благотворительной организации «Мечте навстречу» удалось дополнить коллекцию уникальными экспонатами». В новостной ленте на сайте школы о новой экспозиции рассказывалось, что «посетители смогут узнать о том, как так получилось, что в Омске работали 110 промышленных предприятий, как жили 150 тысяч работников этих предприятий и как семьи омичей становились родными для этих людей» [23]. В настоящее время совершенствование этой экспозиции является перспективным направлением развития школьного музея.

Сегодня музей продолжает развиваться, ищет новые направления и формы деятельности. Одной из таких новых форм работы музея с конца 1990-х гг. стали школьные театральные постановки, вызывающие большой интерес у зрителей. В репертуаре школьников их немало, но для увековечения памяти о 75-й добровольческой бригаде / 65-й гвардейской дивизии особенно значимы две. Первая раскрывает основные вехи боевого пути воинского соединения. Вторая посвящена биографиям ветеранов, сведения о которых были собраны самими школьниками в рамках их научной работы. 12 мая 2023 г. первый театральный проект был успешно представлен в Центре изучения истории Гражданской войны на презентации сборника документов, посвященного истории бригады, получившего положительные оценки известных историков [24–26]. Постановка учащихся сопровождалась исполнением песен и чтением стихов военных лет [27]. Участие школы в презентации сборника документов объяснялось не только наличием музея бригады, но и тем, что школьный музей внес свой вклад в работу над сборником, предоставив уникальные фотографии ветеранов Великой Отечественной войны



Фото 3. Ложка погибшего разведчика А. Мухина, переданная в музей Н. К. Кузлякиной [13]



Фото 4. Фронтальная фотография Н. К. Кузлякиной [13]

и другие музейные материалы по истории воинского соединения.

О высоком уровне организации патриотической работы музея 41-й школы свидетельствует также запись в Книге почетных гостей музея, сделанная 16 июня 2021 г. первым заместителем председателя Омского городского Совета Ю. А. Тетяниковым: «Музей школы для меня стал образцом, каким должен быть уголок патриотизма. Спасибо школе и педагогам за сохранение истории!» [13].

Отдельно стоит сказать об экспонатах музея. Многие из них уникальны не только потому, что редкие, но и потому, что имеют свою, особенную, историю. Приведем примеры. Наиболее знамениты из экспонатов музея — ложка и женская военная форма медсестры (платье). Они были лично переданы в музей их владельцами — ветеранами Великой Отечественной войны.

Ложку передала в музей ветеран войны Н. К. Кузлякина (фото 3—5).

На фронт она попала молоденькой девушкой, служила медсестрой. Вот что она вспоминала: «...Однажды после трудного марш-броска объявили привал. Подъехала кухня. Ищу в вещевом мешке ложку, а ее нет, потеряла. А что такое потеря ложки для солдата? Ведь это не столовый прибор. Заплакала от обиды. Увидел меня в таком состоянии молодой солдат. Подошел, отдал свою ложку. Мы познакомились. Между нами возникла симпатия. А потом я узнала, что он погиб. Его звали Мухиным Алешей, разведчиком батальона был. Человека не стало, а память о нем осталась. Эту ложку я передала в музей 75-й Гвардейской бригады, который находится в школе № 41...» [21, с. 316]. Эта исто-



Фото 5. Ветеран Великой Отечественной войны Н. К. Кузлякина в школьном музее [1990-е–2000-е гг.] [13]

рия была записана школьниками, которые рассказывают ее теперь каждый раз, когда оказываются около музейной витрины с ложкой, находя отклик в сердцах посетителей. Ярким показателем этого являются детские стихи, которые сочиняют школьники после знакомства с историей ложки. Вот два стихотворения, написанные в 2011 г.

Первое стихотворение, не по-детски глубокое и поэтически стройное, написано девятиклассницей.

Стихотворение Потаповой Ольги, 9 «2» класс

За все спасибо, добрый друг,
За то, что был и вправду другом,
За тот в медовых травах луг,
За месяц тоненький над лугом,
За ложку ту, что мне отдал,
За то, что землю спас от смерти,
За то, что ты в тот час страдал
И не боялся немцев встретить.
За то, что мне любовь твоя
Порой была нужнее хлеба,
За то, что выдумала я
Тебя таким, каким ты не был. [13].

Второе стихотворение, написанное ученицей пятого класса, удивляет демонстрацией достаточно зрелой для столь юного автора гражданской позиции:

Баллада. Шекова Ольга, 5 «1» класс

Взрывы, бомбежки, гудит самолет,
Кончились вспышки, привал всех нас ждет.
Вот за обедом солдаты идут,
Миску и ложку неспешно несут.
Кашу едят — только ложки стучат,
Думают молча и молча едят.
Только «сестричка» кашу не ест:
Ложка пропала, не знает куда!!!
Плачет тихонько, теревит лишь крест.
Голод — не тетка, остынет еда.
В руку дрожащую кашу берет
И осторожно в ротик кладет.
Видя трагедию девушки той,



Фото 6. Военная форма медсестры
А. М. Чистяковой (фото Н. В. Лидер)



Фото 7. Фронтальная фотография
А. М. Чистяковой [13]

Тихо подходит солдат молодой.
Молча свою он ей ложку подал,
Очередь прежде свою подождал.
Кашу доели ложкой одной,
Строили планы быть дружной семьей.
Снова бомбежки, ушел парень в бой
И не вернулся больше к родной.
Горько, обидно и жалко бойца,
Нету семьи и нету отца,
В память осталась ложка одна,
Молча в музее хранится она.
Мы не знали войны и не помним имен,
Помним, кто победил.
Помним, кто побежден.
Но какую ценой заплатил наш народ?
Есть немало людей, кто ту цену поймет.
Та война не щадила ни детей и не жен,
Ни героев в окопах и не славных имен.
Лишь волшебное чувство не убила война:
Веру в счастье, в надежду закалила она.
Научила война: крепче друга любить,
Понимать и прощать и обиды забыть,
И последнюю крошку делить пополам,
То, что дорого мне, — все я людям отдам!
Эта старая ложка память в сердце хранит,
Те военные годы, словно вечный гранит.
Сколько разных историй та война унесла,
Сколько жизней стубила,
Сколько жизней спасла! [13].

Другой знаменитый экспонат «с историей» — военная форма медсестры — был передан А. М. Чистяковой, также проходившей службу в гвардейской дивизии (фото 6–8).

Хозяйка объяснила нетипичный для военной формы цвет своего платья тем, что в годы войны оно стиралось песком и, ввиду того что после демобилизации и возвращения домой положение было тяжелым, она носила его еще три года после войны. Форма экспонируется в музее в витрине с фотографиями ее юной владелицы на фронте и в преклонном возрасте, что дополнительно визуализирует рассказ экскурсовода, усиливая эмоциональное воздействие на посетителей.

Привлекательно для посетителей и то, что ряд экспонатов посетитель может поддержать, буквально прикоснувшись руками к истории. Особенно силь-



Фото 8. Ветеран Великой
Отечественной войны
А. М. Чистякова
[1990-е–2000-е гг.] [13]

ное воздействие данная практика оказывает на детей и подростков.

Это в своем отзыве о посещении музея подчеркнули ребята детского дома № 6, выразившие свою благодарность в следующих словах: «Приятно прикоснуться к истории даже в буквальном смысле. Ощущение гордости за свою страну не покидает нас. Очень хорошо, что есть такие маленькие школьные музеи. Спасибо за интересную экскурсию, за теплый прием» [13].

В настоящее время музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады СОШ № 41 остается лучшим музеем боевой славы в Омской области. Показателем этого является проведение на его базе 22 января 2021 г. мероприятия в рамках сборов руководителей школьных музеев.

В работе заседания приняли участие юные экскурсоводы школы, которые, по мнению гостей школы, «провели по-настоящему душевную и познавательную экскурсию» для участников сборов. Педагоги отметили, что действующая при музее Школа юного экскурсовода — дело увлекательное и перспективное и выразили благодарность ребятам [28].

Таким образом, в постсоветский период школьный музей продолжил и развил традиции, заложенные в советский период. В это время изменились педагогические условия патриотического воспитания школьников. Коммунистическое воспитание молодежи с его серьезной политической составляющей уступило место духовно-нравственному и, тесно связанному с ним, патриотическому воспитанию. В этом государство отошло на второй план, основную работу вели педагоги-энтузиасты при поддержке общественных организаций и Русской Православной Церкви. Живое общение школьников с ветеранами Великой Отечественной войны по мере ухода из жизни ветеранов стало историей. Значительную роль в работе стали играть технические средства.

В российский период истории музея ушли в прошлое некоторые формы проводимой педагогами и учащимися патриотической работы:

- закончилось формирование экспозиции музея с участием ветеранов;

- прекратились поездки школьников и педагогов с участием ветеранов по местам боевой славы воинского соединения.

При этом следующие формы работы музея остались неизменны:

- экскурсии по музейной экспозиции, которые проводят сами школьники;

- активное участие коллектива школы в «Дне улицы», также проводимом ежегодно при участии местных властей и общественности Октябрьского округа.

Дополнительно практиковались новые формы работы со школьниками:

- патриотическое мероприятие «Встреча трех поколений»;

- школьниками были записаны, оцифрованы и размещены на странице музея на сайте школы интервью с ветеранами воинского соединения;

- активизировалась научная работа учащихся по исследованию истории бригады / дивизии, результаты которой представлялись в ходе проводимой школой совместно с Русской Православной Церковью конференцией «Ефремовские чтения»;

- под руководством педагогов школьниками были подготовлены театрализованные постановки, посвященные событиям Великой Отечественной войны.

Ценно то, что и сегодня ребята-школьники являются активными субъектами работы музея по сохранению исторической памяти о бригаде / дивизии и по патриотическому воспитанию. Споспобствуя воспитанию других, они воспитываются и сами, формируя и формулируя свои приоритеты и жизненные ориентиры. В постсоветский период истории патриотическая работа музея стала востребованной не только молодежью, но и взрослым населением.

Заключение. Выражение «Человек жив, пока жива память о нем» применимо к бойцам, командирам, медсестрам, а значит, и ко всему воинскому соединению, память о котором хранит и передает

от поколения к поколению школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады. В этом отношении показательно, как дети и внуки ветеранов войны, учась в школе, становились активистами музея; как каждое десятилетие в школе находились педагоги, отдававшие свое сердце и силы развитию музея; как бывшие школьники становились зрелыми людьми и снова приходили в музей.

В историческом пути музея четко прослеживаются две закономерности. Во-первых, развитие музея напрямую зависит от наличия педагога, вкладывающего в это свою душу. В истории музея были небольшие периоды, когда такого человека не было, и музей переживал стагнацию. Когда же такой педагог находился, музей продолжал свое развитие. Во-вторых, на развитие музея существенное влияние оказывало празднование юбилеев Великой Победы. В такие годы он оказывался особенно востребован в практиках коммеморации, и это придавало импульс для его развития. Для успешного развития музея необходима поддержка местных и центральных органов власти, а также общественных организаций.

Известный санкт-петербургский историк Ю. З. Кантор в своем интервью справедливо утверждает, что «историю невозможно переписать, её можно дописать» [29, с. 13]. Разделяя этот принцип и руководствуясь им, выскажем свои предложения по совершенствованию работы музея.

В качестве рекомендации: считаем, что объективное отношение к прошлому, защита исторической правды и, соответственно, необходимость отказа от политической конъюнктуры требуют того, чтобы «Сталинская» составляющая названия воинского соединения отразилась в экспозиции музея и была возвращена в историческое сознание омичей.

В экспозиции музея рекомендуем также отразить существование двух правд. Первая — объективная правда, существования героической добровольческой бригады, завоевавшей гвардейское звание, но формально, ни дня не носившей его, так как юридически существовали сначала добровольческая бригада, а затем гвардейская дивизия. Вторая — субъективная правда ветеранов войны, основанная на их гвардейском самосознании. Ее они передали потомкам через музей. Эта правда заложила в историческое сознание омичей представление о гвардейской бригаде. Обе правды должны сосуществовать.

В современной экспозиции Музея воинской славы омичей, официально являющегося основным областным музеем по военной истории региона, история 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков не представлена. Поэтому, как и в советский период, в настоящее время зародившийся в 1973 г. школьный музей во взаимосвязи с улицей 75-й Гвардейской бригады и стелой, расположенной на ней, является основным комплексным местом памяти воинского соединения в омском городском пространстве. Наличие в музее подлинных вещей бойцов бригады с интересной и достоверной историей делает возможной траекторию развития музея в качестве главного областного места памяти прославленного воинского соединения, а с учетом роста патриотизма в российском обществе — в перспективе и омского туристического бренда. Это суждение подкреплено славной пятидесятилетней историей развития музея с 1973 по 2023 гг.

¹ К настоящему времени материалы музея нефондированы.

Библиографический список

- Власов Ю. А. Музей боевой славы — центр патриотического воспитания // Образование в современной школе. 2008. № 6. С. 55—58.
- Чеканов И. Н. Музей боевой славы как форма организации проектно-исследовательской деятельности учащихся // Вестник научных конференций. 2022. № 3-2 (79). С. 149—150.
- Грибова Н. В. Новые формы патриотической работы школьного музея // Техническое творчество молодежи. 2017. № 3 (103). С. 38—39.
- Беседин А. Р. История НВВПОУ — НВВКУ в экспозиции Музея боевой славы воинов-сибиряков // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 4 (25). С. 179—185.
- Баширова Л. Д. Роль музеев боевой славы в сохранении исторической памяти народа // Матрица научного познания. 2021. № 12-1. С. 130—135.
- Именнова Н. С., Лоншакова Н. А. Музей боевой славы: педагогический и культурологический аспекты анализа в профессиональном туристском образовании // Вестник РМАТ. 2022. № 4. С. 129—135.
- Школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады // Сайт БОУ г. Омска «Средняя общеобразовательная школа № 41». URL: <http://ou41.omsk.obr55.ru/> (дата обращения: 30.10.2023).
- Ултургашев С. П. Сибирская гвардейская: история формирования и боевой путь 65-й Гвардейской стрелковой Рижской дивизии. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1983. 157 с.
- Сушко А. В., Нагаев И. Б. 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков: историческое описание и коммеморация // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 563—580. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.3.
- Сушко А. В., Рыжих Н. Д. 75-я Гвардейская бригада в омской коммеморации: миф и реальность // Омские социально-гуманитарные чтения-2022: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022. С. 9—14.
- Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-9688. Оп. 1. Д. 15.
- ИАОО. Ф. П-9688. Оп. 1. Д. 19.
- Школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады.
- ИАОО. Ф. П-9688. Оп. 1. Д. 13.
- Сушко А. В. К вопросу об использовании советского опыта патриотического воспитания молодежи на примере встречи ветеранов 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков с курсантами Омского Танко-технического училища // Наука и военная безопасность. 2023. № 1 (32). С. 135—144.
- Музеи (комнаты) боевой славы // Военный энциклопедический словарь. Москва: Эксмо, 2007. С. 584.
- ИАОО. Ф. П-9688. Оп. 1. Д. 14.
- Кокоулин В. Г. Великая Отечественная война в исторической памяти позднесоветской и постсоветской России. Новосибирск: Offset-TM, 2023. 156 с.
- XIII городские Ефремовские чтения «Не в силе Бог, а в правде» (Александр Невский): сб. ст. / Сост., авт. вступ. ст. Н. С. Левшина. Омск, 2015. 134 с.
- XIV городские Ефремовские чтения «Наш Омск, ты прочный мост, связавший поколения» (О. Н. Макаревич, гимн Омска): сб. ст. / Сост., авт. вступ. ст. Н. С. Левшина. Омск, 2016. 388 с.
- XV городские Ефремовские чтения «Трать свою жизнь на то, что переживет тебя»: сб. ст. / Сост., авт. вступ. ст. Н. С. Левшина. Омск, 2017. 336 с.

22. XVI городские Ефремовские чтения «К 25-летию со дня преставления архимандрита Иннокентия (Просвирина)»: сб. ст. / Сост., авт. вступ. ст. Н. С. Левшина. Омск, 2017. 318 с.

23. Новости (31 октября 2022 г.) // Сайт БОУ г. Омска «Средняя общеобразовательная школа № 41». URL: <http://ou41.omsk.obr55.ru/%d0%bd%d0%be%d0%b2%d0%be%d1%81%d1%82%d0%b8/> (дата обращения: 30.10.2023).

24. Рожденная в Черемушках: 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков. Сборник документов / Науч. ред. А. В. Сушко, авторы-сост. Безродный К. Э., Каиндина Т. В., Сушко А. В. Омск: Тип. «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2022. 420 с.

25. Анфертьев И. А. Омскими историками и архивистами издан труд о боевом пути 75-й Сталинской добровольческой отдельной стрелковой бригады омичей-сибиряков // Вестник архивиста. 2023. № 3. С. 945—952. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.302.

26. Ростов Н. Д., Петин Д. И. Памяти славных: рецензия на сборник документов «Рожденная в Черемушках: 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 3 (39). С. 188—194. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(3).188-194.

27. Озеров А. Вышла в свет книга «Рожденная в Черемушках: 75-я Сталинская добровольческая отдельная стрелковая бригада омичей-сибиряков» // Коммерческие вести. URL: <https://kvnews.ru/news-feed/181132> (дата обращения: 30.10.2023).

28. Музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады встречает гостей // Бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования города Омска «Городской Дворец детского (юношеского) творчества». URL: <https://gdtomsk.ru/news/10081/> (дата обращения: 30.10.2023).

29. Кантор Ю. З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9—15. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15. EDN: YXRGOL.

СУШКО Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института, г. Омск.
SPIN-код: 6496-4278
AuthorID (РИНЦ): 446621
ORCID: 0000-0002-6703-8535
AuthorID (SCOPUS): 57201470030
Адрес для переписки: alexsushko_1974@mail.ru
ЛИДЕР Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского автобронетанкового инженерного института, г. Омск.
SPIN-код: 5750-9640
AuthorID (РИНЦ): 782930

Для цитирования

Сушко А. В., Лидер Н. В. Школьный музей боевой славы 75-й Гвардейской бригады: история, опыт и значение патриотической работы // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 19—30. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-19-30.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023 г.
© А. В. Сушко, Н. В. Лидер

¹ Omsk State Technical University,
Omsk, Russia

² Omsk Tank-Automotive
Engineering Institute,
Omsk, Russia

SCHOOL MUSEUM OF COMBAT GLORY OF THE 75th GUARDS BRIGADE: HISTORY, EXPERIENCE AND IMPORTANCE OF PATRIOTIC WORK

The article analyzes the history of the creation and development from the founding in 1973 to the present day of the School Museum of Military Glory of the 75th Guards Brigade, located in the Secondary School of the city of Omsk No. 41. The research was carried out on the basis of museum materials and documents of the veteran organization of the military unit, stored in the Historical archive of the Omsk Region. An assessment of the experience and social significance of the patriotic work carried out in the museum is given. Particular attention is paid to the comparative historical study of the forms of work on the patriotic education of youth in the Soviet and modern Russian periods of national history. In conclusion, recommendations are given for improving the work of the museum.

Keywords: Great Patriotic War, Omsk, 75th Stalin Volunteer Separate Rifle Brigade of Omsk-Siberians, 65th Guards Stalin Riga Rifle Division, museum of military glory, room of military glory, patriotism.

References

1. Vlasov Yu. A. Muzei boyevoy slavy — tsentr patrioticheskogo vospitaniya // [Museum of Military Glory — Center for Patriotic Education] // *Obrazovaniye v sovremennoy shkole. Education in Modern School*. 2008. No. 6. P. 55–58. (In Russ.).
2. Chekanov I. N. Muzei boyevoy slavy kak forma organizatsii proyektno-issledovatel'skoy deyatel'nosti uchashchikhsya [Museum of military glory as a form of organizing students' design and research activities] // *Vestnik nauchnykh konferentsiy. Bulletin of Scientific Conferences*. 2022. No. 3-2 (79). P. 149–150. (In Russ.).
3. Gribova N. V. Novyye formy patrioticheskoy raboty shkol'nogo muzeya [New forms of patriotic work of the school museum] // *Tekhnicheskoye tvorchestvo molodezhi. Technical Creativity of Youth*. 2017. No. 3 (103). P. 38–39. (In Russ.).
4. Besedin A. R. Istoriya NVVPOU — NVVKU v ekspozitsii Muzeia boyevoy slavy voynov-sibiryakov [History of NVVPOU — NVVKU in the exposition of Museum of Military Glory of Siberian Warriors] // *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela. Humanitarian Problems of Military Affairs*. 2020. No. 4 (25). P. 179–185. (In Russ.).
5. Bashirova L. D. Rol' muzeev boyevoy slavy v sokhranении istoricheskoy pamyati naroda [The role of museums of military glory in preserving the historical memory of the people] // *Matritsa nauchnogo poznaniya. Matrix of Scientific Knowledge*. 2021. No. 12-1. P. 130–135. (In Russ.).
6. Imennova N. S., Lonshakova N. A. Muzei boyevoy slavy: pedagogicheskiy i kul'turologicheskiy aspekty analiza v professional'nom turistskom obrazovanii [Military glory museum: pedagogical and cultural aspects analysis in professional tourism education] // *Vestnik RMAT. Vestnik RIAT*. 2022. No. 4. P. 129–135. (In Russ.).
7. «Shkol'nyy muzei Boyevoy Slavy 75 Gvardeyskoy brigady» [«School Museum of Military Glory of the 75th Guards Brigade»]. URL: <http://ou41.omsk.obr55.ru/> (accessed: 30.10.2023). (In Russ.).
8. Ulturgashev S. P. Sibirskaya gvardeyskaya: istoriya formirovaniya i boyevoy put' 65-y gvardeyskoy strelkovoy Rzhskoy divizii [Siberian Guards: history of formation and combat path of the 65th Guards Rifle Division of Riga]. 2nd ed. Krasnoyarsk, 1983. 157 p. (In Russ.).
9. Sushko A. V., Nagayev I. B. 75-ya Stalinskaya dobrovol'cheskaya otdel'naya strelkovaya brigada omichey-sibiryakov: istoriopisaniye i kommemoratsiya [75th Stalin Volunteer Separate Infantry Brigade of Omsk Siberians: History and Commemoration] // *Noveyshaya istoriya Rossii. Modern History of Russia*. 2022. Vol. 12, no. 3. P. 563–580. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2022.3. (In Russ.).
10. Sushko A. V., Ryzhikh N. D. 75-ya Gvardeyskaya brigada v omskoy kommemoratsii: mif i real'nost' [75th Guards Brigade in Omsk commemoration: myth and reality] // *Omskiye sotsial'no-gumanitarnyye chteniya—2022. Omsk Social and Humanitarian Readings—2022*. Omsk, 2022. P. 9–14. (In Russ.).
11. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of Omsk Region (HAOR)]. File: P-9688/1/15. (In Russ.).
12. IAOO [HAOR]. File: P-9688/1/19. (In Russ.).
13. Shkol'nyy muzei Boyevoy Slavy 75 Gvardeyskoy brigady [School Museum of Military Glory of the 75th Guards Brigade]. (In Russ.).
14. IAOO [HAOR]. File: P-9688/1/13. (In Russ.).
15. Sushko A. V. K voprosu ob ispol'zovanii sovet'skogo opyta patrioticheskogo vospitaniya molodezhi na primere vstrechi veteranov 75-y Stalinskoy dobrovol'cheskoy otdel'noy strelkovoy brigady omichey-sibiryakov s kursantami Omskogo Tanko-tekhnikeskogo uchilishcha [Use of the soviet experience of

patriotic education of the youth on the example of the meeting of veterans of the 75th Stalinist voluntary separate rifle brigade of Omsk Siberians with the cadets of Omsk tank-technical school] // *Nauka i voyennaya bezopasnost'. Science and Military Security*. 2023. No. 1 (32). P. 135–144. (In Russ.).

16. Muzei (komnaty) boyevoy slavy [Museums (rooms) of military glory] // *Voyennyi entsiklopedicheskiy slovar' [Military Encyclopedic Dictionary]*. Moscow, 2007. P. 584. (In Russ.).

17. IAOO [HAOR]. File: P-9688/1/14. (In Russ.).

18. Kokoulin V. G. Velikaya Otechestvennaya voyna v istoricheskoy pamyati pozdnesovetskoj i postsovetskoj Rossii [The Great Patriotic War in the historical memory of late Soviet and post-Soviet Russia]. Novosibirsk, 2023. 156 p. (In Russ.).

19. XIII gorodskiye Efremovskiye chteniya «Ne v sile Bog, a v pravde» (Aleksandr Nevskiy) [XIII city Efremov readings «God is not in power, but in truth» (Alexander Nevsky)] / Comp., Author of the introductory article N. S. Levshina. Omsk, 2015. 134 p. (In Russ.).

20. XIV gorodskiye Efremovskiye chteniya «Nash Omsk, ty prochnyy most, svyazavshiy pokolen'ya» (O. N. Makarevich, gimn Omska) [XIV city Efremov readings «Our Omsk, you are a strong bridge that has connected generations» (O. N. Makarevich, anthem of Omsk)] / Comp., Author of the introductory article N. S. Levshina. Omsk, 2016. 388 p. (In Russ.).

21. XV gorodskiye Yefremovskiye chteniya «Trat' svoju zhizn' na to, chto perezhivet tebya» [XV city Efremov readings «Spend your life on what will outlive you»] / Comp., Author of the introductory article N. S. Levshina. Omsk, 2017. 336 p. (In Russ.).

22. XVI gorodskiye Yefremovskiye chteniya «K 25letiyu so dnya predstavleniya arkhimandrita Innokentiya (Prosvirina)» [XVI city Efremov readings «On the 25th anniversary of the death of Archimandrite Innocent (Prosvirin)»] / Comp., Author of the introductory article N. S. Levshina. Omsk, 2017. 318 p. (In Russ.).

23. Novosti (31 oktyabrya 2022 g.) [News (October 31, 2022)]. URL: <http://ou41.omsk.obr55.ru/%d0%bd%d0%be%d0%b2%d0%be%d1%81%d1%82%d0%b8/> (accessed: 30.10.2023). (In Russ.).

24. Rozhdennaya v Cheremushkakh: 75-ya Stalinskaya dobrovol'cheskaya otdel'naya strelkovaya brigada omichey-sibiryakov. Sbornik dokumentov [Born in Cheryomushki: 75th Stalinist volunteer separate rifle brigade of Omsk-Siberians. Collection of documents] / Scientific ed. Sushko A. V., authors-compilers Bezrodny K. E., Kaindina T. V., Sushko A. V. Omsk, 2022. 420 p. (In Russ.).

25. Anfertyev I. A. Omskimi istorikami i arkhivistami izdan trud o boevom puti 75 i Stalinskoi dobrovol'cheskoi otdel'noi strelkovoi brigady omichey-sibiryakov [75th Stalin volunteer separate infantry brigade of Omsk Siberians: history and commemoration] // *Vestnik arhivista. Herald of an Archivist*. 2023. No. 3. P. 945–952. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-3-945-952. (In Russ.).

26. Rostov N. D., Petin D. I. Pamyati slavykh: retsenziya na sbornik dokumentov «Rozhdennaya v Cheremushkakh: 75-ya Stalinskaya dobrovol'cheskaya otdel'naya strelkovaya brigada omichey-sibiryakov» [In Memory of the Glorious: a Review of the

Collection of Documents «Born in Cheryomushki: the 75th Named after Stalin Separate Volunteer Rifle Brigade of Omsk-Siberians»] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2023. Vol. 10, no. 3 (39). P. 188–194. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(3).188-194. (In Russ.).

27. Ozerov A. Vyshla v svet kniga «Rozhdennaya v Cheremushkakh: 75-ya Stalinskaya dobrovol'cheskaya otdel'naya strelkovaya brigada omichey-sibiryakov» [The book «Born in Cheryomushki: 75th Stalin's Volunteer Separate Rifle Brigade of Omsk-Siberians» was published] // *Kommercheskiye vesti. Commercial News*. URL: <https://kvnews.ru/news-feed/181132> (accessed: 30.10.2023). (In Russ.).

28. Muzei «Boyevoy slavy 75 Gvardeyskoj brigady» vstrechayet gostey [The Museum of «Combat Glory of the 75th Guards Brigade» welcomes guests]. URL: <https://gdtomsk.ru/news/10081/> (accessed: 30.10.2023). (In Russ.).

29. Kantor Yu. Z. «Istoriyu nevozmozhno perepisat', yeyo možhno dopisat'...» [«The history cannot be rewritten, it can be added ...»] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 1. P. 9–15. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15. (In Russ.).

SUSHKO Aleksey Vladimirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk.

SPIN-code: 6496-4278

AuthorID (RSCI): 446621

ORCID: 0000-0002-6703-8535

AuthorID (SCOPUS): 57201470030

Correspondence address: alexsushko_1974@mail.ru

LEADER Natalya Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Omsk.

SPIN-code: 5750-9640

AuthorID (RSCI): 782930

For citations

Sushko A. V., Leader N. V. School museum of combat glory of the 75th Guards brigade: history, experience and importance of patriotic work // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 19–30. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-19-30.

Received October 10, 2023.

© A. V. Sushko, N. V. Leader

ИСТОРИЯ ДВИЖЕНИЯ «ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ» В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ БЫЛО ЛОГИЧНЫМ

Статья посвящена истории функционирования движения «Демократическая Россия», и в первую очередь нижегородского отделения данной структуры. Целью работы явилось выявление особенностей политической активности движения «Демократическая Россия» в 1990–1992 гг. в Нижегородской области. Задачи работы связаны с выявлением наиболее значимых нижегородских представителей движения, а также причин расколов в организации. Выявлено, что причины ослабления и угасания движения «Демократическая Россия» были практически одинаковыми как в центре, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: движение «Демократическая Россия», активность, Нижегородская область, Б. Н. Ельцин, Б. Е. Немцов, В. М. Вишнепольский, НТС, снижение, антикоммунизм.

Введение. В период слома социалистического государства ведущей политической силой становились новые структуры, активно противопоставлявшие себя правящей Коммунистической партии [1, с. 140]. Яркий пример тому — польское движение «Солидарность», из рядов которого вышел первый лидер-антикоммунист Л. Валенса. В постсоветской России ситуация пошла по иному сценарию. Разумеется, можно признать, что большую роль в этом сыграло персоналистское сознание граждан страны, однако, по нашему мнению, не следует недооценивать и особенности деятельности организации, претендовавшей на статус российской «Солидарности», а именно движения «Демократическая Россия». Некоторые из этих особенностей, не позволивших означенной структуре стать правящей партией, в большей степени были заметны на региональном — в том числе нижегородском — уровне. Цель исследования — проследить эволюцию коалиции антикоммунистических сил в раздираемую противоречиями организацию, утрачивающую большую часть сторонников.

Основная часть. Одним из наиболее значимых новых политических объединений, возникших в РСФСР в годы перестройки, являлось движение «Демократическая Россия» (ДДР). Основой для него были малочисленные организации антикоммунистической направленности. Возникла эта организация осенью 1990 года [2, с. 98]. В ряде регионов отделения «Демократической России» появились через короткий промежуток времени после создания головной структуры в Москве. Большая часть представителей горьковского-нижегородского политизированного неформалитета вошла в состав «Демократической России». Первоначально наиболее активными её членами в регионе являлись

В. И. Лысов, Л. И. Лерман, Ю. В. Шильников, В. И. Чумак, В. М. Вишнепольский, А. И. Светличный [3, с. 109]. Главным руководящим органом регионального отделения «Демократической России» являлся координационный совет, состоявший из 10 человек [4, л. 44]. Редактором выпусков печатного органа местных демороссов был А. А. Мазурин, известный тем, что первым из горьковчан заявил о своей принадлежности к Народно-трудовому союзу (НТС) [5, л. 3]. Напомним, что в советские годы НТС считался в СССР одной из самых опасных антисоветских эмигрантских структур [6].

Пост председателя не существовал, имелось лишь несколько сопредседателей. Отсутствие единоличного лидерства должно было препятствовать складыванию авторитарного стиля руководства. Кроме того, упомянем, что движение изначально «...создавалось в конце 1990 г. в противовес любым партиям для того, чтобы, по мнению абсолютного большинства «демороссов», снова не допустить господство одной партийной структуры на политическом пространстве России» [7, с. 10–11]. То есть и своего рода «внутренняя» демократия, и «внешняя» демократия логично дополняли друг друга.

Следует признать, что нижегородская организация ДДР соответствовала большей части общероссийских тенденций. Касается это и практики коллективного руководства, и вхождения в состав движения лидеров немногочисленных оппозиционных организаций. Большая часть лидеров движения в итоге не смогла стать на долгосрочной основе видными политическими деятелями или управленцами регионального масштаба (напомним, что лидеры ДДР также в массе своей вошли в большую политику ненадолго).

После августовских событий 1991 года как в масштабах России, так и в масштабах Нижегородской области выяснилось, что у движения «Демократическая Россия» не хватает потенциала для превращения в правящую партию (а изначально предполагалось стать правящей партией подобно тому, как это случается с партиями, выигравшими выборы в системе с развитыми демократическими традициями). Важно также отметить, что новые власти не стремились опереться в полной мере на ДДР, а сделали ставку на ту часть партаппарата, которая была готова присягнуть на верность Б. Н. Ельцину и его команде. Известно, что «19 сентября 1991 г. в Москве прошла встреча делегации ДДР с Госсекретарем РСФСР Г. Э. Бурбулисом и вице-президентом А. В. Руцким. На встрече было отмечено, что августовская революция затронула лишь союзные органы власти, сохранив «власть старой партийной номенклатуры, поддерживаемой местными советами, которые являются подобием Верховного Совета СССР» [8, с. 28].

В Нижнем Новгороде актив ДДР считал крайне важной кадровую политику областной администрации [9, л. 40]. Один из лидеров движения в регионе В. М. Вишнепольский заявлял, что «Демократическая Россия» должна получить доступ во властные структуры всех уровней и вместе с другими демократическими силами повести общество по пути демократии. Подбирая кандидатов на ведущие посты и членов их команд, надо оценивать кандидатов по их готовности и способности руководить и проводить демократические реформы, по их способности победить на выборах и делом доказать правильность выбора» [9, л. 4]. Признавалось также, что на ближайшие 3–5 лет у всех демократов (и в первую очередь у движения «Демократическая Россия») останется всё тот же противник — бывшая КПСС и идеология обманутой коммунистическими мифами значительной части населения [9, л. 3]. На состоявшейся 2 октября 1991 года областной конференции ДДР (присутствовало 153 делегата) было высказано, в том числе, и отрицательное отношение к движению «Демократические реформы» из-за того, что в его составе имелось немало бывших партаппаратчиков. В ноябре 1991 года ДДР выразило недоверие губернатору Б. Е. Немцову за то, что своим заместителем он сделал бывшего партаппаратчика И. П. Склярова [9, л. 19]. Закономерно также, что ДДР не поддержало также кандидатуру главы Горьковской железной дороги О. Х. Шарадзе на пост мэра. Поддержан движением был П. Г. Чакин, большой известностью в регионе не пользовавшийся.

В таких реалиях лидеры нижегородского движения «Демократическая Россия» закономерно отметили, что «как в отдельных городах и районах, так и в области в целом властью облечены те же люди, которые правили раньше. Последние назначения глав местной администрации Нижегородской области убедительно свидетельствуют о том, что прокоммунистическое большинство областного Совета не собирается отдавать свои позиции. Очевидно, что прогрессивные реформы, намеченные Правительством Российской Федерации, не могут быть осуществлены такими людьми» [9, л. 27 об.].

Это вполне соотносилось с тем, как обстояло дело в движении в Москве. Так, «...в ноябре 1991 г. Л. Пономарев [А. Ф. — один из лидеров], давая оценку действиям Президента, отметил, что ДР поддерживала Б. Ельцина только тогда, когда «считала нужным» Когда же позиция Б. Ельцина стала

не устраивать многих в ДР, они потребовали объяснений по поводу Указа Президента о прямом назначении глав исполнительной власти в краях и областях России Данная критика действий Президента РСФСР со стороны ДР пока носила системную лояльную сущность, так как разногласия с новой российской властью носили тактический характер» [8, с. 28].

Иначе говоря, и в центре, и на местах движение «Демократическая Россия» не выдвинуло лидера, взявшего бы в свои руки власть, но было рядом с лидером, причем не сумев стать не только единственной опорой этому самому лидеру, но даже опорой главной. В таких реалиях можно признать логичным стремление нижегородских демороссов стать частью общедемократической коалиции. Декларировалось, что «Движение не должно умирать, оно должно развиваться, занимая левый фланг демократического фронта» [9, л. 3]. На лидерство в рамках политической системы движение уже не мыслило.

В этих реалиях в движении — в том числе и в Нижегородской области — начались расколы. Не случайно, что в 1992 гг. лидеры нижегородских демороссов заявляли: «Мы выражаем серьёзную озабоченность усилением влияния максималистских сил среди руководства и части актива областной администрации и «Демократической России» и считаем, что их действия могут привести к деградации и распаду организации» [9, л. 41].

Группа, которую можно было охарактеризовать как радикальную (А. И. Светличный, В. И. Чумак и др.), считала, что главная угроза в настоящее время исходит не от открытых противников реформ — национал-большевистского блока в лице державнических организаций, а от скрытых — от законспирированного «номенклатурного подполья». В данном случае речь шла о бывших членах КПСС, которые не только пошли служить новой власти, но (что было куда важнее!) имели все шансы изменить власть «изнутри» в худшую сторону. В таких реалиях поддерживать действующую власть — как в центре, так и в регионе — не следовало ни в коем случае.

Представители конструктивного крыла (С. В. Смирнов, В. М. Вишнепольский и др.) считали, что вероятность коммунистического реванша в тот период была весьма реальна. Как следствие, распыление антикоммунистических сил недопустимо. Отсюда напрямую следовало, что и Б. Н. Ельцина, и правительство России, и назначенного Б. Н. Ельциным губернатором Б. Е. Немцова надо поддерживать. Требовалось также максимально сближать все политические силы в стране, выступающие за реформы. Будучи в оппозиции к власти, они критиковали «историческую безответственность» [10]. Вышеуказанная группа образовала объединение «Гражданская инициатива», которое поддерживалось и финансировалось из источников, близких к Б. Е. Немцову [4, л. 43].

В декабре 1992 года обозначенное выше противоречие вышло на новый уровень. Новыми сопредседателями СП НРО «ДР» были избраны В. М. Вишнепольский, И. А. Иванова и С. В. Смирнов. Впрочем, проигравшие В. И. Чумак и А. И. Светличный продолжали публично позиционировать себя в качестве сопредседателей регионального отделения «ДемРоссии» и даже отказывались передать новым сопредседателям печать, бланки, документы НРО. Важно также подчеркнуть, что причиной ослабле-

ния «Демократической России» на региональном уровне стало и ещё одно обстоятельство: политическая деятельность членов движения «Демократическая Россия» по-прежнему воспринималась скорее как хобби в рамках сферы свободного времени, а не как «профессия». В реалиях советской экономической модели такой подход был возможен, а вот в реалиях зарождавшейся рыночной экономики — уже куда как в меньшей степени. В самом деле: костяк организации в советские годы относился скорее к среднему имущественному классу, имел стабильную работу и даже возможность тратить часть своего свободного времени на не приносящие финансовой выгоды деяния. В условиях же «дикого рынка» возможности для прежних заработков снизились, а наличествующее время эффективнее было тратить на зарабатывание денег. Здесь справедлива оценка советского исследователя феномена неформальных политизированных движений Ю. А. Виноградова, согласно которой «без опоры на свой фундамент — гражданские интересы — никакое движение как устойчивое и продуктивное явление существовать не может и вырождается в видимость, призрачный фантом, бесплодное сектантство» [11, с. 18]. В таких реалиях отток активистов из движения являлся не просто оправданным, но даже вполне логичным [12, л. 2].

Заключение. Признаем, что коллективное руководство движением, аморфность последнего, а также отсутствие харизматического лидера привело к тому, что «Демократическая Россия» — как в центре, так и в регионах (в том числе и в Нижегородской области, которая считалась демократически ориентированной) — не стала значимой политической силой, а эволюционировала из коалиции антикоммунистических сил в раздираемую противоречиями организацию, утрачивающую остатки влияния на лиц, принимающих значимые решения.

Кроме того, начиная с конца 1991 года наблюдался отток активистов из движения [13, с. 7]. Такое положение дел было естественным в условиях ухудшения материального положения существенной части членов ДДР, отсутствия содействия со стороны региональных властей. Организация не имела перспектив для развития также и по причине упадка головной структуры в Москве. Вероятнее всего, уместно утверждать, что в новых политических и экономических реалиях требовались политические организации иного рода, а созданные по принципу «против КПСС» движения становились анахронизмом.

Библиографический список

- Новиков С. В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири (проблемы взаимовлияния, 1988—1996 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2000. 476 с.
- Пахомова Е. А. Эволюция демократического движения: от движения «Демократическая Россия» к «Демократическому выбору России» // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. В 13 ч. Тамбов: ООО Консалтинговая компания Юком, 2013. Ч. 11. С. 98—100.

- Калачев А. П. О спецификации функционирования движения «Демократическая Россия» на региональном уровне (на примере Нижегородской области) // Научное мнение. 2013. № 6. С. 108—112.
- Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. 7865. Оп. 6. Д. 11. Тексты выступлений представителей движения «Демократическая Россия» / Е. Булатова, Н. А. Виноградова, В. Чумака. 44 л.
- ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 24. Д. 3989. Информация о деятельности нижегородского «Демократического союза». 5 л.
- Базанов П. Н. «Российские эмигранты в условиях “холодной войны”» — лучшее научное исследование по послевоенной эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 3. С. 186—188.
- Коньков П. А. Движение «Демократическая Россия»: идеология и практика. Конец 1980-х — начало 1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2005. 19 с.
- Дерябина Е. С. Эволюция оппозиционного движения «Демократическая Россия» в начале 90-х годов XX века // Антро. 2015. № 2 (17). С. 24—41.
- Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Р-6579. Оп. 2. Д. 160. Документы (листовки, заявления, информационные бюллетени, положения) движения «Демократическая Россия» и её Нижегородской областной организации. Список кандидатов для участия в российско-американском семинаре. 51 л.
- Смирнов С. «Демроссия» — вместе или порознь? // Нижегородский рабочий. 1992. 10 апреля. С. 4.
- Виноградов Ю. А. Гражданские движения в условиях перестройки: сущность, ориентация, тенденции развития: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Москва, 1991. 22 с.
- ГОПАНО. Ф. 7865. Оп. 6. Д. 2. Переписка с территориальными отделами, партиями, общественными движениями. Документы/резолуции, проекты, программы, заявления/о работе совета представителей движения «Демократическая Россия». 24 л.
- Фоменков А. А. От разрозненных активистов к массовой политической активности: К истории горьковского политического неформалитета в годы перестройки // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 5—8.

ФОМЕНКОВ Артем Александрович, доктор исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры социально-политических коммуникаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.
SPIN-код: 7240-4777
AuthorID (РИНЦ): 462435
Адрес для переписки: artjom2310@inbox.ru

Для цитирования

Фоменков А. А. История движения «Демократическая Россия» в Нижегородской области: политическое поражение было логичным // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 31—35. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-31-35.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023 г.
© А. А. Фоменков

THE HISTORY OF THE DEMOCRATIC RUSSIA MOVEMENT IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION: POLITICAL DEFEAT WAS LOGICAL

The article is devoted to the history of the functioning of the movement «Democratic Russia» and, first of all, the Nizhny Novgorod branch of this structure. The aim of the work is to identify the features of the political activity of the movement «Democratic Russia» in 1990–1992 in the Nizhny Novgorod region. The tasks of the work are related to the identification of the most significant Nizhny Novgorod representatives of the movement, as well as the causes of splits in the organization. It is revealed that the reasons for the weakening and extinction of the movement «Democratic Russia» are almost the same both in the center and at the regional level.

Keywords: movement «Democratic Russia», activity, Nizhny Novgorod region, B. N. Yeltsin, B. E. Nemtsov, V. M. Vyshnepolsky, NTS, decline, anti-communism.

References

1. Novikov S. V. Politicheskiye partii, obshchestvenno-politicheskiye dvizheniya, pressa, izbiratel' Zapadnoy Sibiri (problemy vzaimovliyaniya, 1988–1996 gg.) [Political parties, socio-political movements, press, voter of Western Siberia (problems of mutual influence, 1988–1996)]. Omsk, 2000. 476 p. (In Russ.).
2. Pakhomova E. A. Evolyutsiya demokraticeskogo dvizheniya: ot Dvizheniya «Demokraticeskaya Rossiya» k «Demokraticeskomu vyboru Rossii» [Evolution of the democratic movement: from the «Democratic Russia» Movement to the «Democratic Choice of Russia»] // Aktual'nyye voprosy v nauchnoy rabote i obrazovatel'noy deyatel'nosti. V 13 ch. [Topical issues in scientific work and educational activities. In 13 parts]. Tambov, 2013. Part 11. P. 98–100. (In Russ.).
3. Kalachev A. P. O spetsifikatsii funktsionirovaniya dvizheniya «Demokraticeskaya Rossiya» na regional'nom urovne (na primere Nizhegorodskoy oblasti) [Specificity of functioning of the «Democratic Russia» movement at the regional level (Evidence from the Nizhny Novgorod region)] // Nauchnoye mneniye. *The Scientific Opinion*. 2013. No. 6. P. 108–112. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy obshchestvenno-politicheskiy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti (GOPANO) [State Social and Political Archive of the Nizhny Novgorod Region (SSPANNR)]. File: 7865/6/11. Teksty vystuplenij predstavitelej dvizheniya «Demokraticeskaya Rossiya» [Texts of speeches by representatives of the «Democratic Russia» movement] / E. Bulatova, N. A. Vinogradova, V. Chumaka. 44 Sheets. (In Russ.).
5. GOPANO [SSPANNR]. File: 3/24/3989. Informatsiya o deyatel'nosti Nizhegorodskogo «Demokraticeskogo Soyuza» [Information on the activities of the Nizhny Novgorod «Democratic Union»]. 5 Sheets. (In Russ.).
6. Bazanov P. N. «Rossiyskiye emigranty v usloviyakh "kholodnoy voyny"» — luchsheye nauchnoye issledovaniye po poslevoyennoy emigratsii [«Russian emigrants in the conditions of the "cold war"» — the best research on the postwar emigration] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*. 2011. No. 3. P. 186–188. (In Russ.).
7. Kon'kov P. A. Dvizheniye «Demokraticeskaya Rossiya»: ideologiya i praktika. Konets 1980-kh-nachalo 1990-kh gg [The «Democratic Russia» movement: ideology and practice. Late 1980s–early 1990s.]. Moscow, 2005. 19 p. (In Russ.).
8. Deryabina E. S. Evolyutsiya oppozitsionnogo dvizheniya «Demokraticeskaya Rossiya» v nachale 90-kh godov XX veka [Evolution of the opposition movement «Democratic Russia» in the early 90s of XX century] // Antro. *Antro*. 2015. No. 2 (17). P. 24–41. (In Russ.).
9. Tsentral'nyy arkhiv Nizhegorodskoy oblasti (TSANO) [Central Archive of the Nizhny Novgorod Region (CANR)]. File: 6579/2/160. Dokumenty (listovki, zayavleniya, informatsionnyye byulleteni, polozheniya) dvizheniya «Demokraticeskaya Rossiya» i eye Nizhegorodskoy oblastnoy organizatsii. Spisok kandidatov dlya uchastiya v rossiysko-amerikanskom seminar [Documents (leaflets, statements, newsletters, regulations) of the movement «Democratic Russia» and its Nizhny Novgorod regional organization. List of candidates for participation in the Russian-American seminar]. 51 Sheets. (In Russ.).
10. Smirnov S. Demrossiya — vmeste ili porozn'? [Demrossiya — together or separately?] // Nizhegorodskiy rabochiy. *Nizhegorodskiy Rabochiy*. 1992. April 10. P. 4. (In Russ.).
11. Vinogradov Yu. A. Grazhdanskiye dvizheniya v usloviyakh perestroyki: sushchnost', oriyentatsiya, tendentsii razvitiya [Civil movements under perestroika: essence, orientation, development trends]. Moscow, 1991. 22 p. (In Russ.).
12. GOPANO [SSPANNR]. File: 7865/6/2. Perekiska s territorial'nymi otdelami, partiyami, obshchestvennymi dvizheniyami. Dokumenty/rezolyutsii, proyekty, programmy, zayavleniya/o rabote Soveta predstaviteley dvizheniya «Demokraticeskaya Rossiya» [Correspondence with territorial departments, parties, public movements. Documents/resolutions, projects, programmes, statements/about the work of the Council of Representatives of the «Democratic Russia» movement]. 24 Sheets. (In Russ.).
13. Fomenkov A. A. Ot razroznennykh aktivistov k massovoy politicheskoy aktivnosti: K istorii gor'kovskogo politicheskogo neformaliteta v gody perestroyki [From scattered activists to mass political activity: to the history of Gorky political informality in years of perestroika] // Omskiy nauchnyy vestnik.

Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2017. No. 4. P. 5–8. (In Russ.).

FOMENKOV Artem Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of Theory of Politics and Communication Department, National Research Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod.

SPIN-code: 7240-4777

AuthorID (RSCI): 462435

Correspondence address: artjom2310@inbox.ru

For citations

Fomenkov A. A. The history of the democratic Russia movement in the Nizhny Novgorod region: political defeat was logical // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 2023. Vol. 8, no. 4. P. 31–35. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-31-35.

Received September 15, 2023.

© A. A. Fomenkov



ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ВОПРОСАМ СОЗДАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ СИБИРСКИХ ТАТАР (1989–1997 гг.)

Целью исследования является выявление факторов, вызвавших к жизни идею создания территориальной автономии сибирских татар на севере Омской и юге Тюменской областей Российской Федерации, а также выявление и изучение позиций и деятельности органов власти, общественно-политических организаций и субъектов экономических отношений, связанных с вопросом создания автономии. Анализ проведен на основе привлечения таких источников, как документы органов власти и общественных организаций; справочные материалы; печатные издания органов власти и общественных организаций, опубликованные воспоминания участников движения за возрождение сибирских татар, и данные, полученные в ходе встреч с ними; материалы журналистских расследований. Методологией исследования является метод историзма, в рамках которого были использованы синхронистический, статистический и сравнительно-исторический методы. По результатам проведенного исследования автор делает вывод о невозможности и нецелесообразности создания территориальной автономии сибирских татар.

Ключевые слова: сибирские татары, Сибирское ханство, Татарстан, Омская область, Тюменская область, территориальная автономия, Милли-Меджлис сибирских татар, татаро-башкирское движение «Ватан».

Сохранение целостности и обеспечение прав и свобод граждан в сфере национальных, экономических и культурных отношений занимают ведущее место при обеспечении устойчивого развития государства и его регионов. Это предопределяет необходимость изучения истории, культуры и политических предпочтений того или иного народа России.

Исследование татарской диаспоры в Западной Сибири имеет значительную историю. В начале 1960-х гг. этнографией сибирских татар начал заниматься Ф. Т.-А. Валеев, переехавший в 1962 г. в Казань. С 1970-х гг. он постоянно сотрудничал с омскими коллегами, участвовал в написании совместных статей и монографий. Начиная с последней четверти XX в. по истории и этнографии татар Западной Сибири омскими учеными под руководством Н. А. Томилова были защищены две докторские и 20 кандидатских диссертаций. В эти же годы по данному научному направлению было опубликовано более 30 монографий и несколько десятков сборников научных трудов [1, с. 57, 58]. С 1990-х гг. в рамках научной школы Н. А. Томилова исследуются вопросы решения национально-культурных проблем региона. По результатам исследований под патронатом Комитета по культуре и искусству Администрации Омской области, Омского государственного университета, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и фило-

софии Сибирского отделения РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии в 1994 г. был разработан научно-исследовательский проект «Решение национально-культурных проблем Омской области», включающий в себя разделы «Проблемы культурного развития отдельных национальных групп Омской области» и «Целевые установки в развитии национальных культур Омской области», содержащие материалы, связанные с татарами региона [2, с. 43–44, 53–56]. Работа в данном направлении привела к накоплению материалов по этноориентированным центрам и национальным татарским организациям в регионах Западной Сибири [3, 4]. При этом общественно-политическая деятельность не являлась частью этих исследований.

Как следствие, органы власти, общественно-политические организации и их участие в решении вопросов создания территориальной автономии сибирских татар подвергается комплексному анализу практически впервые. Исходя из чего целями представленного исследования являются:

— выявление факторов, вызвавших к жизни идею создания территориальной автономии сибирских татар на севере Омской и юге Тюменской областей Российской Федерации;

— изучение позиций и деятельности органов власти, общественно-политических организаций

и субъектов экономических отношений, связанных с вопросом создания автономии;

— формирование выводов о возможности и целесообразности её создания.

Исследование проведено на основе широкого круга источников, как-то: документы органов власти и общественных организаций, справочные материалы, печатные издания органов власти и общественных организаций, опубликованные воспоминания участников движения за возрождение сибирских татар и данные, полученные в ходе встреч с ними, материалы журналистских расследований.

Национальное движение татар. Изменения в татарском обществе назревали в 1970-е — начале 1980-х гг. Еще в процессе разработки Конституции 1977 г. имели место предложения по преобразованию Татарской автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) в составе РСФСР в союзную республику. Они, как требование, повторились в 1988 г. на XIX партийной конференции.

Происходящее явилось следствием формирования в ТАССР национальной партийно-хозяйственной номенклатуры. К концу 1980-х гг. удельный вес татар в среде руководителей предприятий и организаций составил 64,1 %, а среди номенклатуры КПСС — 56,7 %. Доля художественной и творческой интеллигенции у татар к началу 1990-х гг. была более чем в 1,5 раза больше, чем у русских [5, с. 520, 521, 523]. Отметим, что по переписи 1989 г. татары составляли 48,5 % населения республики, русские — 43,3 %, чуваша — 3,7 % [6].

Как следствие, в годы перестройки в республиканской прессе ведущее место занимали дискуссии по этнической истории и этнониму татарского народа, топонимике и символам, роли ислама, проблемам культуры и языка. Эти дискуссии вели к формированию новых оценок исторического прошлого и настоящего татарского народа [7, с. 312–313].

Составной частью национального возрождения было «обретение» диаспоры. В 1988 г. появились статьи о литовских татарах (в том числе живущих в Польше), о татарах Финляндии, США, крымских татарах, татарах Киргизии, Западной Сибири, Башкирии, Ульяновской области. В последующие годы к ним прибавились публикации о татарах Урала, Оренбурга, Санкт-Петербурга, астраханских, сибирских, татарах Японии [5, с. 522]. Познавательные публикации становились этапом формирования политических настроений.

В 1988–1990 гг. шел процесс складывания альтернативных движений, как-то: Татарский общественный центр (ТОЦ), Татарская партия национальной независимости «Иттифак» («Иттифак»), Союз молодежи «Азатлык», движение «Суверенитет», Молодежный центр исламской культуры «Иман» (МЦИК «Имам») и др. К 1990 г. в ТАССР было свыше 4 тыс. объединений различной направленности. Консолидирующей силой стал ТОЦ, учредительный съезд которого в 1989 г. выдвинул лозунг: «Татарии — статус союзной республики!» [5, с. 522; 3, с. 316].

Осенью 1989 г. Татарский обком КПСС возглавил М. Ш. Шаймиев. В 1989 г. при обкоме была создана рабочая группа по национальному вопросу и организован «Круглый стол» представителей различных общественно-политических движений [7, с. 312–313].

К декабрю 1990 г. доверие альтернативным национальным организациям выражали 12 % опрошенных, а КПСС поддерживало 9,4 % респондентов

[5, с. 522]. Организацию «Круглого стола» можно оценить как ответ коммунистической номенклатуры на рост влияния национальных движений, позволивший сохранить контроль над общественно-политической жизнью республики.

В соответствии с решениями «Круглого стола» руководство ТАССР поставило вопрос об особых отношениях с союзной и российской властями. В апреле 1990 г. на I сессии Верховного Совета (ВС) ТАССР двенадцатого созыва на пост председателя ВС были выдвинуты три кандидатуры: первый секретарь Татарского обкома КПСС М. Ш. Шаймиев, писательница Ф. А. Байрамова («Иттифак») и доцент Казанского университета М. А. Мулюков (ТОЦ). Более 70 % голосов было отдано за М. Ш. Шаймиева. Так партийно-хозяйственной номенклатуре удалось сохранить власть в своих руках. 26 апреля 1990 г. был издан Закон «О разграничении полномочий между СССР и субъектами Федерации». 12 июня 1990 г. Верховный Совет (ВС) РСФСР принимает «Декларацию о государственном суверенитете», в которой ничего не говорилось об особом статусе ТАССР. В ответ лидеры ТАССР выступили за принятие Декларации о государственном суверенитете республики. Нуждаясь в поддержке автономий в борьбе против М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцин 5 августа 1990 г. прибыл в Казань и сделал знаменитое заявление, призывая автономии брать «столько суверенитета, сколько они смогут проглотить». 30 августа 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики (ТССР). Принятие Декларации означало преобразование автономии в суверенное государство. В Декларации не упоминалось, что ТССР является составной частью РСФСР: наоборот, Декларация была представлена в качестве основы для новой Конституции, заключения «Союзного Договора» и «договоров с РСФСР и другими союзными республиками» [7, с. 312–313, 319–320].

Так закончилась борьба ТАССР за суверенитет. Её основой было совпадение интересов партийно-хозяйственной элиты и политизированной национальной интеллигенции. Каждая из указанных сил использовала идеи обеспечения приоритетного развития татарской нации в своих интересах.

Сибирские татары или татары в Сибири?

На территории Западно-Сибирской равнины коренное тюркоязычное население, «сибирские татары», сосредоточено в Тоболо-Иртышском, Обско-Томском бассейнах и Барабинском лесостепи. В их составе по этнолингвистическим и культурным особенностям выделяются тоболо-иртышские, барабинские, томские татары и чулымские тюрки. Сибирские татары соседствуют на юго-востоке с самодийцами Нарыма и тюрками Алтае-Саянского нагорья, на юго-западе — с тюрками Южной Сибири, Казахстана и Приуралья, на севере — с обскими уграми. Сибирские татары, проживающие на различных территориях, испытывали этнокультурное и генетическое влияние соседей, что нашло отражение в особенностях их антропологического состава.

Тоболо-иртышские татары — самая крупная группа по этнолингвистическим данным — подразделяется на четыре подгруппы, различающиеся между собой особенностями в языке и культуре. Их антропологический состав сложен, а генетическая увязка в ряде случаев позволяет говорить, что появление различий обусловлено метисационными процессами в недалеком прошлом.

Барабинские татары конца XX в. проживали в степи между р. Иртышом и р. Обью в пределах современной Новосибирской области.

Томские татары — тюркоязычное население, обитающее в бассейне р. Нижней Томи, в пределах современной Томской области. Данная группа является потомками коренных тюркских племен, которых застали здесь русские в начале XVII в. Группа сложилась в процессе длительных контактов и слияния нескольких тюркоязычных групп, населявших нижнее течение р. Томи — зуштинцев (йаушта-лар), чатов (цаттыр), калмаков (калмактар). Ядром формирования томских татар явились зуштинцы. К северо-западу от чатов и зуштинцев на р. Оби и ее левом притоке р. Шегарке в конце XVII — начале XVIII вв. возникла большая группа обских татар. В их состав вошли местные тюркские элементы. Основную массу предков обских татар составляли самодийцы, ассимиляция которых тюрками привела к появлению таких групп обских татар, как шегарская и провско-соргулинская.

Чулымские тюрки — древнее тюркоязычное население бассейна р. Чулыма, правого притока Оби в пределах современной Томской области. В начале XVII в. они проживали по нижнему и среднему течению реки и по её притокам Яе и Кие. Чулымцы представляли из себя «неопределенную группу родов». Общего самоназвания они, видимо, не имели, в настоящее время вместо него употребляют выражение «пистинг кижы» — «наш человек» [8, с. 17, 21, 23, 27].

Специалисты выделяют ранние и поздние этнические контакты сибирских татар с другими народами. К ранним относятся контакты с кыпчаками, взаимоотношения с тюркизированными угроязычными племенами, племенами Саяно-Алтая; к поздним — с народами Средней Азии, татарами Поволжья, башкирами, казахами. Значимыми для сибирских татар были контакты с сибирскими бухарцами и татарами Поволжья. Бухарцы — это обобщающее название узбеков, таджиков, уйгуров и других народов, переселившихся из Средней Азии в Западную Сибирь в XVI — XVIII вв. [9, с. 25 — 26, 28].

Государственная политика ускоренного освоения северной части СССР, начавшаяся с середины 1960-х гг., стимулировала миграционные процессы среди народов и привела к изменениям в этническом составе регионов. В Западной Сибири произошло увеличение численности и трансформировалась поселенческая структура татарского населения. Так, в Тюменской области с 1959 г. по 1989 г. численность татар увеличилась более чем в 3 раза, в Ямало-Ненецком округе — в 9, Ханты-Мансийском округе — в 33. Татары стали составлять значительную часть населения городов — Нефтеюганска, Надыма, Ханты-Мансийска, Сургута и др. Источниками пополнения были, Башкирская и Татарская АССР, откуда прибывали в Западную Сибирь нефтяники, газовики и строители — квалифицированные рабочие-татары [8, с. 576; 10, с. 132].

В 1989 г. д.и.н., профессор Н. А. Томилов в газете «Омская правда», рассказывая о процессах этнического самосознания, писал «[...] задавался традиционный вопрос [...] к каким русским или татарам вы себя относите? Человек задумывался и, как правило, отвечал на него. Тогда оказывалось, что татары Западной Сибири называют себя по-разному: сибирскими, тарскими, бухарскими (или бухарцами), казанскими, мишерскими, астраханскими, крымскими татарами и др. В начале 1970-х гг. нами было



Рис. 1. Валеев Фоат Тач-Ахметович (1918–2010 гг.). Видный отечественный этнограф, академик Международной тюркской академии, профессор, доктор исторических наук, общественный деятель

зафиксировано среди них более 20 таких самоназваний» [11].

По данным переписи 2002 г. в Уральском Федеральном округе насчитывалось 636454 татарина, сибирскими записалось 8981 чел. В Тюменской области татарами были 242325 жителей, из них сибирскими идентифицировали себя 7890 чел. Сибирские татары, помимо того, проживали в Томской, Омской, Новосибирской, Кемеровской и Свердловской областях Российской Федерации [9, с. 33, 48].

В начале 1980-х гг. имело место формирование теории самостоятельного происхождения сибирскотатарского этноса, отличного от поволжско-татарского. Концепция была изложена в трудах Ф. Т. Валеева и Н. А. Томилова, которые научно продвигали идею сибирскотатарской самобытности [8, с. 594]. Положение было конкретизировано Ф. Т. Валеевым: «Современные коренные татары представляют собой самостоятельный этнос с присущими такой исторической общности устойчивыми признаками, как язык, этническая территория, этническое самосознание, конфессиональная общность, эндогамия, а в прошлом — социально-политическая общность, связанная с существованием Сибирского ханства» [12, с. 15–16] (рис. 1).

В поисках пути. В 1988 г. в Тюменской области был создан Комитет по возрождению сибирских татар во главе с поэтом Б. В. Сулеймановым (рис. 2). Он призывал татар Сибири к активным действиям за возрождение: «Естественно, каждый народ хочет выжить. И мы, сибирские татары, хотим говорить на своем языке, на котором разговаривали наши предки, хотим обладать теми озерами, реками, полями, лугами, которые оставили они нам в наследство. Мы хотим иметь на своей родной земле такие же национальные и политические права, какие имеют другие народы». Обращался поэт к соплеменникам [13, с. 359]. В конце 1980-х гг. инициативная группа из Усть-Ишимского района Омской области, в которую входили Ш. Бариев и Р. Н. Яхина создали «Комитет по возрождению сибирских татар» (КНВСТ) [14, с. 574] (рис. 3).



Рис. 2. Сулейманов Булат (Бикбулат) Валикович (1938–1991 гг.).
Основоположник литературы
сибирских татар, член Союза
писателей ТАССР, СССР, выпускник
Литературного института имени
М. Горького, поэт, прозаик, публицист,
общественный деятель



Рис. 3. Яхина Роза Набиевна (1942 г.р.)
Создатель ансамбль «Чишма»,
работник Центра сибирско-татарской
культуры города Тобольска,
руководитель вокального ансамбля
учителей-ветеранов «Яшлекка саяхат»
при Центре сибирско-татарской
культуры, общественный деятель

В 1988–1990 гг. в Западной Сибири возник ряд татарских общественных объединений. Среди них выделялись региональные подразделения ТОЦ. После участия его лидеров в работе I съезда ТОЦ в г. Казани 17–18 февраля 1989 г. в его решениях говорилось о необходимости создания в районах компактного расселения татар национальных районов. 29 сентября 1990 г. в г. Тюмени на учредительной конференции был создан оргкомитет «Ассоциации татар Тюменской области» (АТТО). Имел место и опубликованный проект программы «Ассоциация татар Сибири «Сыбыр»» (Ассоциация «Сыбыр»). В ноябре 1990 г. были опубликованы проекты Устава и программы АТТО. Был избран председатель оргкомитета АТТО Р. М. Насибуллин. Съезд АТТО прошел 14–15 декабря 1990 г. Газета «Тобольская правда» поместила на своих страницах большой материал о нём «Есть татарская партия?». С одной

стороны, на съезде был принят ряд документов: резолюция о создании АТТО; Обращение к ВС СССР; Обращение к населению Тюменской области. В Обращении к ВС СССР содержались пункты о признании за сибирскими татарами статуса коренного населения, о фиксации сибирских татар в графе «национальность» в паспортах как «сибирские татары». В резолюции I съезда было определено: «этническая общность татар, формирование которой произошло на данной территории... отличается от крымских и казанских татар по происхождению, способу хозяйствования, культуре и языку. Это давало основание поставить вопрос перед ВС РСФСР и СССР о признании самостоятельного этноса — «Сибирские татары» (сыбыры)». С другой стороны, съезд отказался от первоначального требования относительно создания для сибирских татар национального округа, ограничившись пунктом о формировании национальных сельских Советов и районов. К тому же на форуме возникли разногласия между сибирскими и другими группами татар [8, с. 594–596; 15]. В июне 2023 г. автору удалось побеседовать с руководителем Центра татарской культуры Томской области Ш. К. Халитовым [16]. На вопрос об отношении к идее создания автономного округа сибирских татар Шамилем Камильевичем был дан однозначный ответ — необходимость изменения границ областей и краев РСФСР, не говоря уже о границах Казахской ССР, на фоне начавшихся в СССР национальных конфликтов, вызывало беспокойство татарской общественности и стало фактором неприятия идеи создания территориальной автономии.

Историческое государство. Можно предположить, что общественная дискуссия о государственно-политической общности сибирских татар началась со столицы Сибирского ханства — г. Искер и личности Ермака. Руководитель кружка краеведения из г. Тобольска В. Ю. Софронов опубликовал серию статей, как-то: «Искер — город из прошлого», «Кто же ты, Ермак Аленин?» [17, 18]. Суть гипотезы краеведа состояла в том, что Ермак (подлинное имя Василий Аленин) — выходец из знатного татарского рода тайбутинов, вмешался в династические распри в Искере и сверг Кучума. Версия была раскритикована историками... В 1993 г. в издательстве «Уральский рабочий» В. Ю. Софронов издал исторический роман «Кучум» [19]. Тема противостояния Ермак — Кучум / Московское царство — Сибирское ханство, была открыта для политизированного обсуждения [20].

Начало научной популяризации хана Кучума, как государственного деятеля, положило исследование казахстанского историка М. Ж. Абдирова «Хан Кучум: известный и неизвестный» [21, с. 132–133]. В небольшой книжке, привлекавшей внимание не только национальной интеллигенции, но и обычного читателя, давалась и характеристика государственности сибирских татар. «Кучумова Сибирь, Сибирский юрт, Царство Иртышское, Сибир хандыги» — так называли Сибирское ханство современники. Ханство занимало территорию нынешней Западной Сибири, Зауралья и Северного Казахстана в бассейне рек Иртыш, Есиль и Тобол. Его государственное устройство напоминало структуру государства кочевых узбеков Абу-л-Хайр-хана или Ногайской Орды, но с заметным влиянием Бухарского ханства. Опорой хана на местах были племенные и родовые улусные князья, мурзы, беки. Они управляли вверенными владениями. Хан практи-

чески не вмешивался в их деятельность, но требовал сбор ясака и мобилизацию воинов для набегов и защиты границ ханства. При хане действовал «диван» — высший орган, где обсуждались и решались государственные вопросы. Вторым человеком в ханстве был визирь. Численность жителей была не велика — 30 тыс. данников. Религией являлся ислам суннитского толка с культом 300 местных святых шейхов. С 1580 г. ханство прервало вассальные отношения с Московским царством. Оценка присоединения Сибирского ханства к России неоднозначна. Автор писал: «Как и испанские, английские и другие европейские завоеватели, казаки огнем и мечом покоряли мирные народы, беспощадно истребляли всех, кто оказывал им сопротивление, защищая родной край». Статус территорий бывшего ханства определялся им как колониальный [21, с. 3, 42, 49, 54, 62, 80, 87, 97].

Впоследствии тема уровня социально-экономического развития татар Прииртышья и Сибирского ханства в целом стала предметом тщательнейшего изучения с последующим изданием работ, повествующих о его социальной и экономической жизни, военном деле и вооружении, истории присоединения к Российскому государству и его последствиях [22; 9, с. 34–39; 8, с. 177–195, 205–241, 241–259, 260–271]. Но эти исследования появились гораздо позднее.

Между тем предложенная в середине 1990-х гг. В. Ю. Софроновым и М. Ж. Абдиловым историческая «мифологема» представляла возможность ставить вопрос о воссоздании государственности в виде территориальной автономии.

Политическая борьба. После исчезновения СССР политизированная часть татар-общественников в регионах Западной Сибири сотрудничала с представителями «Гражданского согласия», «Блока: Явлинский-Болдырев-Лукин» (ЯБЛоко), «Демократической России», что объяснялось готовностью последних «к дальнейшему углублению федерализма в России» [23, с. 15–23].

В Омской области политическим представителем татарской диаспоры заявило себя созданное в январе 1993 г. татаро-башкирское движение «Ватан» [24, с. 21].

Движение приняло участие в выборах 12 декабря 1993 г., выдвинув одного из своих руководителей Х. К. Садыкова в качестве кандидата в депутаты Государственной Думы (ГД). В ГД Х. К. Садыков не прошел [25, с. 6–7]. В марте 1994 г. «Ватан» выставил кандидатами в Законодательное собрание Омской области (ЗСО) Х. К. Садыкова и М. Г. Хамидова. В ЗСО оба кандидата не прошли. Но одним из 30 депутатов ЗСО в 1994 г. стал руководитель омского отделения Открытого акционерного общества «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД») Р. А. Бикбавов [26, с. 4–5].

Депутатом ГД от Ямало-Ненецкого автономного округа стала Ф. Ш. Арсланова — юрист общества с ограниченной ответственностью «Газпром добыча Уренгой» (ООО «Уренгойгазпром»), кандидат блока «Женщины России» [27, с. 23]. В Думе Ханты-Мансийского автономного округа из 22 депутатов один являлся представителем татарской диаспоры [28, с. 45].

Анализ выборных кампаний 1993 г. и 1994 г. позволяет говорить о неудачах, постигших политизированную часть татар-общественников. В ГД РФ и законодательных органах его субъектов представителями татарской диаспорами, с учетом процента

проживания татар в регионе, стали «хозяйственники».

В начале 1990-х гг. в политизированной части татар-общественников вновь возрождается идея создания территориальной автономии сибирских татар. В июле 2022 г. автору статьи довелось встретиться с Р. Н. Яхиной. Р. Н. Яхина — уроженка д. Каусы, директор клуба в п. Малая Бича и создатель ансамбля «Чишиа» (Усть-Ишимский район Омской области), активный участник движения за возрождения сибирских татар. В 1991 г. она переезжает в Тобольск [29, с. 7]. На вопрос о возвращении к идее создания автономии сибирских татар Роза Набиевна пояснила, что:

— факт обретения суверенитета Республикой Татарстан давал надежды на расширение практики создания национальных субъектов в РФ;

— надежда подкреплялась не только дискуссией о необходимости восстановления автономии немцев, но и фактом создания немецких национальных районов в Омской области и Алтайском крае;

— идею создания автономии сибирских татар на севере Омской и юге Тюменской областей поддерживал уроженец с. Карасуль Ишимского района Тюменской области, глава администрации Тюменской области в 1991–1992 гг., министр топлива и энергетики РФ в 1993–1996 гг. Ю. К. Шафранник.

Последнее пояснение Р. Н. Яхиной отнюдь не голословно. Дело в том, что Ю. К. Шафранник надеялся противопоставить создание автономии с её законодательством залоговым аукционам, противником которых являлся [30].

На уровне региона идея была поддержана Милли-Меджлисом сибирских татар. Работу на территории северных районов Омской области проводила депутат Милли-Меджлиса сибирских татар Р. Н. Яхина. На встречах с гражданами, представителями властных структур, а также в районной печати она предлагала первоочередные шаги по реализации данной задачи:

— организация экспедиции по святым местам, где проходили шейхи, принесшие в Сибирь ислам;

— паспортизация мавзолеев шейхов;

— создание памятника на месте бывшей столицы Сибирского ханства;

— отправка на учебу в Арабские Эмираты детей-сирот [31].

Аналитическая записка «Тенденции национально-политического процесса на территории Сибири и Омской области» Комитета по информационно-аналитической работе администрации Омской области от 24 июня 1994 г. указывала, что в регион поступает политически ориентированная литература на татарском и русском языках. Брошюры иллюстрированы, носят ярко выраженный антирусский характер. Возможными каналами поступления авторы записки называли татаро-башкирское объединение «Ватан» и приезжающих из Казани эмиссаров [32, с. 13]. Необходимо отметить, что помимо эмиссаров из Казани литературу в регион доставляли участники движения за возрождение татар Сибири, неоднократно бывающие в суверенном Татарстане.

Отметим, что активную работу в пользу создания территориальной автономии сибирских татар в регионе в рамках своих программных документов вело татаро-башкирское объединение «Ватан» [24, с. 21]. По данным Комитета по информационно-аналитической работе, в ноябре-декабре 1994 г. ватановцы работали над запуском местного прило-

жения к газете «Татар Иле» (Татарские края), выходящего в Казани и жестко полемизировавшего с изданием «Сибирское Время» и лидером Российского общенародного союза (РОС) С. Н. Бабуриным [33, с. 83].

Отдельной темой стали оценки «Ватан» и других организаций событий в Чечне. В декабре 1994 г. лидеры Казахского национально культурного центра и татаро-башкирского объединения «Ватан» предприняли попытку публикации обращения «Уважаемые депутаты! Благоразумные граждане!», где боевые действия в Чечне и регионах Северного Кавказа между вооруженными силами РФ и непризнанной Чеченской Республикой Ичкерия (ЧРИ) с целью взятия под контроль РФ территории ЧРИ назывались авантюрой, а народ Ичкерии — чеченцы — жертвой. В июне 1995 г. на встрече с участниками Всемирного конгресса башкирского народа М. Г. Хамидов заявил, что в Будённовске «еще не известно, как это все началось и кто виноват...» [10, с. 134; 28, с. 88].

На указанном фоне деятельность сторонников создания территориальной автономии получили оценку с точки зрения геополитики. После гражданской войны в бывшей Социалистической Федеративной Республике Югославии (СФРЮ) боснийский государственный и политический деятель, в 1990 — 1996 гг. президент Республики Босния и Герцеговина Алия Изетбегович заявлял о необходимости создания исламского пояса от Адриатики до Великой Китайской стены. Идея активно, но не всегда заметно, поддерживалась исламским миром. В ее развитии в определенных политических, религиозных и криминальных кругах Содружества Независимых Государств (СНГ) выдвигался тезис о неправомерности создания Оренбургской области, рассекшей исламский мир и оторвавшей Татарстан и Башкортостан от Казахстана. Конечной целью тех, кто стоял за геополитической комбинацией, было создание исламской «подковы», прошедшей из Казани через Казахстан в Западную Сибирь и на север, рассекая РФ [34, с. 52]. В данном случае «наследство» Сибирского ханства резко повышалось в цене. Справедливости ради отметим — сторонники автономии сибирских татар о геополитических последствиях своей деятельности могли и не предполагать.

Распределение видов деятельности. Анализируя деятельность общественников из числа сибирских татар, нельзя не отметить, что её разделения на политическую и культурно-просветительскую в указанные годы не произошло. Достаточно указать, что:

— депутат Милли-Меджлиса сибирских татар Р. Н. Яхина вела деятельность за создание территориальной автономии на севере Омской и юге Тюменской областей, работая сначала методистом Центра сибирскотатарской культуры, затем лаборантом историко-этнографического музея в г. Тобольске [29, с. 7];

— татаро-башкирское объединение «Ватан», вместе с культурными центрами, самым активнейшим образом работало над вопросами организации обучения детей родному языку и подготовки национальных кадров [24, с. 24 — 41].

В феврале 1996 г. в газете «Тобольская правда» в рубрике «Национальный вопрос» появилась подборка материалов. Материал «Сибирские татары: положение критическое» доводил до читателя информацию о том, что:

— за последние 20 лет исчезло 120 татарских сел;

— 18,8 % не считает родным язык национальности, в 1939 г. таких было 3,7 %;

— 44 из 100 татар не могут пройти медкомиссию (нездоровы);

— в 1989 г. на 1000 родившихся младенцев из числа татар умирало 20,2;

— в результате отсутствия школ (нет учителей татарского языка), домов культуры в татарских деревнях имеет место отток в русские.

Материал указывал, что сибирские татары не имеют письменности, литературы, национальных очагов культуры и т.д. Между тем это самостоятельный этнос. На этой же газетной полосе в указанной рубрике была опубликована статья Л. Малаш «Русские в Казахстане стоят в очереди на выезд» и подборка «Священный Рамазан» за подписью Имам Хатыб [35].

Переплетение видов деятельности организаций естественно. Попытку учесть различия подходов отмечают документы Комитета по информационно-аналитической работе администрации Омской области, констатирующие, что руководитель татаро-башкирского объединения Л. И. Шугуров выдвигает себя на соискание должности сотрудника Гарвардского проекта, определяя себя как лидера и координатора национально-освободительного движения в регионе. В связи с чем стоит вопрос о возможном распределении ролей между «Ватан» и культурным центром [33, с. 105 — 106].

В рамках партстроительства в преддверии выборов Государственной Думы летом 1995 г. было создано Общероссийское политическое общественное движение «НУР» («Свет»). Движение декларировало защиту интересов мусульманской части населения РФ (по самооценкам — 18 %) [36]. Властные структуры, надеясь на размывание движением электората КППРФ, в первой тройке которой значился А. Г. (М.) Тулеев. В Омской области на избирательных округах от движения были выдвинуты: Х. К. Садыков (юрист, один из лидеров «Ватан»), Р. М. Шарафутдинов (руководитель предприятия «Арафат»), А. Х. Жунусова (директор казахского культурного центра «Молдир»). Выдвижение было поддержано муфтием Сибири З. Шакирзяновым [37, с. 37].

Политические последствия описанной выше деятельности оказались более чем скромными. В округах выборы были проиграны. Что касается результатов голосования по партийным спискам, то попавшее в избирательные бюллетени движение «НУР», в среднем по РФ, заручилось поддержкой 0,57 % голосов. В северных районах Омской и на юге Тюменской области количество голосов, отданных за движение, колебалось от 2,7 до 7,4 % [36; 6, с. 136].

К началу 1996 г. был разработан Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Он был принят Государственной Думой РФ 22 мая 1996 г. и одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. В законе были определены основы взаимодействия государства и граждан для реализации и защиты их этнических запросов в различных формах самоорганизации на добровольной основе. Уже 18 декабря 1996 г. правительством РФ было принято постановление об образовании Консультативного совета по делам национально-культурных автономий. Реализация закона предоставляла сибирским татарам возможность:

— сохранять и поддерживать национальную самобытность и традиционный образ жизни, обогащать культурно-историческую среду, приумножая ценности материальной и духовной культуры сибирских татар как народа;

— осуществлять национально-культурную самоорганизацию и представлять интересы в органах законодательной и исполнительной власти различного уровня, получая из государственного бюджета и бюджета местного самоуправления средства пропорционально доле татарского населения на содержание образовательных, культурных учреждений и организаций, имеющих целью сохранение и развитие этнокультурной самобытности татар;

— иметь доступ к государственным средствам массовой информации;

— участвовать в международных неправительственных организациях [10, с. 137].

Заключение. Подводя итоги анализа деятельности органов власти, общественно-политических организаций по решению вопросов создания территориальной автономии сибирских татар, необходимо отметить, что факторами, вызвавшими к жизни идею её создания, являлись:

— формирование, в ТАССР национальной партийно-хозяйственной номенклатуры и национальной интеллигенции, решивших в конце 1980-х — начале 1990-х гг. вопросы суверенизации республики;

— разработка теории самостоятельного происхождения сибирскотатарского этноса с присущими такой исторической общности устойчивыми признаками, как язык, этническая территория, этническое самосознание, конфессиональная общность, эндогамия, а в прошлом — социально-политическая общность, связанная с существованием Сибирского ханства;

— кризисное состояние Советского и Российского государства, позволившее в 1990-е гг. использовать национальный, в том числе и сибирскотатарский, вопрос в геополитических, политических и экономических целях.

Органы власти и управления Тюменской и Омских областей вели работу по реализации прав татар, проживающих в регионе, в том числе и сибирских татар, на развитие языка, национальной культуры и быта, религии. Однако следует отметить их отрицательное отношение к идее создания территориальной автономии сибирских татар.

Национальные организации татар выдвигали идею территориальной автономии дважды. В 1989—1990 гг. идея пропагандировалась отделениями ТОЦ в Сибири и перекликалась с требованиями о наделении ТАССР статусом союзной республики. После распада СССР и суверенизации Республики Татарстан идея территориальной автономии сибирских татар проводилась Милли-Меджлисом сибирских татар и татаро-башкирским объединением «Ватан». Необходимо отметить, что заявления представителей этих организаций в ряде случаев носили провокационный характер.

Деловые круги не могли поддержать территориальную автономию сибирских татар. В рамках залоговых аукционов 1995—1996 гг. они разобрали активы в ТЭК за бесценок. В этих условиях Ю. К. Шафранник подал в отставку [30].

В сложившихся условиях сибирские татары рассчитывать на создание территориальной автономии для решения проблем развития и сохранения языка, культуры и обычаев не могли. Принятие Закона «О национально-культурной автономии» и снятие

вопроса о «дальнейшем углублении федерализма в России» делало постановку вопроса нецелесообразной, выводя деятельность татарских национальных организаций за рамки политических отношений.

Библиографический список

1. Корусенко С. Н., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири в исследованиях Омского этнографического научного центра // Образование и право. 2021. № 10. С. 56—60. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-10-56-60. EDN: OZHOFI.
2. Томилов Н. А., Ахметова Ш. К., Бережнова М. А. [и др.]. Решение национально-культурных проблем Омской области. Научно-исследовательский проект. Омск, 1994. 71 с.
3. Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Мягков Д. А. После словесие к конгрессу: К оценке роли, потенциала и перспектив Омского тюркологического центра // Вестник Омского университета. 2012. № 1 (63). С. 422—425. EDN: PFQYYP.
4. Ильина А. А. Периодизация национального движения татар Западной Сибири в 1980—2010-е гг. // Народы и религии Евразии. 2018. № 4 (17). С. 72—83.
5. Исхаков Д. М., Рамазанова Д. Б., Газимзянов И. Р. [и др.]. Татары: моногр. Москва: Наука, 2001. 583 с. ISBN 5-02-008724-6.
6. Национальный состав населения Республики Татарстан. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Национальный%20состав%20населения%20Республики%20Татарстан.pdf> (дата обращения: 06. 07. 2023).
7. Галлямова А. Г., Миннуллин И. Р., Кабирова А. Ш. [и др.]. История Татарстана и татарского народа. 1917—2013 гг. Казань: Изд-во КФУ, 2014. 434 с. ISBN 978-5-00019-306-8.
8. История и культура татар Западной Сибири: моногр. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Артифакт, 2015. 728 с. ISBN 978-5-905089-29-9.
9. Хайруллина Н. Г., Фарахутдинов Ш. Ф., Тычинских З. А. [и др.]. Татары Тюменской области: история и современность: моногр. Тюмень: Вектор Бук, 2011. 309 с. ISBN 978-5-91409-219-8.
10. Новиков С. В. Государство и право в представлении сторонников исламских организаций в Западной Сибири. Первая половина 1990-х гг. // X юбилейные Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: материалы междунар. науч. конф., 23 мая 2022 г. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 131—137. EDN: IYOTWJ.
11. Томилов Н. А. Мы и этническое самосознание. Омская правда. 1989. 25 апреля.
12. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татарское кн. изд-во, 1992. 206 с. ISBN 5-298-01049-0.
13. Марганова Ф. Ф. Роль национально-культурных автономий в сохранении и развитии языка и культурного наследия сибирских татар // Сибирские татары: материалы Всерос. (с междунар. участием) симп. «Культурное наследие народов Зап. Сибири, посвящен. 100-летию д-ра ист. наук Фоат Тач-Ахметовича Валеева и 20-летию I Сиб. симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири», 10—12 декабря 2018 г. Тобольск: Тобольская тип., 2019. С. 357—362.
14. Лукманов Р. Р. Национальное движение сибиряков (сибирских татар) Омской области // Тюркские народы: материалы V Сибирского симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири», 9—11 декабря 2002 г. Тобольск—Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 574—575. EDN: TYNECH.
15. Половинко Р., Абдеев Р. Есть татарская партия? Тобольская правда. 1990. 22 декабря.
16. Областное государственное автономное учреждение культуры «Центр татарской культуры» департамента по культуре и туризму Томской области. URL: <http://tatar-tomsk.ru/> (дата обращения: 03.08.2023).

17. Софронов В. Ю. Искер — город из прошлого. Тобольская правда. 1993. 22 сентября.
18. Софронов В. Ю. Кто же ты, Ермак Аленин? Тобольская правда. 1993. 26 ноября.
19. Софронов В. Ю. Кучум. В 3 кн. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1993. Кн. 1. 432 с.
20. Софронов В. Ю. Хан Кучум вновь в Сибири. Тобольская правда. 1994. 11 января.
21. Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы: Жалын, 1996. 76 с. ISBN 5-610-01219-8.
22. Ярков А. П. О мифах и правдивой истории мусульман Усть-Ишимского района Омской области (ислам сквозь призму краеведения) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 3. С. 9–14. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-3-9-14. EDN: OIYSWD.
23. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 9618. Оп. 1. Д. 42.
24. Садыков Х. К. Что делать? Омск: Полиграф, 2015. 300 с.
25. ИАОО. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 97.
26. ИАОО. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 98.
27. Политическая хроника Сибири. Новосибирск. № 1 (7). Октябрь 1993 г. — январь 1994 г. 40 с.
28. Косиков И. Ханты-Мансийский автономный округ: модель этнологического мониторинга. Москва: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998. 136 с. ISBN 5-201-13714-8.
29. Татар-ДЕНЬЯСЫ (Татарский мир). 2022, май.
30. Ивантер А., Ульянов Н. Юрий Шафраник: «Успех и результат — только на трудном пути». URL: <https://kiozk.ru/article/ekspert/urij-safranik-uspeh-i-rezultat-tolko-na-trudnom-puti> (дата обращения: 13.07.2023).
31. Усть-Ишимский вестник. 1994. 6 августа.
32. Тенденции национально-политического процесса на территории Сибири и Омской области: аналитическая записка Комитета по информационно-аналитической работе администрации области. 21 июня 1994 г. // Мусульмане Омского Прииртышья на пороге тысячелетия: сб. док. / Сост. С. В. Новиков, И. А. Турсунов, И. В. Новикова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. С. 8–16.
33. Новиков С. В. Общественно-политические организации Омского Прииртышья 1988–1985 гг. Омск: Изд-во ОмГТУ, 1999. 112 с.
34. Новиков С. В. Русская Сибирь на фоне изменений государственности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 1. С. 49–55. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-49-55. EDN: FLLOEE.
35. Национальный вопрос. Тобольская правда. 1996. 15 февраля.
36. НУР. URL: <http://www.panorama.ru/works/vybory/party/nur.html> (дата обращения: 17.07.2023).
37. Обращение муфтия Сибири З. Шахирзянова // Мусульмане Омского Прииртышья на пороге тысячелетия: сб. док. / Сост.: С. В. Новиков, И. А. Турсунов, И. В. Новикова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. С. 36–37.

НОВИКОВ Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск.
SPIN-код: 2836-4707
AuthorID (РИНЦ): 849223
Адрес для переписки: bonid89@inbox.ru

Для цитирования

Новиков М. С. Деятельность органов власти и общественно-политических организаций по вопросам создания территориальной автономии сибирских татар (1989–1997 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 36–45. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-36-45.

Статья поступила в редакцию 05.09.2023 г.
© М. С. Новиков



ACTIVITIES OF GOVERNMENT BODIES AND SOCIO-POLITICAL ORGANIZATIONS ON THE CREATION OF TERRITORIAL AUTONOMY OF THE SIBERIAN TATARS (1989–1997)

The purpose of the study conducted by the author is to determine a number of ethnic, economic and political factors. Factors that required the elaboration of the idea of creating territorial autonomy of the Siberian Tatars in the north of the Omsk and south of the Tyumen regions of the Russian Federation as an alternative to the growth of separatist insistence. At the same time, special attention is paid to the study of the views and activities of representatives of government bodies, socio-political organizations and subjects of economic relations in Western Siberia. The author's research is conducted using a wide range of sources: documents of authorities and public organizations, reference materials, printed publications of authorities and public organizations, published memoirs of participants in the movement for the revival of Siberian Tatars and data obtained during meetings with them, materials of journalistic investigations. In the course of the research, the author turned to the method of historicism, in which synchronistic, statistical and comparative historical methods are used. The results of the study are the recognition of the inexpediency of creating the territorial autonomy of the Siberian Tatars based on ethnic factors and its complexity in view of the economic and political situation prevailing in the Russian Federation in the 1990.

Keywords: Siberian Tatars, Siberian Khanate, Tatarstan, Omsk region, Tyumen region, territorial autonomy, Milli-Majlis of Siberian Tatars, Tatar-Bashkir movement «Vatan».

References

1. Korusenko S. N., Tomilov N. A. Tatars Zapadnoy Sibiri v issledovaniyakh Omskogo etnograficheskogo nauchnogo tsentra [Tatars of Western Siberia: studies of the Omsk ethnographic research center] // *Obrazovaniye i Pravo. Education and Law*. 2021. No. 10. P. 56–60. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-10-56-60. EDN: OZHOFI. (In Russ.).
2. Resheniye natsional'no-kul'turnykh problem Omskoy oblasti. Nauchno-issledovatel'skiy proyekt [Solving the national and cultural problems of the Omsk region. Research project]. Omsk, 1994. 71 p. (In Russ.).
3. Seleznev A. G., Selezneva I. A., Myagkov D. A. Poslesloviye k kongressu: K otsenke roli, potentsiala i perspektiv Omskogo tyurkologicheskogo tsentra [Epilogue to the congress: to the estimation of the role, potential and prospects of Omsk tyrkological center] // *Vestnik Omskogo Universiteta. Herald of Omsk University*. 2012. No. 1 (63). P. 422–425. EDN: PFQYYP. (In Russ.).
4. Il'ina A. A. Periodizatsiya natsional'nogo dvizheniya tatar Zapadnoy Sibiri v 1980–2010-e gg. [The periodization of the national movement of tatars in Western Siberia (1980-2010)] // *Narody i Religii Evrazii. Nations and Religions of Eurasia*. 2018. No. 4 (17). P. 72–83. ISBN 5-02-008724-6. (In Russ.).
5. Iskhakov D. M., Ramazanova D. B., Gazimzyanov I. R. [et al.]. Tatars [Tatars]. Moscow, 2001. 583 p. ISBN 5-02-008724-6. (In Russ.).
6. Natsional'nyy sostav naseleniya Respubliki Tatarstan [National composition of the population of the Republic of Tatarstan]. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Национальный%20состав%20населения%20Республики%20Татарстан.pdf> (accessed: 06.07.2023). (In Russ.).
7. Gallyamova A. G., Minnullin I. R., Kabirova A. Sh. [et al.]. Istoriya Tatarstana i tatarskogo naroda. 1917–2013 gg. [The history of Tatarstan and the Tatar people. 1917–2013]. Kazan, 2014. 434 p. ISBN 978-5-00019-306-8. (In Russ.).
8. Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri [History and culture of the Tatars of Western Siberia]. Kazan, 2015. 728 p. ISBN 978-5-905089-29-9. (In Russ.).
9. Khayrullina N. G., Farakhutdinov Sh. F., Tychinskikh Z. A. Tatars Tyumenskoy oblasti: istoriya i sovremennost' [Tatars of the Tyumen region: history and modernity]. Tyumen, 2011. 309 p. ISBN 978-5-91409-219-8. (In Russ.).
10. Novikov S. V. Gosudarstvo i pravo v predstavlenii storonnikov islamskikh organizatsiy v Zapadnoy Sibiri. Pervaya polovina 1990-kh gg. [The state and law in the representation of supporters of Islamic organizations in Western Siberia. The first half of the 1990s] // *X Yubileynyye Luzhskiye Nauchnyye Chteniya. Sovremennoye Nauchnoye Znaniye: Teoriya i Praktika. X Anniversary Luga Scientific Readings. Modern Scientific Knowledge: Theory and Practice*. Saint Petersburg, 2022. P. 131–137. EDN: IYOTWJ. (In Russ.).
11. Tomilov N. A. My i etnicheskoye samosoznaniye [We and ethnic identity]. Omskaya Pravda. *Omskaya Pravda*. 1989. April 25. (In Russ.).
12. Valeyev F. T. Sibirskiye tatars: kul'tura i byt [Siberian Tatars: culture and household]. Kazan, 1993. 208 p. ISBN 5-298-01049-0. (In Russ.).

13. Marganova F. F. Rol' natsional'no-kul'turnykh avtonomiy v sokhraneni i razviti yazyka i kul'turnogo naslediya sibirskikh tatar [The role of national-cultural autonomies in the preservation and development of the language and cultural heritage of the Siberian Tatars] // *Sibirskiye Tatory. Siberian Tatars*. 2019. P. 357–362. (In Russ.).
14. Lukmanov R. R. Natsional'noye dvizheniye Sibirov (Sibirskikh tatar) Omskoy oblasti [National Movement of Sibirs (Siberian Tatars) Omsk oblast] // *Tyurkskiye Narody. Turkic Peoples*. 2002. P. 574–575. EDN: TYNECH. (In Russ.).
15. Polovinko R., Abdeyev R. Est' tatarskaya partiya? [Is there a Tatar party?]. *Tobol'skaya Pravda. Tobol'skaya Pravda*. 1990. December 22. (In Russ.).
16. Oblastnoye gosudarstvennoye avtonomnoye uchrezhdeniye kul'tury «Tsent'r Tatarskoy kul'tury» departamenta po kul'ture i turizmu Toms'koy oblasti [Regional State Autonomous Cultural Institution «Center of Tatar Culture» of the Department of Culture and Tourism of the Tomsk region]. URL: <http://tatar-tomsk.ru/> (accessed: 03.08.2023). (In Russ.).
17. Sofronov V. Yu. Isker — gorod iz proshlogo [Isker — a city from the past]. *Tobol'skaya Pravda. Tobol'skaya Pravda*. 1993. September 22. (In Russ.).
18. Sofronov V. Yu. Kto zhe ty, Ermak Alenin? [Who are you, Ermak Alenin?]. *Tobol'skaya Pravda. Tobol'skaya Pravda*. 1993. November 26. (In Russ.).
19. Sofronov V. Yu. Kuchum: istoricheskiy roman [Kuchum: A Historical novel]. In 3 bks. Ekaterinburg, 1993. Bk. 1. 432 p. (In Russ.).
20. Sofronov V. Yu. Khan Kuchum vnov' v Sibiri [Khan Kuchum is back in Siberia]. *Tobol'skaya Pravda. Tobol'skaya Pravda*. 1994. January 11. (In Russ.).
21. Abdiror M. Khan Kuchum: izvestnyy i neizvestnyy [Khan Kuchum: Known and unknown]. Almaty, 1996. 76 p. ISBN 5-610-01219-8. (In Russ.).
22. Yarkov A. P. O mifakh i pravdivoy istorii musul'man Ust'-Ishimskogo rayona Omskoy oblasti (islam skvoz' prizmu krayevedeniya) [About myths and true history of Muslims of Ust'-Ishim district of Omsk region (Islam through the prism of local history)] // *Omskiy Nauchnyy Vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6, no. 3. P. 9–14. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-3-9-14. EDN: OIYSWD. (In Russ.).
23. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk Region (HAOR)]. File: 9618/1/42. (In Russ.).
24. Sadykov Kh. K. Chto delat'? [What to do?]. Omsk, 2015. 300 p. (In Russ.).
25. IAOO [HAOR]. File: 9618/1/97. (In Russ.).
26. IAOO [HAOR]. File: 9618/1/98. (In Russ.).
27. Politicheskaya khronika Sibiri [Political chronicle of Siberia]. Novosibirsk. No. 1 (7). October 1993–January 1994. 40 p. (In Russ.).
28. Kosikov I. Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug: Model' etnologicheskogo monitoringa [Khanty-Mansi Autonomous Okrug: The model of ethnological monitoring]. Moscow, 1998. 136 p. ISBN 5-201-13714-8. (In Russ.).
29. Tatar-DEN'YaSY (Tatarskiy Mir). *Tatar-DENYASY (Tatar World)*. 2022. May. (In Russ.).
30. Ivanter A., Ul'yanov N. Yuriy Shafranik: «Uspekhi i rezul'tat — tol'ko na trudnom puti» [Yuri Shafranik: «Success and results are only on a difficult path»]. URL: <https://kiozk.ru/article/ekspert/urij-safranik-uspekhi-i-rezultat-tolko-na-trudnom-puti> (accessed: 13.07.2023). (In Russ.).
31. Ust'-Ishimskiy Vestnik. *Ust'-Ishimskiy Vestnik*. 1994. August 6. (In Russ.).
32. Tendentsii natsional'no-politicheskogo protsessa na territorii Sibiri i Omskoy oblasti: analiticheskaya zapiska Komiteta po informatsionno-analiticheskoy rabote administratsii oblasti. 21 iyunya 1994 g. [Trends in national-political process in Siberia and Omsk region: analytical note of the Committee for information and analytical work of regional administration. June 21, 1994] // *Musul'mane Omskogo Priirtysh'ya na poroge tysyacheletiya. Muslims of Omsk Irtysh region on threshold of millennium: collection of documents / Comps.: S. V. Novikov, I. A. Tursunov, I. V. Novikova*. Omsk, 2003. P. 8–16. (In Russ.).
33. Novikov S. V. Obshchestvenno-politicheskiye organizatsii Omskogo priirtysh'ya 1988–1985 gg. [Socio-political organizations of the Omsk Irtysh region 1988–1985]. Omsk, 1999. 112 p. (In Russ.).
34. Novikov S. V. Russkaya Sibir' na fone izmeneniy gosudarstvennosti [Russian Siberia against background of changes in statehood] // *Omskiy Nauchnyy Vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6, no. 1. P. 49–55. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-1-49-55. EDN: FLLOEE. (In Russ.).
35. Natsional'nyy vopros [The national question]. *Tobol'skaya Pravda. Tobol'skaya Pravda*. 1996. February 15. (In Russ.).
36. NUR [LIGHT]. URL: <http://www.panorama.ru/works/vybory/party/nur.html> (accessed: 17.07.2023). (In Russ.).
37. Obrashcheniye miftiya Sibiri Z. Shakhirzyanova [The appeal of the Mufti of Siberia Z. Shakhirzyanova] // *Musul'mane Omskogo Priirtysh'ya na poroge tysyacheletiya [Muslims of Omsk Irtysh region on threshold of millennium: collection of documents] / Comps.: S. V. Novikov, I. A. Tursunov, I. V. Novikova*. Omsk, 2003. P. 36–37. (In Russ.).

NOVIKOV Mikhail Sergeyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk.
SPIN-code: 2836-4707
AuthorID (RSCI): 849223
Correspondence address: bonid89@inbox.ru

For citations

Novikov M. S. Activities of government bodies and socio-political organizations on the creation of territorial autonomy of the Siberian Tatars (1989–1997) // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 36–45. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-36-45.

Received September 5, 2023.
© M. S. Novikov



ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДВОРЦОВОГО КОМЕНДАНТА В. А. ДЕДЮЛИНА И ПРАВЫХ: ИДЕЙНОЕ ЕДИНСТВО ИЛИ ВЗАИМОВЫГОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО?

В статье рассматривается проблемный вопрос о характере взаимоотношений дворцового коменданта В. А. Дедюлина и представителей правых политических сил в начале XX в. Цель статьи — определить, что являлось основой взаимодействия В. А. Дедюлина и правых — идейное единство или взаимовыгодное сотрудничество? Источниками исследования выступили как опубликованные, так и неопубликованные документы, в частности личная и деловая переписка дворцового коменданта из фондов Российского государственного исторического архива. Подвергается критике устоявшееся в историографии представление о В. А. Дедюлине как идейном симпатизанте монархического лагеря и обосновывается либеральный характер представлений руководителя императорской охраны. В статье делается вывод о том, что взаимоотношения В. А. Дедюлина и правых строились на прагматической основе и скорее представляли сотрудничество, основанное на взаимной выгоде, нежели на идейном единстве.

Ключевые слова: В. А. Дедюлин, дворцовый комендант, Первая русская революция, политические партии России, Союз русского народа, Николай II, В. М. Пуришкевич.

Введение. Представления о тесных взаимоотношениях дворцового коменданта В. А. Дедюлина с правыми силами, а также о покровительстве руководителя императорской охраны монархическим партиям и их руководителям давно уже стало притчей во языцех отечественной историографии [1, с. 12; 2, с. 164–165; 3, с. 298]. И, несмотря на то, что более двух десятилетий назад Ю. И. Кирьянов опубликовал архивные материалы, свидетельствующие об ошибочности оценки Дедюлина как симпатизанта монархистов [4], современные историки до сих пор не обратили на это должного внимания, в этой связи подробно не проанализировав взгляды и деятельность дворцового коменданта. Таким образом, цель данной статьи заключается не только в ликвидации этой историографической лакуны, но и попытке определить, что являлось основой взаимоотношений В. А. Дедюлина и правых — идейное единство или взаимовыгодное сотрудничество?

Дворцовый комендант В. А. Дедюлин, его политическое кредо и взаимоотношения с правыми. Генерал Владимир Александрович Дедюлин (1858–1913) был выходцем из знатного дворянского рода. Получив высшее военное образование, он со временем занял должность начальника отдела Управления военных сообщений, а в 1903 г. был назначен начальником штаба, а затем и командиром Отдельного корпуса жандармов.

Еще до назначения на пост дворцового коменданта, когда на протяжении 1905 г. В. А. Дедюлин занимал должность градоначальника Санкт-Петербурга, стало формироваться политическое кредо генерала. Экстраординарные условия, в которых осуществлял свою деятельность столичный градоначальник, требовали от него принятия нестандартных решений, которые могли бы устроить все стороны конфликта. И здесь в определенной мере стал проявляться талант В. А. Дедюлина как политического стратега. Так, по воспоминаниям лидера «Русского народного союза имени Михаила Архангела» В. М. Пуришкевича, «во дни смуты» Дедюлин «явился первым, почти единственным человеком, который смело и честно подал свою благородную руку монархическим организациям» [5, с. 359]. При этом генерал с нескрываемым оптимизмом воспринял весть об издании 17 октября 1905 г. Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» и в присутствии начальника Петербургского охранного отделения А. В. Герасимова «сам прочел вслух» документ и «в заключение поцеловал бумагу» [6, с. 38], тем самым выразив свою приверженность либеральным идеям ограничения самодержавия. И это не было только эффектным жестом: 1 декабря 1905 г. в разговоре с генералом Г. О. Раухом «об общем положении» в стране градоначальник, подумывая о предстоящей всеобщей политической

стачку, выразил убеждение в том, что если в сентябре «была бы дана конституция, то все бы прошло гладко» [7, с. 85–86]. При этом даже в условиях постепенной либерализации государственного курса Дедюлин стремился к тому, чтобы поставить деятельность политических партий под властный контроль: на заседании Центрального комитета партии «Союз 17 октября» 18 декабря 1905 г. барон П. А. Корф доложил о разговоре с генералом, о том, «кому можно и кому нельзя собираться», отметив, что Дедюлин предлагал «нам явиться к начальству с просьбою, чтоб нам позволили» [8, с. 37]. Избранная в это время В. А. Дедюлиным стратегия сохранения хрупкого равновесия политических сил была, по-видимому, наиболее верным, мудрым решением на фоне охватившего страну революционного хаоса.

Тем не менее в условиях политической лабильности 1905 г. именно Дедюлин дал зеленый свет монархистам, в том числе и нарождавшейся партии «Союз русского народа» (СРН). По словам А. В. Герасимова, Дедюлин «питал большую симпатию к СРН. Именно через его посредничество устраивались аудиенции у Государя доктору Дубровину и другим деятелям СРН» [6, с. 153]. Однако истоки этой «симпатии» лежали отнюдь не в политических взглядах генерала, о чем свидетельствуют приведенные выше факты либеральных высказываний будущего дворцового коменданта.

В беседе с правым деятелем, делопроизводителем канцелярии санкт-петербургского градоначальника Н. Н. Жеденовым в 1908 г. дворцовый комендант прямо заявил о своей причастности к созданию СРН: «Союз Русского народа ведь я создал. Он нужен был для противодействия уличной толпе, ходившей по улицам с красными тряпками. Чтобы прогнать эту толпу, я сорганизовал тоже толпу — Союз Русского народа, также из хулиганов. Союз Русского народа был нужен, когда нужно было гнать красные тряпки, и в этом он оказал огромную услугу. А теперь он уже не нужен: красных тряпок на улице уже нет» [4, с. 90]. Таким образом, Дедюлин лично признавал, что его поддержка СРН была обусловлена необходимостью подавления/преодоления революции, а не личными или идейными предпочтениями.

Более того, в общении с правыми генералу приходилось кривить душой [4, с. 91], а теперь он не может взять их под узды, т.к. «аппетиты» правых возросли: «Они все хотят командовать, разыгрывать второе правительство и лезут к ЦАРЮ, и все обходами, и ЦАРЯ успели склонить на мою сторону. Но я всячески ЕГО удерживаю. Я сморю зорко. На мне лежит забота охранять ЕГО не только физически, но и морально» [4, с. 92]. По-видимому, Дедюлина беспокоила не только активность правых сил, но и то, что они пытаются проводить свои идеи самостоятельно, без его поддержки: «Лезут с поручениями, и все задними ходами, и все помимо меня» [4, с. 93].

Показательно, что на протяжении разговора генерал неоднократно подвергал критике борьбу правых против премьер-министра П. А. Столыпина [4, с. 92–93]. В конце беседы Дедюлин, упоминая о князе В. М. Волконском, сообщил Жеденову, что «я его туда [в СРН. — М. К.] поставил» [4, с. 101]. Этот факт примечателен тем, что князь в будущем будет занимать пост товарища председателя IV Государственной думы и станет одним из ярких представителей думской оппозиции монарху. Не для

внутреннего ли разрушения СРН дворцовый комендант внедрял в партию деятелей, не симпатизировавших ее программе и позднее прямо вставших ей в оппозицию?

Тем не менее правые силы, считая Дедюлина «своим», отнеслись к его назначению дворцовым комендантом с радостью и, надо полагать, определенными надеждами на плодотворное сотрудничество. Так, уже 12 сентября 1906 г., после назначения на новую должность, Дедюлин направил телеграмму В. М. Пуришкевичу с передачей благодарности съезду СРН за приветствия и добрые пожелания [9, л. 3]. А в телеграмме от 8 июля 1907 г. дворцовый комендант был оповещен об избрании почетным членом Корсунского отделения СРН [9, л. 136].

Между Дедюлиным и Пуришкевичем завязывались все более тесные отношения, а последний стал пользоваться поддержкой царедворца. Так, 31 декабря 1909 г. Пуришкевич прислал генералу выпуск «Книги Русской скорби» и журнал «Прямой путь» и, в частности, просил Дедюлина стать пропагандистом первого издания [10, л. 1]. Нам неизвестно, воспользовался ли генерал этой почетной миссией, но позднее именно через дворцового коменданта направлялись денежные потоки на издание этого сборника. Так, в недатированном письме (судя по хронологическим рамкам дела, оно может быть датировано 1912–1913 гг.) главного управляющего собственной его императорского величества канцелярией А. С. Танеева Дедюлину сообщалось следующее: «По высочайшему государя императора повелению имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству из собственных его императорского величества сумм три тысячи рублей для выдачи В. М. Пуришкевичу на издание «Книги Русской скорби»...» В ответ дворцовый комендант сообщил о получении средств и выдаче их Пуришкевичу под роспись [11, л. 8–9]. После выхода очередных 11-го и 12-го томов «Книги русской скорби» Пуришкевич 10 ноября 1912 г. и 9 апреля 1913 г. соответственно направлял их «Державному Хозяину» при посредничестве Дедюлина [11, л. 58, 60, 67].

Щедрость и безотказность дворцового коменданта в плане выделения средств на нужды черносотенцев приводила к тому, что эти обращения приобретали все более частый характер. Так, в письме от 28 мая 1913 г. Пуришкевич просил Дедюлина помочь в материальном отношении (пожертвовать) на издание и широкое распространение книги «Школьная подготовка 2-ой русской революции» [11, л. 72]. Примечательно, что данное издание увидело свет в том же году, однако данные о том, принимал ли в этом мероприятии участие Дедюлин, отсутствуют.

Однако ошибочно было бы полагать, что по отношению к В. М. Пуришкевичу дворцовый комендант был абсолютно безотказен: в тех случаях, когда направляемая просьба не представлялась генералу важной, он отклонял ее.

Так, в ответ на посланное лидером «Союза Михаила Архангела» письмо жены казачьего офицера-есаула Д. Х. Табаева с просьбой определить его на службу по дворцовому ведомству (4 декабря 1910 г.), Дедюлин сообщил, что «разрешение подобного рода ходатайств не входит в круг служебного ведения Дворцового коменданта, а подлежит компетенции Начальников Центральных или Отдельных Установлений Министерства Императорского двора по принадлежности» [10, л. 88–89]. А когда

видный черносотенец направил генералу для передачи царю телеграмму скандально известного иеромонаха Илиодора (С. М. Труфанова), в которой последний просил заступничества у царя против «клеветников» [10, л. 93–96] (2 февраля 1911 г.), отрицательный ответ не замедлил себя ждать: «Генерал-Адъютант Дедюлин не считает возможным всеподданейше докладывать означенную телеграмму, так как предмет ходатайства совершенно не входит в круг служебного ведения Его Превосходительства» [10, л. 97].

Следует также отметить поддержку В. А. Дедюлиным Академического движения, причем супруга генерала Елизавета Сергеевна также не была чужда общественно-политической деятельности и возглавила возникшее по инициативе В. М. Пуришкевича «Общество содействия академической жизни высших учебных заведений Петербурга» [2, с. 165]. В этом нельзя не увидеть уже знакомого почерка генерала: осуществление борьбы с революцией не путем репрессий, а применением мягкой силы, создания системы сдержек и противовесов в обществе (против революционных партий — партии монархические, на смену студентам-революционерам — патриотично настроенные и консервативно мыслящие студенты).

Теплые личные отношения связывали дворцового коменданта с видными представителями правомонархического движения, в частности, с главным редактором «Московских ведомостей» Л. А. Тихомировым и генералом Е. В. Богдановичем.

Так, в письме В. А. Дедюлину от 20 марта 1909 г. Л. А. Тихомиров возмущался тем, что дворцовый комендант не получает газету «Московские ведомости» и обещал исправить это положение. Контекст письма, а также характер обращения друг к другу показывает, что Тихомиров и Дедюлин общались и ранее: «Я уехал из Петербурга с полной уверенностью через каких-нибудь две недели возвратиться и побывать у Вас в Царском. Но вот идет третий месяц, а я никак не могу выскочить». В ответ на письмо дворцовый комендант отметил, что питает «приятную надежду на свидание с Вами в первый же приезд Ваш в Петербург» [12, л. 111–112 об.].

Можно предположить, что в основе общения В. А. Дедюлина и Л. А. Тихомирова лежал их общий интерес к обсуждению событий политического характера. Не последнюю роль играло и то, что Дедюлин мог передавать напрямую монарху те или иные важные, с точки зрения Тихомирова, сведения. Так, в письме от 25 марта 1909 г. публицист просил генерала сообщить императору о том, что имеются сведения о подготовке переворота по типу младотурецкого, в котором главную роль сыграет армия (статья «Мирные парламентаристы и младотурки»), а также сообщалось об антимонархическом характере речи Н. Е. Маркова 2-го (приложена к письму). Обращает на себя внимание характерная приписка к посланию: «Более верного слуги Государя Императора, как Вы, не знаю, к Вам и обращаюсь» [12, л. 113–114]. Доверительные отношения генерала и журналиста продолжались и далее: 2 января 1912 г. в письменной форме Тихомиров просил Дедюлина «неофициально» передать царю его новую книгу «К реформе обновленной России» [13, л. 1].

Длительное общение и дружба связывала В. А. Дедюлина (кстати, как и Л. А. Тихомирова) с семейством Богдановичей — генералом Евгением Васильевичем и его супругой Александрой Викторовной [14, с. 684]. Дом Богдановичей был известен

всей столице, т.к. в нем располагался один из главных политических салонов второй половины XIX — начала XX в., нередким гостем которого (нужно полагать, что и информатором) был и генерал Дедюлин [15, с. 167]. В свою очередь дворцовый комендант поддерживал отношения Е. В. Богдановича с царем [14, с. 684; 16, с. 138–139]. Однако это не означало, что в общении между генералами царил полное согласие. Так, в ноябре 1908 г. на похоронах великого князя Алексея Александровича Николай II намеревался идти пешком за гробом, на что Е. В. Богданович выразил В. А. Дедюлину протест против такого неосторожного с точки зрения безопасности поступка Императора. Так как дворцовый комендант проигнорировал рекомендацию генерала, последний «тут же написал депешу, в которой вкратце говорил, что в случае горя вся ответственность падет на Дедюлина», что весьма расстроило начальника охраны [16, с. 167–168]. А когда в конце 1911 г. Е. В. Богданович написал письмо В. А. Дедюлину с просьбой удалить А. И. Спиридовича с занимаемой им должности (по-видимому, роль сыграли слухи о вине начальника Охранной агентуры в гибели П. А. Столыпина), генерал отвечал, что «не от него зависит сие, но и со своей стороны не сделал бы этого» [16, с. 155].

Генерал В. А. Дедюлин и правые: «одесская коллизия». Взаимодействие дворцового коменданта В. А. Дедюлина с правыми партиями не ограничивалось, однако, денежными вливаниями и личными контактами с отдельными ее представителями; в отдельных случаях генералу приходилось выступать в качестве арбитра между враждующими сторонами конфликта.

Так, на протяжении 1910–1911 гг. Дедюлин принимал участие в громком, прошумевшем на всю Россию споре между одесским градоначальником И. Н. Толмачевым и председателем одесского отдела СРН графом А. И. Коновницким [15, с. 150]. Последний обвинялся градоначальником в растратах на протяжении 1909–1910 гг., однако, по мнению жены графа, Толмачев интриговал против Коновницкого [10, л. 13а–13б]. Глубинная причина конфликта, однако, заключалась в том, что Толмачев пытался поставить под личный контроль монархическое движение в Одессе, а Коновницкий, благодаря родственным связям¹, отказывался ему подчиняться. Остроты конфликту добавило и то, что в свое время Коновницкий смог попасть на аудиенцию к императору в обход И. Н. Толмачева и П. А. Столыпина и получил от самодержца в подарок свой портрет [17, с. 259–260]. Поэтому царь, ознакомившись с делом, повелел Дедюлину предложить одесскому градоначальнику «прекратить его преследования и нападки на Одесский Отдел Союза Русского Народа и его Председателя, которые Его Императорское Величество находит не имеющими никакого основания и только вредящими делу успокоения Одессы» [10, л. 13]. Толмачев решил обратиться напрямую к Дедюлину и 22 июля 1910 г. сообщил ему, что был вынужден провести ревизию СРН только по причине финансовых злоупотреблений его председателя и руководствовался при этом только соблюдением закона [10, л. 14–17]. 30 июля 1910 г. Дедюлин ответил, что Толмачев не имел права вмешиваться в дела политических партий, т.к. они не подчинены ему и, выражая тем самым солидарность с мнением государя, предложил прекратить преследование Коновницкого² [10, л. 18–19]. В ответном письме 2 августа 1910 г. Толмачев вы-

разил большую радость по поводу ответа Дедюлина [10, л. 22 – 22 об.], а конфликт, по-видимому, получил разрешение.

Однако желание взять реванш, с одной стороны, и распространяемая в средствах массовой информации клевета о градоначальнике, с другой стороны, побудили Толмачева уже через год, 7 августа 1911 г., снова обратиться к Дедюлину с просьбой помочь противостоять газетной травле со стороны СРН, которой он подвергался уже в течение четырех лет. Также опальный градоначальник просил дворцового коменданта доложить царю, что распространяемая про него клевета не имеет под собой никаких оснований [10, л. 24 – 27 об.]. Неизвестно, как отреагировал Дедюлин на данную просьбу и передал ли он ее царю, но в любом случае обращение Толмачева не помогло ситуации. 20 августа 1911 г. Толмачев сообщил Дедюлину: «Интрига сделала свое дело, я ухожу», приписав в конце: «Копию письма П. А. Столыпина ко мне прилагаю; прочтите его со вниманием; не дело ли это его рук?» [10, л. 45] В письме Столыпина содержалось предложение Толмачеву занять какую-либо должность в армии [10, л. 47]. Несмотря на то, что Толмачев подчеркивал, что уходит с поста градоначальника по своей воле, хотя и вынужденно, он надеялся на то, что заступничество дворцового коменданта еще сможет изменить положение. Однако ответа от Дедюлина так и не последовало. Поэтому вслед за посланным письмом Толмачев послал 22 августа телеграмму: «Получил письмо Столыпина, что Государь Император приказал мне покинуть пост Градоначальника. Умоляю[,] дайте ответ на мое письмо» [10, л. 42]. Однако ответа снова не последовало, тем не менее отставка Толмачева по причине болезни произошла позднее, 4 ноября 1911 г., через два месяца после трагической гибели П. А. Столыпина в Киеве.

Поведение Дедюлина в конфликте между представителями государственной и политической элиты хорошо демонстрирует гибкость, изворотливость дворцового коменданта, его двойственную позицию: с одной стороны, он нередко выступал в качестве активного участника политических процессов, с другой стороны, в отдельных случаях он демонстрировал надпартийный и неполитический характер своей деятельности. Представляется также, что в разрешении рассмотренного выше конфликта генерал не исходил из поддержки правых партий и их идеологии, а лишь следовал решению императора.

Заключение. Возвращаясь к вопросу, вынесенному в название статьи, можно отметить, что взаимоотношения дворцового коменданта В. А. Дедюлина с представителями правых партий строились на прагматической почве, а не на основе личных симпатий. Выступая в условиях политической турбулентности 1905–1907 гг. организатором и покровителем монархического движения, по мере ослабления революционной ситуации Дедюлин предпринял попытки уменьшения влияния правых сил на реализацию внутриполитического курса в стране. Тем не менее исповедовавший либеральные взгляды дворцовый комендант не только продолжал оказывать адресную поддержку (в том числе и финансовую) монархистам, но и поддерживал тесные контакты с отдельными их представителями (В. М. Пуришкевич, Л. А. Тихомиров, Е. В. Богданович). Следуя подобной тактике лавирования, В. А. Дедюлин, с одной стороны, сохранял статус-кво во взаимоотношениях с правыми силами, с

другой — ограничивал деятельность и влияние монархистов на проведение в жизнь тех или иных политических идей.

Примечания

¹ Старший брат Алексея Ивановича Коновницына — Эммануил — с апреля 1910 г. исполнял обязанности председателя Главного совета СРН.

² Не прав потому Ю. Б. Соловьев, утверждавший, что в конфликте В. А. Дедюлин поддерживал И. Н. Толмачева [16, с. 150].

Библиографический список

1. Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: разложение третьеиюньской системы. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1988. 227 с. ISBN 5-02-027222-1.
2. Иванов А. А. Дедюлин Владимир Александрович // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. Москва: Русский институт, 2008. С. 164–165. ISBN 978-5-93675-139-4.
3. Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 604 с. ISBN 978-5-91244-144-8.
4. Кирьянова Ю. И. Власть и крайние правые партии. Записи беседы Дворцового коменданта В. А. Дедюлина (1908 г.) и Записка члена совета министра внутренних дел Н. Ч. Зайончковского (1913 г.) // Исторический архив. 2000. № 1. С. 85–108.
5. Отчет о деятельности Русского народного союза им. Михаила Архангела за 1912–1913 гг. 8 ноября 1913 г. // Правые партии: документы и материалы 1905–1917 гг. / Сост. Ю. И. Кирьянов. В 2 т. Москва: РОССПЭН, 1998. Т. 2. С. 356–388. ISBN 5-86-004-122-5.
6. Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж: YMCA-PRESS, 1985. 205 с. ISBN 2-85065-062-5.
7. Раух Г. О. Дневник // Красный архив. 1926. Т. 19. С. 83–109.
8. № 9. ЦК. 18 декабря [1905 г.]. Партия «Союз 17 октября» // Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905–1915 гг. / Сост. Д. Б. Павлов. В 2 т. Москва: РОССПЭН, 1996. Т. 1. С. 36–37.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1142.
10. РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1094.
11. РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1095.
12. РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1143.
13. РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1145а.
14. Тихомиров Л. А. Тени прошлого. Москва: Изд-во журнала Москва, 2000. 712 с. ISBN 5-89097-034-8.
15. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Ленинград: Наука (Ленинградское отделение), 1990. 267 с. ISBN 5-02-027188-8.
16. Стогов Д. И. Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX–начало XX века). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2007. 310 с. ISBN 978-5-86007-554-2.
17. Степанов А. Коновницын, гр. Алексей Иванович // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. Москва: Русский институт, 2008. С. 258–261. ISBN 978-5-93675-139-4.

КНЯЗЕВ Марк Андреевич, аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород.
SPIN-код: 1454-3171
AuthorID (РИНЦ): 1061923



ORCID: 0000-0002-1654-637X
Адрес для переписки: kn.mark.nn@mail.ru

ство. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 46–51. DOI:
10.25206/2542-0488-2023-8-4-46-51.

Для цитирования

Князев М. А. Взаимоотношения дворцового коменданта В. А. Дедюлина и правых: идейное единство или взаимовыгодное сотрудничество? // Омский научный вестник. Сер. Обще-

Статья поступила в редакцию 26.09.2023 г.

© М. А. Князев

UDC 94(47)+329
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-46-51
EDN: EYLFJP

M. A. KNYAZEV

National Research Lobachevsky
State University,
Nizhny Novgorod, Russia

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PALACE COMMANDANT V. A. DEDYULIN AND THE RIGHTISTS: IDEOLOGICAL UNITY OR MUTUALLY BENEFICIAL COOPERATION?

The article examines the problematic issue of the nature of the relationship between the palace commandant V. A. Dedyulin and representatives of right-wing political forces at the beginning of the 20th century. The purpose of the article is to determine what was the basis of interaction between V. A. Dedyulin and the right — ideological unity or mutually beneficial cooperation? The sources of the study are both published and unpublished documents, in particular, personal and business correspondence of the palace commandant from the collections of the Russian State Historical Archive. The idea of V. A. Dedyulin, established in historiography, as an ideological sympathizer of the monarchist camp is criticized and the liberal nature of the ideas of the head of the imperial guard is substantiated. The article concludes that the relationship between V. A. Dedyulin and the right was built on a pragmatic basis and was more likely to represent cooperation based on mutual benefit rather than ideological unity.

Keywords: V. A. Dedyulin, palace commandant, First Russian Revolution, political parties of Russia, Union of the Russian People, Nicholas II, V. M. Purishkevich.

References

1. Dyakin V. S. Burzhuziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg.: razlozheniye tret'yei yun'skoy sistemy [Bourgeoisie, nobility and tsarism in 1911–1914: the decomposition of the June Third system]. Leningrad, 1988. 227 p. ISBN 5-02-027222-1. (In Russ.).
2. Ivanov A. A. Dedyulin Vladimir Aleksandrovich [Dedyulin Vladimir Aleksandrovich] // Chernaya Sotnya. Istoricheskaya Entsiklopediya 1900–1917 [Black Hundred. Historical Encyclopedia 1900–1917] / Comp. A. D. Stepanov, A. A. Ivanov. Moscow, 2008. P. 164–165. ISBN 978-5-93675-139-4. (In Russ.).
3. Gaida F. A. Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1910–1917) [Power and public in Russia: dialogue on the path of political development (1910–1917)]. Moscow, 2016. 604 p. ISBN 978-5-91244-144-8. (In Russ.).
4. Kir'yanov Yu. I. Vlast' i krajniye pravyye partii. Zapis' besedy Dvortsovogo komendanta V. A. Dedyulina (1908 g.) i Zapiska chlena Soveta ministra vnutrennikh del N. Ch. Zayonchkoskogo (1913 g.) [Power and extreme right-wing parties. Record of the conversation of the Palace Commandant V. A. Dedyulin (1908) and Note from a member of the Council of the Minister of Internal Affairs N. Ch. Zayonchkosky (1913)] // Istoricheskiy Arkhiv. *Historical Archive*. 2000. No. 1. P. 85–108. (In Russ.).
5. Otchet o deyatelnosti Russkogo narodnogo soyuza im. Mikhaila Arkhangel'skogo za 1912–1913 gg. 8 Noyabrya 1913 g. [Report on the activities of the Russian People's Union named after Michael the Archangel for 1912–1913. November 8, 1913] // Pravyye Partii: Dokumenty i Materialy 1905–1917 gg. V 2 t. [Right Parties: Documents and Materials 1905–1917. In Vols. 2]. / Comp. Yu. I. Kir'yanov. Moscow, 1998. Vol. 2. P. 356–388. ISBN 5-86-004-122-5. (In Russ.).
6. Gerasimov A. V. Na lezviy s terroristami [On the cutting edge with terrorists]. Paris, 1985. 205 p. ISBN 2-85065-062-5. (In Russ.).
7. Raukh G. O. Dnevnik [Diary] // Krasnyy Arkhiv. *Red Archive*. 1926. Vol. 19. P. 83–109. (In Russ.).
8. No. 9. TSK. 18 Dekabrya [1905 g.]. Partiya «Soyuz 17 Oktyabrya». [No. 9. Central Committee. December 18 [1905]. Party «Union October 17»]. Protokoly S'yezdov, Konferentsiy, Zasedaniy Tsk. 1905–1915 gg. V 2 t. [Minutes of Congresses,

Conferences, Meetings of the Central Committee 1905–1915. In Vols. 2]. / Comp. D. B. Pavlov. Moscow, 1996. Vol. 1. P. 36–37. (In Russ.).

9. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 1328/1/1142. (In Russ.).

10. RGIA [RSHA]. File: 1328/1/1094. (In Russ.).

11. RGIA [RSHA]. File: 1328/1/1095. (In Russ.).

12. RGIA [RSHA]. File: 1328/1/1143. (In Russ.).

13. RGIA [RSHA]. File: 1328/1/1145a. (In Russ.).

14. Tikhomirov L. A. *Teni proshlogo* [Shadows of the past]. Moscow, 2000. 720 p. ISBN 5-89097-034-8. (In Russ.).

15. Solov'ev Yu. B. *Samoderzhavie i dvoryanstvo v 1907–1914 gg.* [Autocracy and nobility in 1907–1914]. Leningrad, 1990. 267 p. ISBN 5-02-027188-8. (In Russ.).

16. Stogov D. I. *Pravomonarkhicheskiye salony Peterburga–Petrograda (konets XIX–nachalo XX veka)* [Right-wing monarchist salons of St. Petersburg–Petrograd (late 19th–early 20th centuries)]. Saint Petersburg, 2007. 312 p. ISBN 978-5-86007-554-2. (In Russ.).

17. Stepanov A. Konovnitsyn, gr. Aleksey Ivanovich [Konovnitsyn, gr. Alexey Ivanovich] // *Chernaya Sotnya. Istoricheskaya Entsiklopediya 1900–1917* [Black Hundred.

Historical Encyclopedia 1900–1917] / Comp. A. D. Stepanov, A. A. Ivanov. Moscow, 2008. P. 258–261. ISBN 978-5-93675-139-4. (In Russ.).

KNYAZEV Mark Andreevich, Graduate Student of Foreign Regional Studies and Local History Department, National Research Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod.

SPIN code: 1454-3171

AuthorID (RSCI): 1061923

ORCID: 0000-0002-1654-637X

Correspondence address: kn.mark.nn@mail.ru

For citations

Knyazev M. A. The relationship between the palace commandant V. A. Dedyulin and the rightists: ideological unity or mutually beneficial cooperation? // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 46–51. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-46-51.

Received September 26, 2023.

M. A. Knyazev



О СТЕПЕНИ ИМПОРТОЗАВИСИМОСТИ ТОРГОВОГО ФЛОТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируется масштаб влияния иностранного капитала на развитие коммерческого флота Российской империи в преддверии Первой мировой войны и вызванные этим ограничения применения гражданских судов в начале вооруженного конфликта. На основе ранее опубликованных статистических данных и впервые вводимых в научный оборот архивных документов продемонстрирована различная степень зависимости от импорта запасных частей морского и речного торговых флотов, а также достигнутый ими уровень удовлетворения потребностей страны. Выделяются основные проявления критической зависимости русских торговых кораблей от ряда комплектующих немецкого производства. Автором делается вывод, что казавшееся катастрофическим положение дела содержания кораблей иностранного производства в действительности удалось разрешить, в т.ч. благодаря действиям российского правительства и налаживанию канала поставок зарубежного оборудования в отечественные порты.

Ключевые слова: Первая мировая война, торговый флот, внешняя торговля, импортозависимость, реквизиция, военно-судовая повинность.

Введение. 24 июля 1909 г. капитаном 2-го ранга, учредителем страхового и пароходного акционерного общества «Пароходство-каботажи» Б. М. Страховским (1871–1921) было направлено письмо в Министерство торговли и промышленности Российской империи. Поводом для его составления стали русско-шведские торговые переговоры, в ходе которых, среди прочего, обсуждалось положение об осуществлении морского экспорта и импорта товаров только шведскими кораблями. Страховский выступил в роли защитника интересов отечественного торгового флота и назвал соглашение с подобным пунктом ни много ни мало преступлением [1, л. 13]. Позднее, 9 августа того же года, морской офицер отправил письмо аналогичного содержания ещё и Председателю Совета министров П. А. Столыпину. Столыпин потребовал отчёт по указанному вопросу от министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева. Последний в ответном донесении премьеру подчёркивал, что выдвинутое на переговорах со Швецией положение вынужденное: 90 % российского морского вывоза через порты Балтийского моря производится на иностранных судах [1, л. 19 об.]. Приведённый факт так и остался бы малозаметным, если бы не военно-стратегическое значение торгового флота, указанное самим автором писем. Он справедливо подчёркивал, что все великие военно-морские флоты становятся оплотом государственной безопасности лишь на базе глубокого развитого коммерческого флота [1, л. 11 об.]. «... Все неудачи наших действий на море в минувшую [русско-японскую] войну явились прямым след-

ствием отсутствия основ в жизненности нашего боевого флота, которыми могут быть исключительно только наличие громадного, широко развитого национального отечественного мореплавания», — заключает капитан 2-го ранга Страховский [1, л. 26 об.].

Судьба морского офицера, незадолго до войны обратившего внимание российских властей на роль торгового флота в будущем конфликте, сложилась, во многом, трагически. В период Первой мировой Страховский в 1915–1916 гг. служил сначала штаб-офицером для поручений при Главном начальнике Архангельска и района Белого моря, последняя должность до революционных событий 1917 г. — начальник Отделения морских разгрузочных операций при том же начальнике. Борис Страховский погиб в годы Гражданской войны в 1921 г. [2] Однако сформулированный им вопрос требует тщательного изучения с тем, чтобы понять: способен ли был российский коммерческий флот удовлетворить потребности страны в военное время.

Масштаб участия иностранного капитала в развитии отечественного коммерческого флота. Вопрос о зависимости российского торгового флота от иностранных комплектующих в контексте импортных ограничений, вызванных Первой мировой войной, в отечественной историографии отдельно не рассматривался. При сравнительно скромном количестве исторических работ, в той или иной степени освещающих роль торгового флота в ходе боевых действий, обращает на себя внимание и неравномерность изучаемых тем: в центре ис-

**Места постройки пароходов морского торгового флота Российской империи
(по состоянию на 1 сентября 1904 г. и 1 января 1914 г.) [8, с. XVII; 9, с. XVIII]**

	На 1 января 1914 г.		На 1 сентября 1904 г.	
	Количество кораблей, ед.	Водоизмещение, рег. тонн	Количество кораблей, ед.	Водоизмещение, рег. тонн
Всего в морском торговом флоте	1044	872037	834	382867
Из них построено за границей	790	753477	568	н/д
в т.ч. в Англии	388	517804	310	н/д
... Германии	114	88398	65	н/д
... Швеции	135	59129	110	н/д
... Австро-Венгрии	68	25167	64	н/д
... Дании	20	29050	8	н/д
... Бельгии	13	12625	11	н/д

Источники: Русский торговый флот: к 1 января 1914 г. СПб, 1914. С. XVII; Русский торговый флот: к 1 сентября 1904 г. Санкт-Петербург, 1905. С. XVIII.

следовательского интереса чаще всего оказываются реализация флотом внешнеторговой функции [3, 4]. Среди подобных работ можно особо выделить коллективную монографию «Порох, золото и сталь» как наиболее полное исследование степени зависимости российской экономики от поставки военной продукции [5]. Можно встретить и справочные данные, рассказывающие об исторической судьбе речных пароходов [6]. Пожалуй, единственной работой, в которой была предпринята определённая попытка описания участия морского транспорта в мировой войне, стала книга исследователя П. В. Пузырева [7].

Слабо выраженный интерес к заявленной в настоящей статье теме вызван, скорее, не столько ограниченной ролью русского флота как силы, решавшей исход войны против стран Тройственного союза. Проблемой видится и состояние источниковой базы по вопросу, носящей весьма разрозненный характер, прежде всего, в силу наличия нескольких ответственных за состояние флота ведомств и учреждений. Тем не менее уже выявленные источники, в том числе статистического характера, позволяют составить представление о масштабах импортной зависимости коммерческого флота.

Водные коммуникации Российской империи обслуживали суда двух групп: во-первых, морских судов, преимущественно обеспечивавших проведение внешнеторговых функций государства; во-вторых, речных судов, действовавших на внутренних коммуникациях и задействованных на внутреннем рынке. В начале XX в. деятельность коммерческого флота контролировало Министерство торговли и промышленности. Судить об импортозависимости морского и речного торгового флотов можно на основании издававшихся статистических сборников и данных переписи кораблей, однако обеспеченность материалами для судов разных групп отличается.

Согласно официальным сведениям (табл. 1), к 1 января 1905 г. в составе отечественного морского флота 74,3 % от общего количества кораблей были построены за границей [8, с. XXXI]. За предвоенное десятилетие этот показатель изменился незначительно, составив 73,1 % к 1 января 1914 г. [8, с. XXXI]. Ещё более показательны дан-

ные в разрезе тоннажа судов: в 1905 г. 85,1 % водоизмещения приходилось на корабли, спущенные на воду на иностранных верфях, в 1914 г. — 84,5 % [8, с. XXXI]. К 1914 г. наибольшее количество кораблей заграничной постройки (32,4 % по количеству и 59,4 % по тоннажу) имели английское «происхождение» и преобладали на всех морях. Второе место по распространённости имели суда, спущенные на воду в Швеции (12,9 % по количеству и 6,8 % по тоннажу). Что же до Германии, то её верфи обеспечивали 10,9 % от всего количества паровых судов и 10,1 % тоннажа отечественного морского флота.

Разительно иной была ситуация в парусном флоте морского назначения: 96,2 % в 1905 г. и 97 % в 1914 г. парусных кораблей приходилась на судостроительные предприятия Российской империи [8, с. XXXIII]. Правда, они обеспечивали несравненно меньший тоннаж торгового флота: по всем морям их насчитывалось 2597, при этом общее водоизмещение составляло только порядка 285844 рег. тонны [8, с. XXVIII], т.е. порядка 24,7 % всего тоннажа морского коммерческого флота.

Из приведённых данных можно констатировать, что паровой морской флот коммерческого назначения за предвоенную декаду заметно возрос: в количественном отношении немногим более чем на 25 %, с точки зрения грузоподъёмности — почти в 2,3 раза. Начавшаяся война застала отечественный морской флот в состоянии застоя от парусного к паровому. Даже несмотря на впечатляющий рост вместимости судов, во многом объясняемый эффектом низкой базы, такое положение явно не удовлетворяло потребностям экономики страны. Так, на морские коммуникации к 1910 г. приходилось 80 % экспорта и 60 % импорта России, что являлось самым крупным показателем среди всех стран континентальной Европы [10, с. 49]. Однако русский морской флот уступал по провозной способности английскому в 23 раза, немецкому — в 5 раз, норвежскому и японскому — в 2 раза. К этому необходимо добавить и тот факт, что имевшиеся в России судостроительные мощности не позволяли в обозримые сроки существенно исправить ситуацию. За 1907–1911 гг. отечественные верфи спустили на воду кораблей общим водоизмещением немногим более 128 тыс. тонн, и по этому по-

Таблица 2

Распределение кораблей речного флота
Европейской России по месту постройки
(по состоянию на 1900 г.) [13, с. 5, 13]

	Паровые суда	Непаровые суда
В России	2460	22584
За границей	809	204
Без указания	26	71
Итого	3295	22859

Источник: Речной флот (паровой и непаровой) Европейской России по переписи 1900 года. Санкт-Петербург, 1902. С. 5, 13.

Таблица 3

Распределение кораблей речного флота
Азиатской России по месту постройки
(по состоянию на 1900 г.) [14, с. XII]

	Паровые суда	Непаровые суда
Всего кораблей	339	1033
в т.ч. построено за границей	94	120
из них в Англии	41	64
... в Бельгии	33	22
... в США	4	31
... в Германии	6	6
... в Японии	3	0

Источник: Речной флот (паровой и непаровой) Азиатской России. Санкт-Петербург, 1901. С. XII.

казателю Российская империя уступала не только Англии, Германии и США, но также Голландии, Японии, Франции, Норвегии и Италии [11, с. 41]. Отечественные верфи были загружены заказами по линии реализации военной судостроительной программы, и каналами пополнения тоннажа русского коммерческого флота выступали либо приобретение российскими судовладельцами подержанных заграничных судов, либо привлечение к перевозкам кораблей под иностранными флагами. Только 8–10 % задействованных во внешнеторговой деятельности России кораблей были судами российского торгового флота [7, с. 15].

В данном случае можно говорить о том, что импортозависимость русского морского флота была двоякой. С одной стороны, она находила выражение в необходимости поставок заграничных запчастей пропорционально высокой доле иностранных судов, с другой стороны, отражалась на фактически задействованном в торговых операциях тоннаже. И вопрос тоннажа стоял более остро.

Качественно иным было состояние российско-го речного флота. К 1912 г. он состоял из 5556 паровых кораблей и 24151 непарового с суммарной грузоподъемностью 13,7 млн т. [12, с. 24] К 1900 г. аналогичные количественные показатели выглядели как 2799 паровых и 23617 непаровых судов (табл. 2, 3). О масштабах зависимости подвижного состава от импортных комплектующих можно судить с опорой на дифференцированные данные переписи речных судов Европейской и Азиатской России 1900 г. Так, за границей было построено 1227 реч-

Таблица 4

Распределение паровых судов речного флота
Азиатской России по странам производства котлов и машин
(по состоянию на 1900 г.) [14, с. 2–41]

Страна производства	Количество кораблей
Бельгия	52
Англия	44
США	32
Германия/Пруссия	20
Швеция	5
Япония	3
Франция	2
Голландия	2
За границей	1
Итого кораблей	161

Источник: Речной флот (паровой и непаровой) Азиатской России. Санкт-Петербург, 1901. С. 2–41.

ных судов, из них паровых кораблей 903 (или 32,3 % от общего количества) и непаровых — 324 (1,4 %).

Исходя из сведений переписи речных судов Азиатской России, представленных в табл. 3, 4, можно констатировать, что по месту постройки паровых кораблей наибольший удельный вес приходился на суда английского производства (41 корабль из 339 единиц), однако имело английские котлы и машины большее количество судов — 44. Более выраженная зависимость речных пароходов наблюдалась от продукции бельгийской индустрии — 33 паровых судна спущены на воду на бельгийских верфях и 52 имели энергетическую установку производства этой страны. Аналогичные данные по Германии выглядят следующим образом: 6 кораблей спущены на воду германскими предприятиями и 20 оборудованы котлами и машинами немецкого производства. С поправкой на существенное увеличение количества паровых судов в речном флоте к началу Первой мировой войны можно предположить, что доминирование кораблей отечественной постройки сохранится, а участие германской промышленности в обеспечении работы флота решающим так и не стало.

В отличие от морских судов, отечественный речной флот в большей степени обеспечивал экономические потребности страны. В самом начале XX в. его доля во внутренних перевозках составляла 40 % [6, с. 36]. К началу войны при помощи внутренних водных путей перевозилось около 3 млн пудов товаров, что составляло треть от всех перемещений грузов по территории империи [11, с. 34]. Речные суда были незаменимы для перевозки массовых грузов: 53 % от объема перевозимого составляли лесные товары, 14 % — хлеб, 12 % — нефтяные продукты, 2 % — соль, 1 % — каменный уголь [11, с. 34]. Однако тенденция к снижению транспортной роли речных путей не выглядит случайной. Еще современниками обращалось внимание на недостаточное количество выделяемых средств на обустройство внутренних водных коммуникаций [11, с. 38–39]. Не оспаривая существование проблемы, важно указать и на другое утверждение о том, что указанная выше тенденция — следствие курса российского правительства на преимущественное развитие железно-

дорожной инфраструктуры [15, с. 67]. Именно достижения в её строительстве сделали перемещения товаров при помощи речных кораблей кратно дороже и медленнее в сравнении с альтернативными путями.

На основании представленных данных можно прийти к выводу, что к началу Первой мировой войны русский торговый флот, хоть и зависимый от комплектующих иностранного производства, особенно в части обслуживания морского тоннажа, теоретически мог без значительных проблем пережить смену логистических цепочек поставок оборудования в страну. Главная причина тому — сложившаяся ситуация, когда большая часть судового оборудования была произведена в государствах-союзниках России по Антанте. Показательным в этой связи примером, хоть и посвящённым топливному обеспечению, может послужить широко известный факт: уголь для военных и гражданских кораблей Балтийского бассейна поставлялся из английских шахт. Даже в мобилизационном плане военного транспорта Балтийского флота «Самоед» в числе действий первых часов после объявления мобилизации обозначена загрузка на борт 120 тонн угля из Ньюкасла [16, л. 10].

Тем не менее хотя бы один факт свидетельствует о потенциальной сложности замещения немецкого судового оборудования, а самое основное — целого рынка: до войны Германия являлась основным внешнеторговым партнёром России, на долю которого приходилось 47 % импорта и 69 % русского экспорта [7, с. 7].

Опыт применения отечественных коммерческих кораблей в военном флоте. Начало боевых действий для России означало резкое ухудшение состояния морских коммуникаций. В зоне активных боевых действий оказались бассейны Балтийского и Чёрного морей — самых важных с точки зрения внешнеторговых сношений с европейскими государствами. Помимо утраты крупного торгового партнёра, место которого занимала Германия, сношения с Великобританией и Францией также в значительной мере оказались затруднены. Произойшла и переориентация маршрутов экспортных поставок, когда место бассейнов Чёрного и Балтийского морей заняли порты русского Севера (Мурманск и Архангельск), а также Дальнего Востока (Владивосток).

Одновременно с этим разворачивалась мобилизация гражданского флота для военных нужд. Реквизиция судов проводилась согласно закону «О военно-судовой повинности», Высочайше утверждённому 28 июня 1914 г. [17]. Следует отметить, что обсуждение законопроекта на тему мобилизации судов для нужд Морского министерства началось задолго до первого года войны, однако принят закон так и не был. Российская империя была едва ли не единственной великой державой на европейском континенте, нормативно-правовая база которой не содержала соответствующего закона. Серьёзным шагом в этом направлении стала разработка в профильном комитете Государственной Думы положения о военно-судовой повинности в 1912 г. Согласно законопроекту, несению повинности подлежали суда и плавательные средства всех видов с необходимыми для их эксплуатации запасами и инвентарем, а также корабельная инфраструктура для погрузки и выгрузки товаров [18, л. 17]. Подлежащие военно-судовой повинности суда, по требованию военного или морского на-

чальника, могли привлекаться для срочных и внесрочных воинских перевозок, а также обращаться во временное распоряжение или полную собственность военного или морского ведомства [18, л. 27]. Законопроект предусматривал вознаграждения хозяину судна, поступившего во временное пользование армейских властей, в виде чистого дохода в размере 5 % действительной стоимости судна за время изъятия, погашения 5 % стоимости судна и возмещения расходов по содержанию управлений и береговых учреждений судоходных предприятий [18, л. 33–34]. Принятый два года спустя полноценный закон о военно-судовой повинности и положение о порядке её проведения в значительной степени сохранили в основе многие положения думского законопроекта 1912 г.

Масштабы реквизиции оказались весьма значительными: за годы Первой мировой войны в состав военно-морского флота было передано свыше 450 транспортных и рыбопромысловых кораблей [7, с. 16]. К этому необходимо добавить порядка 90 пароходов общим водоизмещением около 200 тыс. рег. тонн немецких и австрийских компаний, которые были арестованы в начале войны в российских территориальных водах [7, с. 16]. Вошло в состав транспортных флотилий на Балтийском и Чёрном морях и 21 судно стран союзников, поскольку они оказались изолированы начавшимися боевыми действиями в портах указанных морей [19, с. 374]. Важно отметить, что интенсивность процесса мобилизации гражданских судов для военных нужд в ходе войны менялась: например, среди судов, приписанных к портам Балтийского моря, в 1914 г. было реквизировано 37 пароходов, в 1915 г. — уже 146 [7, с. 69].

Объяснением указанной тенденции могут служить как минимум два фактора: динамика масштабов внешнеторговых операций и окончательный переход войны на море в статус позиционной. Применительно к первому фактору отметим, что ещё зимой 1914/1915 гг. для доставки в Россию выполненных иностранных заказов хватало четырех небольших пароходов [5, с. 396]. Однако к осени 1915 г. ситуация резко изменилась: кратный рост объёмов поставок иностранной продукции (в особенности штучного товара) привёл к возникновению дефицита транспортного тоннажа [5, с. 397]. Важно отметить, что с последней задачей корабли отечественного морского флота не справились: с 1916 г. организацией доставки иностранных заказов в Архангельск из Англии и США занималось британское адмиралтейство, которому русские суда передавались в оперативное управление [7, с. 19]. Очевидно, что всё возрастающая потребность в снабжении и сухопутных войск, и флота доставленной в Россию продукцией требовала увеличения тоннажа военного морского транспорта.

Наглядной иллюстрацией ко второму фактору могут служить данные об использовании мобилизованных гражданских кораблей. Для военных нужд суда переоборудовали в тральщики, сторожевые суда, минные заградители, ледокольные буксиры [7, с. 69]. Широко тиражируем в специализированной литературе факт: порядка 50 % от всех установленных минных заграждений в Балтийском море выставлено бывшими кораблями торгового флота, переоборудованными для выполнения военных задач [7, с. 67].

Последовавшие за мобилизацией работы по переоборудованию гражданских кораблей требо-

вали дополнительных материальных затрат и наличия комплектующих. Представления о проблемах, связанных с наличием таковых механизмов и устройств немецкого производства, могут дать сведения из Всеподданнейших докладов Морского министерства. Большая часть данных посвящена комплектующим, необходимым для реализации военно-морской судостроительной программы Российской империи. Однако ряд изделий из Германии, потребных для переоборудования бывших торговых судов выделить, тем не менее, можно. Во-первых, в числе таковых — продукция электротехнической промышленности и целые группы электротехнических изделий, необходимых для оборудования судов: прожекторы, турбодинамы и т.п. Данная продукция либо вовсе не изготавливалась в России, либо производилась в незначительных количествах и невысокого качества [20, л. 45]. Во-вторых, схожая картина наблюдалась с корабельной оптикой, до начала войны практически полностью поставляемой из Германии [20, л. 48]. В обоих случаях Морское министерство нашло один и тот же путь решения возникшего дефицита: начало производства нужной номенклатуры товаров на отечественных предприятиях, а также закупка недостающих комплектующих у иностранных поставщиков из союзных и нейтральных стран. Например, производство оптических труб оказалось возможным наладить на соответствующем заводе в Петрограде, а изготовление судовых дальномеров — на предприятиях Англии [20, л. 48].

Однако организация нового производства, равно как и налаживание новых каналов торговых коммуникаций, требовала времени, в то время как нужда в товарах самого различного свойства только возрастала. С целью восполнения возникшего дефицита на таможне была организована реквизиция ряда материалов, ввозимых в Россию для частных предприятий. Однако нередко такие действия властей выглядели необоснованными, поскольку реквизируемыми оказывались импортируемые сырьё и товары для заводов, выполнявших заказы Морского министерства.

Так, в январе 1915 г. в Либаве было реквизировано 2200 пудов стали марки «Парк», заказанной Ревельским судостроительным заводом у фирмы «Соединённые сталелитейные заводы в Америке» [21, л. 29]. В дело было вынуждено вмешаться Главное управление кораблестроения Морского Генерального штаба, добившееся решения Главного артиллерийского управления об отправке реквизированных болванок стали на Ревельский завод [21, л. 41].

Указанный случай лишь один из череды подобных эксцессов, которые свидетельствуют не только об уровне организации названных процессов в начале войны, но и косвенно указывают на их масштабы.

Заключение. Долгий период времени отечественный торговый флот, прежде всего в части кораблей для морского плавания, развивался в условиях масштабного влияния импортного капитала и техники.

С началом войны флот оказался в противоречивом положении: при возможности быстро заменить комплектующие, ранее поставлявшиеся из враждебных стран, сделать этого быстро флот не мог и в силу логистических трудностей, и по причине недостатка тоннажа для осуществления перевозок. Возникшие препятствия затруднили осуществле-

ние флотом торговых операций, однако не стали серьёзной проблемой его применения в качестве вспомогательных судов на морских театрах боевых действий.

В целом, процесс замещения одних иностранных комплектующих на другие видится многомерным и многосоставным, а поэтому детального изучения требуют разработанные механизмы замещения комплектующих.

При наличии данных о количестве ввозимых морским путём грузов военного назначения [5, с. 517—518] до сих пор не ясны масштабы процессов активизации отечественного производства запчастей, служивших заменой недоступному оборудованию. К этому стоит прибавить длившуюся реквизицию для Морского министерства, размах и направленность которой только предстоит выяснить.

Между тем видится, что вопрос о вкладе отечественной промышленности в обеспечение эффективного функционирования кораблей отечественного торгового флота и его величине в сравнении с импортом военных лет носит принципиальный характер. Эта проблема должна стать предметом отдельного исследования.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10036.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 4. Д. 410.
2. Страховский Борис Михайлович // Русско-Японская война на море 1904—1905 гг. URL: <http://rjw.narod.ru/people/bship/officers/strahovskiy.htm> (дата обращения: 07.03. 2023).
3. Рогачев И. В. Архангельский север в отношениях России и США в годы Первой мировой войны, 1914—1918 гг. Архангельск: Дапринт, 2015. 191 с.
4. Козлов Д. Ю. Нарушение морских коммуникаций по опыту действий Российского флота в Первой Мировой войне (1914—1917). Москва: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2013. 533 с.
5. Малыгина А. А., Гринхал Э., Власов Н. А. [и др.]. Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны: моногр. / науч. ред. А. Ю. Павлов. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2017. 532 с.
6. Колпаков Б. А., Лебедев Б. О. Речной флот России: исторический очерк. Новосибирск: Изд-во Новосибирской гос. акад. водного транспорта, 2011. 244 с.
7. Пузырев В. П. Торговый флот России в Первой мировой войне 1914—1917 гг.: ист. очерк. Москва: [Б. и.], 2006. 217 с.
8. Русский торговый флот: к 1 января 1914 г. Санкт-Петербург: Государственная тип., 1914. 260 с.
9. Русский торговый флот: к 1 сентября 1904 г. Санкт-Петербург: Государственная тип., 1905. 408 с.
10. Гранков Л. М. Русское судоходство: история и современность. В 3 т. Т. 1. Коммерческий флот России: страницы истории: моногр. Москва: Марин-Пресс: Ред. журн. Морской флот, 2004. 471 с.
11. Денисов В. И. Современное положение русской торговли. Санкт-Петербург: Типо-лит. Ю. Я. Римана, 1913. 59 с.
12. Васильев Н. Г. Транспорт России в войне 1914—1918 гг. Москва: Воениздат, 1939. 257 с.
13. Речной флот (паровой и непаровой) Европейской России по переписи 1900 года. Санкт-Петербург: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1902. 280 с.

14. Речной флот (паровой и непаровой) Азиатской России. Санкт-Петербург: тип. Мин-ва путей сообщения, 1901. 83 с.

15. Гранков А. М. Русское судоходство: история и современность. В 3 т. Т. 2. Морской флот России во внешней торговле и международном судоходстве. Москва: Марин-Пресс: Ред. журн. Морской флот, 2010. 239 с.

16. Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 949. Оп. 1. Д. 16.

17. Высочайше утвержденные 28-го июня 1914 г. и одобренные Государственным Советом и Государственной Думой Закон и положение о военно-судовой повинности: Собрание узаконений и распоряжений Правительства от 10-го июля 1914 г., отдел 1, № 163, ст. 1912. Санкт-Петербург: тип. В. Ф. Киршбаума, 1914. 36 с.

18. РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1-2. Д. 2355.

19. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.

20. РГИА Ф. 1263 Оп. 4 Д. 185.

21. РГА ВМФ. Ф. 401. Оп. 6. Д. 1082.

МАЛЮЧЕНКО Дмитрий Алексеевич, инженер-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

SPIN-код: 5495-7765

AuthorID (РИНЦ): 1008161

ORCID: 0000-0003-3863-0895

Адрес для переписки: dimetv1997@mail.ru

Для цитирования

Малюченко Д. А. О степени импортозависимости торгового флота Российской империи накануне и в начале Первой мировой войны // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 52–58. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-52-58.

Статья поступила в редакцию 10.06.2023 г.

© Д. А. Малюченко

UDC 94(47).083

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-52-58

EDN: DUCDVE

D. A. MALIUCHENKO

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

ON THE DEGREE OF IMPORT DEPENDENCE OF THE MERCHANT FLEET OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE EVE AND AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

The article analyzes the scale of the influence of foreign capital on the development of the commercial fleet of the Russian Empire on the eve of the First World War and the resulting restrictions on the use of civilian vessels at the beginning of the armed conflict. On the basis of previously published statistical data and archival documents introduced into scientific circulation for the first time, various degrees of dependence on the import of spare parts of sea and river merchant fleets, as well as the level of satisfaction of the country's needs achieved by them, are demonstrated. The main manifestations of the critical dependence of Russian merchant ships on a number of German-made components are highlighted. The author concludes that the seemingly catastrophic situation of the maintenance of foreign-made ships was actually resolved, including thanks to the actions of the Russian government and the establishment of a channel for the supply of foreign equipment to domestic ports.

Keywords: World War I, merchant fleet, foreign trade, import dependence, requisition, naval conscription.

Acknowledgments

The research is carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-78-10036.

References

1. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 1276/4/410. (In Russ.).

2. Strakhovskiy Boris Mikhaylovich [Strahovsky Boris Mikhailovich] // Russko-Yaponskaya voyna na more 1904–1905 gg. *Russian-Japanese War at Sea 1904–1905*. URL: <http://rjw.narod.ru/people/bship/officers/strakhovskiy.htm> (accessed: 07.03.2023). (In Russ.).

3. Rogachev I. V. Arkhangel'skiy sever v otnosheniyakh Rossii i SShA v gody Pervoy mirovoy voyny, 1914–1918 gg. [Arkhangelsk North in relations between Russia and the USA during the First World War, 1914–1918]. Arkhangelsk, 2015. 191 p. (In Russ.).

4. Kozlov D. Yu. Narusheniye morskikh kommunikatsiy po opyту deystviy Rossiyskogo flota v Pervoy Mirovoy voyne

(1914–1917) [Violation of maritime communications based on the experience of the Russian Fleet in the First World War (1914–1917)]. Moscow, 2013. 533 p. (In Russ.).

5. Malygina A. A., Grinkhal E., Vlasov N. A. [et al.]. Porokh, zoloto i stal'. Voenno-tekhnicheskoye sotrudnichestvo v gody Pervoy mirovoy voyny. [Gunpowder, gold and steel. Military-technical cooperation during the First World War]. Saint Petersburg, 2017. 532 p. (In Russ.).

6. Kolpakov B. A., Lebedev B. O. Rechnoy flot Rossii: istoricheskiy ocherk. [River fleet of Russia: a historical essay]. Novosibirsk, 2011. 244 p. (In Russ.).

7. Puzyrev V. P. Torgovyy flot Rossii v Pervoy mirovoy voyne 1914–1917 gg.: ist. ocherk [The Merchant Fleet of Russia in the First World War of 1914–1917: historical sketch]. Moscow, 2006. 217 p. (In Russ.).

8. Russkiy torgovyy flot: k 1 yanvarya 1914 g. [Russian Merchant Fleet: by January 1, 1914]. Saint Petersburg, 1914. 260 p. (In Russ.).

9. Russkiy torgovyy flot: k 1 sentyabrya 1904 g. [Russian Merchant Fleet: by September 1, 1904]. Saint Petersburg, 1905. 408 p. (In Russ.).

10. Grankov L. M. Russkoye sudokhodstvo: istoriya i sovremennost'. V 3 t. T. 1. Kommercheskiy flot Rossii: stranitsy istorii [Russian shipping: history and modernity. In 3 vols. Vol. 1. Commercial fleet of Russia: pages of history]. Moscow, 2004. 471 p. (In Russ.).

11. Denisov V. I. Sovremennoye polozheniye russkoy torgovli [The current situation of Russian trade]. Saint Petersburg, 1913. 59 p. (In Russ.).

12. Vasilyev N. G. Transport Rossii v voyne 1914–1918 gg. [Transport of Russia in the war of 1914–1918]. Moscow, 1939. 257 p. (In Russ.).

13. Rechnoy flot (parovoy i neparovoy) Evropeyskoy Rossii po perepisi 1900 goda [The river fleet (steam and non-steam) of European Russia according to the census of 1900]. Saint Petersburg, 1902. 280 p. (In Russ.).

14. Rechnoy flot (parovoy i neparovoy) Aziatskoy Rossii [The river fleet (steam and non-steam) of Asian Russia]. Saint Petersburg, 1901. 83 p. (In Russ.).

15. Grankov L. M. Russkoye sudokhodstvo: istoriya i sovremennost'. V 3 t. T. 2. Morskoy flot Rossii vo vneshney torgovle i mezhdunarodnom sudokhodstve [Russian shipping: history and modernity. In 3 vols. Vol. 2. The Russian Navy in foreign trade and international shipping]. Moscow, 2010. 239 p. (In Russ.).

16. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv voyenno-morskogo flota (RGA VMF) [Russian State Naval Archive of the Navy (RSNA)]. File: 949/1/16. (In Russ.).

17. Vysochayshe utverzhdannyye 28-go iyunya 1914 g. i odobrennyye Gosudarstvennym Sovetom i Gosudarstvennoy Dumoyu Zakon i polozheniye o voyenno-sudovoy povinnosti: Sobraniye uzakoneny i rasporyazheniy Pravitel'stva ot 10-go iyulya 1914 g., otdel 1, № 163, st. 1912 [The Law and Regulations on Naval Service, most highly approved on June 28, 1914 and approved by the State Council and the State Duma: Collection of Legalizations and Government Orders of July 10, 1914, Department 1, no. 163, Article 1912]. Saint Petersburg, 1914. 36 p. (In Russ.).

18. RGA VMF [RSNA]. File: 418/1-2/2355. (In Russ.).

19. Rossiya v gody Pervoy mirovoy voyny: ekonomicheskoye polozheniye, sotsial'nyye protsessy, politicheskoye krizis [Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis] / Ed. by Yu. A. Petrov. Moscow, 2014. 982 p. (In Russ.).

20. RGIA [RSHA]. File: 1263/4/185. (In Russ.).

21. RGA VMF [RSNA]. File: 401/6/1082. (In Russ.).

MALIUCHENKO Dmitry Alexeyevich, Research Engineer at the Institute of History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

SPIN-code: 5495-7765

AuthorID (RSCI): 1008161

ORCID: 0000-0003-3863-0895

Correspondence address: dimetv1997@mail.ru

For citations

Maliuchenko D. A. On the degree of import dependence of the merchant fleet of the Russian Empire on the eve and at the beginning of the First World War // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 52–58. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-52-58.

Received June 10, 2023.

© D. A. Maliuchenko

ЗАГОТОВИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО В СФЕРЕ ВОЕННОГО ИМУЩЕСТВА: К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОГО ЗАГОТОВИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА В АМЕРИКЕ В 1917 г.

В данной работе автором была предпринята попытка рассмотреть положение Русского Заготовительного комитета в Америке, проблемы и состояние ее структурных подразделений на протяжении последнего значимого года активного сотрудничества с союзными державами (1917 г.) в деле военных закупок на протяжении Первой мировой войны. Поскольку на данный момент сведения о положении Русского Заготовительного комитета в научной исторической литературе представлены фрагментарно, автором была обозначена следующая цель настоящего исследования — свести и расширить имеющийся материал о деятельности Русского Заготовительного комитета в единую и четкую картину, уделив особое внимание восприятию его деятельности в американской прессе, проблеме перевозок, вопросу введения ликвидационной политики в отношении заказов, усилиям по закупке транспортного имущества. Статья написана на основе неопубликованных источников (материалы делопроизводства Русского Заготовительного комитета, переписка генерала Н. М. Храброва с Главным управлением по заграничному снабжению и уполномоченным послом от российского правительства Б. А. Бахметьевым, распоряжения и инструкции Главного управления по заграничному снабжению, материалы Особой следственной комиссии), выявленные в фондах Российского государственного исторического архива. По итогам исследования сделан вывод о том, что в условиях политической нестабильности и застоявшихся организационно-структурных проблем Русский Заготовительный комитет не смог должным образом решить вопрос закупки военного имущества на американском рынке.

Ключевые слова: русский заготовительный комитет в Америке, военно-техническое сотрудничество, Первая мировая война, транспортные закупки, Главное военно-техническое управление, Главное управление по заграничному снабжению, русская армия.

Введение. Изучение деятельности Русского Заготовительного комитета (далее РЗК) в Америке занимает бесспорно важное место в работах отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих систему и организацию военно-технического сотрудничества в деле военного снабжения армий, фронтов и промышленности союзных держав в годы Первой мировой войны. Примечателен в этом отношении подробный историографический обзор этой темы историком П. В. Виноградовым [1]. Сам автор в рамках этой проблемы по праву считается крупным специалистом в области изучения состояния российских портов и организации транспортных перевозок заготовленного военного имущества в период войны [2–4].

Ему же принадлежит и первенство в описании деятельности РЗК в Америке на протяжении всего его существования, что позволяет иным исследователям получить четкое представление об истории этой заготовительной организации, этапах ее преобразований и проблемах, сопряженных с работой

в деле закупки и транспортировки военного имущества [5].

В коллективной монографии под научной редакцией А. Ю. Павлова всесторонне изучена тема военно-технического сотрудничества между всеми участниками мирового вооруженного конфликта и в особенности между Российской империей и её союзниками по военно-политическому блоку (Антанты) в рамках закупок огнестрельного и артиллерийского имущества [6]. Касательно нашей темы особое внимание заслуживает глава, написанная историком И. Э. Магадеевым, в которой подробнейшим образом на основе архивных документов Российского государственного военно-исторического архива прослежена история и опыт организации всей отечественной заготовительной системы с союзными и нейтральными странами, в частности с США, на протяжении всей Первой мировой войны [6, с. 195–252].

Зарубежный исследователь Ризлидж Дейл в своей небольшой по объему, но достаточно значимой

работе ярко описал усилия российских властей в деле закупок военного имущества в Америке, сделав основной упор на их политическую и дипломатическую составляющую [7]. Британский историк Энтони Дж. Хейвуд в одной из своих работ тщательно проследил состояние железнодорожного дела в России на момент Первой мировой войны, а также, сделав акцент на 1915–1916 гг., проследил динамику развития усилий российского правительства в отношении приобретения за границей необходимого железнодорожного имущества, сделал попытку дать количественный и качественный анализ этих закупок [8].

Касательно нашей темы стоит отметить, что во всех этих трудах деятельность РЗК в 1917 году затрагивается довольно фрагментарно, с указанием значимых отрывочных сведений, без глубокого погружения в детали вопроса. Отсюда цель нашего исследования — расширить и свести накопленный материал в единую структурированную работу.

Основная часть. Февраль 1917 года стал не только поворотным моментом в истории российского государства, но и внес свои коррективы в дело заграничных закупок для нужд армии и страны. Вся система и структура организации заграничных заказов, по предложению нового военного и морского министра А. И. Гучкова, подверглась изменению в сторону централизации. При военном министерстве создавался новый орган — Главное управление по заграничному снабжению (далее ГУЗС), который объединял в себе функции Комиссии Михельсона и совещания по Морским перевозкам и имел межведомственный характер управления [6, с. 223].

Изменения в работе РЗК начались со вступления США в войну на стороне Антанты в апреле 1917 года и признания в марте того же года американским правительством Временного правительства в России [7, р. 88–89]. Тогда для Комитета открылись новые возможности в виде денежных займов от нового союзника, что в корне изменило порядок размещения заказов на американском рынке.

Правительство США с целью сохранения авторитета нового правительства в России применяло для русских заготовительных органов аналогичный с другими союзными державами порядок договорных обязательств. На первом этапе обсуждения новой системы размещения военных заказов на американском рынке Министерство финансов США выстроило промежуточную схему, в которой решающая роль в принятии решений оставалась за той же, что и прежде, Лондонской межсоюзнической комиссией и американским органом под рабочим названием «Комиссия для покупок» [9, с. 753–754]. Лишь в августе 1917 года, с подписанием меморандума между уполномоченным послом от российского правительства Б. А. Бахметьевым и Министерством финансов США, удалось выстроить четкий порядок взаимоотношений по этому вопросу: помимо РЗК создавался новый специальный орган — Русская закупочная комиссия, находившаяся «в самом тесном соприкосновении с американским правительством, а равно и с союзниками» [9, с. 776]. Помимо неё с американской стороны назначалась комиссия в составе Бернарда М. Баруха, Роберта С. Эберетта и Роберта С. Брукинса, «через которую и с одобрения которой будут производиться все закупки в Соединенных Штатах материалов и товаров от имени правительства России» [7, р. 92; 9, с. 778]. Теперь британский фактор в деле закупок уходил в небытие и на его место в считанные секун-

ды пришёл американский контроль, выражавшийся тем, что правительство Соединенных Штатов через Совет по военной промышленности могло блокировать любые военные заказы, если будет расценивать их «разрушительными» [7, р. 92].

Новый характер взаимоотношений сподвиг руководителей РЗК активно отстаивать идею о переименовании РЗК в «Правительственный» ввиду того, что ему приходилось действовать как правительственному учреждению в официальных установленных отношениях с союзными правительствами (далее СОПРА) [10, л. 1,5] и его положение имело схожий характер с положением «Русских-Заготовительных миссий во Франции и в Италии» [11, л. 136]. В итоге, Комитет получил статус «Правительственного» в ноябре 1917 г.

Однако, несмотря на все нововведения, внутренняя организация Комитета оставалась бюрократизированной, поедающей внушительную сумму его бюджета на выплату высокого денежного довольствия разросшемуся штату сотрудников заготовительных учреждений. Ещё в августе 1917 г. посол Б. А. Бахметьев писал председателю РЗК, с июня 1917 г., генерал-майору Н. М. Храброву о том, что необходимо «относиться с чрезвычайной бережливостью к расходованию русских государственных средств за границей» с помощью повсеместного сокращения как размеров денежных довольствий, так и личного состава [12, с. 90–92]. Более того, организация за годы работы приобрела достаточно хаотичный и децентрализованный характер. Эту проблему подробно расписал в письме к Б. А. Бахметьеву уполномоченный Министерства путей сообщений профессор Ю. В. Ломоносов, отметив, что «отсутствие определённой административной организации русских заготовительных учреждений в Америке создает благоприятную почву для борьбы личного самолюбия, сторонних влияний, споров и бесполезной переписки, ибо каждое дело приходится решать не в определенном законом порядке, а путем соглашений, для достижения которых приходится иногда идти на уступки заведомо вредные для дела. <...> Троекратное обсуждение каждого заказа в русских коллегиях, представляющих из себя разные сочетания одних и тех же лиц, представляется мне совершенно бесцельным» [12, с. 127–128].

В итоге и сам ГУЗС не отличался образцовым характером. Отчет председателя технической секции ГУЗС рисовал «печальную картину неразберихи в различных звеньях системы заказов», которая привела к тому, что «что около 40 процентов заказов не было выполнено, выданы громадные авансы, масса грузов лежит в различных портах и складах» [6, с. 224].

В добавок ко всему РЗК продолжал оставаться в центре внимания как русскоязычных эмигрантских, так и американских газет, освещавших причастность его сотрудников к разного рода злоупотреблениям и коррупционным схемам. Такого рода материалы, которые часто фигурируют в донесениях как «слухи», наносили серьезный удар по репутации РЗК и его сотрудников. Особенно в этом ключе отличился председатель комиссии по перевозкам внутри РЗК К. Ю. Медзыховский, который всецело олицетворялся в американском обществе в виде бесчестного человека, разжившегося богатством и недвижимостью за счет взяток и денежных манипуляций в разнице стоимости фрахта перевозок частных и казенных грузов, а также халатным отношением к своим должностным обязанностям,

что, в свою очередь, негативно сказывалось на перевозках военных грузов из Америки в Россию [12, с. 67–69; 13, л. 15]. Он стал прототипом для создания массового стереотипа о том, что каждый русский высокопоставленный человек, работающий от имени российского правительства, является взяточником. Так, американская газета «New York Tribune» на карикатурный манер разместила рисунок, на котором запечатлен момент передачи взятки русскому чиновнику — «с самоваром, чаем, передачей пакета — “на чай” Русскому деятелю в эполетах» [13, л. 13].

У некоторых неравнодушных подданных, радеющих за честь и славу своего государства, такой «циничный саркастический тон» статей «в адрес русских» вызывал чувство оскорбления [13, л. 13]. А некоторые, как, например, Георгий Николаевич Коландс, чьи наблюдения были представлены выше, призывали к введению чинов Государственного Контроля в состав РЗК для наведения там порядка [13, л. 11 об., 35].

При такой небрежной организации, безответственности сотрудников и дурной славе в руках РЗК сосредотачивались крупные американские займы, реализовать которые было невозможно ввиду извечной потребности РЗК в тоннаже для доставки материалов и товаров из Америки в российские порты. Эта проблема в 1917 году ещё больше усиливалась. Общее количество грузов, «находящихся на руках и ожидающихся к сдаче до 1 января для отправки в Архангельск, — сообщал генерал Н. М. Храбров в телеграмме от 7 июля 1917 г., составляет около 500 тыс. тонн» [14, л. 201]. Уже к концу сентября 1917 г. из телеграммы генерала Храброва следовало, что количество груза «по старым заказам подлежит отправке примерно 450 000 тонн и инструктировано ГЛАВЗАГРАНОМ [ГУЗС. — Т. В.] около 175 000 тонн, не считая подвижного состава. Вывезти означенное количество в северные порты едва ли возможно...» [14, л. 547]. Ещё в июне посол Б. А. Бахметьев, имея на руках информацию о цифре скопившихся грузов «свыше 300 тыс. тонн», телеграфировал в июне 1917 г. в МИД о том, что в связи возникших сложностей отправки в Россию материалов «новые заказы в сколько-нибудь значительной мере теряют смысл», вследствие чего он распорядился «временно приостановить все новые заказы в Америке, кроме паровозов и вагонов...» [9, с. 769].

Решить проблему с тоннажем РЗК пытался разными способами. Помимо того что в распоряжении РЗК находились суда Добровольного флота, которые оказывались по результатам осмотра беззащитными в борьбе с вражескими подводными лодками ввиду наличия на борту устаревших, разнотипных, малокалиберных и пришедших в негодность артиллерийских вооружений [14, л. 512], пополнить штат судов заготовительный орган пытался за счет помощи союзников. Так, благодаря усилиям посла Б. А. Бахметьева Комитет летом от СОПРА получил пароходы «Ида», «Дора» и «Моя» [14, л. 220]. Более того, Комитет пытался и собственными силами решить эту проблему при помощи покупки необходимых судов, вступая, например, в переговоры с обществом Atlantic Steamship Association, или в конкурентную борьбу с союзниками за приобретение любых судов, которые после переделок станут в какой-то степени пригодными для выполнения поставленных задач [14, л. 156, 313], или потребовав необходимые пароходы у американской

государственной паровой компании «Shipping Board» [9, с. 765]. Однако эти усилия оказывались тщетными, и количество груза копилось с неслыханной скоростью.

В данных условиях руководство РЗК осознавало необходимость поиска иных возможностей оставаться на американском рынке при параллельном вывозе скопившегося имущества. Можно сказать, неосознанно руководство РЗК отработывало несколько возможных вариантов. Одним из них было «уничтожение некоторых контрактов или переступка союзникам» [14, л. 234]. Другой вариант заключался в размещении перспективных для будущего развития страны заказов с отложенным сроком задействия, то есть те, «которые могли бы быть использованы и после войны, но временное хранение коих в Америке не было бы совершенно бесцельным для страны» [14, л. 547 об.].

Третий вариант, которого и придерживался РЗК, сводился к расстановке приоритетов при размещении новых заказов при постепенном вывозе первостепенных и срочных грузов. Приоритет в этом случае, как можно судить из указанной выше телеграммы посла Б. А. Бахметьева, был в пользу заказов на паровозы и вагоны [9, с. 769; 14, л. 201]. Такое трепетное внимание к закупкам транспортного имущества объясняется не столько тем, что уже были достигнуты соглашения на покупку паровозов и вагонов при поддержке американской валюты, сколько тем, что весь 1917 год Российское правительство было серьезно обеспокоено транспортной проблемой внутри страны. Об этом также свидетельствует как прибытие представителей Государственного Контроля Петропавловского и Збышевского для ревизионного наблюдения за заказами Министерства путей сообщений [15, л. 239], так и организованная ГУЗС командировка в Америку полковника Тернавского под эгидой Главного военно-технического управления (далее ГВТУ), цель которой сводилась к поиску возможных путей решения потребности страны в автомобилях [16, л. 1, 4]. Не удивительно, что выбор пал именно на Америку, как на основного поставщика автомобилей, особенно грузовых, в общей доле среди остальных союзных стран [5, с. 173].

Помимо возможной закупки автомобилей полковник Тернавский был также озадачен вопросом при содействии СОПРА «организации и отправки в Россию для военных надобностей тылового района страны 5 ремонтных автомастерских» по примеру оказанной американским правительством технической железнодорожной помощи Франции [16, л. 2]. Параллельно с этим Тернавский высказал мысль и об организации «автодорожных отрядов для постройки, ремонта и содержания автодорог», которые были бы укомплектованы не только внушительным штатом сотрудников, но и новейшим оборудованием [16, л. 2, 2 об.]. Однако планам Тернавского с ГВТУ не суждено было сбыться, по причине, как телеграфировал генерал Н. М. Храбров, достаточного количества готовых за границей автомобилей в размере 9 тыс. штук, скопившихся в результате нехватки тоннажа [16, л. 3]. Поэтому отзыв полковника Тернавского обратно в Россию был лишь вопросом времени.

Тем не менее любые начинания и планы РЗК были перечеркнуты свершившимся в октябре 1917 года переворотом большевиков. Полковник Эдвард Хаус, советник президента В. Вильсона, телеграфировал, что «в Великобритании ситуация

в России на данный момент расценивается безнадёжной. Не наблюдается ответственного правительства внутри страны. В настоящее время я бы посоветовал не предоставлять авансов и не разрешать какие-либо дальнейшие контракты на закупки» [7, р. 99].

В этих условиях РЗК ничего не оставалось, как следовать распоряжениям СОПРА относительно военных контрактов и отправки товаров в Россию. В частности, в результате достигнутого соглашения с СОПРА, как телеграфировал генерал Н. М. Храбров, «некоторые военные контракты, в том числе оба ружейные, намечены к окончательной канцелярии, по другим контрактам часть невыполненных заказов переходит в опционы, возможность использования которых будет находиться в зависимости от политической ситуации в России <...> впредь до выявления политических условий временно задержана отправка в Россию всех грузов военного назначения и приостановлена нагрузка в какой-либо русский порт новых пароходов» [15, л. 234]. А уже в январе 1918 года СОПРА окончательно принял решение «прекратить предоставление АМСКО [Русский заготовительный комитет в Америке, — В. Т.] дальнейшей валюты не только на новые заказы, но и на плату заказов, уже ранее помещенных» [15, л. 265].

Параллельно с этим в декабре 1917 года ГУЗС разработал проект отправки в Америку начальника ГВТУ, генерал-лейтенанта А. В. Шварца «в качестве особого уполномоченного Русским Правительством лица для возможного использования разного рода имущества, заказанного Русским Правительственным Заготовительным комитетом в Америке» с правом принятия окончательного решения относительно заказов, контрактов и имущества [11, л. 141].

Задачи генерала Шварца сводились не просто к ликвидации «с наибольшей для России выгодой не оконченных ещё заказов», а к четко выверенному, планомерному распоряжению имуществом и заказами таким образом, чтобы в перспективе на будущее наладить положение «сельского хозяйства, заводской промышленности и железнодорожного дела в России», а также наладить, во избежание последствий, материальное состояние войск и гражданского населения «предметами продовольствия, одежды и особенно обуви» [11, л. 141]. Однако в РГИА, видимо, сохранился проект, оставленный без подписей за управляющим военным управлением, вр.и.д. начальника Главного управления пограничному снабжению и начальника военно-статистического отдела.

Скорее всего, к тому времени в Петрограде контроль над правительственными структурами по пограничным закупкам окончательно перешел в руки большевиков.

Примечательно, что в апреле 1918 года ВСНХ под руководством Совета Народных Комиссаров разработало инструкцию для межведомственной комиссии от большевистского правительства, задачи которой сводились к взятию под контроль деятельность заготовительного органа в Америке и налаживанию торговых отношений с США. Положение инструкции в отношении имущества практически повторяло ряд положений инструкции генерала Шварца за тем исключением, что старый комитет заменялся на новый и действовал в рамках мирного времени, сохранив за собой возможность «размещения производственных заказов»

на американском рынке [17, л. 1, 1 об., 9, 9 об., 15, 15 об., 16].

Однако и здесь проект остался лишь на бумаге. Было очевидно, что американское правительство не собиралось иметь дело с большевиками. В мае 1918 г. РЗК был ликвидирован. На его базе, при сильном сокращении штата, был организован Отдел по снабжению при русском посольстве в Вашингтоне [18, с. 175], суть которого заключалась, как следует из положения, к решению «различного рода вопросов по снабжению, оставшихся незаконченными в период существования русского заготовительного комитета и ликвидационной комиссии» [12, с. 137]. Впоследствии в годы Гражданской войны именно этот орган будет оказывать существенную военную и экономическую помощь Российскому правительству А. В. Колчака и Вооруженным силам Юга России генерала А. И. Деникина [18, с. 187 — 191; 19, с. 198 — 203].

Заключение. Таким образом, в 1917 году положение РЗК в Америке существенно изменилось, перед ним открылись новые перспективы и возможности в деле совершения закупок военного имущества на американском рынке. Тем не менее уже существовавшие на тот момент такие проблемы, как бюрократизм и децентрализованный характер РЗК, катастрофическая нехватка судов, скопление военной продукции на складах, халатное отношение сотрудников и прочее, не только нарастали, но и тормозили работу РЗК, оставив его руководству единственный выход в данной ситуации — сосредоточение на наиболее важных заказах, включающих в себя большую долю закупки транспортного имущества при параллельной ликвидации несостоятельных контрактов. Однако на фоне свершившегося государственного переворота и наступления глубокого политического кризиса внутри России в полной мере задействовать эту тактику РЗК не удалось, поскольку союзные державы, в том числе и США, перекрыли ему доступ к рынку для размещения и оплаты заказов. В результате РЗК был расформирован, а на его базе возник другой орган, преследующий уже совсем иные цели и интересы.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ № 22-78-10036 — «Иностранные закупки как фактор решения транспортных проблем в позднимперский период России: опыт Первой мировой войны», выполняемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Библиографический список

1. Виноградов П. В. Исследование военно-технического сотрудничества Российской империи с союзниками в годы Первой мировой войны в отечественной исторической литературе // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 98 — 105. DOI: 10.17223/19988613/61/13.
2. Виноградов П. В. Архангельский и Владивостокский порты в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 10. С. 53 — 57.
3. Головин С. А., Виноградов П. В. Торговый порт Владивостока в системе транспортных связей стран Антанты в годы Первой мировой войны // Общество: философ, истории, культура. 2018. № 1. С. 63 — 67. DOI: 10.24158/fik.2018.1.12.
4. Виноградов П. В., Шабельникова Н. А. Организация морских перевозок в России в годы Первой мировой во-

йны // Клио. 2022. № 2 (182). С. 128–135. DOI: 10.51676/2070-9773_2022_02_128.

5. Виноградов П. В. Деятельность Русского Заготовительного комитета и организации заказов военного имущества в США во время Первой мировой войны // Теория и практика общественного развития. 2012. № 10. С. 169–174.

6. Малыгина А. А., Гринхал Э., Власов Н. А. [и др.]. Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны: моногр. / науч. ред. А. Ю. Павлов. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2017. 532 с.

7. Rielage Dale C. Russian supply efforts in America during the First World War. Jefferson, North Carolina, London: McFarland and Company Publ., 2002. 164 p. ISBN 0-7864-1337-9.

8. Heywood A. J. Russia's Foreign Supply Policy in World War I: Imports of Railway Equipment // Journal of European Economic History. 2003. № 31 (1). P. 77–108.

9. Россия и США: дипломатические отношения. 1900–1917 / Под ред. А. Н. Яковлева; сост. Ю. В. Басенко, В. И. Журавлева, Е. Ю. Сергеев. Москва: МФД, 1999. 856 с. ISBN 5-65646-042-1.

10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1525. Оп. 1. Д. 601.

11. РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 593.

12. Гайдук М. И. «Утюг». Материалы и факты о заготовительной деятельности русских военных комиссий в Америке. Нью-Йорк: [Б. и.], 1918. 144 с.

13. РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 166.

14. РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 599.

15. РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 600.

16. РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 687.

17. РГИА. Ф. 1525. Оп. 1. Д. 83.

18. Будницкий О. В. Деньги русской эмиграции. Колчаковское золото. 1918–1957. Москва: НЛО, 2008. 512 с. ISBN 978-5-86793-639-6.

19. Ходяков М. В. Деньги революции и Гражданской войны: 1917–1920 годы. 3-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. 312 с. ISBN 978-5-288-05869-1.

ТАРЕЛКО Владислав Михайлович, лаборант-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 1901-1606

AuthorID (РИНЦ): 1146913

Адрес для переписки: ztarelko141@gmail.com

Для цитирования

Тарелко В. М. Заготовительное дело в сфере военного имущества: к деятельности Русского Заготовительного комитета в Америке в 1917 г. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 59–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-59-64.

Статья поступила в редакцию 09.06.2023 г.

© В. М. Тарелко

UDC 94(47).084

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-59-64

EDN: DXGDHM

V. M. TARELKO

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

PROCUREMENT IN THE FIELD OF MILITARY PROPERTY: TO THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN SUPPLY COMMITTEE IN AMERICA IN 1917

In the article has been attempted to consider the position of the Russian Supply Committee in America, the problems and the state of its structural units during the significant 1917 year of last active cooperation with the Allied powers in military procurement during the First World War. As the Russian Supply Committee is currently presented fragmentally in the scientific historical literature, the author has identified the following purpose of this article — to reduce and expand the available material on the activities of the Russian Supply Committee into a unified picture, paying special attention to the perception of its activities in the American press, the problem of transportation, the issue of the introduction of liquidation policy in relation to purchase order, efforts to purchase transport property. The article is written on the basis of unpublished sources (materials of the office work of the Russian Supply Committee, correspondence of General N. M. Khrabrov with the Main Directorate for Foreign Supply and the authorized Ambassador from the Russian government B. A. Bakhmetyev, orders and instructions of the Main Directorate for Foreign Supply, materials of the Special Investigative Commission) identified in the funds of the Russian State Historical Archive. As a result, the author concluded that in the conditions of political instability and stagnant organizational

and structural problems, the Russian Supply Committee could not properly resolve the issue of purchasing military property on the American market.

Keywords: the Russian Supply Committee in America, military-technical cooperation, World War I, transport procurement, the Main Military-Technical Directorate, the Main Directorate for Foreign Supplies, Russian army.

Acknowledgments

The article is prepared with the support of the Russian Science Foundation project, 22-78-10036 — «Foreign supplies as a factor in solving transport problems of late imperial Russia: the experience of the First World War», implemented at St. Petersburg State University.

References

1. Vinogradov P. V. Issledovaniye voyenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva Rossiyskoy imperii s soyuznikami v gody Pervoy Mirovoy voyny v otechestvennoy istoricheskoy literature [Study of the military-technical cooperation of the Russian empire with the allies during the First world war in the Russian historical literature] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Tomsk State University Journal of History*. 2019. No. 61. P. 98–105. DOI: 10.17223/19988613/61/13. (In Russ.).
2. Vinogradov P. V. Arkhangel'skiy i Vladivostokskiy porty v gody Pervoy Mirovoy voyny [Arkhangelsk and Vladivostok ports during the First World War] // *Voyenno-istoricheskii zhurnal. Voyenno-istoricheskii Zhurnal*. 2015. No. 10. P. 53–57. DOI: 10.24158/fik.2018.1.12. (In Russ.).
3. Golovin S. A., Vinogradov P. V. Torgovyy port Vladivostoka v sisteme transportnykh svyazey stran Antanty v gody Pervoy Mirovoy voyny [Commercial port of Vladivostok in the system of transport links of the entente countries in the World War I] // *Obshchestvo: filosof, istorii, kul'tura. Society: Philosophy, History, Culture*. 2018. No. 1. P. 63–67. DOI: 10.24158/fik.2018.1.12. (In Russ.).
4. Vinogradov P. V., Shabelnikova N. A. Organizatsiya morskikh perevozok v Rossii v gody Pervoy Mirovoy voyny [Organization of sea transportation to Russia during the First World War] // *Klio. Klio*. 2022. No. 2 (182). P. 128–135. DOI: 10.51676/2070-9773_2022_02_128. (In Russ.).
5. Vinogradov P. V. Deyatel'nost' Russkogo Zagotovitel'nogo komiteta i organizatsii zakazov voyennogo imushchestva v SShA vo vremya Pervoy Mirovoy voyny [Activities of the Russian procurement committee and organization of the munitions orders in the USA during the World War I] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. Theory and Practice of Social Development*. 2012. No. 10. P. 169–174. (In Russ.).
6. Malygina A. A., Grinkhal E., Vlasov N. A. [et al.]. Porokh, zoloto i stal'. *Voyenno-tekhnicheskoye sotrudnichestvo v gody Pervoy mirovoy voyny. [Gunpowder, gold and steel. Military-technical cooperation during the First World War]*. Saint Petersburg, 2017. 532 p. (In Russ.).
7. Rielage Dale C. Russian supply efforts in America during the First World War. Jefferson, North Carolina, London: McFarland and Company Publ., 2002. 164 p. ISBN 0-7864-1337-9. (In Engl.).
8. Heywood A. J. Russia's Foreign Supply Policy in World War I: Imports of Railway Equipment // *Journal of European Economic History*. 2003. No. 31 (1). P. 77–108. (In Engl.).
9. Rossiya i SShA: diplomaticheskiye otnosheniya. 1900–1917 [Russia and the USA: diplomatic relations. 1900–1917] / Ed. by A. N. Yakovleva; comp. Yu. V. Basenko, V. I. Zhuravleva, E. Yu. Sergeyev. Moscow, 1999. 856 p. ISBN 5-65646-042-1. (In Russ.).
10. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RSHA)]. File: 1525/1/601. (In Russ.).
11. RGIA [RSHA]. File: 1525/1/593. (In Russ.).
12. Gayduk M. I. «Utyug». Materialy i fakty o zagotovitel'noy deyatel'nosti russkikh voyennykh komissiy v Amerike [«Utyug». Materials and facts about the procurement activities of Russian military commissions in America]. New York, 1918. 144 p. (In Russ.).
13. RGIA [RSHA]. File: 1525/1/166. (In Russ.).
14. RGIA [RSHA]. File: 1525/1/599. (In Russ.).
15. RGIA [RSHA]. File: 1525/1/600. (In Russ.).
16. RGIA [RSHA]. File: 1525/1/687. (In Russ.).
17. RGIA [RSHA]. File: 1525/1/83. (In Russ.).
18. Budnitskiy O. V. Den'gi russkoy emigratsii. Kolchakovskoye zoloto. 1918–1957 [Money of Russian emigration. Kolchak gold. 1918–1957]. Moscow, 2008. 512 p. ISBN 978-5-86793-639-6. (In Russ.).
19. Khodyakov M. V. Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: 1917–1920 gody [Revolution and Civil War money: 1917–1920]. 3rd ed. Saint Petersburg, 2019. 312 p. ISBN 978-5-288-05869-1. (In Russ.).

TARELKO Vladislav Mikhailovich, Research Assistant at the Institute of History, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.
SPIN-code: 1901-1606
AuthorID (RSCI): 1146913
Correspondence address: ztarelko141@gmail.com

For citations

Tarelko V. M. Procurement in the field of military property: to the activities of the Russian Supply Committee in America in 1917 // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 59–64. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-59-64.

Received June 09, 2023.

© V. M. Tarelko

УДК 93/94
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-65-70
EDN: HJAMKX

Ю. З. КАНТОР

Санкт-Петербургский
институт истории РАН,
г. Санкт-Петербург

«ВЫСТАВКА ОТКРЫЛАСЬ В ВДВОЙНЕ НЕСЛУЧАЙНОМ МЕСТЕ...»

В сентябре—октябре 2023 г. в центре «Эрмитаж-Сибирь» Омского областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля состоялась выставка «Сибирские сезоны Ленинградской филармонии. К 80-летию гастролей 1943 года»; проект имел большой общественный резонанс. На экспозиции демонстрировались уникальные документы, отреставрированные в Санкт-Петербургском институте истории РАН, связанные с пребыванием и творческой деятельностью филармонии в сибирском тылу. Состоявшаяся в октябре 2023 г. беседа с Ю. З. Кантор — куратором данного музейного проекта — посвящена его значению и содержательным особенностям.

Ключевые слова: культурная антропология, музыкальная культура, музейное дело, выставки, Великая Отечественная война, эвакуация, сибирский тыл, повседневность, Д. Д. Шостакович, М. Н. Тухачевский, Омск.



Юлия Зораховна
КАНТОР

— Юлия Зораховна, в Омске открылась не совсем обычная выставка, и она связана с Санкт-Петербургской академической филармонией им. Д. Д. Шостаковича. Несколько неожиданно — Омск и Петербургская филармония. Мы, конечно, знаем, что филармония во время эвакуации в годы Великой Отечественной войны была в Сибири, в Новосибирске. Но какое все это имеет отношение к Омску и к Санкт-Петербургскому институту истории РАН?

— Начать я бы хотела с того, что эта выставка открылась во вдвойне неслучайном месте. Она проходит в центре «Эрмитаж-Сибирь» — площадке, как никакой другой, связанной с Петербургом. Вы понимаете это по ее названию Центр «Эрмитаж-

Сибирь» является подразделением Омского музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля — великолепного музея и по коллекции, и по составу научных сотрудников и экспозиционеров. Санкт-Петербургский институт истории РАН (СПбИИ РАН) имеет прекрасный опыт взаимодействия с именно этим учреждением. В частности, я могу сказать, что в прошлом году там состоялась выставка «Почерк империи», посвященная становлению административной бюрократии Петровской эпохи [1]. Выставка была основана на уникальных документах Петровской эпохи, хранящихся в научно-историческом архиве СПбИИ РАН. Причем тут важно и нелишне напомнить, что подавляющее большинство документов, которые были выставлены в прошлом году в Омском музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, экспонировались впервые. А уже в этом году по городам Омской области проходит выставка, тоже связанная с историей Петровской эпохи. Омск, как известно, петровский город, входит в Ассамблею петровских городов, а названный музей — член Ассоциации петровских музеев России, недавно созданной и интересно развивающейся, поэтому музей попросил нас ту выставку, которая была в прошлом году, дополнить и несколько расширить. Чтобы не только не повторить, но и показать несколько более детально ракурсы становления государственности и функционирования государства в административном его аспекте в петровское время, чтобы жители городов Омской области — огромной по территории — смогли это посмотреть. Выставка, конечно, стендовая, она исключительно на копиях, но, тем не менее, имеет очень важную научно-просветительскую функцию.

— Но вернемся к Ленинградской филармонии.

— Что касается выставки «Сибирские сезоны Ленинградской филармонии...», то она связана и с Санкт-Петербургом — Ленинградом, и с Омском тоже. Она является частью проекта, который Санкт-Петербургский институт истории РАН проводит вместе с Санкт-Петербургской академической филармонией им. Д. Д. Шостаковича — это историко-реставрационный проект «Военная летопись филармонии». (Ю. З. Кантор — куратор данного проекта. — **Ред.**) [2]. Традиция хранения и научной реставрации документов и традиция изучения блокады Ленинграда — две составляющие, которые легли в его основу. Будут отреставрированы афиши, программы и рукописные материалы военного времени. Научная реставрация осуществляется сотрудниками Научно-исторического архива СПб ИИ РАН, имеющими большой опыт исследования памятников письменности различных эпох на бумажных носителях (в архиве СПб ИИ РАН хранятся документы с IX в.). Планируется отреставрировать более семи сотен афиш, около ста программ, «Блокадную книгу Филармонии», в которой зафиксированы все концерты блокадного периода, а также некоторые рукописные материалы.

Документы, памятники культуры, как люди — с возрастом появляются свои проблемы, особенно. Если мы что-то не изучим, это будет не так страшно, придут наши последователи. Но, если мы не сохраним то, что получили от своих предшественников, этого потомки уже не увидят. В военное время Филармония не только не прекратила свою работу, но увеличила объем концертной деятельности. Эта эпоха представлена в Музыкальной библиотеке Филармонии различными документами, обладающими уникальной ценностью. Проект предусматривает их изучение, введение в научный оборот, публикацию результатов исследований, введение в культурный оборот памятников мужества, стойкости, удивительной творческой энергии, направленной из военного времени к нам.

В январе 2024 года, к 80-летию полного снятия блокады Ленинграда, Филармония и СПб ИИ РАН организуют конференцию, посвященную звуковому образу города военной поры, а в декабре 2024 года — конференцию, посвященную анализу восстановления и реставрации памятников письменности на бумажных носителях в XX в.

Вообще считаю принципиально важным представлять научные достижения в диалоге ученых, а затем публиковать их результаты. Недавно прошедшая в Омске конференция, посвященная 130-летию М. Н. Тухачевского [3], кстати, с которым дружил Д. Д. Шостакович, — один из удачных тому примеров.

Решение Филармонии отреставрировать колоссальную коллекцию афиш, то есть уделить внимание сохранению культурного наследия, реализовав дорогостоящий проект, — явление, имеющее в нашей стране глубокие исторические ассоциации с событиями не только в XX в., но и даже в XVIII столетии, когда в не самое простое для страны время реализуются важные гуманитарные инициативы, направленные на приумножения ее культурного достояния. Это, безусловно, сильная позиция, не только творческая, но и общественная.

Изучая деятельность Филармонии в блокадном Ленинграде (где в ее стенах работал единственный оставшийся в городе симфонический коллек-

тив — оркестр Радиокomiteта, давший в осажденном городе несколько сотен концертов) [4, с. 184], исследователи особое внимание уделяют пребыванию Заслуженного коллектива Республики Симфонического оркестра филармонии в Новосибирске, куда в августе 1941 г. по решению правительства Ленинградская государственная филармония была эвакуирована почти в полном составе. Попытка осмысления этого исторического этапа была предпринята сразу после окончания войны — в юбилейный для Ленинградской филармонии сезон 1945/46 гг., когда филармония отмечала четверть века со дня своего основания. Любопытно, что никакого торжественного заседания и концерта по этому случаю не отмечено в сохранившихся документах. Вместо этого Филармония выпустила несколько рукописных альбомов с коллажами из концертных программ и фотографий, оформленных филармоническими художниками, которые освещали весь 25-летний период и, в том числе, эвакуацию в Новосибирск [5, с. 3].

Время пребывания эвакуированной Филармонии в Новосибирске — одна из интересных глав ее истории. С июля по сентябрь 1943 г. Заслуженный коллектив Республики в полном составе посетил Барнаул, Омск (где дал наибольшее число концертов) и города Кузбасса: Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Сталинск (с 1961 г. — снова Новокузнецк). Итак, в начале сентября 1941 г. симфонический оркестр Ленинградской филармонии, квартет им. Глазунова и солисты концертного бюро, всего около двухсот человек, прибыли в Сибирь, а уже 4 октября 1941 г. филармония открыла свой 21-й сезон. Состоялось открытие в зале Дома культуры им. Сталина. А вот гастролировал прославленный коллектив по всей Сибири, в том числе он был и в Омске, и во многих других городах. Поэтому важно понимать, что афиши, которые привезли из эвакуации ленинградские музыканты, — это очень важная страница нашей генетической культурной памяти. Это еще и важная страница в нашем историко-культурном пространстве. Поскольку эти гастроли состоялись ровно 80 лет назад, а именно осенью 1943 г., нам показалось логичным принять предложение Омского музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля и сделать выставку этих афиш, показав географию пребывания Ленинградской филармонии в эвакуации. Мы относительно хорошо знаем о собственно новосибирских страницах, а вот о других городах и о впечатлениях, которые Филармония произвела вот этой культурной симфонической прививкой, нам известно гораздо меньше.

Конечно, львиная доля того, что будет отреставрировано в общей сложности за три года — с 2023 по 2025 гг., — это афиши филармонии Ленинграда, афиши и программки концертов, прошедших в Большом зале Ленинградской филармонии и в эвакуации в течение всей Великой Отечественной войны. Это более 700 единиц. Вдумайтесь в эти цифры!

Это говорит об интенсивной культурной жизни Ленинграда, несмотря на тяжелейшие условия блокады и о той востребованности, которую имела классическая музыка и самый разнообразный репертуар в Ленинграде [6, с. 253] и в тылу, в Новосибирске, куда был эвакуирован оркестр Филармонии во главе с Е. А. Мравинским, и других регионах страны, где коллектив был в тот нелегкий период на гастролях. Филармония ведь была средо-

точием духовной и культурной жизни нашего города «всем смертям назло».

— **80 лет назад начались гастролы по Сибири. А в каких именно городах они проходили? И каким образом оркестр передвигался? Железная дорога, наверно, была перегружена — все-таки война, военные грузы и т.д. Как они перемещались? Пространства же большие очень.**

— Конечно, география интересная. Нам и самим было интересно, благодаря афишам, реконструировать географическую карту в той части, которая отображает Сибирь. Помимо Новосибирска, о котором мы знаем, потому что несколько сезонов в эвакуации Филармония провела там, и огромное количество концертов состоялось именно там, — оркестр ездил в Томск, Омск, Барнаул и многие другие города. Проявлением своеобразного содружества явилась помощь железнодорожников, о чем нам рассказывает сохранившаяся благодарность — Почетная грамота Томской железной дороги, которая тоже показана на выставке. Это великолепный документ! Он рукотворный в прямом смысле. Это не печать, а художественно оформленный графический лист, на котором отображены очень теплые слова в адрес ленинградских музыкантов, которые с Филармонией гастролруют по Сибири. Число концертов Заслуженного коллектива Республики (538 выступлений) и количество «обслуженных», в тогдашней терминологии, слушателей (до полу-миллиона) [5, с. 5].

По газетам разных областей Сибири видно, каков был отклик, какова была востребованность этих концертов. И нам это важно, потому что мы тоже возвращаем в наше культурное пространство этот «сибирский мотив», если хотите, пребывания Филармонии. Это тоже восстанавливает детали ее военной летописи. Первым городом, в который в рамках гастролей приехали ленинградцы в 1943 г., был Барнаул. С 27 июля по 2 августа Ленинградская филармония дала там 8 концертов. Приезд коллектива в Омск, где состоялось 9 концертов, сопровождался статьей заместителя художественного руководителя Ленинградской филармонии О. С. Саркисова «Концерты Ленинградской филармонии», опубликованной в газете «Омская правда» 8 августа (на второй день гастролей!). Несмотря на несколько официальный характер этой публикации, она содержит информацию, позволяющую предположить, что гастролы в Омске состояли не из шести заявленных в анонсе, а из десяти концертов, включая и камерные выступления (т.е. гастролы в Омске оказались самыми продолжительными во всем турне по городам Сибири, Кузбассу и Средней Азии). Важным заявлением официального лица Филармонии можно считать следующие слова: «В творческом общении с коллективом оркестра создавались многие выдающиеся творения советского симфонизма, в частности ряд партитур лауреата Сталинской премии Дм. Шостаковича» [7]. Далее, после объявления всех гастрольных планов, Саркисов возвращается к этому еще раз: «Первые исполнители монументальной V симфонии Шостаковича — наш оркестр и дирижер Е. А. Мравинский вновь исполнят это выдающееся произведение советского симфонизма перед омскими слушателями» [7].

Реакция в периодической печати на выступление Ленинградской филармонии появилась не сразу. 14 августа в газете «Омская правда» была напечатана рецензия Л. Марьясина «Первые концерты оркестра Ленинградской государственной

филармонии». Отзыв критика в высшей степени комплиментарный. Однако начинается он с риторического приема — вопроса, признаваясь, что шел «на концерт с некоторыми опасениями. Не наложило ли суровое военное время отпечаток на работу коллектива, не снизился ли в дни войны уровень исполнения?» [8].

Но опасения рассеялись при первых тактах Шестой симфонии в исполнении Заслуженного коллектива Республики под управлением Мравинского: «В руках большого художника этот живой, точный и вместе с тем удивительно гибкий инструмент способен творить чудеса». Рецензент отметил игру нескольких солистов, прежде всего исполнителей на духовых инструментах, и дал критическую оценку выступлению филармонического лектора Ю. Вайнкопа, который, по мнению критика, «мог бы с большей пользой выполнить свою задачу <...> если бы конкретнее излагал материал и тратил бы меньше времени на похвалы, в которых замечательный оркестр, право же, не нуждается» [8].

Тем временем выступления оркестра продолжались. 10 и 11 августа состоялись еще два симфонических концерта. Главным событием 10 августа стало исполнение оркестром Четвертой симфонии Брамса под управлением Н. С. Рабиновича [5, с. 7]. В своем новом газетном отчете от 22 августа, уже упомянутый омский критик Л. Марьясин, отмечает в Рабиновиче «большую музыкальность, прекрасную память (дирижер провел всю программу без партитуры), бурный темперамент <...> — все это говорит, что перед нами талантливый музыкант» [9].

— **Афиши — это отражение в некотором смысле парадной стороны, все-таки концерт — это торжественное событие. А сохранились ли какие-то документы, свидетельства, отражающие повседневную жизнь музыкантов в эвакуации? Может быть, были какие-то общие увлечения, которые объединяли их в минуты отдыха?**

— Во-первых, о повседневности музыкантов нашей Филармонии хорошо известно из их воспоминаний и переписки — они опубликованы в значительной степени еще в советское время. Дневники, мемуары, письма — они, в общем, дают представление о том, какой была эвакуационная повседневность. О гастролях мы знаем гораздо меньше, и здесь нам в помощь в изучении этого библиотека и архив Филармонии. Например, благодаря коллегам из Филармонии удалось вывить интереснейшие рукописные материалы — это оформленные маленькие тетрадки — я бы назвала их буклетами, но это будет слишком громко — маленькие тетрадки с антологией творчества Д. Д. Шостаковича. На пишущей машинке напечатаны его произведения, включая Седьмую, Ленинградскую, симфонию — пожалуй, самое известное музыкальное произведение в истории Второй мировой войны, она была начата летом 1941 г. в Ленинграде, а закончена в конце 1941 г. в Куйбышеве, куда был эвакуирован автор, и впервые исполнена там 5 марта 1942 г., и дальше началось ее шествие по стране и по зарубежью. В Новосибирске она была исполнена 9 июля 1942 г. — на месяц раньше, чем в блокадном Ленинграде. Так вот, в одной из таких тетрадок, которая также экспонировалась на выставке в Омске, Седьмая симфония уже фигурирует как один из ключевых моментов творчества Шостаковича.

Есть еще другие вещи важные и трогательные, как мне кажется. Это стенгазета. Маленькие картонные стенды с наклеенными на них вырезками из газет, связанными с рецензиями на гастроли, и какие-то шуточные зарисовки, шаржи, связанные с повседневностью или с жизнью того или иного музыканта оркестра и т.д. Это тоже очень интересно. Они хранятся в архиве Филармонии и, конечно, тоже требуют внимания и введения в общественный оборот, что как раз на выставке и произошло.

Важно подчеркнуть, что выставка явилась частью проекта, который имеет, безусловно, сугубо научный аспект — мы вводим в научный оборот антологию деятельности Филармонии в блокадном Ленинграде и вне его. Но детального изучения афиш, которые рисуют нам не только звуковую музыкальную палитру Ленинграда (хотя в Ленинграде работали и другие коллективы, Театр музыкальной комедии например), но еще многое могут, как оказывается, рассказать нам о составе бумаги, о красках, которыми напечатаны тексты этих афиш. Реставраторы уже столкнулись с колоссальной проблемой, потому что качество бумаги и абсолютно трагическая история хранения этих афиш во время Великой Отечественной войны в самом Ленинграде в сырости, в инее, в страшном морозе, иногда близ горящей буржуйки, это все сказалось на сохранности. И как раз идея Филармонии была более чем своевременной для того, чтобы подвергнуть эти афиши и реставрационному исследованию, биохимическому, физическому и т.д., и собственно гуманитарному, историческому исследованию, чем мы сейчас и занимаемся.

— **Юлия Зораховна, и, конечно же, любопытно: были ли какие-то открытия после реставрации первой части афиш?**

— Иногда видно, что происходили какие-то замены музыкантов. Иногда встречаются вещи еще более важные, например, из-за недостатка бумаги одна часть афиши заменяется другой с уточнениями: на основной лист наклеивался другой — и это наши реставраторы выявили. Например, о том, в каких концертах происходил сбор средств для армии или для детей военнослужащих Красной армии. Оркестр исполнял много русской музыки — Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина. Особое место в программах занимал Глинка — отрывки из «Ивана Сусанина» звучали злободневно в военное время. Играли и европейскую классику — Бетховена, Вагнера, Листа, Брамса и даже редко исполняемых в те годы Малера и Брукнера [10]. И, конечно, важно понимать, что Филармония в эвакуации представила блестящий «набор» дирижеров. Помимо Евгения Мравинского, Николай Рабинович, Ниссон Шкаровский, а также знаменитый немецкий дирижер еврейского происхождения Курт Зандерлинг, бежавший из фашистской Германии в Советский Союз. То, как это было, мы знали по переписке, но теперь мы можем посмотреть, какие произведения исполнялись им. Еще важный момент — расширение жанров: как выяснилось благодаря афишам, среди участников концертов был, например, Вольф Мессинг — это очень неожиданно. Филармония и там, в эвакуации, была своего рода культурной энциклопедией.

Мы понимаем, что союз историков и музыкантов дает возможность посмотреть на историю музыки не отдельно друг от друга, а вместе. И мне кажется, что выставка в Омске — очень важный шаг на пути популяризации (в самом хорошем

смысле этого слова) истории музыки и социальной истории военного времени. Очень хорошо, что это происходит в таком культурном центре Сибири, как Омск. Вообще, этот первый опыт слушания в течение большого количества времени симфонических концертов, чего до этого в Сибири по понятным причинам практически не было, дал очень сильный толчок к развитию симфонической классической музыкальной культуры в этом колоссальном и таком важном для нас регионе. Обращаю ваше внимание, что сейчас все города, где 80 лет назад побывала Ленинградская филармония, теперь имеют свои филармонии. Нам очень важно было показать их сибирскому зрителю для восстановления культурного пространства единой исторической памяти. Тем более что здесь есть люди, которые так или иначе связаны с историей Великой Отечественной войны. Кто-то был ребенком эвакуирован сюда и остался в Омске и других городах. Омский зритель узнал новые страницы в биографии своего города и его связи с Ленинградом — Петербургом. Это возможность не прервать связь времен и сохранить историческую память.

— **И напоследок. Вы упоминали о М. Н. Тухачевском, чьим биографом являетесь [11]. Сегодня появляются весьма колоритные способы осмысления исторической фигуры этого деятеля [12–16] и при участии Исторического архива Омской области делается немало для увековечивания памяти о нем [17]. При этом пространство публичной истории еще продолжает испытывать на себе влияние ложных представлений о прошлом, ситуация в Омске показательна [18]. Овеянная мифами личность Тухачевского — не исключение из подобной тенденции [19]. Как Вы считаете, нуждается ли биография маршала в дополнительном изучении? Какие здесь видятся перспективы?**

— А что значит — «в дополнительном»? История неисчерпаема. Исследование ее сюжетов, биографий ее акторов (а Тухачевский — фигура сложная, вызывающая споры, и порой — ожесточенные, и в профессиональной среде, и среди дилетантов) — это то, что движет науку, дает возможность для многогранного осмысления исторических событий. Прошлое изучается в диалоге, в выявлении и сопоставлении новых фактов с уже известными. Я считаю, что самая большая опасность для историка — сказать: «Все, точка, тема изучена полностью».

— **Юлия Зораховна, большое спасибо Вам за общение. Надеюсь, что еще раз порадуете Омск проектами с Вашим участием.**

Беседовал Дмитрий ПЕТИН

Библиографический список

1. Передвижная выставка «Почерк империи». URL: <https://spbiiran.ru/peredvizhnaya-vystavka-pocherk-imperii-gramoty-patenty-diplomy-petrovskoj-epohi/> (дата обращения: 15.10.2023).
2. Афиши и программки военного времени поступили на реставрацию в СПбГИИ РАН. URL: <https://spbiiran.ru/afishi-i-programmki-voennogo-vremeni-postupili-na-restavraciyu-v-spbiiran/> (дата обращения: 15.10.2023).
3. Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа (Россия, Омск, 18–19 окт. 2023 г.) // редкол.: Д. И. Петин (отв. ред.) [и др.]. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. 444 с.

4. Крюков А. Н. Музыка продолжала звучать. Ленинград. 1941 – 1944. Ленинград: Музыка, 1969. 296 с.
5. Дмитриев П. В. Сибирские сезоны Ленинградской филармонии. К 80-летию гастролей 1943 года. Омск: Изд-во ОмИИ, 2023. 18 с.
6. Богданов-Березовский В. Дороги искусства. Ленинград: Музыка, 1971. 280 с.
7. Саркисов О. Концерты Ленинградской филармонии // Омская правда. 1943. 8 августа. № 163.
8. Марьясин Л. Первые концерты оркестра Ленинградской государственной филармонии // Омская правда. 1943. 14 августа. № 167.
9. Марьясин Л. Праздник музыкальной культуры // Омская правда. 1943. 22 августа. № 173.
10. Филармония в эвакуации. URL: https://www.philharmonia.spb.ru/about/history/100_years/evacuation/ (дата обращения: 15.10.2023).
11. Кантор Ю. З. Михаил Тухачевский. Портрет на фоне эпохи. Москва: РОССПЭН, 2021. 471 с.
12. Назаренко К. Б. Михаил Николаевич Тухачевский: между мифами и исторической наукой // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 55 – 68. EDN: VFMXSP.
13. Минаков С. Т. М. Н. Тухачевский в контексте номенклатурной идентификации старой Русской армии // История: факты и символы. 2019. № 3. С. 62 – 73. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-20-3-62-73.
14. Минаков С. Т. Зигзаги сталинской политической историософии и «тухачевщина» // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 2. С. 36 – 42. EDN: USEEIB.
16. Федотова И. В. Образ М. Н. Тухачевского в советском игровом кино // Сибирский антропологический журнал. 2023. Т. 7, № 1. С. 84 – 94. EDN: DNIZFX.
17. Федотова И. В. Историко-документальный выставочный проект к 130-летию со дня рождения М. Н. Тухачевского в Историческом архиве Омской области // Сибирский архив. 2023. № 2. С. 119 – 148.
18. Петин Д. И. Мифы в локальной истории: обзор работы круглого стола в Омске // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 4. С. 38 – 49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49.
19. Федотова И. В., Паслён В. В. «Черные мифы» о Тухачевском в постсоветский период // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (20 – 21 окт. 2021 г., Омск). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2021. С. 307 – 315.

КАНТОР Юлия Зораховна, доктор исторических наук, заместитель директора Санкт-Петербургского Института истории РАН, г. Санкт-Петербург.
SPIN-код: 3138-6726
AuthorID (РИНЦ): 337025
Адрес для переписки: juliakantor@yandex.ru

Для цитирования

Кантор Ю. З. «Выставка открылась в двойне неслучайном месте...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 65 – 70. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-65-70.

Статья поступила в редакцию 24.10.2023 г.

© Ю. З. Кантор

UDC 93/94
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-65-70
EDN: HJAMKX

YU. Z. KANTOR

Saint Petersburg Institute
of History of the Russian
Academy of Sciences,
Saint Petersburg

«THE EXHIBITION OPENED IN A DOUBLY NON-RANDOM PLACE...»

In September-October 2023 in the Hermitage-Siberia center of the Omsk Region Museum of Fine Arts. M. A. Vrubel hosted the exhibition «Siberian Seasons of the Leningrad Philharmonic. To the 80th anniversary of the 1943 tour»; the project had great public outcry. The exhibition featured unique documents, restored at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, related to the stay and creative activities of the Philharmonic in the Siberian rear. A conversation with Yu. Z. Kantor, the curator of this museum project, that took place in October 2023, is devoted to its significance and substantive features.

Keywords: cultural anthropology, musical culture, museum work, exhibitions, the Great Patriotic War, evacuation, Siberian rear, everyday life, D. D. Shostakovich, M. N. Tukhachevsky, Omsk.

References

1. Peredvizhnaya vystavka «Pocherk imperii» [Mobile exhibition «Handwriting of the Empire»]. URL: <https://spbiiran.ru/peredvizhnaya-vystavka-pocherk-imperii-gramoty-patenty-diplomy-petrovskoj-epohi/> (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).

2. Afishi i programmki voyennogo vremeni postupili na restavratsiyu v SPbII RAN [Wartime posters and programs were received for restoration at the St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences]. URL: <https://spbiiran.ru/afishi-i-programmki-voennogo-vremeni-postupili-na-restavratsiyu-v-spbiiran/> (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).

3. Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie [Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage] // Eds.: D. I. Petin (Chief ed.) [et al.]. Omsk, 2023. 444 p. (In Russ.).
4. Kryukov A. N. Muzyka prodolzhalo zvuchat'. Leningrad. 1941–1944 [The music continued to sound. Leningrad. 1941–1944]. Leningrad, 1969. 296 p. (In Russ.).
5. Dmitriev P. V. Sibirskiy sezon Leningradskoy filarmonii. K 80-letiyu gastroley 1943 goda [Siberian seasons of the Leningrad Philharmonic. To the 80th Anniversary of the 1943 tour]. Omsk, 2023. 18 p. (In Russ.).
6. Bogdanov-Berezovskiy V. Dorogi iskusstva [Roads of Art]. Leningrad, 1971. 280 p. (In Russ.).
7. Sarkisov O. Kontserty Leningradskoy filarmonii [Concerts of the Leningrad Philharmonic] // Omskaya pravda. *Omskaya Pravda*. 1943. August 8. No. 163. (In Russ.).
8. Mar'yasin L. Pervyye kontserty orkestra Leningradskoy gosudarstvennoy filarmonii [First concerts of the Leningrad State Philharmonic Orchestra] // Omskaya pravda. *Omskaya Pravda*. 1943. August 14. No. 167. (In Russ.).
9. Mar'yasin L. Prazdnik muzykal'noy kul'tury [Celebration of musical culture] // Omskaya pravda. *Omskaya Pravda*. 1943. August 22. No. 173. (In Russ.).
10. Filarmoniya v evakuatsii [Philharmonic in evacuation]. URL: https://www.philharmonia.spb.ru/about/history/100_years/evacuation/ (accessed: 15.10.2023). (In Russ.).
11. Kantor Yu. Z. Mikhail Tukhachevskiy. Portret na fone epokhi [Mikhail Tukhachevsky. Portrait against the background of the era]. Moscow, 2021. 471 p. (In Russ.).
12. Nazarenko K. B. Mikhail Nikolayevich Tukhachevskiy: mezhdumifami i istoricheskoy nauko [Mikhail Tukhachevsky: Between Myths and Historical Science] // Noveyshaya istoriya Rossii. *Modern History of Russia*. 2015. No. 3. P. 55–68. (In Russ.).
13. Minakov S. T. M. N. Tukhachevskiy v kontekste nomenklaturnoy identifikatsii staroy Russkoy armii [M. N. Tukhachevsky in the context of nomenclatural identification of the Old Russian army] // Istoriya: fakty i simvoly. *History: Facts and Symbols*. 2019. No. 3. P. 62–73. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-20-3-62-73. (In Russ.).
14. Minakov S. T. Zigzagi stalinskoy politicheskoy istoriosofii i «tukhachevshchina» [Zigzags of stalinist political historiography and «Tukhachevshchina»] // Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. *Scientific Notes of Orel State University*. 2021. No. 2. P. 36–42. EDN: USEEIB. (In Russ.).
15. Fedotova I. V. Obraz M. N. Tukhachevskogo v sovetskoy angloязыchnoy presse (po materialam izdaniy The Moscow News i The Moscow Daily News) [The image of Mikhail Tukhachevsky in the Soviet English-language periodicals (On the material of newspapers The Moscow News and The Moscow Daily News)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Tomsk State University Journal*. 2022. No. 479. P. 169–180. DOI: 10.17223/15617793/479/18. (In Russ.).
16. Fedotova I. V. Obraz M. N. Tukhachevskogo v sovetskom igrovom kino [The image of M. N. Tukhachevsky in Soviet feature films] // Sibirskiy antropologicheskii zhurnal. *Siberian Journal of Anthropology*. 2023. Vol. 7, no. 1. P. 84–94. (In Russ.).
17. Fedotova I. V. Istoriko-dokumental'nyy vystavochnyy proyekt k 130-letiyu so dnya rozhdeniya M. N. Tukhachevskogo v Istoricheskom arkhive Omskoy oblasti [Historical and documentary exhibition project dedicated to the 130th anniversary of the birth of M. N. Tukhachevsky in the historical archive of the Omsk region] // Sibirskiy arkhiv. *Siberian Archive*. 2023. Vol. 2. P. 119–148. (In Russ.).
18. Petin D. I. Mify v lokal'noy istorii: obzor raboty kruglogo stola v Omske [Myths in the local history: an overview of the round table in Omsk] // Sibirskiy antropologicheskii zhurnal. *Siberian Journal of Anthropology*. 2020. Vol. 4, no. 4. P. 38–49. DOI: 10.31804/2542-1816-2020-4-4-38-49. (In Russ.).
19. Fedotova I. V., Paslyon V. V. «Chernyye mify» o Tukhachevskom v postsovetskiiy period [«Black myths» about Tukhachevsky in the post-Soviet period] // Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie [Civil War in the East of Russia: a look through the documentary heritage]. Omsk, 2021. P. 307–315. (In Russ.).

KANTOR Yulia Zorakhovna, Doctor of Historical Sciences, Deputy Director of the Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg.
 SPIN-code: 3138-6726
 AuthorID (RSCI): 337025
 Correspondence address: juliakantor@yandex.ru

For citations

Kantor Yu. Z. «The exhibition opened in a doubly non-random place...» // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 65–70. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-65-70.

Received October 24, 2023.

© Yu. Z. Kantor

УДК 93/94+373+378+929+908
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-71-79
EDN: HNKUBF

С. В. НОВИКОВ

Омский государственный
аграрный университет
им. П. А. Столыпина,
г. Омск

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ КОЛЕСНИКОВ (1919–2012 гг.): ПАТРИАРХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В СИБИРИ

Статья посвящена исследованию жизни фронтовика, доктора исторических наук, профессора Александра Дмитриевича Колесникова. На основе анализа многочисленных публикаций справочного характера, материалов журналов, исследований историков и личных впечатлений автор сосредоточил внимание на выявлении влияния социально-экономических и политических процессов на научно-исследовательскую деятельность известного историка. Охарактеризован его вклад в изучение истории Сибирского края и доказано, что А. Д. Колесников являлся создателем отдельного направления в исторической науке по изучению заселения и хозяйственного освоения Сибири в XVI–XIX вв.

Ключевые слова: А. Д. Колесников, крестьянское заселение Сибири, история районов Омской области, становление советской интеллигенции, СибАДИ, память о Великой Отечественной войне.

Материалы, рассказывающие об Александре Дмитриевиче Колесникове, многочисленны. Его юбилеям посвящались конференции, его имя вошло в различной направленности энциклопедии и публикации, посвященные изучению истории и краеведения. Примером такой публикации является посвященная вкладу ученого в развитие сибирской истории работа Н. В. Кабаковой: «Сибиряк, солдат, ученый, преданный Родине и готовый сражаться за неё до конца. Штрихи к портрету А. Д. Колесникова» [1]. В 2024 г. исполнится 105 лет со дня рождения ученого. На основе широкого круга опубликованных источников, научных статей, личных воспоминаний и впечатлений автора статьи читателю представляется биография человека еще при жизни названного патриархом Сибирской истории. Представленная статья продолжает серию историографических работ, посвященных сибирским историкам [2–4].

Родом из детства. Афонькино было одним из множества сёл и деревень, появившихся в удобном для крестьян расположении на берегу озера, рядом с заливными лугами, с большими площадями плодородной земли и лесом для строительства жилья. По переписи населения 1763 г. среди учтённых сёл (Ильинское, Казанское, Гагарье, Селезнёво, Ярки и др.) называлось и Афонькино. По преданию основателем села был рыбак Афоня, живший один на берегу озера. И село, и озеро получили своё на-

звание по его имени. Возможно, было иначе, в числе основателей села были выходцы из Туринского уезда Тобольской губернии, где имелось одноименное озеро и деревня, и указанное название было перенесено на новое место. С 1870 г. село входило в состав Ильинской волости Ишимского уезда Тобольской губернии. С этого же года на средства, собранные жителями в селе, началось строительство церкви Рождества Христова. В 1880 г. церковь была освящена. В 1885 г. открылась церковно-приходская школа. В начале 1910-х гг. в Афонькинском имелись 18 ветряных мельниц, хлебозапасный магазин, маслодельня и маслобойня, три кузницы, пожарный сарай, три мелочных, винная да пивная лавки. Главными занятиями жителей были хлебопашество и скотоводство, побочными — охота на зайцев, горностаев, волков, лисиц, уток, куропаток и косачей [5]. Лубочная картинка? Нет — русское заселение и освоение Сибири.

Александр Дмитриевич Колесников родился 19 августа 1919 г. Родословная линия фамилии была изучена Александром Дмитриевичем до четырнадцатого поколения. Начинается она от казака Ивана Колесника, который в 1604 г. получал хлебное, денежное и соляное жалование, казачьего атамана Василия Колесникова, руководившего исследованием окрестностей Байкала, участника суворовских походов Фрола Колесникова, солдата Первой мировой Алексея Колесникова [1, с. 65].

Но это будет позже, а применительно к 1920-м – 1930-м гг. можно констатировать, что воспоминания детства, рассказы старожил (сегодня называемые «устной историей»). Примечание моё. — **С. В. Новиков**) оставили неизгладимой след в мироощущении крестьянского мальчика и определили будущую сферу его интересов.

В период Гражданской войны, осенью 1919 г., рядом с Афонькино по реке Ишим протянулась оборонительная линия армии Колчака. В 1921 г. село оказалось в круговороте событий, связанных с крестьянским восстанием, получившим название Ишимско-Петропавловского мятежа. Время шло, и в 1923 г. был образован Афонькинский сельсовет в составе Ильинского района Ишимского округа Уральской области. К концу 1920-х гг. в селе действовали школа I ступени, кооператив. В 1931 г. территория сельсовета вошла в Казанский район Уральской области, с 1934 — Челябинской, затем — Омской [5].

Рожденный в бедной крестьянской семье в годы становления Советской власти, Александр рос вместе с ней. В 1928 г. началась ликвидация безграмотности — парнишка, отучившись в местной начальной школе, стал ходить за 7 километров в школу крестьянской молодежи в с. Ильинское. С 1936 г. он уже на рабфаке Омского ветеринарного института в г. Ишим. Был комсомольцем-активистом. Жил более чем скромно, в общежитии, при средней заработной плате в 207 рублей на стипендию в 19. По окончании рабфака, в 1938 г., продолжил учебу на историческом факультете университета в г. Свердловске. Стремление к знанию вело не только к овладению наукой, но и бросало в гущу важнейших для страны событий [6, с. 12; 7, с. 68].

Дорогами войны. С середины 1930-х гг. начались войны, связанные с переделом мира: Вторая Итало-Эфиопская, развязанная итальянскими фашистами; Японо-Китайская, связанная с захватническими интересами милитаристской Японии; схватка республиканцев-марксистов и фашистов различных мастей в Испании; аншлюс Австрии; раздел Чехословакии и, наконец, нападение Германии и Словакии на Польшу... 30 ноября 1939 г. началась Советско-финляндская война.

В начале января 1940 г. группа активистов — студентов свердловских вузов — записывается добровольцами в Уральский лыжный студенческий батальон. Кандидат в члены ВКП(б) А. Д. Колесников один из первых.

— Мы поняли, что Родина в опасности, необходимо обезопасить Ленинград, так как граница с Финляндией проходила в 30 км от города. Финны вели себя беспокойно, и надо было отодвинуть границу от северной столицы, — объяснял в 2000 г. аспирантке кафедры отечественной истории Технического университета Г. И. Евсеевой свой поступок ветеран и известный ученый А. Д. Колесников.

В конце февраля добровольцы прибыли на фронт. Линия фронта пролегла по Ладоге. Там А. Д. Колесников принял боевое крещение. Роту, в которой он служил, направили в тыл противника. Двинулись в маскхалатах, командир и политрук шли впереди. Ночь выдалась лунная, и тени идущих хорошо вырисовывались на снегу. По-видимому, командир роты слишком близко взял к берегу — с небольшого полуострова, заросшего сосновым лесом, раздались выстрелы «кукушек» — снайперов. Командир и политрук погибли. Колесников как комсорт батальона оказался старшим в группе,

шедшей друг за другом цепочкой. Сообразив, что цепь служит отличной мишенью, он дал команду «Ложись!». Температура минус 20 градусов. Долго не пролежишь. Тогда пришла в голову мысль подняться и идти не цепью, а линией, прямо на полуостров, к соснам. Финны сделали еще несколько выстрелов, но бойцы вошли в тень от сосен и стали невидимыми. Увидели след — возле двух сосен стоят лыжи. Начали стрелять вверх по соснам, упали два финна. Закрепившись на полуострове, отослали донесение в штаб... Так А. Д. Колесников получил первую награду — медаль «За отвагу». В марте 1940 г. студенты возвратились домой, и приступили к учебе [7, с. 68].

По данным Трудовой книжки в РККА А. Д. Колесников с июня 1940 г. Он красноармеец 295-го артполка 138-й стрелковой дивизии в Закавказском военном округе. В этой части Александр Дмитриевич воевал в «финскую», туда же попросился во время призыва. С декабря 1940 г. он секретарь бюро ВЛКСМ этого же полка. За четыре дня до нападения Германии на СССР дивизию передислоцировали под г. Ровно, и 25 июня 1941 г. она вступила в бой. В должности комсорта 295-го артиллерийского полка Колесников участвовал в обороне Крыма, воевал в составе десанта 31 декабря 1941 г. в Керченском проливе, отступал на Кубань [8, с. 7; 7, с. 68].

С января по март 1942 г. он комиссар 295-го артполка 138-й стрелковой дивизии, действующей на Крымском фронте, с марта 1942 г. по май 1943 г. помощник начальника политотдела по работе среди комсомольцев дивизии, сражающейся на Крымском, Сталинградском, Центральном фронтах [8, с. 7].

Александр Дмитриевич Колесников — участник Сталинградской битвы от начала и до конца. Лето, 17 июля 1942 г., в районе станицы Цимлянкой дивизия вступила в бой с прорвавшимся из-под Барвенкова противником. Сражалась в Сальских степях, защищала Котельниково, Абганерово. В один из самых напряженных моментов боя немцы обошли 650-й полк и окружили его штаб. В это время мимо на пополнение шла рота учебного батальона. Александр остановил ее и организовал контратаку. Штаб полка был разблокирован. А. Д. Колесникова чуть ли не отдали под трибунал за самоуправство, но, разобравшись, наградили второй медалью «За отвагу» [9, с. 5]. Осенью в Сталинграде держали оборону у Волги. В 138-й дивизии из 15 тыс. человек осталось около семисот. Командование опасалось, что гитлеровцы перебросят часть своих подразделений из города и завершат окружение Сталинграда. 17 ноября 1942 г. дивизия получила приказ организовать наступательную операцию. Было решено создать штурмовой отряд из членов ВЛКСМ. Подбирать бойцов поручили А. Д. Колесникову.

— Когда я начал комплектовать эту группу, — вспоминал Александр Дмитриевич в 2000 г., — то боялся, что 17-летние ребята не пойдут на смерть. Но оказалось, что почти все, к кому обратился, вызвались идти на задание, причем среди бойцов оказались и не состоявшие в рядах ВЛКСМ. Перед началом атаки пятерых приняли в комсомол. А. Д. Колесникова назначили комиссаром штурмовой группы, командиром пошел молодой старший лейтенант. В условиях уличных боев захват каждого дома или его части являлся большим успехом. Штурмовой группе была поставлена задача «взять» ближайший дом, в котором засели и вели огонь

по окрестностям немцы. Дом был превращен в крепость. Решено было взорвать одну из стен ночью и броситься в образовавшийся проход. Так и сделали... Комиссару в числе первых удалось проскочить опасный участок и ринуться в проем. Заняли подвал и два этажа. На третьем закрепились гитлеровцы. С болью вспоминал фронтовик о гибели земляка со станции Татарка. Имя его забылось с годами, а бой тот он помнил, как прошедший вчера. Когда заняли второй этаж, немцы открыли артиллерийский огонь по дому. От разрыва снаряда один простенок обрушился на ноги припавшего к пулемету бойца. Земляк держал бой под завалом с разбитыми ногами, пока последний патрон не израсходовал. Позже этот дом на улице Таймырской, 47, стал называться Комсомольским. Вначале 1943 г. А. Д. Колесников получил звание капитана, а дивизия стала 70-й Гвардейской Краснознаменной. По завершении Сталинградской битвы Александр Дмитриевич был назначен помощником начальника политотдела по комсомолу и награжден орденом Красной Звезды [7, с. 69–70].

Позже Александр Дмитриевич принял участие в Курской битве, форсировал Днепр, воевал на Правобережной Украине. Был трижды ранен, а после четвертого ранения был признан ограниченно годным к службе. Но он остался в армии. С декабря 1944 г. по май 1945 г. он заместитель командира дивизиона 437-го отдельного радиодивизиона управления связи 1-го Белорусского фронта. День Победы 25-летний гвардии-майор А. Д. Колесников встретил в Берлине [8, с. 7].

Вскоре он отправился в Москву в ЦК ВЛКСМ, где получил направление на работу секретарем Ровенского обкома комсомола УССР. После него в ЦК обратился другой откомандированный Митин, у которого супруга родом из тех мест, и попросился в Ровно. Путевку поменяли. Так для Александра Дмитриевича окончилась война [7, с. 70].

Пройдут годы, и историк А. Д. Колесников поставит перед собой практически невыполнимую, но необходимую задачу — вспомнить всех, именно...

Управленец и студент. С мая (по другим данным с ноября) 1945 г. А. Д. Колесников заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Омского обкома ВЛКСМ [8, с. 7; 7, с. 70]. Объем работы на указанной должности в послевоенные годы огромен. Тысячи фронтовиков — молодых людей, соприкоснувшихся с достижениями европейской цивилизации, возвратились домой...

По данным Омского историко-краеведческого словаря, до войны в г. Свердловске А. Д. Колесников окончил три курса историко-филологического факультета. Учиться он продолжил на историческом факультете Омского педагогического университета им. М. Горького, который с отличием окончил в 1950 г. Практически параллельно он обучался в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в Москве, где получил образование в 1952 г. [10, с. 112; 1, с. 62–63].

С ноября 1946 по ноябрь 1951 г. Александр Дмитриевич секретарь Омского обкома ВЛКСМ, курирующий кадровую политику [8, с. 7]. В 1946 г. Верховный Совет СССР утвердил план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. Комсомолу в эти годы отводилась роль помощника партии в налаживании хозяйственной и общественно-политической жизни. Задачи ставились следующие — улучшение организационной и идейно-

политической работы. Под первой подразумевали увеличение численности, отчетность и выборность комсомольских органов, а под второй — политическое просвещение и вовлечение в идеологические и хозяйственные кампании. Между тем средств для ведения указанных кампаний у организации не хватало, так же как и штатов. При этом органы ВКП (б), занятые проблемами восстановления народного хозяйства, мало занимались организациями ВЛКСМ на местах. Отсюда правонарушения, и, как следствие, в июле — декабре 1948 г. из-за «недостойного поведения» и «нарушений финансовой дисциплины» своих должностей лишились первые секретари Брянского, Мордовского, Тульского, Омского, Гродненского и Гомельского обкомов ВЛКСМ. Вслед сменилось руководство Тульского, Омского и Мордовского обкомов ВКП (б) [11, с. 145, 146]. Александр Дмитриевич остался при должности и «пережил» такие кампании, как «борьба с космополитизмом», дело врачей-вредителей, «Ленинградское дело». Но возможная партийная карьера А. Д. Колесникова не состоялась. В эти годы появляются его публикации в газете «Омская правда»: «Ленинский завет молодежи — учиться» (1948 г.), «Воспитание молодежи — главное в работе комсомола» (1949 г.), «Героические подвиги комсомола на фронтах» (1951 г.) [12, с. 8].

В ноябре 1951 г. 32-летний секретарь Обкома ВЛКСМ был переведен на должность помощника по комсомольской работе начальника политотдела управления Омской железной дороги, где и проработал до марта 1953 г. Работая на железной дороге, Александр Дмитриевич публикует в газете «Омский железнодорожник» статьи: «Вклад омских железнодорожников в Победу» (1952 г.), «Молодые идут к управлению электровозами» (1953 г.) [8, с. 7; 12, с. 8].

С марта по август 1953 г. А. Д. Колесников заведующий областным отделом культпросветработы, а по расширению отдела до областного управления с августа 1953 г. по июль 1959 г. он заместитель начальника управления [8, с. 7]. Время работы Александра Дмитриевича в названной должности совпало с освоением целинных и залежных земель, когда в села края прибыло 12 тыс. первоцелинников, половина из которых являлись жителями г. Омска. За шесть лет целинной эпопеи было освоено 1,4 миллиона гектаров целинных площадей — пашня в области увеличилась на треть. Из сорока совхозов, созданных в Западной Сибири, одиннадцать были омскими. За цифрами стояло налаживание жизни и быта, досуга и культуры этих еще молодых людей [13, с. 227]. Данная работа захватывала А. Д. Колесникова. Он, как говорится, «мотался» по области, решая задачи приема концертных коллективов, постройки клубов и налаживания их работы, обеспечения кинофикации... Методические рекомендации по проведению конференции опубликованы: в 1954 г. в брошюре «Клуб села Елизаветинка» (село находится в Черлакском районе Омской области. Примечание мое. — **С. В. Новиков**); в статьях газеты «Омская правда»: «Помощь нужна постоянная» (1956 г.), «Каждому селу хороший клуб» (1957 г.), «Смотр культурно-просветительных учреждений» (1957 г.); в статье в сборнике к 40-летию Великой Октябрьской революции «Рост культуры сибирской деревни»... [12, с. 8–9].

Одновременно Александр Дмитриевич продолжает поисковую работу, начатую еще в 1948 г. Он знакомится с краеведами, собирает материалы

устной локальной истории, поддерживает связи с краеведческим музеем области [14, с. 22]. Данные наработки широко используются в культурно-просветительской деятельности. Так, в газете «Молодой сибиряк» выходит статья «Полтавке 60 лет» (1955 г.); в качестве материала машинописного сборника появляется «История заселения Русско-Полынского района» (1955 г.). Отметим, что появление машинописных сборников (пять-шесть экземпляров) вплоть до конца 1970-х гг. являлось событием в культурно-образовательной жизни сельского района. Подобным образом размноженный материал находился в «красных уголках» на предприятиях, в клубах, раздавался учителям истории [12, с. 8].

Педагог и исследователь. Знаковым для сорокалетнего А. Д. Колесникова стал 1959 г. Он оставляет должность в управлении культуры Омской области и переходит работать в систему образования. С июля 1959 г. по сентябрь 1961 г. он директор библиотечного техникума г. Омска. С сентября 1961 г. по март 1963 г. ассистент кафедры марксизма-ленинизма Машиностроительного института г. Омска, с марта 1963 г. по февраль 1969 г. старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Политехнического института [8, с. 7–8]. Параллельно Александр Дмитриевич выполняет партийную работу: в 1960–1961 гг. он являлся секретарем партбюро приборостроительного факультета, в 1967–1969 гг. возглавлял партком этого же института [7, с. 70].

Сферой научных интересов А. Д. Колесникова являлась историческая демография, вопросы, связанные с народонаселением Сибири. Он акцентировал внимание на изучении русского заселения края. Следствием этого внимания стала череда научных работ по заселению Среднего Прииртышья и научно-популярных статей о русском заселении Казачинского, Седельниковского, Любинского, Саргатского районов Омской области [12, с. 10–11]. Избранный Александром Дмитриевичем исторический периодический отрезок был сложен для исследования в связи с неразработанной источниковой базой. Но, несмотря на это, в 1967 г. он защитил кандидатскую диссертацию — «Заселение и освоение Среднего Прииртышья в XVIII – первой половине XIX вв.» [1, с. 63].

Защищенная работа не только заинтересовала таких известных сибиреведов, как Б. И. Шунков, А. П. Окладников, М. М. Громыко, но и ввела А. Д. Колесникова, как сейчас принято говорить, в «клуб» знатоков сибирской истории досоветского периода. Александр Дмитриевич был приглашен в авторский коллектив при написании фундаментального труда «Истории Сибири», где им в соавторстве была выполнена глава для II тома — «Дальнейшее заселение Сибири» [15, с. 4].

С февраля 1969 г. по сентябрь 1970 г. А. Д. Колесников доцент кафедры истории КПСС политехнического института. С сентября 1970 г. по август 1974 г. заведующий кафедрой истории КПСС, марксистско-ленинской философии и научного коммунизма ветеринарного института г. Омска. Он активно занимается научной деятельностью и в 1973 г. защищает докторскую диссертацию на тему «Изменения в размещении и численном составе русского населения Западной Сибири в XVIII–начале XIX веков». Вышедшая в этом же году монография «Русское население Сибири в XVIII–начале XIX веков» по сей день является настольной книгой исследователей Сибири [8, с. 8; 1, с. 63; 15, с. 13].

С августа 1974 г. по август 1980 г. Александр Дмитриевич поочередно заведует кафедрами истории СССР и истории советского общества Омского государственного университета. В 1980 г. он переходит в Сибирскую автомобильно-дорожную академию (СибАДИ) [8, с. 8].

В 1974–1990 гг. Александр Дмитриевич работает в нескольких направлениях:

- расширяет научную разработку вопросов русского заселения края. Публикации выходят в Москве, Томске, Новосибирске и других городах страны;

- публикует в газетах и научно-популярных изданиях работы по истории г. Омска, городов Омской области и райцентров Большеречье, Черлак и др. Помимо того, он публикует работы об истории родного Казанского района Тюменской области и об области в целом;

- представляет природные особенности края, его достопримечательности;

- рассказывает о подвигах омичей на фронтах Великой Отечественной войны;

- знакомит с историей Гражданской войны в Сибири;

- предлагает методические и педагогические подходы к изучению истории страны посредством вовлечения в её контекст истории края [12, с. 10–19].

Имеет место мнение, что тема статей и книг А. Д. Колесникова была не только сложна для исследования, но и не приветствовалась в советской науке. Это далеко не так. Историки 1950-х–1990-х гг. оставили внушительное наследие. Что касается Александра Дмитриевича, то анализ его публикационной деятельности позволяет констатировать, что с 1967 г. по 1990 г. из под его пера на страницах научной печати и в качестве научно-популярных публикаций выходило в среднем шесть–семь работ, среди которых имели место как книги объемом 10 печатных листов, так и статьи, занимающие от половины газетной полосы до нескольких полос, в качестве серии публикаций, например, в 1990 г. материалы под общим названием «На седом Иртыше».

Очерки истории рабочего поселка Черлак и Черлакского района — это 12 статей, охватывающих историю края, от зарисовки «Речка Черлак» до материала «Переселенцы Курумбельской степи» [12, с. 19].

Работы, выполненные Александром Дмитриевичем тесно перекликались с современностью. В 1981 г. в газете «Омская правда» он публикует статью «Славное имя Ермака». На первый взгляд, публикация приурочена к 400-летию присоединения Сибирского ханства к России. Последующее заселение северных Омской и южных районов Тюменской области этническими татарами происходило уже во второй половине XVIII в., во второй половине XIX–начале XX вв. Развертывание нефте-газодобычи в 1970–1980-е гг. повлекло в регион молодых нефтяников из Поволжья. Предстояло формирование новой исторической мифологемы. В 1983 г. в Омском книжном издательстве выйдет исторический очерк А. Д. Колесникова «Ермак». Работа поставила многие акценты в соответствии с реалиями отношений XVI в. В 1997 г., под занавес дебатов о создании в крае территориальной автономии сибирских татар. Александру Дмитриевичу удается опубликовать в оппозиционном издании «Омское время» статью «Еще раз о Ермаке. Ермак — кто

он? Освободитель? Завоеватель?» [16, с. 132; 12, с. 16, 22].

На переломе эпох. Была ли перестройка неожиданностью для А. Д. Колесникова? Думается, нет. Неожиданностью стали процессы проявившегося в 1987–1988 гг. раскола партийцев по отношению к идущим в СССР реформам. Выступление Б. Н. Ельцина на пленуме ЦК КПСС 21 октября 1987 г. и статья «Не могу поступиться принципами», опубликованная газетой «Советская Россия» 13 марта 1988 г.

Последующее появление антикоммунистических средств массовой информации и организаций, как-то «Белая гвардия», тревогу вызывало поднятие на щит коллаборационистов и дискуссии о необходимости роспуска СССР [17, с. 28, 55–57, 61–63, 209, 217]. В сентябре 1988 г. 69-летний А. Д. Колесников оставляет заведование кафедрой Истории КПСС, которую возглавлял с июня 1983 г. Теперь он профессор кафедры отечественной истории СибАДИ [8, с. 8].

Хотелось бы привести воспоминания об Александре Дмитриевиче применительно к указанному времени. Уникальный историк-сибиревед и популяризатор героических подвигов сибиряков на фронтах Великой Отечественной войны. В различные годы в рамках подвижничества он отдавал свои силы содействию работе Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, председателем которого долгие годы являлся; Омского отдела географического общества; оказывал помощь краоведам и авторам в написании книг по истории районов; был членом редколлегии «Книги памяти» [15, с. 6].

Крупный, седовласый, чем-то напоминающий былинного богатыря, Александр Дмитриевич отличался обаянием, скромностью и отсутствием неприятия к своим оппонентам. Помнится, на одной из сложных и небесспорных защит диссертации профессор А. Д. Колесников подверг представленное исследование скрупулёзному разбору и отметил, что работа написана «с антисоветских позиций». Однако призыва голосовать против не последовало, а подсчет голосов показал, что и сам профессор проголосовал — «За». Быть может, я ошибаюсь, но здесь кроется одна из причин не случившейся политической и чиновной карьеры Александра Дмитриевича. Комсомольцу 1930-х гг., солдату первой половины 1940-х гг., партийному функционеру послевоенного периода и управленцу хрущевского времени была чужда установившаяся традиция — соответствовать партийной линии и всячески, веря и не веря её изломам, продвигать «ценные указания».

При этом Александр Дмитриевич остается коммунистом и интернационалистом. В годы перестройки он полемизирует: в газете «Омская правда» (1987 г.) публикует рецензию на роман А. Рыбакова «Дети Арбата», «Сибиряки в кривом зеркале»; на фоне истеричной критики достижений советского периода появляется его сборник архивных документов «Промышленное развитие Омской области. 1917–1975 годы», противодействием разгулу национализма становится подборка статей в газете «Омская правда» (1989 г.) — «Под одним небом (исторический процесс формирования населения Омской области в этническом и национальном отношениях)» [12, с. 18–19]. Указанный перечень можно продолжить. Как и констатировать — по мере трансформации политической системы

возможности публикации А. Д. Колесниковым полемических работ иссякали.

В защиту истории. Смена политического социально-экономического и политического строя произошла, когда Александру Дмитриевичу было 72 года. Он работает профессором кафедры отечественной истории СибАДИ, является признанным ученым и моральным авторитетом для коллег [8, с. 8].

Вставшая на путь радикальных преобразований власть устанавливает новый порядок. В региональных, как и в центральных средствах массовой информации (СМИ) изобилуют публикации о репрессированных народах, о насильственной коллективизации, о засилье коммунистической идеологии в ходе проведения культурной революции... Характеризовать содержание СМИ региона можно статьёй советника по культуре и искусству Администрации Омской области, одного из руководителей «Мемориала» Ф. К. Нады в газете «Омский вестник» (1992 г.) — «Знай, что Россия вся — это концлагерь большой» [18].

Отношения к А. Д. Колесникову не однозначно.

Указом Президента Российской Федерации от 10 июня 1992 г. председателю президиума Омского областного отдела Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры А. Д. Колесникову присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» [19]. В 1993 г. он приглашен в качестве автора статьи «Прииртышье прирастало переселением крестьян» в рекламный для Омской области номер журнала «Международная жизнь» [12, с. 20]. В этом же году редакционный коллектив избегает размещения материала о нём в вышедшем под грифами Экономического комитета Администрации Омской области и Дома ученых справочнике «Омск научный» [20.]. В 2000-е гг. ситуация изменится, и Александр Дмитриевич будет удостоен знака и диплома «Общественное признание», учрежденного объединением «Форум» «Общественное признание» [9, с. 6].

Впрочем, сам Александр Дмитриевич в беседе с журналистом газеты «Вечерний Омск» в 2009 г. признался: «Я не лучшим образом отношусь к тому, что происходит в нашей стране в последние 20 лет. И дело не столько в смене идеологии, сколько в том, что материальная основа, созданная при социализме, разрушена, а нового мало что создано. Было большой исторической ошибкой уничтожать базу, как в 1917 г., вместо того чтобы ее перестраивать. Крупная авария на Саяно-Шушенской ГЭС — первый звонок о том, что построенное при социализме без должного присмотра начинает рушиться. А как историку мне крайне неприятно, что нашу историю продолжают поливать грязью. Кризис, который мы переживаем сейчас, к сожалению, далеко не последний...» [21].

Александр Дмитриевич продолжает работу как краевед, историк и педагог. При этом необходимо отметить, что краеведческие работы А. Д. Колесникова всегда базировались на научных исследованиях.

С начала 1990-х гг. Александр Дмитриевич — автор научно-популярных работ по истории края:

- «Райцентры Омской области: Тара» в соавторстве с Колошиным, Черлак, Шербакуль, Одесское — без соавторства (1992 г.);
- «Шербакуль сто лет» (1993 г.);
- «Очерки истории Ишима» (1993 г.);
- «Крупный центр военной промышленности», статья о г. Омске в «Книге памяти» (1995 г.);

— «Полтавка сибирская. Очерки истории района» (1995 г.);

— «Исилькуль на Транссибирской магистрали» в соавторстве с В. Д. Полкановым (1995 г.);

— «С исторической точностью. Очерк истории Кормиловского района» в книге «Кормиловка вековая» (1996 г.);

— «Мое Таврическое» (1999 г.). Помимо указанных работ в газетах и журналах Омской и Тюменской областей публикуются многочисленные статьи А. Д. Колесникова по региональной истории, где автор доводит до читателей новые знания по истории, полемизирует, а иногда и жестко критикует... [12, с. 20–23].

В конце 1990-х гг. у Александра Дмитриевича появилась идея издать книгу «Омская пашня» — о развитии земледелия в Западной Сибири. Отдельные её части должны были выйти и выходили небольшим тиражом в виде брошюр для студентов. Задумка историка была реализована областным историко-патриотическим объединением «Моя земля» [9, с. 13].

Было бы неверно говорить, что рассказы Александра Дмитриевича о подвигах омичей на фронтах Великой Отечественной войны относятся к последнему периоду его научной и преподавательской деятельности. Еще в 1951 г., в преддверии Дня Победы, в газете «Омская правда» была опубликована статья секретаря Омского обкома ВЛКСМ А. Д. Колесникова «Героические подвиги комсомольцев на фронтах». К этой, отнюдь не далекой для него теме, Александр Дмитриевич обращался неоднократно: в 1962 г. к 20-летию боев в Сталинграде газета «Молодой сибиряк» публикует его статью «Дом по имени «Комсомольский». В 1973 г. Александр Дмитриевич в статье «Память» на страницах той же газеты делится размышлениями о конкурсе статей о боевых подвигах земляков [12, с. 8, 10, 14]. Перечень публикаций на страницах газет и в рамках научных конференций можно продолжить... К тому же А. Д. Колесников был редактором и бессменным научным консультантом таких работ, как 11-томная «Книга Памяти» и 8-томное издание «Солдаты Победы». В 2002–2004 гг. Александр Дмитриевич поочередно выпускает учебные пособия: «308-я стрелковая дивизия в боях за Сталинград», «Сибиряки в Курской битве: (к 60-летию сражения на Курской дуге)», «Сибиряки в битве за Днепр» [9, с. 6, 18].

В 2009 г. в интервью газете «Вечерний Омск» Александр Дмитриевич вспоминал: «В первый раз День Победы широко отмечали в 1965 г. Тогда же появились советы ветеранов участвовавших в войне частей. У меня установились тесные связи со 150 советами, но с годами этот список сокращался и недавно сократился до нуля — никого, кроме меня, не осталось. Но, пока я жив, хочется запечатлеть в книгах память о своих товарищах, с которыми вместе сражался на «острове Людникова» и в других битвах Великой Отечественной войны [21].

Александр Дмитриевич оставался верен этой памяти. В 2005 г. выходит в свет 206-страничное издание «Честь и слава. Сибиряки в решающих битвах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне посвящается», в 2008 г. 224-страничная книга «Тверже гранита. Сибиряки в боях за Сталинград». Вступительные статьи к книгам были выполнены фронтовиком, уроженцем Сибирского края Маршалом Советского Союза

Д. Т. Язовым. Появление работ стало явлением не только в культурной жизни, оно ознаменовало начало восстановления исторической правды о Великой Отечественной войне и народе-победителе.

Умер Александр Дмитриевич 3 мая 2012 г. На его памятнике выгравировано:

Гвардии майор

Заслуженный работник культуры РФ
профессор

А. Д. Колесников

В заключение необходимо признать, что охватить биографию такого незаурядного человека в рамках одной отдельно взятой статьи практически невозможно. В Историческом архиве Омской области хранится значительный по объему, 576 дел хранения, фонд А. Д. Колесникова [22].

Думается, что настоящим памятником воину, историку-исследователю и гражданину, каковым являлся Александр Дмитриевич, стало бы написание монографического исследования, посвященного ему и его времени.

Библиографический список

1. Кабакова Н. В. Сибиряк, солдат, ученый, преданный Родине и готовый сражаться за неё до конца. Штрихи к портрету А. Д. Колесникова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8, № 1. (29). С. 61–73. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(1).61-73.
2. Новиков С. В. Михаил Ефимович Бударин — ученый и просветитель. Из истории культуры в Сибирском крае (1940–2000 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 2. С. 92–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-92-100.
3. Новиков С. В. Вениамин Михайлович Самосудов — человек и ученый на перепутье времен (1926–2010 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 5, № 2. С. 69–75. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-69-75.
4. Новиков С. В. Эрнст Шайгарданович Хазиахметов: ученый-исследователь, преподаватель, человек. 1936–2007 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 1. С. 40–46. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-40-46.
5. Афонькино (Тюменская область). URL: <https://drevno-info.ru/articles/26299.html> (дата обращения: 17.04.2023).
6. Численность и заработная плата рабочих и служащих СССР (Итоги единовременного учета за март 1936 г.). Москва: Редакционно-издательское управление ЦУНХУ СССР и В/О «СОЮЗОРГУЧЕТ», 1936. 304 с.
7. Евсеева Г. И. Ученые-ветераны Великой Отечественной войны. «Сохранить в памяти и передать потомкам». Александр Дмитриевич Колесников // Омский научный вестник. 2000. № 4. Ноябрь. С. 68–70.
8. Из трудовой книжки // Александр Дмитриевич Колесников: биобиблиографический указатель / сост. Л. П. Астахова. Омск, 2009. С. 7–8.
9. Доктор исторических наук, профессор Александр Дмитриевич Колесников. Краткий биографический очерк // Александр Дмитриевич Колесников: биобиблиографический указатель / сост. Л. П. Астахова. Омск, 2009. С. 5–6.
10. Пугачева Н. М. Колесников Александр Дмитриевич // Омский историко-краеведческий словарь / отв. ред.: Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Москва: Отечество, 1994. С. 112–113.
11. Федоров А. Д. «Дело челябинского комсомола» 1949 г.: о работе региональных комитетов ВЛКСМ в послевоенный период // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 145–153. DOI: 10.17223/15617793/424/20.

12. Александр Дмитриевич Колесников (К 80-летию со дня рождения). Биобиблиографический указатель. Омск: Изд-во СибАДИ, 1999. 23 с.
13. Новиков С. В. Факторы становления и развития Омской области // Сибирская деревня: 200 лет развития Омской области — от реформ М. М. Сперанского до агропромышленного центра Сибири: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 200-летию Омской области, 21–23 сентября 2022. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2022. С. 222–227.
14. 175 лет Омской области (Краеведы Омского Прииртышья) / Сост.: А. А. Секретов, Т. С. Бугаева. Омск: Администрация Омской области, 1998. 25 с.
15. Полканов В. Д., Тимонин Е. И. Видный омский ученый-историк... // Александр Дмитриевич Колесников (К 80-летию со дня рождения). Биобиблиографический указатель. Омск: Сибирская автомобильно-дорожная академия, 1999. С. 3–7.
16. Новиков С. В. Государство и право в представлении сторонников исламских организаций в Западной Сибири. Первая половина 1990-х гг. // X юбилейные Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: материалы междунар. науч. конф., 23 мая 2022 г. / отв. ред. Т. В. Седлецкая. Санкт-Петербург: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 132–137.
17. Новиков М. С. Русские националисты и державники в Западной Сибири на рубеже эпох: лидеры, организации, пресса: моногр. / под ред. С. В. Новикова. Омск: ИП Макшеевой Е. А., 2020. 280 с.
18. Новиков С. В. Ференц Каролиевич Надь — краевед на ветрах времени. URL: <https://novikovvs.ru/?p=849> (дата обращения: 05. 05. 2023).
19. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 26. С. 1747.
20. Омск научный: справочник / Редкол. Л. А. Лизунов, В. Б. Новоселова, Н. П. Солохин. Омск: Любинский проспект, 1993. 152 с.
21. Коломиец А. Последний герой с «острова Людникова» // Вечерний Омск. 2009. 2 сентября.
22. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-3676.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, г. Омск.

SPIN-код: 7226-1354

AuthorID (РИНЦ): 650930

Адрес для переписки: zatoncherlak62@inbox.ru

Для цитирования

Новиков С. В. Александр Дмитриевич Колесников (1919 – 2012 гг.): патриарх исторической науки в Сибири // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 71–79. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-71-79.

Статья поступила в редакцию 10.06.2023 г.

© С. В. Новиков



ALEXANDER DMITRIEVICH KOLESNIKOV (1919–2012): PATRIARCH OF HISTORICAL SCIENCE IN SIBERIA

The formation of the Soviet social and political system was accompanied by the internationalization of education and the development of regional historical science. In the course of education, not only the socio-economic history of the region is studied, but also its integration into the state.

The purpose of the article is to identify the impact of socio-economic and political processes on the research activities Doctor of Historical Sciences, Professor Kolesnikov A. D.

The conclusion is beyond doubt — A. D. Kolesnikov is the creator of a separate direction for the study of settlement and economic development of Siberia in the XVI–XIX centuries.

This personality is interesting because his professional formation coincided with the development of the Soviet state: a student in the pre-war years, a soldier who passed two wars, a manager, a witness to the development of Siberia in the 1950s–1980s and a teacher of a higher educational institution. We managed to show how socio-political changes influenced scientific and educational activities.

Keywords: A. D. Kolesnikov, the peasant settlement of Siberia, the history of the districts of the Omsk region, the formation of the Soviet intelligentsia, SibADI, the memory of the Great Patriotic War.

References

1. Kabakova N. V. Sibiryak, soldat, uchenyy, predanny Rodine i gotovyy srazhat'sya za neya do kontsa. Shtrikhi k portretu A. D. Kolesnikova [A siberian, a soldier, a scientist, devoted to the motherland and ready to fight for it to the end. Strokes to the portrait of Alexander D. Kolesnikov] // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». *Herald of Omsk University. Series «Historical Studies»*. 2021. Vol. 8, no. 1 (29). P. 61–73. DOI: 10.24147/2312-1300.2021.8(1).61-73. (In Russ.).
2. Novikov S. V. Mikhail Efimovich Budarin — uchenyy i prosvetitel'. Iz istorii kul'tury v Sibirskom krae (1940–2000 gg.) [Novikov S. V. Mikhail Efimovich Budarin — scientist and enlightener. From history of culture in Siberian Territory (1940's–2000's)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 92–100. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-92-100. (In Russ.).
3. Novikov S. V. Veniamin Mikhaylovich Samosudov — chelovek i uchenyy na pereput'ye vremen (1926–2010 gg.) [Veniamin Mikhailovich Samosudov — man and scientist at crossroads of times (1926–2010)] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2021. Vol. 6, no. 2. P. 69–75. DOI: 10.25206/2542-0488-2021-6-2-69-75 (In Russ.).
4. Novikov S. V. Ernst Shaygardanovich Khaziakhmetov: uchenyy-issledovatel', prepodavatel', chelovek. 1936–2007 gg. [Ernst Shaygardanovich Khaziakhmetov: scientist-researcher, teacher, person. 1936–2007 yy.] // Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2022. Vol. 7, no. 1. P. 40–46. (In Russ.).
5. Afon'kino (Tyumenskaya oblast') [Afonkino (Tyumen region)]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/26299.html> (accessed: 17.04.2023). (In Russ.).
6. Chislennost' i zarabotnaya plata rabochikh i sluzhashchikh SSSR. (itogi edinovremennogo ucheta za mart 1936 g) [The number and wages of workers and employees of the USSR (results of one-time accounting for March 1936)]. Moscow, 1936. 304 p. (In Russ.).
7. Evseyeva G. I. Uchenyye-veterany Velikoy Otechestvennoy voyny. «Sokhranit' v pamyati i peredat' potomkam». Aleksandr Dmitriyevich Kolesnikov [Scientists are veterans of the Great Patriotic War. «Save it in memory and pass it on to posterity» Alexander Dmitriyevich Kolesnikov] // Omsk Scientific Bulletin. *Omsk Scientific Bulletin*. 2000. No. 4. November. P. 68–70. (In Russ.).
8. Iz trudovoy knizhki [From the workbook] // Alexander Dmitriyevich Kolesnikov: bio-bibliographic index / Comp. L. P. Astakhova. Omsk, 2009. P. 7–8. (In Russ.).
9. Doktor istoricheskikh nauk, professor Aleksandr Dmitriyevich Kolesnikov. Kratkiy biograficheskiy ocherk [Doctor of Historical Sciences, Professor Alexander Dmitriyevich Kolesnikov. A brief biographical sketch] // Alexander Dmitriyevich Kolesnikov: bio-bibliographic index / Comp. L. P. Astakhova. Omsk, 2009. P. 5–6. (In Russ.).
10. Pugacheva N. M. Kolesnikov Aleksandr Dmitriyevich [Kolesnikov Alexander Dmitriyevich] // Omskiy istoriko-kraevedcheskiy slovar'. *Omsk Historical and Local History Dictionary* / Resp. eds.: Vibe P. P., Mikheyev A. P., Pugacheva N. M. Moscow, 1994. P. 112–113. (In Russ.).
11. Fedorov A. D. «Delo Chelyabinskogo komsomola» 1949 g.: o rabote regional'nykh komitetov VLKSM v poslevoyennyy period [The «Chelyabinsk Komsomol case», 1949: on the work of regional

committees of the All-Union Leninist Young Communist League in the post-war period] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. *Tomsk State University Journal*. 2017. No. 424. P. 145–153. DOI: 10.17223/15617793/424/20. (In Russ.).

12. Aleksandr Dmitriyevich Kolesnikov (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya). Biobibliograficheskiy ukazatel' [Alexander Dmitriyevich Kolesnikov (On the 80th anniversary of his birth). Bio-bibliographic index]. Omsk, 1999. 23 p. (In Russ.).

13. Novikov S. V. Faktory stanovleniya i razvitiya Omskoy oblasti [Factors of the Omsk region formation and development] // Sibirskaya derevnya: 200 let razvitiya Omskoy oblasti — ot reform M. M. Speranskogo do agropromyshlennogo tsentra Sibiri. *Siberian Village: 200 Years of Development of the Omsk region — from the Reforms of M. M. Speransky to the Agro-industrial Center of Siberia*. Omsk, 2022. P. 222–227. (In Russ.).

14. 175 let Omskoy oblasti (Krayevedy Omskogo Priirtysh'ya) [175 years of the Omsk region (Local historians of the Omsk Irtysh region)] / Comp.: A. A. Sekretov, T. S. Bugayeva. Omsk, 1998. 25 p. (In Russ.).

15. Polkanov V. D., Timonin E. I. Vidnyy omskiy uchenyy-istorik... [Prominent Omsk scientist-historian...] // Aleksandr Dmitriyevich Kolesnikov (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya). Biobibliograficheskiy ukazatel' [Alexander Dmitriyevich Kolesnikov (On the 80th anniversary of his birth). Bio-bibliographic index]. Omsk, 1999. P. 3–7. (In Russ.).

16. Novikov S. V. Gosudarstvo i pravo v predstavlenii storonnikov islamskikh organizatsiy v Zapadnoy Sibiri. Pervaya polovina 1990-kh gg. [The state and law in the representation of supporters of Islamic organizations in Western Siberia. The first half of the 1990s.] // X yubileynyye Luzhskiye nauchnyye chteniya. *Sovremennoye nauchnoye znaniye: teoriya i praktika. X Anniversary Luga Scientific Readings. Modern Scientific Knowledge: Theory and Practice* / Resp. ed. Sedletskaya T. V. Saint Petersburg, 2022. P. 132–137. (In Russ.).

17. Novikov M. S. Russkiye natsionalisty i derzhavniki v Zapadnoy Sibiri na rubezhe epokh: lidery, organizatsii, pressa [Russian Nationalists and Derzhavniki in Western Siberia

at the turn of the Epochs: leaders, organizations, press] / Ed. S. V. Novikov. Omsk, 2020. 280 p. (In Russ.).

18. Novikov S. V. Ferents Karoliyevich Nad' — krayeved na vetrakh vremeni [Ferenc Karolievich Nagy is a local historian on the winds of time.]. URL: <https://novikovvs.ru/?p=849> (accessed: 05.05.2023). (In Russ.).

19. Vedomosti S"yezda narodnykh deputatov Rossiyskoy Federatsii i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii. *Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation*. 1992. No. 26. P. 1747. (In Russ.).

20. Omsk nauchnyy: spravochnik [Omsk scientific: handbook] / Ed. staff: L. A. Lizunov, V. B. Novoselova, N. P. Solokhin. Omsk, 1993. 152 p. (In Russ.).

21. Kolomiyets A. Posledniy geroy s «ostrova Lyudnikova» [The last hero from «Ludnikov Island»] // Vecherniy Omsk. *Vecherniy Omsk*. 2009. September 2. (In Russ.).

22. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [Historical Archive of the Omsk region]. File: F. P-3676. (In Russ.).

NOVIKOV Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of Philosophy, History, Economic Theory and Law Department, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk.

SPIN-code: 7226-1354

AuthorID (RSCI): 650930

Correspondence address: zatoncherlak62@inbox.ru

For citations

Novikov S. V. Alexander Dmitriyevich Kolesnikov (1919–2012): Patriarch of historical science in Siberia // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 71–79. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-71-79.

Received June 10, 2023.

© S. V. Novikov

УДК 947.1/9:323.28(571.52)
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-80-83
EDN: CLMRTG

С. А. ПАПКОВ

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ ТУВЫ (О КНИГЕ З. Ю. ДОРЖУ И О. Ю. ИРГИТ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1921–1944 гг.)» – НОВОСИБИРСК, 2023)

Аналитический обзор посвящен работе тувинских исследователей о причинах и последствиях политических чисток в Туве в период существования республики как формально суверенного государства. Авторы книги последовательно реконструируют основной цикл социально-политических событий в регионе, выясняя, каким образом опыт и практики революционной России перешли на тувинскую почву. Рассмотрены пути и особенности выдвижения новых руководящих кадров в республике и развитие межклановой борьбы за власть, формирование необычной партийно-государственной системы, позволившей ее лидерам широко использовать карательные меры против своих противников. В рецензируемой работе ярко представлены исторические портреты основных руководителей Тувы, показаны приемы и способы их выдвижения на политическую авансцену, а также трагическое завершение карьеры многих из них.

Дается оценка изданной книге как существенному вкладу в историографию Тувы, благодаря новым фактам и интерпретациям социально-политических событий в Центральной Азии первой половины XX века.

Ключевые слова: Тувинская Республика, Советский Союз, руководящие кадры, политические репрессии, чистки, жертвы политических репрессий.

В издательстве «Наука» в Новосибирске опубликована монография, посвященная драматической истории Тувинской Народной Республики советской эпохи. Книга обобщает и существенно дополняет широкий спектр ранее выпущенных изданий по социально-политической истории Тувы, где тема репрессий в республике служила предметом изучения или давала те или иные ответы по содержанию этого вопроса [1 – 13].

В совместной работе исследователей Доржу З. Ю., Иргит О. Ю. реконструируется широкий и сложный комплекс событий за весь период существования ТНР как независимого суверенного государства от момента ее образования и до вхождения в состав Советского Союза в 1944 году [14].

Обстоятельно проанализировав ранее опубликованные издания и состояние источниковой базы по избранной теме, авторы предприняли серьезную попытку объяснить характер и своеобразие политических процессов в республике, послуживших причиной массовых репрессий в отношении правящих кадров и некоторых общественных групп, а также дать оценку многим трагическим событиям, пережитым республикой в первой половине XX

столетия. Содержание книги открывается анализом важнейших предпосылок, из которых рождались острые политические разногласия и конфликты в среде тувинского руководства в то время, когда в стране шли напряженные поиски путей общественного развития и формирование новых политических институтов. Как справедливо отмечается в книге, многое в этой истории определялось огромным влиянием соседней России и руководством большевистской партии. Это влияние носило традиционный характер и имело глубокие корни. Поэтому после большевистской революции 1917 года Тува вполне закономерно встала на путь заимствования важнейших элементов российского социально-политического устройства. Стремление копировать революционный опыт России и ее партийную систему, подчеркивается в монографии, привело к серьезным противоречиям в общественно-политической жизни ТНР. Искусственные, необоснованные попытки повторить практику соседнего государства (под влиянием РКП(б) и Коминтерна) с самого начала легли на неподходящую почву. Конституционные основы раннего Тувинского государства оказались чрезвычайно уязвимы. Отсюда в ТНР

с первых же лет ее независимости возникла нерасчлененность партийной и государственной власти, соединение в одном лице ключевых функций партийно-политической и государственной власти (как пример — Маады-Лопсан-Осур), оторванность руководящей «верхушки» от основной массы населения, пассивное отношение аратов к политическим переменам — словом, именно то, из чего и вырастает авторитаризм и политический произвол.

Представленный труд отчетливо выявляет и другие особенности социально-политического устройства, повлекшие за собой драматические события в Туве. Как пишут авторы, политическая неопытность первых руководителей республики в сочетании с внешним вмешательством стали причиной того, что новое государство было создано благодаря коалиции тувинской феодально-теократической знати и сторонников большевизма, интересы которых были несовместимы.

К этому комплексу причин следовало бы добавить также общую неразвитость социальных и политических институтов, характерную как для самой России, так и для большинства кочевых и скотоводческих сообществ в начале XX столетия. Под влиянием этих факторов в общественной жизни ТНР уже на ранней стадии стали проявляться острые противоречия во властной среде, переросшие в партийно-политические чистки со смещением с постов ряда руководящих деятелей республики и нойонов, упразднением традиционных званий, символов светской и духовной власти.

Описание политической истории просоветской Тувы — страны, где численность населения незначительна по сравнению с другими регионами бывшего СССР, позволило авторам исследования глубоко реконструировать многие крупные события в республике, детально представить основных партийно-политических деятелей и дать им оценку. Читатель найдет в книге массу интересных биографических сведений о тех, чье имя десятилетиями предавалось забвению, и тех, кто получил в истории ТНР широкую известность.

На основе анализа доступных источников в книге ставятся важные вопросы доверия к прежним концепциям и взглядам, по-новому трактуется роль в истории республики некоторых бывших руководителей, таких как Оюн Курседи, Монгуш Буян-Батыр, Куулур Дондук, Салчак Тока и другие. Особый интерес в этих описаниях вполне обоснованно привлекает личность С. Токи — генерального секретаря ЦК ТНРП и первого секретаря Тувинского обкома КПСС, занимавшего высшие посты в республике на протяжении 40 лет. На одной из страниц монографии авторы вступают в полемику с теми, кто выражал сомнение о сотрудничестве этого человека с органами ОГПУ-НКВД. Однако в книге приводятся бесспорные факты — документальное подтверждение и качественное фото удостоверения о вручении С. Токе знака «Заслуженный работник НКВД» в июле 1943 года. Хорошо известно, что таким знаком награждались только активные сотрудники советской спецслужбы, в основном из руководящего состава.

Страницы книги, посвященные событиям 1930-х годов, воспроизводят впечатляющую картину социально-политического хаоса и репрессий, охвативших тувинское сообщество после решений VIII съезда ТНРП.

На базе уже известных и вновь открытых архивных источников авторы объективно ре-

конструируют последствия «мероприятий», в деталях повторивших трагический опыт Советского государства. В этот комплекс перемен вошли радикальные чистки рядов ТНРП, коллективизация аратских хозяйств, ликвидация «феодально-теократических элементов» и конфискация их имущества, вынесение смертных приговоров политическим противникам по решению партийной «верхушки», заменившей собой суд. В истории Тувы, как и в истории СССР, в конце 1920-х годов началась новая эпоха, содержанием которой стала окончательная монополизация власти в стране и этатизация основных социально-экономических и политических институтов.

Одной из пострадавших сторон нового курса руководства ТНРП оказались буддийские священнослужители и обитатели монастырей, олицетворявшие альтернативный путь духовного развития тувинского общества. Из содержания книги мы впервые узнаем о ключевых партийно-государственных решениях в области религии в Туве, о фактах массовых преследований лам, в числе которых было немало культурных деятелей и просветителей народа.

В описании последующих исторических процессов, характерных для ТНР 1930-х годов как суверенного государства, вскрывается поразительная закономерность — повторение до деталей действий тувинского руководства по шаблону сталинского режима и развитие однотипных политических циклов: от разрушительных атак на «капиталистические» («феодальные» — на тувинской почве) элементы (1929—1932) с последующим частичным отступлением и ослаблением репрессий (1933—1936), а затем переход к новой фазе преследований «враждебных элементов» (1937—1939). Отличие Тувы от Советского Союза состояло лишь в масштабах совершаемых акций.

Оценивая события периода кульминации политических репрессий, авторы дают глубокое представление о предпосылках перехода к физической расправе с оппонентами, в книге также справедливо отмечается стремление секретаря ТНРП Салчака Токи к единовластию и его персональная ответственность за организацию террора в республике. С привлечением новых материалов авторы убедительно описывают процедуры фабрикации уголовных дел, главным из которых стало «дело группы девяти» 1938 года, завершившееся гибелью целого ряда руководителей Тувы во главе с Председателем Совмина Чурмит-Тажы, а с ними — массы других соотечественников.

В своем исследовании авторы существенно расширили рамки освещаемой тематики. Следуя логике научного анализа, они не стали ограничиваться изложением хода и сути трагических событий, но также показали, как протекает в нынешних условиях процесс восстановления памяти жертв репрессий в республике и какие трудности все еще встречаются на этом пути. Вместе с тем стоит заметить, что содержание представленной работы могло иметь более широкий охват описываемых событий, если бы авторы шире использовали материалы Коминтерна, вполне доступные в настоящий период.

В целом, монография «Политические репрессии в Тувинской Народной Республике» позволяет восстановить обобщенную историческую картину об одной из самых сложных и трагических эпох в жизни тувинского народа. Она основана на богатом материале, собранном многими предшественниками, а также самими авторами в ходе кропотли-

вой исследовательской работы. Ее отличает научная новизна и оригинальность выводов. Книга, несомненно, послужит значительным вкладом в историографию Тувы и станет важным источником нового знания для исследователей, изучающих историю Центральной Азии XX века.

Библиографический список

1. Аранчин Ю. Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 337 с.
2. Байыр-оол М. С. Главный красный нойон Тувы. Саар-брюккен, 2015. 499 с.
3. Доржу З. Ю., Иргит О. Ю. «Дело девяти»: судебный процесс 1938 года над государственными деятелями Тувинской Народной Республики в годы политических репрессий // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 34 (2). С. 32–39.
4. Доржу З. Ю., Иргит О. Ю. Историография политических репрессий в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2016. № 1 (28). С. 44–49.
5. Доржу З. Ю., Ондар Е. М. К истории образования Великого Хурала ТНР // Вестник Красноярского аграрного университета. 2014. Вып. 1. С. 192–196.
6. Достак-оол М. Б. Культ личности и политические репрессии в Туве. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2003. 144 с.
7. Заслуженные люди Тувы XX века: Государственная книга Республики Тыва. Кызыл, 2004. 343 с.
8. История Тувы. В 3 т. / Под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 2. 429 с.
9. Канзай А. К. К вопросу о политической и правовой оценке репрессий в Туве // Ученые записки ТИГИ. 2010. Вып. 22. С. 178–193.

10. Кенин-Лопсан М. Б. Буян-Бадьргы. 2-е изд., доп. Кызыл: Мэрия г. Кызыла, 2010. 512 с.

11. Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы. Москва: Наука, 2004. 222 с.

12. Саая С. В., Сат С. Ч. Причины политических репрессий в Тувинской Народной Республике в 1930–1940 гг. // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 61–65.

13. Тока С. К. Слово арата. Москва: Современник, 1973. 427 с.

14. Доржу З. Ю., Иргит О. Т. Политические репрессии в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Новосибирск: Наука, 2023. 224 с.

ПАПКОВ Сергей Андреевич, доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник сектора общественно-политического развития Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск.

SPIN-код: 8000-8688

AuthorID (РИНЦ): 76586

Адрес для переписки: spapkov@ya.ru

Для цитирования

Папков С. А. Новый труд по истории Тувы (о книге З. Ю. Доржу и О. Ю. Иргит «Политические репрессии в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.)» — Новосибирск, 2023) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 80–83. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-80-83.

Статья поступила в редакцию 09.06.2023 г.

© С. А. Папков

UDC: 947.1/9:323.28(571.52)
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-80-83
EDN: CLMRTG

S. A. PAPKOV

Institute of History of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

A NEW PUBLICATION ON THE HISTORY OF TIVA (ABOUT THE BOOK BY Z. Y. DORZHU AND O. Y. IRGIT POLITICAL REPRESSIONS IN THE TIVA PEOPLE'S REPUBLIC (1921–1944) — NOVOSIBIRSK, 2023)

This analytical review focuses on the work of Tuvinian researchers on the causes and consequences of political purges in Tuva during the existence of the Republic as a formally sovereign state. The authors of the book consistently reconstruct the main cycle of socio-political events in the region, figuring out how the experience and practices of revolutionary Russia passed on to Tuvinian soil. The ways and peculiarities of promotion of new leading cadres in the Republic and development of inter-clan struggle for power, formation of unusual party-state system, which allowed its leaders to widely use punitive measures against their opponents are considered. The reviewed work vividly presents historical portraits of major leaders of Tuva, demonstrates methods and ways of their promotion to political avant-garde, as well as the tragic end of careers of many of them.

The published book is evaluated as a major contribution to the historiography of Tuva, thanks to new facts and interpretations of socio-political events in Central Asia in the first half of the 20th century.

Keywords: Tuva Republic, Soviet Union, leading cadres, political repressions, purges, victims of political repressions.

References

1. Aranchyn Yu. L. Istoricheskiy put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [The historical journey of the Tuvan people towards socialism]. Novosibirsk, 1982. 337 p. (In Russ.).
2. Bayyr-ool M. S. Glavnyy krasnyy noyon Tuvy [Tuva's chief red noyon]. Saarbyrukken, 2015. 499 p. (In Russ.).
3. Dorzhu Z. Yu., Irgit O. Yu. «Delo devyati»: sudebnyy protsess 1938 goda nad gosudarstvennymi deyatel'nyami Tuvinskoj Narodnoy Respubliki v gody politicheskikh repressiy [«The case of nine»: the trial of 1938 on the state leaders of the Tuvan people republic in the years of political repressions] // Vestnik Kalmytskogo universiteta. *Bulletin of Kalmyk University*. 2017. No. 34 (2). P. 32–39. (In Russ.).
4. Dorzhu Z. Yu., Irgit O. Yu. Istoriografiya politicheskikh repressiy v Tuve [Historiography of political repressions in Tuva] // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Bulletin of Tuva State University. Social and Human Sciences*. 2016. No. 1 (28). P. 44–49. (In Russ.).
5. Dorzhu Z. Yu., Ondar E. M. K istorii obrazovaniya Velikogo Khurala TNR [To the history of the Great Khural formation in Tuva National Republic] // Vestnik Krasnoyarskogo agrarnogo universiteta. *Bulletin of KrasSAU*. 2014. Issue 1. P. 192–196. (In Russ.).
6. Dostak-ool M. B. Kul't lichnosti i politicheskiye repressii v Tuve [The cult of personality and political repression in Tuva]. Kyzyl, 2003. 144 p. (In Russ.).
7. Zasluzhennyye lyudi Tuvy XX veka: Gosudarstvennaya kniga Respubliki Tyva [Honoured People of Tuva in the Twentieth Century: State Book of the Tuva Republic]. Kyzyl, 2004. 343 p. (In Russ.).
8. Istoriya Tuvy. V 3 t. [History of Tuva. In 3 vols.] / Ed. by V. A. Lamina. Novosibirsk, 2007. Vol. 2. 429 p. (In Russ.).
9. Kanzay A. K. K voprosu o politicheskoy i pravovoy otsenke repressiy v Tuve [On the political and legal assessment of repression in Tuva] // Uchenyye zapiski TIGI. *Uchenyye Zapiski TIGI*. 2010. Issue 22. P. 178–193. (In Russ.).

10. Kenin-Lopsan M. B. Buyan-Badyrgy [Buyan-Badyrgy]. 2nd ed. Kyzyl, 2010. 512 p. (In Russ.).

11. Moskalenko N. P. Etnopoliticheskaya istoriya Tuvy [Ethnopolitical history of Tuva]. Moscow, 2004. 222 p. (In Russ.).

12. Saaya S. V., Sat S. Ch. Prichiny politicheskikh repressiy v Tuvinskoj narodnoy Respublike v 1930–1940 gg [Reasons for political repression in the Tuvan People's Republic between 1930 and 1940] // Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Vestnik Tuvinskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Sotsial'nyye i Gumanitarnyye Nauki*. 2009. No. 1. P. 61–65. (In Russ.).

13. Toka S. K. Slovo arata [The Word of an Arat]. Moscow, 1973. 427 p. (In Russ.).

14. Dorzhu Z. Yu., Irgit O. T. Politicheskiye repressii v Tuvinskoj Narodnoy Respublike (1921–1944 gg.) [Political repression in the Tuvan People's Republic (1921–1944)]. Novosibirsk, 2023. 224 p. (In Russ.).

PAPKOV Sergey Andreyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher in the Social and Political Development Sector, Institute of History of the Siberian Branch of RAS, Novosibirsk.

SPIN-code: 8000-8688

AuthorID (RSCI): 76586

Correspondence address: spapkov@ya.ru

For citations

Papkov S. A. A new publication on the history of Tuva (about the book by Z. Y. Dorzhu and O. Y. Irgit Political repressions in the Tuva People's Republic (1921–1944) – Novosibirsk, 2023) // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 80–83. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-80-83.

Received June 09, 2023.

© S. A. Papkov



УДК 141

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-84-88

EDN: HZLTSM

Е. В. БОРИСОВ

Институт философии
и права СО РАН,
г. Новосибирск

КАПЛАН И МАРТИ ОБ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕСКРИПЦИЯХ

Различие между референтным и атрибутивным употреблением определенных дескрипций, проведенное Доннелланом, породило controversy семантического и прагматического объяснения специфики референтного употребления. Одно из семантических объяснений было намечено Капланом и детально разработано Марти. В этой теории определенные дескрипции в референтном употреблении уподобляются собственным именам, как они понимаются в теории прямой референции. В статье показано, что эмпирические данные, на которые опирается теория Каплана—Марти, не обеспечивают ей достаточного основания, и поэтому прагматическое объяснение референтного употребления определенных дескрипций является предпочтительным.

Ключевые слова: определенная дескрипция, референтное употребление определенных дескрипций, собственное имя, теория прямой референции.

Проблема, которой посвящена данная статья, возникает в рамках дистинкции атрибутивного и референтного употребления определенных дескрипций, развернутой Китом Доннелланом в его знаменитой статье 1966 года *Референция и определенные дескрипции* [1]. Согласно Доннеллану, референт определенной дескрипции 'the F' при ее атрибутивном употреблении — это единственный (в контекстуально заданном универсуме) объект, имеющий свойство F, если таковой существует. Таким образом, при атрибутивном употреблении референт определенной дескрипции определяется ее атрибутивным содержанием; в этом Доннеллан согласен с теорией определенных дескрипций Бертрانا Рассела [2]. Специфика референтного употребления определенных дескрипций состоит, согласно Доннеллану, в том, что говорящий использует дескрипцию для референции к объекту, который он идентифицировал независимо от атрибутивного содержания дескрипции и до речевого акта. Поэтому при референтном употреблении дескрипции ее референт может не соответствовать ее атрибутивному содержанию. Например, на вечеринке говорящий мог увидеть человека с бокалом для шампанского в руках, тем самым его визуально идентифицировав, а затем сказать об этом индивиде 'Парень с шампанским, похоже, счастлив'. В этой реплике определенная дескрипция 'парень

с шампанским' использована для указания на индивида, которого говорящий имеет в виду. Доннеллан акцентирует тот факт, что данный индивид является референтом дескрипции 'парень с шампанским' независимо от того, пьет ли он именно шампанское. Легко вообразить ситуацию, в которой мнение говорящего, что данный индивид пьет шампанское, ошибочно (допустим, у него в бокале — минеральная вода). По Доннеллану, в этом случае индивид оказывается референтом дескрипции несмотря на то, что не соответствует ее атрибутивному содержанию. Итак, при атрибутивном употреблении определенной дескрипции 'the F' ее референт — это объект, соответствующий ее атрибутивному содержанию; при референтном употреблении это объект, который говорящий имеет в виду. Продолжая пример с вечеринкой, допустим, Джон стоит с бокалом для шампанского, в котором налита минеральная вода, а Пол — единственный на вечеринке человек, который пьет шампанское. Если говорящий ошибочно думает, что единственный на вечеринке человек, пьющий шампанское, — это Джон, то, если он употребляет дескрипцию 'парень с шампанским' референтно, ее референтом является Джон, тогда как при ее атрибутивном употреблении (любым говорящим) ее референтом является Пол.

Тот факт, что при атрибутивном и референтном употреблении дескрипции ее референт определяет

ся по-разному и что два референта могут не совпадать, порождает вопрос: являются ли определенные дескрипции семантически двузначными? Утвердительный ответ на этот вопрос означает, что определенная дескрипция — это омонимичное выражение, которое имеет два значения (атрибутивное и референтное), и этим объясняется наличие двух референтов [3–10]. Отрицательный ответ означает, что при обоих употреблении дескрипция имеет одно и то же значение, а наличие двух референтов объясняется прагматическими факторами [11–13]. При прочих равных условиях второй (отрицательный) ответ предпочтительнее, поскольку он делает семантику естественного языка более экономичной¹.

В данной статье предметом рассмотрения и критики является одна из теорий, согласно которым определенные дескрипции семантически двузначны. Эта теория была намечена Дэвидом Капланом в разделе XXII своего эссе *Демонстративы* [18, р. 558–563] и детально разработана в ряде публикаций Дженововой Марти [19–22]; я буду называть эту теорию теорией Каплана–Марти и обозначать как КМ.

В качестве альтернативы КМ я буду рассматривать теорию, предложенную Солом Крипке [12]. Согласно Крипке, определенные дескрипции семантически однозначны, а многообразие их референтов имеет прагматические причины². На этом основании Крипке различает семантический референт дескрипции и референт говорящего при ее референтном употреблении. Семантический референт определяется ее атрибутивным содержанием в соответствии с теорией Рассела (семантический референт дескрипции ‘the F’ — это единственный индивид со свойством F, если таковой существует). Референт говорящего — это индивид, которого говорящий имеет в виду при референтном употреблении дескрипции, и он определяется прагматическими факторами. Например, объект О может быть референтом говорящего при употреблении дескрипции ‘the F’ в силу следующих причин: (1) говорящий думает, что О является семантическим референтом дескрипции, т.е. думает, что О является единственным обладателем свойства F; (2) говорящий думает, что слушающий разделяет это мнение; (3) говорящий намерен посредством указать на О посредством ‘the F’. В описанном выше сценарии с вечеринкой говорящий референтно использует дескрипцию ‘парень с шампанским’ для указания на Джона, который этой дескрипции не соответствует. По Крипке, это не делает Джона семантическим референтом дескрипции; это значит, что в данном речевом акте Джон является референтом говорящего.

Тезис этой статьи имеет полемический характер: он состоит в том, что КМ не имеет под собой достаточных эмпирических оснований. Это значит, что КМ постулирует семантическую двузначность там, где этого можно избежать, что делает ее менее экономичной, чем теория Крипке. Эти обстоятельства делают теорию Крипке предпочтительной.

Главное положение КМ состоит в том, что при референтном употреблении определенные дескрипции превращаются в собственные имена, как они понимаются в теории прямой референции. Собственное имя в теории прямой референции не имеет атрибутивного содержания, поэтому оно связано со своим референтом прямо, т.е. без опосредования атрибутивным содержанием. В этом теория прямой

референции противоположна семантике Готлоба Фреге, согласно которой имя имеет атрибутивное содержание, и именно оно определяет его референт³. Таким образом, согласно КМ, выражение ‘the F’ при атрибутивном употреблении обозначает объект, соответствующий его атрибутивному содержанию, но при референтном употреблении оказывается выражением, прямо указывающим на объект, который говорящий имеет в виду⁴.

Эмпирической базой КМ является ряд случаев референтного употребления дескрипций, описанных в их работах, а также в ряде работ Доннеллана [25–27]. Один из случаев такого рода является наиболее распространенным в речевой практике и наиболее существенным для обоснования КМ: он будет рассмотрен ниже. В силу его распространенности в речевой практике я буду называть его стандартным случаем⁵. Согласно КМ, стандартный случай референтного употребления определенной дескрипции — это речевой акт, имеющий следующие особенности:

(1) Это акт именования: говорящий этим актом делает определенную дескрипцию D собственным именем объекта О. При этом, поскольку собственные имена не имеют атрибутивного содержания, атрибутивное содержание D в данном контексте *семантически элиминируется*, т.е. теряет семантическую значимость. В то же время в других контекстах D может использоваться не как собственное имя, а как определенная дескрипция: в этих контекстах ее атрибутивное содержание остается семантически значимым.

(2) D становится *одноразовым* собственным именем, т.е. используется как имя О только в данном речевом акте; говорящий не намерен использовать это выражение как стабильное имя О.

(3) Говорящий использует D для указания на О, потому что считает, что О соответствует атрибутивному содержанию D и что слушатель разделяет это мнение. Это делает атрибутивное содержание D *прагматически релевантным*.

Как видим, в стандартном случае референтного употребления определенных дескрипций в трактовке КМ атрибутивное содержание дескрипции теряет семантическую значимость, но остается прагматически значимым. Марти иллюстрирует этот тезис на примере имени города ‘Дартмут’ (Dartmouth). Грамматически это имя не является определенной дескрипцией, однако оно имеет атрибутивное содержание (выражает предикат ‘находящийся в устье реки Дарт’; аналогичные топонимы в русском языке — ‘Усть-Илим’, ‘Усть-Кокса’ и т.п.), что роднит его с определенными дескрипциями и позволяет использовать в качестве примера. Марти пишет: «Дартмут находится в устье реки Дарт, и этот факт сыграл важную роль в решении дать этому городу это имя. Но если бы русло реки изменилось, называть Дартмут этим именем не стало бы ошибкой. И даже если бы мы обнаружили, что Дартмут никогда не был расположен на реке Дарт, имя ‘Дартмут’ не перестало бы обозначать этот город» [21, р. 47].

Итак, в контрфактической ситуации, которую описывает Марти, в момент именования люди считали, что Дартмут находится на берегу реки Дарт, и это объясняет выбор данного имени. Таким образом, хотя атрибутивное содержание имени ‘Дартмут’ не имеет семантической значимости, оно является прагматически значимым (это роднит данный случай со стандартным случаем; различие

состоит только в том, что имя 'Дартмут' оказалось стабильным). Впоследствии люди обнаружили, что Дартмут уже не соответствует атрибутивному содержанию своего имени, но продолжили называть его этим именем: это показывает, что атрибутивное содержание данного имени было семантически элиминировано. Для меня в этом примере важно следующее: (1) акт именования не является подтверждением тезиса об элиминации атрибутивного содержания, поскольку в момент именования города люди считали, что он соответствует атрибутивному содержанию имени 'Дартмут'; (2) подтверждением тезиса об элиминации атрибутивного содержания является последующее употребление данного имени применительно к данному городу — употребление, сохранившееся после обнаружения того факта, что Дартмут не соответствует атрибутивному содержанию имени 'Дартмут'.

Наличие последующего (следующего за актом именования) употребления имени является характеристикой стабильных имен. Но что, если имя 'Дартмут' оказалось бы *одноязычным*, т.е. использовалось бы только в акте именования, без последующего употребления? В этом случае мы не имели бы эмпирического подтверждения для тезиса об элиминации атрибутивного содержания. В самом деле: допустим, что имя 'Дартмут' было использовано только в одном речевом акте — акте именования. Аtribuтивное содержание этого имени сыграло в этом акте существенную роль: акторы выбрали его, потому что считали, что именуемый город соответствует его атрибутивному содержанию. В этом случае у нас нет оснований считать его атрибутивное содержание семантически нерелевантным, т.е. нет оснований для тезиса об элиминации семантического содержания. Такого рода основания могли бы появиться, если бы мы наблюдали последующее употребление имени, но в случае одноязычных имен последующего употребления не существует. Поскольку у нас нет оснований для тезиса об элиминации, самое естественное объяснение акта именования в стандартном случае состоит в следующем: имя 'Дартмут' использовано как определенная дескрипция; его атрибутивное содержание в этом акте семантически релевантно, и этим объясняется выбор данного имени акторами. Это лишает эмпирических оснований тезис КМ, согласно которому элиминация атрибутивного содержания имеет место даже в случае одноязычных имен. Но это значит, что тезис о превращении определенной дескрипции (при ее референтном употреблении в стандартном случае) в собственное имя — главный тезис КМ — не имеет достаточного обоснования.

Приведенное возражение против КМ не является его опровержением: тезис о семантической элиминации атрибутивного содержания дескрипции при ее референтном употреблении не приводит к противоречию, поэтому он может рассматриваться как легитимная гипотеза. Однако приведенное возражение показывает, что — при отсутствии дополнительных подтверждений — КМ не имеет никаких преимуществ перед прагматической теорией Крипке, в то же время уступая последней по экономичности. Поэтому на данный момент теория Крипке предпочтительнее.

Примечания

¹ Существуют объяснения референтного употребления определенных дескрипций, не укладывающиеся в описанную

дихотомию [14–17]. Эти теории в данной статье не рассматриваются.

² Здесь и далее под прагматическими причинами подразумеваются факторы, порождающие импликатуры в смысле Пола Грайса [23].

³ В естественных языках референт собственного имени зависит от контекста: имя 'Джон' в разных контекстах отсылает к разным индивидам. Это не противоречит теории прямой референции: контекстуальная зависимость референта совместима с отсутствием у имени какого-либо атрибутивного содержания. Ниже я отвлекаюсь от контекстуальной зависимости референта имени.

⁴ Как было сказано выше, данная трактовка референтного употребления определенных дескрипций намечена Капланом в разделе XXII *Демонстративов*. Каплан не всегда придерживался этой трактовки. В статье *Dthat* [24] он предлагает альтернативную теорию: здесь он уподобляет референтно употребляемые дескрипции не собственным именам, а демонстративным выражениям. Эта теория в данной статье не рассматривается.

⁵ Некоторые нестандартные случаи и их значимость в рамках контрверсы семантического и прагматического объяснения референтного употребления определенных дескрипций будут рассмотрены в одной из следующих публикаций.

Библиографический список

1. Donnellan K. Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304. DOI: 10.2307/2183143.
2. Russell B. On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14, № 4. P. 479–493. DOI: 10.1093/mind/XIV.4.479.
3. Abbott B. Reference. Oxford: Oxford University Press, 2010. 328 p. ISBN 9780199202577.
4. Amaral F. S. Definite Descriptions Are Ambiguous // *Analysis*. 2008. Vol. 68, № 4. P. 288–297. DOI: 10.1093/analysis/68.4.288.
5. Devitt M. Donnellan's Distinction // *Midwest Studies in Philosophy*. 1981. Vol. 6, № 1. P. 511–524. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1981.tb00456.x.
6. Ramachandran M. Methodological Reflections on Two Kripkean Strategies // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1995. Vol. 95, № 1. P. 67–82. DOI: 10.1093/aristotelian/95.1.67.
7. Reimer M. Donnellan's Distinction/Kripke's Test // *Analysis*. 1998. Vol. 58, № 2. P. 89–100. DOI: 10.1093/analysis/58.2.89.
8. Reimer M. Descriptively Introduced Names // *Descriptions and Beyond* / Eds. M. Reimer, A. Bezuidenhout. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 613–629.
9. Wettstein H. Demonstrative Reference and Definite Descriptions // *Philosophical Studies*. 1981. Vol. 40, № 2. P. 241–257. DOI: 10.1007/bf00353794.
10. Wettstein H. The Semantic Significance of the Referential-Attributive Distinction // *Philosophical Studies*. 1983. Vol. 44, № 2. P. 187–196. DOI: 10.1007/bf00354099.
11. Bach K. Referential/Attributive // *Synthese*. 1981. Vol. 49, № 2. P. 219–244. DOI: 10.1007/bf01064299.
12. Kripke S. Speaker's Reference and Semantic Reference // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. 2, № 1. P. 255–276. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1977.tb00045.x.
13. Neale S. Descriptions. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 302 p. ISBN 0262640317.
14. Berg J. Referential Attribution // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 96, № 1. P. 73–86. DOI: 10.1023/A:1004283021977.
15. Bezuidenhout A. Pragmatics, Semantic Underdetermination and the Referential/Attributive Distinction // *Mind*. 1997. Vol. 106, № 423. P. 375–409. DOI: 10.1093/mind/106.423.375.
16. Mendelsohn R. L. Referential/Attributive: A Scope Interpretation // *Philosophical Studies*. 2010. Vol. 147, № 2. P. 167–191. DOI: 10.1007/s11098-008-9276-3.

17. Recanati F. Referential/Attributive: A Contextualist Proposal // *Philosophical Studies*. 1989. Vol. 56, № 3. P. 217–249. DOI: 10.1007/bf00354363.
 18. Kaplan D. Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // *Themes from Kaplan* / Eds. J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
 19. Marti G. The Essence of Genuine Reference // *Journal of Philosophical Logic*. 1995. Vol. 24, № 3. P. 275–289. DOI: 10.1007/bf01344204.
 20. Marti G. The Question of Rigidity in New Theories of Reference // *Nous*. 2003. Vol. 37, № 1. P. 161–179. DOI: 10.1111/1468-0068.00434.
 21. Marti G. Direct Reference and Definite Descriptions // *Dialectica*. 2008. Vol. 62, № 1. P. 43–57. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2008.01138.x.
 22. Marti G. Names, Descriptions and Causal Descriptions. Is the Magic Gone? // *Topoi*. 2020. Vol. 39, № 2. P. 357–365. DOI: 10.1007/s11245-017-9525-1.
 23. Grice H. P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 394 p. ISBN 0674852702.
 24. Kaplan D. Dthat // *Syntax and Semantics*. Vol. 9: Pragmatics / Ed. P. Cole. New York: Academic Press, 1978. P. 221–243.
 25. Donnellan K. Putting Humpty Dumpty Together Again // *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77, № 2. P. 203–215. DOI: 10.2307/2183321.
 26. Donnellan K. Proper Names and Identifying Descriptions // *Synthese*. 1970. Vol. 21, № 3/4. P. 335–358. DOI: 10.1007/BF00484804.
 27. Donnellan K. Speaker Reference, Descriptions, and Anaphora // *Syntax and Semantics*. Vol. 9: Pragmatics / Ed. P. Cole. New York: Academic Press, 1978. P. 47–68.
- БОРИСОВ Евгений Васильевич**, доктор философских наук, доцент (Россия), главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск.
 SPIN-код: 6061-9186
 AuthorID (РИНЦ): 278628
 ORCID: 0000-0001-6587-9616
 ResearcherID: T-3807-2017
 AuthorID (SCOPUS): 56287727200
 Адрес для переписки: borisov.evgeny@gmail.com
- Для цитирования**
- Борисов Е. В. Каплан и Марти об определенных дескрипциях // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 84–88. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-84-88.
- Статья поступила в редакцию 17.10.2023 г.**
 © Е. В. Борисов

UDC 141

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-84-88

EDN: HZLTCM

E. V. BORISOV

Institute of Philosophy
and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia

KAPLAN AND MARTI ON DEFINITE DESCRIPTIONS

Donnellan's distinction between referential and attributive uses of definite descriptions gave rise to controversy between semantic and pragmatic accounts of referentially used descriptions. Kaplan adumbrated and Marti elaborated in detail a semantic account that assimilates referentially used definite descriptions with proper names in the sense of the theory of direct reference. I argue that the evidence Kaplan-Marti theory relies on is inappropriate, and conclude that Kaplan-Marti theory has no advantage over the pragmatic account of referential use in Donnellan's sense.

Keywords: definite description, referential use of definite descriptions, proper name, direct reference theory.

References

1. Donnellan K. Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75, no. 3. P. 281–304. DOI: 10.2307/2183143. (In Engl.).
2. Russell B. On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14, no. 4. P. 479–493. DOI: 10.1093/mind/XIV.4.479. (In Engl.).
3. Abbott B. *Reference*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 328 p. ISBN 9780199202577. (In Engl.).
4. Amaral F. S. Definite Descriptions Are Ambiguous // *Analysis*. 2008. Vol. 68, no. 4. P. 288–297. DOI: 10.1093/analysis/68.4.288. (In Engl.).
5. Devitt M. Donnellan's Distinction // *Midwest Studies in Philosophy*. 1981. Vol. 6, no. 1. P. 511–524. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1981.tb00456.x. (In Engl.).
6. Ramachandran M. Methodological Reflections on Two Kripkean Strategies // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1995. Vol. 95, no. 1. P. 67–82. DOI: 10.1093/aristotelian/95.1.67. (In Engl.).
7. Reimer M. Donnellan's Distinction/Kripke's Test // *Analysis*. 1998. Vol. 58, no. 2. P. 89–100. DOI: 10.1093/analysis/58.2.89. (In Engl.).
8. Reimer M. Descriptively Introduced Names // *Descriptions and Beyond* / Eds. M. Reimer, A. Bezuidenhout.

Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 613–629. (In Engl.).

9. Wettstein H. Demonstrative Reference and Definite Descriptions // *Philosophical Studies*. 1981. Vol. 40, no. 2. P. 241–257. DOI: 10.1007/bf00353794. (In Engl.).

10. Wettstein H. The Semantic Significance of the Referential-Attributive Distinction // *Philosophical Studies*. 1983. Vol. 44, no. 2. P. 187–196. DOI: 10.1007/bf00354099. (In Engl.).

11. Bach K. Referential/Attributive // *Synthese*. 1981. Vol. 49, no. 2. P. 219–244. DOI: 10.1007/bf01064299. (In Engl.).

12. Kripke S. Speaker's Reference and Semantic Reference // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. 2, no. 1. P. 255–276. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1977.tb00045.x. (In Engl.).

13. Neale S. Descriptions. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 302 p. ISBN 0262640317. (In Engl.).

14. Berg J. Referential Attribution // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 96, no. 1. P. 73–86. DOI: 10.1023/A:1004283021977. (In Engl.).

15. Bezuidenhout A. Pragmatics, Semantic Underdetermination and the Referential/Attributive Distinction // *Mind*. 1997. Vol. 106, no. 423. P. 375–409. DOI: 10.1093/mind/106.423.375. (In Engl.).

16. Mendelsohn R. L. Referential/Attributive: A Scope Interpretation // *Philosophical Studies*. 2010. Vol. 147, no. 2. P. 167–191. DOI: 10.1007/s11098-008-9276-3. (In Engl.).

17. Recanati F. Referential/Attributive: A Contextualist Proposal // *Philosophical Studies*. 1989. Vol. 56, no. 3. P. 217–249. DOI: 10.1007/bf00354363. (In Engl.).

18. Kaplan D. Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // *Themes from Kaplan* / Eds.: J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563. (In Engl.).

19. Marti G. The Essence of Genuine Reference // *Journal of Philosophical Logic*. 1995. Vol. 24, no. 3. P. 275–289. DOI: 10.1007/bf01344204. (In Engl.).

20. Marti G. The Question of Rigidity in New Theories of Reference // *Nous*. 2003. Vol. 37, no. 1. P. 161–179. DOI: 10.1111/1468-0068.00434. (In Engl.).

21. Marti G. Direct Reference and Definite Descriptions // *Dialectica*. 2008. Vol. 62, no. 1. P. 43–57. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2008.01138.x. (In Engl.).

22. Marti G. Names, Descriptions and Causal Descriptions. Is the Magic Gone? // *Topoi*. 2020. Vol. 39, no. 2. P. 357–365. DOI: 10.1007/s11245-017-9525-1. (In Engl.).

23. Grice H. P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 394 p. ISBN 0674852702. (In Engl.).

24. Kaplan D. Dthat // *Syntax and Semantics*. Vol. 9: *Pragmatics* / Ed. P. Cole. New York: Academic Press, 1978. P. 221–243. (In Engl.).

25. Donnellan K. Putting Humpty Dumpty Together Again // *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77, no. 2. P. 203–215. DOI: 10.2307/2183321. (In Engl.).

26. Donnellan K. Proper Names and Identifying Descriptions // *Synthese*. 1970. Vol. 21, no. 3/4. P. 335–358. DOI: 10.1007/BF00484804. (In Engl.).

27. Donnellan K. Speaker Reference, Descriptions, and Anaphora // *Syntax and Semantics*. Vol. 9: *Pragmatics* / Ed. P. Cole. New York: Academic Press, 1978. P. 47–68. (In Engl.).

BORISOV Evgeny Vasilyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.

SPIN-code: 6061-9186

AuthorID (RSCI): 278628

ORCID: 0000-0001-6587-9616

ResearcherID: T-3807-2017

AuthorID (SCOPUS): 56287727200

Correspondence address: borisov.evgeny@gmail.com

For citations

Borisov E. V. Kaplan and Marti on definite descriptions // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 84–88. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-84-88.

Received October 17, 2023.

© E. V. Borisov

УДК 101.1
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-89-93
EDN: JVHFXX

В. В. ВАСИЛЬЕВ

Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва

«БРИЛЬЯНТЫ И МИРАЖИ»

Васильев Вадим Валерьевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, сооснователь и член ученого совета «Московского центра исследований сознания» при философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. Беседа посвящена специфике аналитической философии в России.

Ключевые слова: аналитическая философия, история философии, русская философия, схоластика.

— Наш разговор мне бы хотелось начать¹ с метафоры «инородного тела». Несмотря на свою простоту, она позволяет точно выразить и зафиксировать некоторую общность представлений. В первую очередь речь идёт применительно к философии вообще, которая многим кажется таким «инородным телом» по отношению к науке, как социальному институту, ориентированному на удовлетворение практических потребностей населения. С другой стороны, речь может идти конкретно о таком направлении, как аналитическая философия, которую сейчас принято ругать за ее чуждость принципам русской философии, другими словами, за её принципиальную «западность». И если в Москве с её большим количеством университетов ситуация, кажется, проще, то в регионах многие аналитические философы существуют, по сути, отдельно от своих кафедр. В этом отношении мы хотим не только пересказать набившую оскомину разницу между аналитиками и континенталами (если она вообще существует) [1], сколько попытаться выяснить важность именно аналитического философского метода. Что аналитика может предложить не только узкому кругу посвященных, но, так сказать, широким слоям населения. Другими словами, попытаемся вместе с Вами разобраться: является ли аналитическая философия таким «инородным телом», или нет.

— Неужели ощущаете себя инородным телом в Тюмени?

— Как кажется, есть определённое противостояние, причём даже не между сотрудниками, а между определёнными практиками, разными взглядами на многие исследовательские и рабочие моменты. Произошла даже не смена поколений, а переход от представлений о провинции, с её замкнутостью и ориентированностью на саму себя, к чему-то, что претендует на мировую науку, на мировое сообщество.

— Да, ситуация известная. Такое, к сожалению, много где происходило и до сих пор происходит.

— А сейчас эта ситуация меняется?

— Если мы говорим о трендах последних лет, то ситуация меняется уже несколько десятилетий. Растёт профессионализм, повышается уровень журналов, разворачивается принципиальная борьба с заимствованиями. Само сообщество консолидируется. Если говорить именно о сегодняшнем дне, то очень сложно давать какие-то однозначные прогнозы. Как всё повернётся — никто не знает.

— Тогда вернёмся на более твёрдую почву. Существует устоявшееся мнение: аналитическая философия связана с латинским средневековьем — периодом схоластики [2–4]. Вы согласны с такой позицией?

— Такая точка зрения существует, но она определённ нуждается в корректировках. Во-первых, если мы ищем корни аналитической философии, то логично делать это среди классических греческих философов. Уже у Платона и Аристотеля можно найти блестящие образцы концептуального анализа. В их работах научный дух пересекается с сугубо метафизическими исследованиями. Открытый, а можно сказать и основанный, ими стиль философствования до сих пор применяется в аналитической среде.

Во-вторых, что касается сравнения со схолистикой, то тут ситуация не такая однозначная. Здесь вполне применимо используемое схоластами разделение философов на два типа: одни утверждают, что они верят, чтобы познавать, (*credo ut intelligam*), вторые, напротив, хотят познавать, чтобы верить (*intelligo ut credam*). В чём разница, ведь, казалось бы, в схолистике мы находим оба этих принципа? Однако схоласты в большинстве своём исходят именно из первого принципа, пытаются рационально обосновать уже имеющиеся у них убеждения (зачастую — религиозные). А большинство современных аналитических философов придерживаются противоположного принципа. Именно этот отсутствующий момент, назовём это предзнания каких-то представлений об истинном положении вещей, и является ключом к громадной разнице между этими традициями. Если вы откроете тексты Фомы

Аквинского или Дунса Скота, то увидите постоянные ссылки — на Аристотеля, на отцов Церкви, потому что для них это очень значимые фигуры. Так сказал Августин? Значит, это уже довод и может быть использовано как достаточная аргументация. В то время как аналитические философы действуют иначе — они идут за аргументом, до самого конца оставаясь в неведении, куда аргументация их выведет. Именно в такой скептической, непредвзятой установке они работают, или должны работать. Многие из них, не все. Разумеется, есть догматики, вроде Деннета. Это, конечно, догматики другого типа, у которых другой символ веры. Однако это не правило, это исключение. Большинство же ведущих аналитических философов идут за своими аргументами, как яркие примеры — Чалмерс или Сёрл и многие другие. Основываясь на таком различии, я утверждаю, что аналитическая философия и схоластика — совершенно различные исследовательские парадигмы. Ну и в-третьих, есть ещё одна важная черта, которая не позволяет их сравнивать, — это уровень детализации. Классические схоласты максимально детализируют свои рассуждения, а их современные последователи идут даже дальше. Бесконечные различения, дистинкции — это отличительный признак схоластики. Может показаться, что так происходит и в аналитической традиции, что в этом они близки, но нет! Ведущие аналитические философы умеют отсекают лишнее и стремятся к этому. В качестве примера можно опять же привести Чалмерса — у него блестящая интуиция, где и когда нужно сказать «мы выносим это за скобки», «мы занимаем в этом отношении нейтральную позицию», это позволяет ему создавать философские полотна большими, но не грубыми мазками. Там где появляются мелкие мазки — это уже схоластика.

— В своём ответе Вы затронули тему наших недавних дискуссий, касательно имеющих у нас предустановок или интуиций. В своих исследованиях можно придерживаться двух взаимоисключающих стратегий. Первый вариант, когда философ на основе своих базовых интуиций строит какую-то теорию и всячески старается, чтобы она была не противоречива так называемому здравому смыслу. Второй вариант, когда стремление построить математически верную теорию начинает преобладать, и мы получаем философские концепции, имеющие чёткую внутреннюю структуру, качественную аргументацию, но при этом её выводы или послышки противоречат нашим интуитивным представлениям.

— Я согласен, именно поэтому и привёл пример с Деннетом, он соответствует тем установкам, о которых вы сказали и которые были свойственны средневековым авторам. Но если мы посмотрим на ситуацию статистически, то Деннет окажется в меньшинстве как своеобразное исключение. Большинство ведущих аналитических философов не исходят так жёстко из предпосылок, принятых на экстрафилософском уровне. Возьмём Кришке и его теорию референции, где отсутствует какой бы то ни было внефилософский бэкграунд. Модальный реализм, предложенный Льюисом, — сугубо теоретическая конструкция. Рассуждения Чалмерса о мыслящем термостате — это вывод, сделанный «за него» самим аргументом, ведь по своим исходным предпочтениям он является материалистом, но аргументы приводят его к совершенно другой, дуалистической, если не панпсихистской позиции.

«Китайская комната» Сёрла ведёт его к биологическому натурализму (нейронному шовинизму), парадоксальная установка, но он идёт за своим аргументом. В общем мой пафос в том, что в аналитической среде мы имеем дело с совершенно другим паттерном философствования. Я повторюсь, по духу современные аналитики ближе именно к Платону и Аристотелю.

— Вопрос соотношения схоластики и аналитики, раз уж мы к нему вернулись, имеет для нас значение не просто как историко-философские рассуждения, а определённое ценностное измерение. Дело в том, что сама схоластика (и вы отчасти об этом сказали, когда упомянули про «излишнюю» детализацию) для много людей является как бы зеркалом философии вообще. Когда нет никаких оригинальных идей, а идёт бесконечный застой и оттачивание старых мыслей до бесконечности [5, с. 595–679]. Одно дело — Платон и Аристотель, яркие образы, сильно продвинувшие философское знание, другое дело — современный период. Можно вспомнить известное выражение: вся философия — комментарии к творчеству Платона. Но что аналитика? Что она может предложить свободному рынку идей? Потому что тот миг, о котором Вы заявили, это оттачивание идей, многими воспринимается именно как неоспоримое преимущество аналитической традиции.

— Дело в том, что так действует любой первопроходец, именно поэтому я могу ответить: топчутся ли они на месте в уже исследованном пространстве или занимаются чем-то новым? Разумеется, второе, ведь если, как мы уже сказали, они подходят к каким-то выводам, совершенно сумасшедшим с точки зрения наших обыденных взглядов, то в этом, разумеется, есть какая-то новизна.

Что касается знаменитого комментария, который был процитирован. Он кажется мне совершенно неверным, по целому ряду причин. Первое, даже при незначительном изменении оптики мы можем упрекнуть в неоригинальности самого Платона. Возможные заимствования у пифагорейцев, без соотвествующего упоминания. Демокрита он как-то подозрительно не упоминает, может быть, он от него много берёт или от других источников? Ну, и второе, можно рассуждать ещё одним способом: обратимся к Новому Времени. Почему те же самые претензии мы не высказываем к Канту, Юму или Декарту? Почему? Ведь «всё до этого уже было сказано», «да они же просто изобретают велосипед», «это совершенно бесперспективно», «это топтание на месте». Ну абсурд! Для нас очевидно, что в отношении них это совершенно абсурдные обвинения. А чем провинились современные философы? Почему мы можем говорить о них так уничижительно? Что эти просто некая сноска или замечание к Платону? Ну он сам тогда просто сноска к Гераклиту. Прибегну здесь к аналогии. Есть центральные метафизические проблемы, своего рода ядро философии, и дальше вокруг этих проблем вращается мировая философия. Такова её устройство. Каждый новый оборот чуть-чуть, но не совпадает с предыдущим по скорости, по траектории.

— Выражаясь языком молодёжи — это не баг, а фича. Давайте тогда перейдём ближе к нашей отечественной философской школе. Есть один факт, на который редко обращают внимание: в России интерес к схолистике появился в 19-м веке, в качестве интеллектуального противоядия доминирующему в тот период гегельянству. Корректно

ли тогда провести следующую параллель: связан ли интерес к аналитической философии с популярностью, которую имеют современные версии дедезианства (новые онтологии, объектно-ориентированные онтологии, тёмные онтологии)? Можно ли говорить о каком-то противостоянии между этими парадигмами?

— Такой взгляд возможен. Просто, мне кажется, чтобы так утверждать необходимо более подробно изучить генезис аналитической философии в России или в СССР, тогда мы получим более полную картину, но она будет содержать упомянутый Вами элемент. В этом отношении мне бы хотелось упомянуть важность одного эпизода, а именно случайную встречу в 1935-м году одного из отцов аналитической философии Витгенштейна и историка науки Софьи Яновской, работавшей в Институте математики МГУ [6]. У этой встречи были самые большие последствия. Яновская уже интересовалась математической логикой, интегрированной в самое сердце аналитической философии. Тогда она относилась к ней очень критично, но именно эта встреча послужила точкой перелома её восприятия. После их встречи она не просто стала активно изучать это направление, но у неё появилась идея внедрять математическую логику в философское образование. В Интернете можно найти её интервью, в нём она рассказывает, как она добивалась внедрения курсов математической логики. Это получилось не сразу, но уже много десятилетий именно на ней основывается преподавание логики на нашем факультете. Так что преподаватели кафедры логики философского факультета МГУ были своего рода отрядом аналитической философии, существовавшим ещё в советский период. Они могут даже сами этого не признавать, но все, кто соприкасался с ними, получал мощнейший заряд аналитической традиции. Для многих, в том числе и для меня, курс математической логики был настоящим откровением. Это косвенно повлияло на рассвет аналитической философии в нашей стране. Так что полную историю становления аналитической философии в России ещё предстоит написать. Но никакие неочевидные влияния на это становление не отменяют то различие, что аналитическая философия, в отличие от континентальной, безразлична к истине. Нам, аналитическим философам, есть дело, повторюсь, только до истины. С другой стороны, среди континентальных философов много исключительно одаренных людей. И мне самому очень симпатичны и Делёз, и Деррида, и Жижек, и Мейясу с его антикорреляционизмом. Я их вообще везде рекламирую, даже сейчас. (Смеется.) Но признаю, что они философствуют в другой манере.

— Касательно генеалогии аналитической философии действительно интересно, особенно в ключе устоявшейся позиции, что отечественные аналитические философы занимаются лишь подражанием своим западным коллегам, а сама эта традиция выступает для нас чем-то пришлым. Чтобы Вы могли ответить таким людям?

— Не бывает дыма без огня, и в этих замечаниях есть доля истины. Действительно часто встречаются статьи, в которых лишь пересказываются какие-то концепции. Ничего хорошего я в этом не вижу, может быть, в этом и есть определённая просветительская полезность, но, как мне кажется, она не очень-то велика. Если вы хотите просвещать людей относительно аналитической традиции — пишите учебники, статья же — совершенно дру-

гой жанр. Но тут не следует впадать в крайности. Есть у нас и что-то оригинальное. Могу привести в пример даже самого себя: есть много подходов в философии сознания, в решении проблемы сознание-тело, и я предложил собственный вариант решения — локальный интеракционизм [7, с. 143–198]. Концепция, вполне выдержанная в духе аналитической философии. По её поводу недавно состоялась дискуссия с известными западными философами, и никто из них, за исключением Деннета, не упрекал меня в неоригинальности. Это лишь один из примеров. Даже из моих коллег, кого я знаю лично и с кем много общаемся, есть свои оригинальные идеи. Например, Мария Секацкая развивает интересное решение проблемы свободы воли [8]. Артём Беседин и коллеги по центру изучения сознания вполне оригинально развивают идеи моральной ответственности [9, 10]. Дмитрий Волков интересно трактует взгляды Деннета на нарративную теорию личности, его истолкование, замечу, не сводится к позиции самого Деннета [11, с. 266–335]. Александр Мишура сказал новые вещи в области философии действия [12]. И это далеко не полный список. Так что если мы рассматриваем наш авангард аналитической философии, то никого из них нельзя обвинить в эпигонстве. Это вполне оригинальные авторы.

— Вернёмся немного назад. По тому, как Вы возводите аналитическую традицию к Платону и Аристотелю, и некоторым другим замечаниям, можно сделать вывод, что она не является просто периодом или определённым стилем. Из этого следует, что она закончится только с окончанием философии вообще. Или я ошибаюсь?

— Это довольно тонкий момент. Недавно на страницах философского журнала была интересная дискуссия по поводу истоков аналитической философии [13]. В. К. Шохин отстаивал позицию, которую Вы приписали мне. Однако я, будучи участником этого спора, согласен с такой позицией лишь отчасти. С моей точки зрения, современная аналитическая философия является наследницей классической философии. Но при этом мы не можем называть Платона и Аристотеля аналитическими философами, потому что мы всё равно говорим о конкретном настоящем периоде, который вышел из идей классических философов и как-то толкует поднятые ими проблемы. Но у аналитической традиции есть свои отцы-основатели: Фреге, Рассел, Мур, Витгенштейн, которые привнесли что-то своё в эту область — интерес к проблемам языка, к математической логике и т.д. Чтобы понять сущность современной аналитической философии, нужно понять это пересечение — с одной стороны, классических тем (что и позволяет говорить о ней как о «наследнице»), а с другой — понимать конкретные истоки её методов из сочинений конкретных мыслителей. Отвечая непосредственно на Ваш вопрос: аналитическая философия может закончиться, в узком смысле, как исчерпавшее себя направление. Поэтому даже если прервутся нити преемственности от этих четырёх отцов-основателей никуда не денется сама философская тематика. Так что легко представить, как через сотню лет возникнет новая традиция, иначе воспринимающая и по-другому трактующая как классические тексты, так и современную нам аналитическую философию. И тогда уже она станет наследницей классической философии, чьё место сейчас занято аналитической парадигмой.

— Опять же здесь хочется вернуться к пред-
рассудкам касательно аналитической философии.
Очень часто аналитической философии ставят
в вину, что она не содержит в себе никакой Идеи.
Возможно, что в ней есть какие-то оригинальные
теоретические концепции, касающиеся уже обо-
значенного Вами метафизического философского
ядра. Но в ней отсутствует какой бы то ни было
практический, возможно идеологический заряд.
Верно ли такое понимание? Может ли так понима-
емая философия (а точнее даже философский ме-
тод, всё-таки выступать определённым противоре-
чием квазипропагандистской философии, к которой
часто приписывают русскую философию, опреде-
лённым образом понятое евразийство и т.д.)?

— Что касается новых идей условно внутри са-
мой философии, я уже отвечал — они, безусловно,
есть. По поводу таких, назовём это объединяющих
функций или идей философии, из-за которых ино-
гда философию даже однозначно увязывают с му-
дростью, мол, философы должны вести за собой
и т.д. Вот это смешение, а это именно оно, мудро-
сти и теоретической философии представляется
мне совершенно неверным. Мудрость, если мы по-
нимаем её как некий накопленный опыт, не только
не сводится к философии, но даже с ней мало пе-
ресекается. Если же мы говорим о прагматическом
или прикладном значении философии, то оно вели-
ко, и это доказано социологически. Есть интересное
американское исследование, в котором сравнивали
выпускников различных магистерских программ,
и по результатам этих социологических измерений
наилучшие результаты среди всех прочих молодых
специалистов показывали выпускники именно фило-
софских направлений. Даже из общих соображений
понятно, что философия приучает к критичности,
к умению оригинально решать нестандартные про-
блемы, в целом нестандартно думать. Ведь это же
наша профессия — думать. Чем больше мы в это
погружаемся, тем лучше мы можем решать наши
практические проблемы. Это не подлежит сомне-
нию. Вы скажете: «Вопрос в другом, касательно
объединяющих, ведущих за собой идей, которых со-
вершенно лишена аналитическая традиция». И хотя
в этом есть зерно истины, но даже здесь нет одно-
значности. Если мы возьмём моральную философию
или философию политики, то в их аналитических
вариациях есть подобные идеи. Другое дело, что
их сложно назвать броскими, они не выглядят ло-
зунгами. Идеи, которые можно разбрасывать перед
людьми словно корм. Эти идеи совершенно точно
более скромно выглядят, но это не делает их менее
значимыми. Можно сделать огромные куски стекла
и разбросать их так, чтобы они были всем заметны.
Но их ценность не будет идти ни в какое сравне-
ние с крошечными бриллиантами. Вот я бы сравнил
идеи аналитических философов с такими небольши-
ми, но оттого не менее ценными бриллиантами. Их
не просто распознать, но если вы это делаете, то все
эти концепции моральной ответственности, свободы,
справедливости могут оказать на вас огромное
влияние. Я твёрдо убеждён, что именно за такими
идеями и стоит идти, а не за какими-то другими, ко-
торые, подобно миражам, вводят вас в заблуждение.

Беседовал Роман КОЧНЕВ

Примечания

¹ Автор выражает огромную благодарность профессору ка-
федры онтологии и теории познания философского факульте-

та МГУ Игорю Чубарову и старшему преподавателю кафедры
философии, медиа и журналистики ТюмГУ Варваре Сергее-
вой за помощь в подготовке и реализации данного интервью.

Библиографический список

1. Интервью с Сергеем Левиным «Аналитический фи-
лософ о том, что делает философию настоящей». URL:
<http://concepture.club/post/infopoloz/interview-with-analyticalphilosopher> (дата обращения: 22.03.2023).
2. Novak L., Novotny D. D., Sousedik P., Svodoba D.
Metaphysics: Aristotelian, Scholastic, Analytic // Contemporary
Scholasticism / Ed. by E. Feser, E. Runggaldier. Berlin: De
Gruyter, 2016. Bk. 1. 283 p.
3. Huntelmann R. New Scholasticism Meets Analytic
Philosophy. Berlin: Editiones Scholasticae, 2014. 128 p.
4. Haldane J. Editorial Introduction: Scholasticism-Old and
New // Special Issue: The Philosophical Quarterly. 1993. Vol. 43,
no. 173. P. 403–411. DOI: 10.2307/2219982.
5. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория
интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хро-
нограф, 2002. 1281 с.
6. Васильев В. В. Московские адреса Витгенштейна // Во-
просы философии. 2017. № 6. С. 39–51.
7. Васильев В. В. Сознание и вещи: очерк феномени-
стической онтологии. Москва: Кн. дом Либроком, 2014. 240 с.
8. Секацкая М. А. Моральные аспекты компатибилизма // Философский журнал. 2022. Т. 15, № 3. С. 157–171. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-3-157-171.
9. Беседин А. Снижает ли индетерминизм моральную от-
ветственность? // Финиковый компот. 2020. С. 129–140. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-129-140.
10. Логинов Е. В., Гаврилов М. В., Мерцалов А. В. [и др.].
Этика и метафизика моральной ответственности // Этическая
мысль. 2021. Т. 21, № 2. С. 5–17. DOI: 10.21146/2074-4870-2021-21-2-5-17.
11. Волков Д. Б. Свобода воли: иллюзия или возможность?
Москва: Карьера Пресс, 2018. 368 с.
12. Мишура А. Понятие намерения в философии действия
Элизабет Энском // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17,
№ 2. Р. 87–114. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-87-114.
13. Васильев В. В. Что такое аналитическая философия и
почему важен этот вопрос? // Философский журнал. 2019.
Т. 12, № 1. С. 144–158. DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-1-144-158.

ВАСИЛЬЕВ Вадим Валерьевич, член-корреспондент
РАН, доктор философских наук, профессор (Рос-
сия), заведующий кафедрой истории зарубежной
философии Московского государственного универ-
ситета имени М. Ю. Ломоносова, г. Москва.

SPIN-код: 8490-5837

AuthorID (РИНЦ): 250074

AuthorID (SCOPUS): 55632043900

Адрес для переписки: vadim.v.vasilyev@gmail.com

Для цитирования

Васильев В. В. «Бриллианты и миражи» // Омский научный
вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8,
№ 4. С. 89–93. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-89-93.

Статья поступила в редакцию 12.03.2023 г.

© В. В. Васильев

«DIAMONDS AND MIRAGES»

Vadim Valeryevich Vasilyev is Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, and cofounder and member of the Academic Council of the Moscow Center for Consciousness Research at the Philosophy Department of the Lomonosov Moscow State University. The talk is dedicated to the specifics of analytic philosophy in Russia.

Keywords: analytic philosophy, history of philosophy, Russian philosophy, scholasticism.

References

1. Interv'yū s Sergeyem Levinym «Analiticheskiy filosof o tom, chto delayet filosofiyyu nastoyashchey» [Interview with Sergei Levin «Analytic philosopher about what makes philosophy real»]. URL: <http://concepture.club/post/infopoloz/interview-with-analytical-philosopher> (accessed: 22.03.2023). (In Russ.).
2. Novak L., Novotny D. D., Sousedik P., Svodoba D. Metaphysics: Aristotelian, Scholastic, Analytic // Contemporary Scholasticism / Ed. by E. Feser, E. Runggaldier. Berlin: De Gruyter, 2016. Bk. 1. 283 p. (In Engl.).
3. Huntelmann R. New Scholasticism Meets Analytic Philosophy. Berlin: Editiones Scholasticae, 2014. 128 p. (In Engl.).
4. Haldane J. Editorial Introduction: Scholasticism-Old and New // Special Issue: The Philosophical Quarterly. 1993. Vol. 43, no. 173. P. 403–411. DOI: 10.2307/2219982. (In Engl.).
5. Collins R. Sotsiologiya filosofiy: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk, 2002. 1281 p. (In Russ.).
6. Vasilyev V. V. Moskovskiy adresa Vitgenshteyna [Wittgenstein in Moscow: The Places He Visited] // Voprosy filosofii. *Philosophical Issues*. 2017. Vol. 6. P. 39–51. (In Russ.).
7. Vasilyev V. V. Soznaniye i veshchi: ocherk fenomenalisticheskoy ontologii [Consciousness and Things: An Essay on Phenomenalist Ontology]. Moscow: Librokom, 2014. 240 p. (In Russ.).
8. Sekatskaya M. A. Moral'nyye aspekty kompatibilizma [Moral aspects of compatibilism] // Filosofskiy zhurnal. *Philosophy Journal*. 2022. Vol. 15, Issue. 3. P. 157–171. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-3-157-171. (In Russ.).
9. Besedin A. Snizhayet li indeterminizm moral'nyu otvetstvennost'? [Does indeterminism reduce moral responsibility?] // Finikovyy kompot. *Date Palm Compote*. 2020. P. 129–140. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-129-140. (In Russ.).
10. Loginov E. V., Gavrilov M. V., Mertsalov A. V. [et al.]. Etika i metafizika moral'noy otvetstvennosti // Eticheskaya

mysl'. *Ethical Thought*. 2021. Vol. 21, Issue. 2. P. 5–17. DOI: 10.21146/2074-4870-2021-21-2-5-17. (In Russ.).

11. Volkov D. B. Svoboda voli: illyuziya ili vozmozhnost'? [Free will: illusion or opportunity?]. Moscow, 2018. 368 p. (In Russ.).

12. Mishuchra A. Ponyatiye namereniya v filosofii deystviya Elizabet Enskom [The Concept of Intention in Anscombe's Philosophy of Action] // Sotsiologicheskoye obozreniye. *Sociological Review*. 2018. Vol. 17, Issue 2. P. 87–114. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-87-114. (In Russ.).

13. Vasilyev V. V. Chto takoye analiticheskaya filosofiya i pochemu vazhen etot vopros? [What is analytic philosophy, and why is it important to ask?] // Filosofskiy zhurnal. *Philosophy Journal*. 2019. Vol. 12, Issue. 1. P. 144–158. DOI: 10.21146/2072-0726-2019-12-1-144-158. (In Russ.).

VASILYEV Vadim Valeryevich, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Head of History of Foreign Philosophy Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow.

SPIN-code: 8490-5837

AuthorID (RSCI): 250074

AuthorID (SCOPUS): 55632043900

Correspondence address: vadim.v.vasilyev@gmail.com

For citations

Vasilyev V. V. «Diamonds and Mirages» // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 89–93. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-89-93.

Received March 12, 2023.

© V. V. Vasilyev



УДК 171

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-94-98

EDN: IETORP

К. МакГинн

Колледж Иисуса,
Оксфордский университет,
Оксфорд, Великобритания

Перевод с английского

Р. Л. КОЧНЕВ

Тюменский
государственный университет,
г. Тюмень

ПОЧЕМУ БЫТЬ ЖИВЫМ — ЭТО БЛАГО?

В эссе рассматривается проблема ценности жизни. Для живых организмов, вроде нас, она представляется безусловным благом. Кажется, что необходимые основания подобного к ней отношения должны быть представлены в самой онтологической структуре жизни. Однако беспристрастный анализ показывает, что ценность жизни является чем-то внешним по отношению к ней самой.

Ключевые слова: жизнь, смерть, ценность, удовольствие, знание.

Мы привыкли считать, что быть живым — не-соизмеримо лучше, чем быть мертвым. Но почему мы так считаем? Что делает нашу жизнь чем-то ценным? На этот вопрос гораздо сложнее ответить, чем вы можете предположить, и в этом эссе я не смогу дать окончательный ответ. Я действительно не знаю, почему жизнь считается за благо, но я твердо уверен, что стандартные ответы на этот вопрос являются ошибочными.

Совершенно иначе дела обстоят, например, с красотой и добродетелью. Если мы спросим, почему существование красоты и добродетели в нашем мире считается за благо, то получим незамедлительный ответ: потому что красота и добродетель — сами по себе благие вещи. Благость как бы вписана в них на уровне определения. Однако свойство 'быть живым' само по себе не является оценочным, поэтому нам необходимо найти нечто связанное с ним, что имело бы ценность. Но что это могло бы быть?

Простое существование не может быть ответом на этот вопрос. В самом по себе существовании как таковом нет ничего ценного, а если даже и есть, то это вовсе не та особая ценность, которая, как мы думаем, заключена в наших жизнях. Ведь если мы соглашаемся со святым Ансельмом, что существовать лучше, чем не существовать, то мы либо думаем о живых существах, подобных нам самим,

либо используем очень тонкое понятие 'лучше, чем'.

Мы также должны избавиться от мысли, что жизнь есть только потому, что должно быть нечто ценное в самом факте ее появления. Эволюционный процесс не был инициирован и тем более никогда не управлялся каким-либо нормативным принципом; эволюция не признает жизнь за благо для того, чтобы иметь основание стремиться к ее появлению. Эволюция слепа, и любая ценность, которой обладает жизнь, является простой случайностью. Бог, например, мог бы создать жизнь, сочтя ее за благо, но это, очевидно, не тот же самый процесс, где живые существа появляются в ходе эволюции. И даже если бы Бог действительно создал жизнь, посчитав её за благо, это не объясняет, почему она является чем-то ценным.

Может быть, мы добьемся чего-то большего, если поточнее определим, что такое жизнь. Считаем ли мы жизнь растений, бактерий и низших животных благом? Если да, то мы не склонны думать, что она является благом в том же смысле, в каком является благом *наша* жизнь или жизнь других высших животных. Можно предположить, что в самоорганизации и сложности есть нечто ценное, но все же это явно не то, о чем пытается сказать человек, когда заявляет «Быть живым — это благо!». Возможно, жизнь наделяется таким свойством благодаря осо-

бому способу нашего существования. Здесь кажется естественным сослаться на сознание: причина того, что в нашем случае (как и в случае других высших животных) свойство 'быть живым' представляет собой благо, состоит в том, что мы обладаем сознанием. Сознание есть благо по своей природе, и именно оно делает жизнь чем-то ценным. Но является ли сознание таковым по своей природе? Что если на самом деле оно болезненно, несчастно, ограничено в своих способностях и развращено? Что если оно крайне примитивно, как, например, у улиток или медуз? Опять же, мы можем предположить, что любое сознание, независимо от того, насколько бы оно ни было примитивно или как бы долго оно ни страдало, имеет какую-то внутреннюю ценность, но мы ведь явно подразумеваем нечто большее, когда говорим, что наша сознательная жизнь имеет ценность. Разница заключается не в сознании как таковом, но в чем-то особом, присущем именно *нашему* виду сознания.

Кажется неясным также и само по себе утверждение, что сознание является *необходимым* условием для того, чтобы жизнь имела ценность. Если человек постоянно находится в бессознательном состоянии и видит сны, его жизнь все равно может обладать ценностью — его сны могут быть творческими, приятными и крайне насыщенными. А что, если наша жизнь на самом деле всего лишь сон, — разве в этом случае она лишается всякой ценности? На это можно ответить, что сны на самом деле являются сознательными процессами, даже если сам сновидец находится в 'бессознательном состоянии'. Давайте рассмотрим бессознательный разум: разве его существование лишено всякой ценности? Считаем ли мы, что человек, находящийся в коме с активным бессознательным, обязательно проживает никчемную жизнь? Это зависит от того, как мы трактуем понятие бессознательного. Возьмем следующий мысленный эксперимент: представим, что каждое обычное ментальное состояние сознательного существа происходит бессознательно. И затем зададим себе вопрос: отсутствует ли теперь ценность в жизни такого человека? Что если создать особый вид зомби, у которого вообще нет никакого сознания, но все его функции будут выполняться бессознательным образом, через соответствующую связь с телом? Этот зомби может вести себя так же, как сознательное существо, и иметь те же ментальные состояния, просто ни одно из них больше не является частью его сознания. Я думаю, было бы откровенной дискриминацией считать, что 'инвалидность' подобного рода означает полную никчемность его жизни. Что если марсиане существуют именно таким образом, — у них отсутствует сознание в привычном нам смысле, но при этом они обладают богатым и тонко организованным бессознательным? Мы же не хотим быть обвиненными в дискриминации по принципу сознания — в своего рода 'каншэснесизме' (или 'спешизме'). Даже если мы не согласны с метафизической конструкцией этого мысленного эксперимента и считаем метафизически невозможным появление подобных существ, у нас все равно остается возможность судить о потенциальной ценности жизни даже в таких крайне необычных обстоятельствах. Например, если мы в вопросах сознания принимаем взгляды теории самоконтроля¹, то не станем считать различия в сознательных и бессознательных ментальных состояниях столь драматичными, чтобы проводить между ними резкие нормативные границы. Что нам

с того, что 'зомби' не может воспринимать и думать о своих первопорядковых ментальных состояниях, — важно то, что у него есть такие состояния. Важен именно разум, а не только сознание, как его состояние. Поэтому не сознание как таковое делает жизнь чем-то ценным.

Но тогда, может быть, речь идет о психике в самом широком смысле этого слова? Очевидно, что сама по себе она также не будет обладать безусловной ценностью, нам совершенно точно потребуются исключить из нее такие вещи, как страдания или дурные намерения. Это должно быть что-то более конкретное и ограниченное. Напрашивается естественная мысль: являясь живыми (и обладая разумом), мы создаем многие ценные вещи, вроде искусства, наук, социальных сообществ и моральных добродетелей. Хотя список тех, кто мог бы иметь с ними дело, не следует ограничивать только сознательными существами; размышляя менее шовинистически, мы вполне могли бы допустить, что бессознательные (но разумные!) существа, если конечно, они могут существовать, также способны к подобного рода деятельности. Есть мнение, что именно бессознательное играет ведущую роль в творческой деятельности, поэтому мы можем позволить ей процветать в бессознательных обитателях нашей Вселенной (либо некоторой возможной Вселенной). Преимущество этой позиции в том, что здесь мы как бы встраиваем 'благодать' в рассматриваемое нами свойство 'быть живым' в виде действительно *ценных* вещей. Она кажется многообещающей, но, к сожалению, быстро сталкивается с обвинением в шовинизме (и даже более того, спешизме). Ведь что мы можем сказать о детях, животных и менее творческих людях? Неужели их жизнь лишена ценности и ничем не лучше мертвого состояния? Разве праздная жизнь человека, который просто наслаждается окружающим его зрелищем в виде деревьев, цветов и неба, не стоит того, чтобы ее прожить? Кажется, что отрицательный ответ был бы слишком высокопарным и откровенно интеллектуально предвзятым. Мы склонны думать, что жизнь может считаться за благо, даже если конкретный человек, ее проживающий, не является гением и не совершает ничего выдающегося.

Нам на помощь может прийти старая идея — удовольствие. Жизнь является благом, потому что она доставляет удовольствие. Можно согласиться с тем, что удовольствие — это действительно что-то ценное, даже несмотря на то, что у нас появится желание провести различие между его высшими и низшими формами. Однако проблема в том, что жизнь может быть чем-то ценным и при полном отсутствии удовольствия. Если мои центры удовольствия разрушены, разве моя жизнь от этого не стоит того, чтобы ее прожить? Разве большая часть вашего дня не проходит при полном отсутствии удовольствия? И разве ваша жизнь во время таких гедонистических пауз не является для вас чем-то лучшим, чем пусть даже и временная, но все же смерть? Что если наши марсиане будут антигедонистами, которые давно исключили удовольствие из своей жизни? Можно ли их теперь убивать без всяких угрызений совести? Так что, кажется, не только удовольствие и не одно лишь удовольствие как таковое придает ценность нашей жизни.

Может быть, мы добьемся большего прогресса, если признаем наличие спектра при решении вопроса о ценности жизни? Это опасный путь, открытый для всевозможных дискриминационных

‘измов’: почему человеческая жизнь (любая человеческая жизнь) непременно должна считаться чем-то более ценным, чем жизнь обезьяны, собаки или слона? Действительно ли мы хотим сказать, что некоторые человеческие жизни ценнее, нежели другие? Имеют ли одни люди больше прав на свою жизнь, чем другие? Не является ли каждая жизнь уникальной ценностью для существа, которое ее проживает? Может быть, нам удастся обойти эти этические мели, признав, если и есть что-то, что делает жизнь чем-то ценным, оно может иметь разные степени, не оспаривая при этом право на жизнь каждого, кто ее проживает. Что бы это могло быть такое, что каждый взрослый человек, каждый человеческий ребенок и каждое высшее животное (а также некоторые ‘низшие’, хотя остерегайтесь шовинизма, когда делаете такие утверждения!) имеют друг с другом общего, что делает их жизнь чем-то ценным? И давайте не будем забывать о бессознательных зомби, они тоже должны быть включены в наш список. Разумеется, все они являются живыми существами, но есть ли в их жизнях некоторое онтологическое условие, благодаря которому свойство ‘быть живым’ становится чем-то ценным?

Ранее я уже признался, что у меня нет никакой уверенности в этом вопросе, но вот мысль, от которой мы можем оттолкнуться в своих размышлениях: всех их объединяет то, что они обладают *знанием*. Очевидно, что знание у разных существ может различаться по своему виду и количеству и, следовательно, может наделять их жизни разной степенью ‘благости’. В данном случае я имею в виду не только пропозициональное знание или какую-то форму ‘книжной учености’, но также и непосредственное знакомство с объектами и их свойствами, осведомленность об окружающей среде, постижение, восприятие, интроспекцию, проприоцепцию и даже возможность видеть сны, — весь спектр когнитивных способностей. Все это базовые способности любого разумного существа (за исключением, пожалуй, совершенных зомби, лишённых даже бессознательного), поэтому тут нет опасности шовинизма. Вопрос заключается в том, действительно ли знание в этом широком понимании является *благом*? И если является, то в чем состоит его ценность? Традиционно считается, что знание обладает внутренним благом, и наша интуиция в целом согласуется с подобным взглядом; но в нашем случае нам нужно нечто большее, мы должны сказать, в чём именно заключается это благо. Утверждение, что оно состоит в простом наличии истинных обоснованных убеждений, звучит довольно неубедительно: почему считается, что *это* непременно должно делать нашу жизнь лучше? Чем вам помогло знание в этом смысле за последнее время?

Есть мнение, что знание *обогащает*: оно придает форму и особые свойства нашему ‘Я’, как бы расширяет и соединяет его с тем, что находится за пределами его одинокой жизни. Но не совсем понятно, почему это непременно должно быть таким благом для нас: обильная еда тоже расширяет ‘Я’, соединяет его с миром, находящимся за его пределами, хотя вряд ли ожирение является тем, что может сделать жизнь чем-то ценным. Для этого расширение должно быть связано с чем-то, что само по себе является благом. Было бы разумным предположить, что знание увеличивает понимание и сопереживание, но здесь мы снова рискуем исключить из нашего рассмотрения многие менее

возвышенные виды жизни, кроме того, неизбежно встает вопрос и о самих этих предполагаемых ценностях. Простой когнитивный контакт с вещами кажется слабой основой для возведения теории ценности жизни.

Мы опасно близки к тому, чтобы продемонстрировать, что на самом деле *нет* ничего, что делало бы нашу жизнь чем-то ценным в том смысле, в котором мы обычно это имеем в виду. Может быть, это просто ложное убеждение, которое гены заложили в нас по своим эгоистичным причинам, например, вроде веры в то, что наша родня есть что-то особенно ценное в сравнении с чужаками. Существует множество ценных вещей, которые являются содержанием или коррелятами жизни, такие как удовольствие, красота, добродетель, таланты и связанные с ними достижения, но, похоже, жизнь сама по себе лишена какой-либо внутренней ценности. Можно согласиться с тем, что знание в широком смысле характерно, по крайней мере, для ‘высших’ форм жизни, оно заложено в любой психике, в каждом сознательном или бессознательном процессе. Но остается неясным, какую внутреннюю ценность имеет такое знание. Что есть ценного, например, в остром зрении совы, позволяющем видеть объекты на большом расстоянии (не считая того, что это полезно при ловле добычи)? Почему моя способность определять положение солнца так важна для ценности моей жизни? И что хорошего в том, чтобы знать о страшных трагедиях?

Можно предположить, что знание придает смысл не обладающему жизнью познающему существу, но реальности вне его. Дело не в том, что человеческая жизнь была бы бессмысленной без знания, а в том, что без него была бы бессмысленна наша *Вселенная*. Быть живым — это благо, потому что без жизни познающих существ сама Вселенная окажется бессмысленной. То, что я имею в виду, лучше всего объяснить следующим образом. Рассмотрим Вселенную до появления жизни: ничто не знало о ней (в данном случае я исключаю Бога), ничто не осознавало ее существование. Она просто *существовала*, как грубая лишенная разума вещь, никем не осознаваемая и никому не известная. Представьте себе, если бы жизнь так никогда и не появилась, Вселенная существовала бы вечно в состоянии полной безвестности — были бы просто огромные участки материи, пространства и времени, и не было ничего, что знало бы это или знало бы что-нибудь вообще. Не видится ли это чем-то откровенно мрачным, пустынным и даже трагичным? Существовать настолько незамеченным, настолько неценным, настолько пренебрегаемым — это кажется подлинным воплощением бессмысленности. Это похоже на книгу, которую никто никогда не читал. Ничто в ее буйной истории не было бы воспринято ни одним живым познающим существом. Она будет просто механически перелистываться. И такое положение дел представляется мне крайне печальным.

Представьте, если бы у Вселенной действительно была душа, своего рода внутреннее психическое измерение: разве она не чувствовала бы огромного одиночества, как-будто ее вечно игнорируют и избегают? Разве не жаждала бы она создать познающее существо, способное наблюдать за ней и размышлять о ней? Что если в каком-то секторе Вселенной развилась примитивная жизнь, создав удивительные и сложные растения, но ни одно познающее существо так и не узнало бы об этих

растениях? Или где-то развились бы животные, но у них полностью отсутствовал разум, сознательный либо бессознательный, и они тоже навсегда остались бы незамеченными и неизвестными? А что если на планете Земля обитали эволюционировавшие виды, но ни один из них не обладал даже минимальной познавательной способностью, так что ничто на нашей планете так никому и не стало известным? Все это кажется таким бессмысленным, таким тщетным и таким мёртвым. Даже сам факт существования Вселенной навсегда остался бы никому неизвестным, просто гигантским грубым фактом, ничего не значащим и ничем не выраженным. Ее существование заключалось бы в том, чтобы *не* быть воспринимаемой. Ее реальность осталась бы абсолютно незамеченной.

Таким образом, кажется, что познания Вселенная лучше, чем непознанная. В первом случае мы имеем лучшее положение дел из возможных (даже если нам все еще трудно понять, что именно знание дает для самого познающего). Поэтому даже если быть живым и не являться чем-то ценным, для самого живого организма, — это благо для *Вселенной*. То, что мы живы и обладаем сознанием, позволяет ей избежать трагедии радикальной безвестности. Аналогичным образом ситуация обстоит и с *пользой*: какой смысл содержать всю эту энергию, если ни одно живое существо так никогда и не воспользуется ею? Возьмем, к примеру, Солнце: с появлением жизни оно приобретает жизненно важную функцию, являясь основой всей органической жизни нашей планеты; но если бы жизнь здесь никогда так и не возникла, тогда вся эта энергия была бы потрачена впустую, — и какой смысл *тогда* был бы в Солнце? Оно было бы просто массивным огненным шаром, висящим в пространстве безо всякого повода и не приносящим никакой пользы. Поддержание жизни является тем, что придает смысл существованию Солнца. Не то чтобы *его* это так или иначе волновало, но *нас* волнует то, что оно существует не просто так. Нам не нравится думать о Вселенной как о бесполезной и непознанной — это оскорбляет наш здравый смысл и соображения экономики. Зачем вообще создавать такую огромную и впечатляющую сущность, если она никогда ни для кого не будет иметь значения? Просто быть — не повод для существования. Нам не нравится думать о себе как о бесполезной и безвестной сущности, и мы распространяем то же самое чувство на Вселенную. Без наличия в ней познающей жизни Вселенная кажется нам колоссальной тратой времени и усилий, бессмысленной шуткой, онтологической ошибкой. Поэтому, когда мы рассматриваем Вселенную и наше место в ней, мы можем сказать себе, что придаем ей ценность просто тем, что осознаем ее, спасая ее тем самым от бремени бессмысленного существования. Быть живым — это благо, потому что мы придаем смысл 'жизни' Вселенной. Наша жизнь имеет ценность постольку, поскольку она придает ценность чему-то помимо нас — независимой от разума реальностью.

Однако, даже если в этих наших размышлениях что-то и есть (несмотря на безусловные натяжки), нам все же не удалось найти защиту идеи о том, что быть живыми является для *нас* благом. Мы нашли ценности в жизни (удовольствие, таланты и связанные с ними достижения), но мы не нашли никакой безусловной ценности *того, чтобы* жить. Для нас это довольно мрачный и неутешительный результат, но у него есть и положительная

сторона: смерть теперь не кажется такой уж однозначно *плохой* вещью. Если мы не можем сказать, что сама по себе жизнь является чем-то ценным, значит, по сути своей она не имеет никакого превосходства над смертью: жизнь как таковая ничем не лучше смерти. Действительно, будучи живыми, мы можем реализовать блага, которые невозможны в мертвом состоянии (удовольствие, творчество, добродетель и т.д.), но само по себе состояние жизни не превосходит состояние смерти. Нет ничего, по сути, ценного в том, чтобы *просто* быть живым, даже если, являясь таковыми, мы не испытываем ни боли, ни страданий. Гены промыли нам мозги и заставили поверить, что жизнь, в отличие от смерти, является высшим благом, но рациональное исследование не выявило никаких прочных оснований для такого рода инстинктивной веры. Если жизнь по тем или иным причинам становится невыносимой, мы не нарушаем никаких нормативных принципов, когда принимаем решение перейти в состояние смерти. Нас нельзя обвинить в отрицании безусловного базового блага, если мы прекращаем жизнь, в которой нет ничего ценного. Жизнь на самом деле может быть чем-то ценным в силу того, что в ней есть действительно ценные вещи, но не тогда, когда ситуация в ней складывается прямо противоположным образом.

Примечания переводчика

¹ Теория самоконтроля [The Self-Monitoring Theory of Mind] впервые была предложена американским социальным психологом Марком Снайдером [1–4] в качестве объяснения того, в какой степени диспозиционные установки людей определяют их актуальное поведение. Согласно Снайдеру, индивидуальные различия в степенях самоконтроля должны помочь объяснить, почему поведение некоторых людей отражает их диспозиционные установки, тогда как у других людей между поведением и диспозиционными установками наблюдается крайне слабая степень соответствия. Он предположил, что, когда человек отслеживает свое поведение, он наблюдает за поведением и действиями других людей, а также контролирует то, какое внешнее выражение получает его индивидуальное поведение. Люди с высоким уровнем самоконтроля постоянно контролируют поведение окружающих людей и на этой основе определяют и корректируют свое поведение и действия. Люди, обладающие низким уровнем самоконтроля и не контролирующие свое поведение в зависимости от поведения окружающих людей, пытаются привести внешнее выражение своего индивидуального поведения скорее в соответствие со своими феноменальными ощущениями, чем с реальной ситуацией или поведением окружающих людей. В отличие от людей с высоким уровнем самоконтроля, поведение которых в основном определяется сложившейся реальной ситуацией, люди с низким уровнем самоконтроля в моменты актуального действия следуют своим внутренним сигналам и чувствам.

Библиографический список

1. Snyder M. Self-Monitoring of Expressive Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1974. Vol. 30, № 4. P. 526–537. DOI: 10.1037/h0037039.
2. Snyder M., Monson T. Persons, Situations, and the Control of Social Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. Vol. 32, № 4. P. 637–644. DOI: 10.1037/0022-3514.32.4.637.
3. Snyder M., Tanke E. D. Behavior and Attitude: Some People Are More Consistent Than Others // Journal of Personality. 1976. Vol. 44, № 3. P. 501–517. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1976.tb00135.x.

4. Snyder M. Self-Monitoring Processes // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1979. Vol. 12. P. 85–128. DOI: 10.1016/s0065-2601(08)60260-9.

Сведения о переводчике

КОЧНЕВ Роман Леонидович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, медиа и журналистики Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

SPIN-код: 7887-8053

AuthorID (РИНЦ): 961891

ORCID: 0000-0001-9064-1175

ResearcherID: AAZ-6320-2021

Адрес для переписки: r.l.kochnev@utmn.ru

Источник перевода: McGinn C. *Why Is It Good to Be Alive?* // *Philosophical Provocations: 55 Short Essays*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. P. 269–274.

Ссылка на полный текст эссе: https://www.google.ru/books/edition/Philosophical_Provocations/OAQxDwAAQB_AJ?hl=ru&gbpv=1&dq

Для цитирования

МакГинн К. Почему быть живым — это благо? = McGinn C. *Why Is It Good to Be Alive?* / пер. с англ. Р. Л. Кочнева // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 4. С. 94–98. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-94-98.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023 г.

© К. МакГинн

UDC 171

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-94-98

EDN: IETORP

C. McGinn

Jesus College,
University of Oxford,
Oxford, UK

Translated from English
R. L. KOCHNEV

Tyumen State University,
Tyumen

WHY IS IT GOOD TO BE ALIVE?

The essay raises the problem of the value of life. For living organisms like us, it appears to be an unconditionally good. It seems that the necessary grounds for such an attitude must be in the ontological structure of life itself. But an impartial analysis shows that the value of life is something external to life itself.

Keywords: life, death, value, pleasure, knowledge.

References

1. Snyder M. Self-Monitoring of Expressive Behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. Vol. 30, no. 4. P. 526–537. DOI: 10.1037/h0037039. (In Engl.).

2. Snyder M., Monson T. Persons, Situations, and the Control of Social Behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1975. Vol. 32, no. 4. P. 637–644. DOI: 10.1037/0022-3514.32.4.637. (In Engl.).

3. Snyder M., Tanke E. D. Behavior and Attitude: Some People Are More Consistent Than Others // *Journal of Personality*. 1976. Vol. 44, no. 3. P. 501–517. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1976.tb00135.x. (In Engl.).

4. Snyder M. Self-Monitoring Processes // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1979. Vol. 12. P. 85–128. DOI: 10.1016/s0065-2601(08)60260-9. (In Engl.).

Media and Journalism Department, University of Tyumen, Tyumen.

SPIN-code: 7887-8053

AuthorID (RSCI): 961891

ORCID: 0000-0001-9064-1175

ResearcherID: AAZ-6320-2021

Correspondence address: r.l.kochnev@utmn.ru

For citations

McGinn C. *Why Is It Good to Be Alive?* / trans. from Engl. R. L. Kochnev // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 94–98. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-94-98.

About the translator

KOCHNEV Roman Leonidovich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of Philosophy,

Received September 26, 2023.

© C. McGinn

УДК: 171

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-99-115

EDN: MSYYLB

А. В. МЕРЦАЛОВ

Московский центр
исследования сознания,
г. Москва

В ЗАЩИТУ СТАНДАРТНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: МОЖЕТ ЛИ ЛИЧНОСТЬ БЫТЬ ТИПОМ?

В статье представлена защита стандартной психологической теории тождества личности во времени от критики, предложенной Марком Уокером. Уокер полагает, что стандартная психологическая теория неспособна справиться с так называемыми случаями ветвления в контексте вопроса о моральной и юридической ответственности, и отстаивает преимущества подхода к проблеме тождества личности с привлечением теории типов и токенов. Я полагаю, что привлечение теории типов и токенов скорее лишь усугубляет проблемы, для решения которых Уокер пытается ее применить, и что концептуальных средств стандартной психологической теории достаточно для адекватного анализа случаев ветвления.

Ключевые слова: тождество личности, моральная ответственность, стросонианские теории, психологическая теория тождества личности, теория типов и токенов, ветвление.

Введение. Данная статья продолжает обсуждение работы Марка Уокера «Ветвление — это не баг, а фича...» [1, 2], начатое в предыдущем номере настоящего журнала в свете публикации её перевода на русский (см. [3, 4]). В этой работе Уокер (вслед за многими другими философами) указывает на недостаточность концептуальных средств *стандартной психологической теории* (далее — СПТ) для решения проблемных случаев *ветвления* (branching) в контексте вопроса о моральной и юридической ответственности и отстаивает преимущества подхода к проблеме тождества личности с привлечением концептуальной схемы различия типов и токенов. Я полагаю, что недостатки предлагаемого Уокером подхода значительно перевешивают достоинства, а также что концептуальных средств СПТ достаточно для адекватного анализа упомянутых проблемных случаев. Для демонстрации этого в первой части настоящей статьи я кратко изложу базовую концептуальную схему СПТ. Во второй части я рассмотрю некоторые из случаев ветвления, считающиеся одними из наиболее проблемных для данной теории. В третьей части я представлю решение этих случаев с привлечением различия типов и токенов, предлагаемое Уокером. Четвертая часть будет посвящена критике его подхода: я покажу, что отстаиваемое Уокером решение не является методологически оправданным, обременено множеством проблем его практического применения и, более того, вряд ли вообще является возможным. В пятой части я обращусь к анализу оснований, в силу которых СПТ обычно признаётся неудовлетвори-

тельной: я попытаюсь показать, что представление о неспособности этой теории справиться со случаями ветвления, выступающее основным мотивом для модификации и дополнения СПТ сторонними концептуальными средствами, по всей видимости, покоится на заблуждениях, рассеивание которых позволяет продемонстрировать достаточность концептуальных средств этой теории для адекватного анализа случаев ветвления. Однако решение вопроса о моральной ответственности в этих случаях зависит в том числе от условий уместности ее возложения. И в шестой части я обращусь к анализу этих условий, выделяемых в ведущих современных теориях моральной ответственности. Их учет и формулировка в терминах СПТ позволит в седьмой части представить решение в рамках данной теории вопроса об уместности возложения моральной ответственности в случаях ветвления, традиционно считающихся для нее наиболее проблемными.

1. Стандартная психологическая теория тождества личности. Проблема тождества личности — это, грубо говоря, вопрос о том, что обеспечивает сохранение личности во времени «той же самой» (the same): в силу чего вы сегодня — та же самая личность, какой были вчера, неделю или год назад¹? Согласно СПТ², это обеспечивается определённого рода психологическими связями, которые вы сегодня имеете с той личностью, какой вы были прежде. Среди них обычно различают отношения психологической связности (connectedness), психологической непрерывности (continuity), R-отношение и отношение нумерического тождества личности.

Базовым для СПТ является понятие *прямой психологической связи* (direct psychological connection) — непосредственного сохранения у личности тех или иных психологических элементов: черт характера, убеждений, воспоминаний, желаний и др. Между личностью, которая вчера вечером легла на вашу подушку, и личностью, какой вы проснулись сегодня, таких связей обычно сохраняются многие тысячи: сегодня вы помните почти всё то же, что помнили вчера, сохранили подавляющую часть убеждений, что имели вчера, стремитесь примерно к тому же, к чему стремились вчера и т.д. Сохранение множества подобного рода психологических элементов, которое можно представить в виде отношения *психологической связности*, согласно психологической теории, как раз и обеспечивает то, что вы сегодняшний — та же самая личность, что и вы вчерашний. Таких прямых психологических связей у личности изо дня в день может сохраняться больше или меньше: отношение психологической связности имеет степени. И если представить, что сегодня у вас осталось только одно воспоминание, одно убеждение и/или одно стремление из всех, что имелись у вас вчера, вы сегодняшний будете радикально отличаться от себя вчерашнего и связность между вами сегодняшним и вами вчерашним будет столь слабой, что, согласно психологической теории, вы сегодняшний просто не будете той же самой личностью, какой были вчера. Чтобы сегодняшняя личность была той же самой, что была вчера, у неё должно сохраняться *достаточное* количество прямых психологических связей, обеспечивающих *сильную* психологическую связность. Различные версии психологической теории могут по-разному определять эту меру достаточности. В рамках СПТ обычно принимается широкая трактовка, предлагаемая, в частности, Дерекком Парфитом, в соответствии с которой о сильной психологической связности можно говорить только в случае, если «количество прямых связей изо дня в день будет составлять, по крайней мере, половину того количества связей, которые изо дня в день имеются в жизни практически каждой реальной личности» [8, р. 206].

Отношение сильной психологической связности является достаточным, но не необходимым условием сохранения личности во времени той же самой. Притом что вы сегодняшний можете быть сильно психологически связны с собой вчерашним, а вы вчерашний — с собой позавчерашним и т.д., вы сегодня можете сохранять не так уж много черт характера, воспоминаний и убеждений из тех, какие были у вас 10 или 20 лет назад: между вами нынешним и вами десятилетия назад в лучшем случае может иметься лишь слабая психологическая связность. Тем не менее обычно мы считаем вполне корректным говорить, что вы сегодняшний являетесь той же самой личностью, что были тогда. Согласно СПТ, основанием тому служит отношение *психологической непрерывности*, под которым понимается наличие цепочки пересекающихся звеньев сильной связности. Вы сегодняшний можете быть существенно отличны в психологическом плане от того, каким были десятилетия назад, но если сквозь все эти годы проходит неразрывная цепочка пересекающихся звеньев сильной психологической связности, имевшейся у вас изо дня в день на протяжении этих лет, можно утверждать, что между вами нынешним и вами десятилетия назад имеется психологическая непрерывность, в силу которой вы

сегодняшний будете оставаться той же самой личностью, что были тогда.

Психологическая непрерывность может сохраняться в силу разных причин. Психологическая непрерывность с «правильным» типом причины именуется *R-отношением*. Различные версии психологической теории могут признавать правильными разные типы причин. Стандартно выделяют *обычные* (normal) причины, такие как непрерывное существование мозга и/или тела личности, *надёжные* (reliable) причины, обеспечивающие достоверное сохранение психологической непрерывности, каковыми могут выступать не только обычные причины, но и, например, некоторые гипотетические технологии (наподобие телепорта), и даже просто *любые* (any) причины. Сидни Шумейкер, например, подчеркивает значимость такого типа причинной связи, релятами которой выступают только ментальные состояния [10, р. 277–80]; Уолтер Глэзон признаёт правильным обычный тип причины [12, р. 231–49]; Дерек Парфит в общем случае готов признать правильным любой тип причины [8, р. 215]. Поскольку и здесь позиция Парфита представляется наиболее широкой, ее можно принять в качестве базового положения СПТ.

Будучи более широким отношением, чем психологическая связность³, R-отношение признаётся не только достаточным, но и необходимым условием сохранения личности во времени той же самой. Этим объясняется центральная роль R-отношения в рамках СПТ: X является той же самой личностью, что и Y, если и только если X и Y находятся в R-отношении, то есть в отношении психологической непрерывности с правильным типом причины⁴. При этом R-отношение не эквивалентно отношению нумерического тождества личности. В отличие от последнего, R-отношение может связывать личность в один момент времени более чем с одной личностью в другой момент, тогда как нумерическое тождество всегда является взаимнооднозначным. В этом смысле нумерическое тождество является подтипом R-отношения: это *неразветвленное* R-отношение. Поскольку R-отношение и отношение нумерического тождества не эквивалентны, СПТ допускает возможность таких случаев, когда личность в один момент времени будет находиться с личностью в другой момент времени в R-отношении, но при этом не будет ей тождественна. Случаи такого рода называются *случаями ветвления*. Они традиционно считаются проблемными для СПТ: считается, что подобные случаи демонстрируют абсурдность выводов, к которым ведёт данная теория, что особо отчетливо проявляется в контексте вопроса о моральной и юридической ответственности.

2. Случаи ветвления личности. Одним из классических примеров ветвления, представляемых в качестве проблемных для СПТ, является случай деления (division) личности⁵. Наиболее известная его формулировка принадлежит Парфиту: «Моё тело получило несовместимые с жизнью повреждения, как и мозги двух моих братьев. Мой мозг разделили, и каждую из его половин успешно пересадили в тело каждого из моих братьев. Каждая из получившихся в итоге личностей считает себя мной, обладает моим характером, каждой из них кажется, что она помнит, как проживала мою жизнь, и во всех остальных отношениях каждая из них психологически непрерывна со мной. И каждая из них обладает телом, которое очень схоже с моим» [8,

р. 254 – 255]. Назовем Левшой ту итоговую личность, которой досталась левая половина мозга исходной личности, или Оригинала, а ту, которой досталась правая половина, — Правшой. Каждая из итоговых личностей обладает по меньшей мере половиной психологических черт, которыми обладал Оригинал, а стало быть, сильно психологически связана с Оригином; при этом психологическая непрерывность, следующая из сильной связности, в данном случае обеспечивается обычной причиной, сохранением (части) мозга исходной личности, в силу чего можно сделать вывод о том, что каждая из итоговых личностей будет находиться в R-отношении с Оригином, а значит, согласно СПТ, будет той же самой личностью, что и Оригинал. Если, как это традиционно делается, отношение 'быть той же самой личностью' понимать как отношение нумерического тождества, тогда придется заключить, что (i) Левша нумерически тождествен Оригину и (ii) Правша нумерически тождествен Оригину; однако очевидно, что (iii) Левша нумерически не тождествен Правше — после успешно проведенной операции по пересадке полушарий мозга они становятся двумя разными личностями⁶. Как отмечает Марк Уокер, рассматривая данный пример: «Эти выводы абсурдны, если принять тезис о том, что истинные высказывания о тождестве транзитивны. Но в этом случае триада наших высказываний (i) – (ii) – (iii) содержит противоречие. И поэтому в действительности должно быть так: либо Левша и Правша — это одна и та же личность, либо Левша или Правша (а может быть, и они оба — и Левша, и Правша) не тождественны Оригину»⁷ [2, с. 107].

С аналогичными трудностями СПТ сталкивается, как обычно считается, и в случаях ветвления иного рода — в ситуациях копирования (copying) личности. Один из примеров такого рода является центральным для работы Уокера. Опуская подробности, его можно представить следующим образом. Незадолго до своей кончины Гитлер (*H1*), совершивший страшные преступления против человечества, пользуясь передовыми инопланетными технологиями, создает своего точного и полного физического дубликата (*H2*). Последний обладает всеми воспоминаниями, убеждениями и прочими психологическими чертами оригинального Гитлера, на момент создания являясь его полной психологической копией. Таким образом, *H2* находится в отношении столь же сильной психологической связности с Гитлером, каким он был до дубликации, что и оригинальный Гитлер после дубликации; и хотя предполагается в данном случае причина психологической непрерывности необычна, ее можно считать достаточно надежной, чтобы не оставалось сомнений в том, что *H2* и оригинальный Гитлер находятся в R-отношении. Согласно СПТ, это означает, что *H2* — та же самая личность, что и оригинальный Гитлер. Но то же можно сказать и про *H1* после операции, психологическая непрерывность которого с Гитлером до операции сохраняется в силу обычных причин⁸. И здесь, как предполагается, СПТ сталкивается с аналогичной трудностью, что и в примере выше: притом что и *H1* после операции, и *H2*, будучи каждая связаны R-отношением с оригинальным Гитлером, должны признаваться той же самой личностью, что и оригинальный Гитлер, *H1* и *H2* не тождественны, и, по сюжету, вскоре *H1* кончает жизнь самоубийством, а *H2* предстаёт перед судом. Представление о том, что *H2* — та же самая личность, что и оригинальный Гитлер,

поскольку они связаны R-отношением, побуждает считать, что на *H2* было бы уместным возлагать моральную и юридическую ответственность за совершенные оригинальным Гитлером преступления. Однако, поскольку *H1* и *H2* не тождественны и *H2* не существовал на момент совершения оригинальным Гитлером преступлений, необходимо, как представляется, признать, что *H2* не совершал преступлений оригинального Гитлера; и так как моральную и юридическую ответственность за преступления было бы неуместно возлагать на того, кто их не совершал, *H2* должен быть признан невиновным. Таким образом, кажется, что СПТ в данном случае приводит к неразрешимой моральной дилемме, что должно указывать на несостоятельность этой теории.

3. Решение Уокера: теория типов и токенов.

Уокер считает, что *H2* должен понести наказание. Одним из главных оснований для этого решения, насколько можно судить, служит та простая интуиция, что, создав полную физическую и психологическую копию Гитлера, мы не получим одного Гитлера и одну невинную личность — мы получим двух Гитлеров. Создав копию преступника, мы получим двух преступников; и, если мы полагаем, что преступники должны нести наказание, они, как кажется, должны нести его вне зависимости от того, являются ли они оригиналами или копиями. В пользу этого Уокер приводит и практические соображения: он полагает, что освобождение копий исходной личности от ответственности грозит лишить закон и мораль их сдерживающей функции. Если принять, что копии личностей не должны нести ответственности за действия оригиналов, реализация технологии дубликации приведёт к кратному увеличению числа преступных личностей в обществе, что грозит обернуться «катастрофическим ростом преступности» [2, с. 104], и «в этом случае распад любого цивилизованного общества не заставит себя долго ждать» [2, с. 105] — и эта угроза, насколько можно понять, воспринимается Уокером как вполне реальная, поскольку сама технология создания точных и полных копий личностей представляется им реально возможной (не противоречащей актуальным законам природы) и могущей быть реализованной в будущем [2, с. 102 – 103]. Во избежание столь катастрофического сценария дубликаты, включая *H2*, по Уокеру, должны нести наказание за преступления своих оригиналов. Однако, подчёркивает Уокер, их наказание должно быть *заслуженным*: предупреждение будущих преступлений не является основанием для наказания невиновных. Но как *H2* может заслуживать наказания, быть уместным объектом возложения моральной и/или юридической ответственности, если *H1* и *H2* нумерически не тождественны и в тот момент, когда оригинальный Гитлер, *H1*, совершал свои преступления, *H2* не существовал и потому, очевидным образом, не совершал этих преступлений?

Для ответа на этот вопрос Уокер предлагает обратиться к различию типов и токенов. Стоит отметить, что Уокер не является новатором в привлечении этого различия к проблеме тождества личности. Рассуждения на этот счёт в контексте обсуждения проблемы ветвления можно найти, в частности, у Бернарда Уильямса [17, р. 80 – 81], Эндрю Бреннана [19, р. 48 – 50; 20], Дерека Парфита [8, р. 293 – 297] и ряда других теоретиков. Само же это различие было введено Чарльзом Пирсом в первую очередь для нужд логики и философии языка [21,

р. 423–424], найдя впоследствии широкое применение во множестве иных областей философии. В целом под типами обычно имеются в виду абстрактные сущности, а под токенами — их конкретные физические инстанции (воплощения, реализации и т.п.). В этом смысле, например, «когда мы собираемся в книжном клубе, желая обсудить *Великого Гэтсби*, не будет ошибкой сказать, что мы принесли четыре книги, чтобы поговорить об одной книге... Мы читаем один и тот же тип книги, но не одни и те же токены, — у каждого из нас имеется свой экземпляр. Тип книги индивидуализируется ее содержанием; токены же книг различаются (по крайней мере частично) их физическими характеристиками» [2, с. 109]. Согласно Уокеру, деление на типы и токены применимо также и к личностям при решении вопроса об их тождестве во времени: «Ключевая идея этого подхода заключается в следующем: подобно токенам книги, каждый токен личности имеет определенные физические характеристики. Токены личностей различимы благодаря разным телам. Так же как разные типы книг индивидуализированы своим содержанием, типы личностей индивидуализированы психологическими состояниями» [2, с. 110].

Применение данного различия позволяет представить *H1* и *H2* в качестве двух токенов одного типа личности, обозначаемого Уокером как «*ГИТЛЕР*», и признать справедливыми следующие положения: а) «Лишь один тип личности совершил преступления против человечества», а именно — *ГИТЛЕР*; б) «Лишь один токен личности совершил преступления против человечества», а именно — *H1*; в) «*H1* и *H2* не тождественны как токены... *H1* и *H2* имеют разные тела; этого достаточно, чтобы различать их как два разных токена, даже если они тождественны как тип»; г) «*H1* и *H2* тождественны как тип, поскольку обладают идентичным психологическим 'содержанием' и сохраняют отношения психологической <непрерывности>» [2, с. 110].

Принятие этих положений позволяет Уокеру заключить, что тот факт, что *H1* и *H2* не тождественны как токены и преступления совершал именно *H1*, но не *H2*, не является основанием для признания *H2* невиновным. Ответственность, отмечает он, «сущностным образом связана с психологическими состояниями» [2, с. 110], но психологические состояния индивидуализируют типы, а не токены личностей⁹. И так как «*H1* и *H2* разделяют соответствующие психологические состояния и эти психологические состояния служат локусом ответственности за преступления против человечества», они также разделяют и равную ответственность» [2, с. 110]. Поскольку, по Уокеру, ответственность возлагается на личности в силу их психологического состояния, а последнее характеризует типы, а не токены личностей, объектами возложения ответственности являются именно типы личностей; а это значит, наказание за совершённые преступления должны нести все токены одного типа, будь их один, два или сколь угодно много. При этом Уокер стремится сохранить положение о том, что ответственность за некоторое действие должна нести та же самая личность, которая его совершила. С этой целью он отрицает общее утверждение о том, что *H1* и *H2* не являются тождественными: «Даже если *H2* и является отличным от *H1* токеном, он разделяет с ним один и тот же (преступный) тип личности» [2, с. 110], и поскольку именно такое типовое тождество, по Уокеру, релевантно для ре-

шения вопроса об ответственности, *H1* и *H2* оказываются тождественными в нужном смысле, чтобы на *H2* было уместно возлагать ответственность за преступления оригинального Гитлера. Признание того, что «ответственность за преступления против человечества лежит на *ГИТЛЕРЕ*, и на этом основании такие токены *ГИТЛЕРА*, как *H2*, могут быть привлечены к ответственности», и позволяет Уокеру сделать вывод, что «*H2* несет ответственность за преступления против человечества и поэтому заслуживает наказания. И так как *H2* будет привлечен к ответственности за преступления против человечества и соответствующим образом за них наказан, это позволит нам успешно реализовать функцию сдерживания» [2, с. 110].

Аналогичным образом, как демонстрирует Уокер, применение различия типов и токенов к проблеме тождества личности позволяет снять затруднения и в случаях ветвления иного рода, что говорит о преимуществах преимуществ предлагаемого им подхода и позволяет представить ветвление не неразрешимой проблемой, не 'багом', но элементом теории, её привлекательной особенностью, своеобразной 'фичей', что особенно ценно с учётом принимаемого Уокером допущения реальной возможности появления в будущем технологии копирования личности. Предлагаемое Уокером решение, однако, не лишено собственных проблем, которые, как я считаю, значительно перевешивают его достоинства.

4. Проблемы решения Уокера. Применение различия типов и токенов к проблеме тождества личности во времени подаётся Уокером в качестве возможного, методологически оправданного и имеющего определенные практические преимущества в решении вопросов моральной и юридической ответственности. Однако каждое из этих достоинств можно оспорить, и Уокер сам указывает на некоторые проблемные места его подхода [2, с. 111]. В данной работе у меня нет возможности подробно остановиться на каждом из них, упомяну лишь некоторые, сгруппировав их в три условных класса.

Первый класс затруднений можно назвать *методологическим*. Его составляют новые вопросы и проблемы, которые открываются перед теорией тождества личности при дополнении ее различием типов и токенов. Здесь в первую очередь важно подчеркнуть, что предлагаемое Уокером решение, как он сам указывает [2, с. 111], не является теорией тождества личности: оно не содержит ответа на вопрос о том, что обеспечивает сохранение тождества личности во времени, и не предлагает каких-либо критерия, позволяющего это тождество устанавливать и отслеживать.

Фактически, будучи лишь предложением дополнить дискуссию о тождестве личности концептуальным аппаратом различия типов и токенов, оно только удваивает проблему, и вместо одного вопроса о тождестве личности мы сталкиваемся с двумя: (1) о сохранении во времени тождества одного токена личности (о том, что сохраняет *H1* после дубликации тем же самым токеном, каким он был до дубликации); (2) о сохранении во времени тождества разных токенов как одного типа личности (о том, что сохраняет тождество *H1* и *H2* как одного типа *ГИТЛЕРА*). И хотя само по себе такое расширение проблемы тождества личности не является критичным, ни один из этих вопросов, как полагает и сам Уокер, не имеет на сегодняшний день удовлетворительного ответа.

В частности, поскольку токены личности, по Уокеру, индивидуируются физическими характеристиками их тел, критерий их тождества во времени должен быть, по всей видимости, критерием их физической непрерывности, а значит, — сталкиваться с хорошо известными проблемами, вроде парадокса корабля Тесея [2, с. 111] или проблемы конституции [22]. Что же касается вопроса о тождестве разных токенов личности как одного типа, то он сталкивается, по крайней мере, с двумя большими проблемами: проблемой вариативности токенов и проблемой множественности инстанцируемых ими типов.

Первая из них состоит в том, что не вполне ясно, сколь узким или сколь широким является предел вариативности токенов, чтобы они все еще могли считаться токенами одного типа. Так, если критерий индивидуации типов по их содержанию (что в случае типов личностей означает их индивидуацию по психологическим состояниям) принимать в жесткой форме, то малейшее изменение психологического состояния индивида (вызванное, например, простым переводом взгляда) будет превращать его в личность другого типа, подрывая основания для сохранения личности во времени той же самой, равно как и для сохранения ее ответственности за действия личности того типа, какой она была мгновение назад. Однако столь жесткий критерий обычно не применяется нами для установления типового тождества токенов в случаях, когда речь идет не о личностях: обычно мы допускаем, что токены одного типа могут иметь определенную вариативность. В частности, мы не считаем, что переиздание книги с исправлениями и дополнениями является публикацией нового произведения, или что незначительные отличия в исполнении песни делают их исполнениями разных песен и т.д. Это поднимает вопрос о пределе такой вариативности: сколь различными по своим психологическим состояниям могут быть токены, чтобы они все еще могли считаться токенами одного типа личности?

Уокер рассматривает пример, в котором *H1* и *H2* сосуществуют во времени, но при этом *H1* уже после дубликации нарушил правила дорожного движения, перейдя улицу в неподобающем месте, тогда как *H2* этого не делал [2, с. 111]. Согласно Уокеру, поскольку ответственность возлагается на тип, а не на токен личности, *H1* и *H2* будут являться токенами одного типа в том, что касается их преступлений против человечества, но токенами разного типа в том, что касается нарушения ПДД, за которое *H2* не будет нести ответственности. Это предполагает, что вариативность токенов одного типа должна быть довольно узкой, чтобы ухватывать подобное различие между *H1* и *H2* после дубликации. С другой стороны, такая вариативность должна быть довольно широкой, чтобы допускать, что токены *H1* и *H2* образца 1945-го года являются токенами того же типа, что и, например, токен молодого австрийского художника 1910-го года, коль скоро *H1* и *H2* будет справедливо называть авторами не только ужасных преступлений, но и некоторых картин. Установить же какой-то общий предел вариативности токенов, который был бы адекватно применим в любой ситуации, оказывается, по всей видимости, невозможным. Это, в свою очередь, подрывает возможность устанавливать принадлежность токенов к одному или к разным типам по принципу идентичности (или хотя бы подобия) их психологических состояний. Так, несмотря на почти полное психологическое сходство, нару-

шивший ПДД токен *H1* и токен *H2*, этого не делавший, будут принадлежать разным типам личности, тогда как токен художника, существенно отличающийся от них обоих в психологическом плане, будет принадлежать общему с ними типу, выделяемому по признаку авторства в отношении ряда картин. Сам Уокер в этой связи обращается к традиционным критериям психологической непрерывности [2, с. 110] и общности каузальной истории [2, с. 111], что, на мой взгляд, только укрепляет сомнения в методологической оправданности введения различия типов и токенов в контекст проблематики тождества личности во времени.

Проблема же инстанцируемости одним токеном разных типов личности, заключается в том, что не вполне ясно, принадлежность токена к каким типам следует считать значимой для установления релевантного типового тождества его с другим токеном. Типы могут выделяться практически по любым характеристикам и их сочетаниям. Можно, например, утверждать, что *H1* одновременно инстанцирует типы 'автор картин', 'преступник', 'нарушитель ПДД', а также типы 'автор картин и преступник', 'преступник и нарушитель ПДД', 'автор картин и нарушитель ПДД', равно как и тип 'автор картин, преступник и нарушитель ПДД'. По условиям примера, *H2* совпадает с *H1* по всем характеристикам, за исключением одной — он не нарушал ПДД. Однако даже такое минимальное различие приводит к тому, что общими для *H1* и *H2* будет менее половины типов (3 из перечисленных 7)¹⁰, а это вновь указывает на то, что близость психологических состояний токенов как таковая ничего не говорит об их принадлежности к одному или разным типам. Множественность инстанцируемых токенами типов также поднимает и проблемы атрибуции психологических состояний, действий и ответственности за них.

Представим, что *H1* придумал расистскую шутку. Какой тип личности будет характеризоваться этим психологическим состоянием? Должны ли мы будем сказать, что им будут характеризоваться все инстанцируемые *H1* типы личности? Или только те типы, что не инстанцируются больше ни одним токеном? Или что, придумав шутку, *H1* начал инстанцировать множество новых типов (вроде 'придумавшего шутку автора картин', 'придумавшего шутку преступника', 'придумавшего шутку автора картин и нарушителя ПДД' и т.д.), которые не были инстанцированы прежде? И, соответственно, какой из этих типов личности будет уместно за эту шутку осуждать? На все подобного рода вопросы также не обнаруживается хороших ответов¹¹.

Введение различия типов и токенов в контекст проблематики тождества личности, которое, по задумке, должно упрощать решение вопросов о моральной и юридической ответственности через признание нескольких различных токенов одним типом личности, единым объектом ответственности, в действительности ведет к умножению и токенов, и типов, и проблем, связанных с определением их тождества, из которых одни, по крайней мере на первый взгляд, не имеют хорошего решения вообще, тогда как другие требуют возврата к стандартным концептуальным средствам теорий тождества личности, вроде психологической непрерывности. В силу этого предлагаемое Уокером введение различия типов и токенов представляется методологически неоправданным.

Допустим, однако, что нам некоторым образом удалось снять все подобного рода методологические трудности. Это ещё не будет снимать проблем иного рода, в частности, носящих в большей степени практический характер. Проблемы этого второго класса связаны с вопросами влияния на нашу обычную практику межличностных отношений принятия допущения о том, что личности могут быть типами. Представим, что некто давно влюблен в Мэри Смит; и допустим, что только что она прошла процедуру дубликации, так что теперь одновременно существует множество ее копий. Что будет представлять собой любовь к Мэри Смит с учетом различия типа и токенов этой личности? Поскольку, по Уокеру, токены личности индивидуируются исключительно по их физическим телам, любовь к некоторому конкретному токеноу Мэри Смит, как отмечает Парфит, была бы сродни страсти и «чистой физической или сексуальной одержимости телом личности — одержимости, которую не заботит психологическая составляющая личности» [8, р. 295]. Привычный нам вид любви отличен от такого рода страсти, его заботит психологическое содержание личности. Но поскольку психологическое содержание, по Уокеру, характеризует не токены, а типы личностей, это была бы любовь к типу Мэри Смит. Любовь к типу, в отличие от привычной нам любви к индивидам, словами Уильямса, была бы похожа «на любовь к произведению искусства, воспроизводимому в разных формах... желание быть рядом с любимой личностью было бы подобно острому желанию услышать некое, пусть даже посредственное, исполнение 'Фигаро' — точно так же, как некто скорее пошел бы на самостоятельную провинциальную постановку 'Фигаро', чем предпочел бы вовсе не услышать 'Фигаро', некто скорее повидался бы с самой зачуханной Мэри Смит, оказавшейся неподалеку, чем предпочел бы вовсе не увидеться с Мэри Смит» [17, р. 81]. Уильямс заключает, что «при таком рассмотрении многое из того, что мы зовём любовью к личности, начинает трещать по швам» [17, р. 81]; и Парфит соглашается с ним в этом: «Такая любовь сильно отличалась бы от обычной любви и была бы возмутительна. Она угрожала бы многому из того, что мы ценим» [8, р. 297].

Рассуждения Уильямса и Парфита демонстрируют, каким образом привычные нам межличностные отношения способны обретать чуждые, извращенные и даже отталкивающие формы при привлечении различия типов и токенов. Но то же, как представляется, можно продемонстрировать не только для любви, но и для отношений благодарности и обиды, негодования и восхищения, равно как и для поощрения, наказания и иного рода позитивных и негативных санкций — для отношений, специфических для моральной и юридической ответственности, находящейся в фокусе внимания Уокера. Как отмечалось, по Уокеру, поскольку «психологические состояния служат локусом ответственности», и при этом психологические состояния характеризуют типы личностей, а не их токены, объектами возложения ответственности являются именно типы [2, с. 110]. Так, несмотря на то что «токен H2 не принимал физического участия в совершении преступлений против человечества... обвинение... выдвинуто именно против типа ГИТАЕРА» [2, с. 110], и, поскольку токен H2 принадлежит этому типу, по Уокеру, он должен понести наказание. Однако в общем случае ситуации, скажем,

уместной обиды на какого-то человека не являются ситуациями, в которых была бы уместной обида на всех людей 'того же типа'. Например, в случае, когда вы обратились к соседу по квартире слева за солью и получили грубый отказ, могло бы быть вполне уместным обидеться на этого соседа слева, но одно это еще не является поводом для уместности обиды на соседа справа или этажом выше, к которым вы не обращались, — даже если принять, что другие ваши соседи являются личностями 'того же типа' и точно так же отказали бы вам в грубой форме. Аналогичное, как представляется, верно и для случаев юридической ответственности. Возложение моральной и/или юридической ответственности на все токены одного типа вне зависимости от фактического совершения этими токенами предосудительных действий, несмотря на попытки Уокера представить такие ситуации в качестве проблемных и интуитивно приемлемых, фактически ведет к возложению ответственности (обиды или наказания) на невиновных, или к так называемому 'телеванию' (прибегая к используемому Уокером термину Джона Ролза [26, р. 11; 2, с. 106]), которое в сравнении с заслуженным и справедливым наказанием представляется столь же извращенным и возмутительным, что и любовь к типу личности в сравнении с привычной нам любовью. Таким образом, практическая имплементация различия типов и токенов личностей приводит, по всей видимости, к неприемлемому искажению привычных нам межличностных отношений, что служит доводом против предлагаемого Уокером подхода.

Наконец, третий класс затруднений связан с вопросом о том, могут ли личности в принципе быть типами и, в частности, могут ли типами быть такие личности, как мы. Тип — это абстрактная сущность, универсалия, подобная числам. И ключевая проблема здесь даже не в том, что на типы представляется затруднительным возлагать ответственность¹², а в том, что, по всей видимости, мы в принципе не можем быть абстрактными сущностями. В частности, как отмечает Парфит, если мы принимаем, что личность есть нечто, что может начать существовать и перестать существовать, личность не может быть типом: «...если бы я был типом личности, я в принципе не мог бы перестать существовать. Даже если бы сейчас не существовало токенов моего типа личности, существовал бы сам этот тип личности. Тип личности выжил бы даже при уничтожении Вселенной... Мы не можем считать себя абстрактными сущностями» [8, р. 296–297]. К тому же выводу приходит и Эрик Олсон, отмечая, что абстрактные объекты, в отличие от обычных, являются неизменяемыми и каузально инертными сущностями: «Универсалии ничего не делают. Они не совершают никаких действий. Они не подвержены изменениям... Универсалии бездействительны и неизменны. Но я не являюсь бездействительным и неизменным... Иногда я чувствую усталость, иногда слышу, как дует ветер, иногда мечтаю оказаться где-нибудь в другом месте — а иногда нет. Не может быть так, чтобы эти внутренние изменения во мне, кажущиеся реальными, на самом деле были лишь Кэмбриджскими изменениями. Не может быть, чтобы, когда мне кажется, что я устаю, в действительности уставало бы нечто иное — конкретный инстанцирующий меня человеческий организм — тогда как сам я всегда оставался бы неизменным. Если я являюсь универсалией, то я не мыслю и не действую — по крайней мере, в собственном

смысле. Тот, кто мыслит эти мысли и является автором этих слов, не является универсалией. Но разве не я мыслю эти мысли и являюсь автором этих слов? Если существует некая конкретная вещь, которая мыслит мои мысли и совершает мои действия, а также неизменная универсалия, которая может быть названа мыслящей и действующей лишь в слабом смысле наличия ее конкретной мыслящей и действующей инстанциации, разве не очевидно, что я буду этой конкретной вещью?» [23, р. 148–149].

К выводу о том, что мы не можем быть типами личности, можно прийти и от наблюдений за тем, как осуществляется референция используемых нами имен и местоимений, обозначающих личности¹³. Допустим, *H1* нарушил ПДД и говорит: 'Я нарушил ПДД'. Это высказывание истинно. Но к чему отсылает произнесенное им местоимение 'я'? Оно может указывать либо на токен, либо на тип личности. Если оно указывает на тип, то произнесенное *H1* высказывание будет ложным, поскольку существуют токены личностей одного с ним типа (например, *H2*), которые не нарушали ПДД и для которых будет истинным обратное утверждение: 'Неверно, что я нарушил ПДД'. Таким образом, если *H1* нарушил ПДД и произносит истинное высказывание 'Я нарушил ПДД', употребляемое им местоимение 'я' может указывать только на токен личности. То же, как представляется, справедливо и для любых иных случаев употребления личных местоимений, а также имен собственных. Но если 'я' всегда указывает на токен личности, тогда высказывание 'Я есть тип личности' всегда будет ложным. А если мы не можем истинно утверждать, что являемся типами, мы не можем быть типами.

Отстаиваемое Уокером решение проблемных случаев ветвления с привлечением различия типов и токенов личности, позиционируется им в качестве возможного, методологически оправданного и имеющего практические преимущества. Тем не менее каждое из этих достоинств можно поставить под сомнение: существуют весомерные основания полагать, что предлагаемый Уокером подход не способствует решению, но скорее лишь умножает проблемы, в силу чего не является методологически оправданным, что в практическом отношении он скорее влечёт искажение, если не извращение привычных нам межличностных отношений, представляющееся неприемлемым, и что личность в принципе не может быть типом, и следовательно, что решение Уокера является несостоятельным.

5. Источники критики стандартной психологической теории. Основным мотивом привлечения различия типов и токенов в контекст проблематики тождества личности для Уокера выступает неудовлетворенность имеющимися решениями вопросов моральной и юридической ответственности в случаях ветвления в рамках психологической теории. Считается, что СПТ неспособна представить адекватный анализ случаев копирования, деления и иного рода мультипликации личности и дать ответ на вопрос о том, на какую из итоговых личностей было бы уместным возлагать ответственность за действия исходной. Рассматриваемые Уокером модификации этой теории, предполагающие запрет на ветвление, либо допущение существования итоговых личностей еще до момента ветвления, как в теории Дэвида Льюиса [9], также не лишены собственных проблем. Это может побуждать либо, как Уокера, к попыткам дополнения СПТ сторонними

концептуальными средствами для анализа случаев ветвления, либо, как многих других теоретиков, к отказу от психологической теории в целом. Однако я полагаю, что ресурсы СПТ сильно недооценены. Я считаю, что их достаточно для адекватного анализа случаев ветвления. Неблагоприятная оценка возможностей СПТ, насколько я могу судить, имеет два основных источника, и оба они должны быть отвергнуты.

Одним из таких источников является трактовка отношения 'быть той же самой личностью' как отношения нумерического тождества. Как это подчеркивалось мной во второй части настоящей статьи, в случаях ветвления принятие данной трактовки действительно ведет к абсурдным выводам, отмечаемым Уокером, Парфитом и многими другими теоретиками: в случае деления, равно как и в случае копирования, каждая из итоговых личностей, согласно СПТ, является той же самой личностью, что и оригинальная, и если отношение 'быть той же самой личностью' понимать через нумерическое тождество, то в силу транзитивности отношения тождества итоговые личности также должны считаться тождественными друг другу, а поскольку они очевидным образом не тождественны, мы неизбежно приходим к противоречию. Однако сторонники СПТ, по всей видимости, не просто не обязаны, но и не должны принимать такую трактовку. Действительно, как это отмечалось мной в первой части статьи, в рамках СПТ отношение 'быть той же самой личностью' понимается через R-отношение; но R-отношение отличается от нумерического тождества, которое в рамках СПТ совпадает лишь с его частным случаем — неразветвленным R-отношением. Соответственно, при приложении СПТ к случаям ветвления (как, впрочем, и к любым иным случаям) отношение 'быть той же самой личностью' также должно пониматься через R-отношение, а не через нумерическое тождество.

Такая трактовка не является неким неожиданным следствием СПТ, но входит в число ее базовых положений, и потому простое ее отрицание или игнорирование не может служить основанием для критики данной теории. Поэтому, например, когда Уокер, представляя СПТ и определяя отношение 'быть той же самой личностью' ('the same person') в ней через психологическую непрерывность (учет причин которой дает R-отношение), тут же переходит к анализу случая деления в терминах тождества [1, р. 181], он совершает подмену понятий, вследствие чего представляемая им критика бьет мимо СПТ. Эта ошибка, впрочем, не является недостатком исключительно подхода Уокера, но является довольно распространенной и характерной для многих других критиков СПТ.

Одной из причин ее распространенности, по всей видимости, может выступать неочевидность того, каким образом вообще одна личность может быть 'той же' (*the same*), что и другая, но при этом не быть с ней 'одной и той же' личностью (*one and the same person*), то есть не быть с ней нумерически тождественной. Действительно, в обыденной жизни эти отношения — первое из которых является более широким, чем второе, включая его в себя как вид — всегда, как кажется, совпадают, и мы нередко считаем описывающие их выражения синонимичными. Однако рассматриваемые в мысленных экспериментах необычные случаи, в которых одно отношение сохраняется в отсутствие другого, вроде случаев ветвления, как раз и демонстрируют их раз-

личие, и это различие имеет явную практическую значимость. Предполагается, что в случаях ветвления (деления, копирования и т.п.) мы можем вполне резонно задаваться вопросами об уместности возложения моральной и юридической ответственности на какие-то из итоговых личностей за действия исходной, о переносе любви с оригинала на копию, о выживании исходной личности и т.д., поскольку в некотором релевантном смысле итоговая личность остаётся 'той же самой', что и исходная. Однако в подобного рода случаях отношение нумерического тождества между исходной и итоговыми личностями не сохраняется. Это указывает не только на то, что отношение 'быть той же самой личностью' и отношение нумерического тождества различны, но и на то, что, поскольку в отсутствие нумерического тождества сохранение оснований для возложения ответственности, любви и т.п. представляется возможным, они должны обеспечиваться не нумерическим тождеством, но именно этим вторым отношением. Но если возложение ответственности (любовь, выживание и т.п.) в случаях ветвления обеспечиваются отношением 'быть той же самой личностью', а не нумерическим тождеством, то и в обычных случаях они, по-видимому, должны обеспечиваться им же, пусть даже в обычных случаях отношение 'быть той же самой личностью' и нумерическое тождество всегда идут вместе [8, р. 279, р. 282–283].

СПТ обладает всеми необходимыми концептуальными средствами для анализа подобного рода случаев, для прояснения различия между указанными отношениями и для раскрытия релевантного для обозначенных практических вопросов смысла, в котором при ветвлении итоговая личность остаётся 'той же самой', что и исходная. Согласно СПТ, сохранение личности во времени той же самой, а вместе с тем и основания для переноса с прошлой личности на будущую ответственности, любви и т.п. обеспечивается сохранением изо дня в день существенной части конституирующих данную личность психологических элементов (черт характера, убеждений, воспоминаний и т.д.), то есть психологической связностью, или непрерывной цепочкой пересекающихся звеньев такой связности с правильным типом причины, то есть R-отношением. Наличие же или отсутствие ветвлений в этой цепочке просто не имеет значения для сохранения ее непрерывности, которой определяется продолжающееся существование личности той же самой, — R-отношение допускает ветвление. Соответственно, например, в случае деления, хотя и Левша, и Правша будут той же личностью, что и Оригинал (поскольку каждую из итоговых личностей будет связывать с ним R-отношение), они не будут с ним одной и той же личностью (поскольку две личности не могут быть тождественны одной: $2 \neq 1$). И хотя Левша, как и Правша, будет той же личностью, что и Оригинал, Левша не будет той же личностью, что и Правша, как и наоборот, потому что они не будут находиться друг с другом в R-отношении. Аналогичное верно и для $H1$ и $H2$ в случае копирования. И поскольку R-отношение не является транзитивным, СПТ избегает противоречий, возникающих при трактовке отношения 'быть той же личностью' через нумерическое тождество.

Насколько я могу судить, к прояснению различия отношений 'быть той же' и 'быть одной и той же' личностью стремится и сам Уокер: игнорируя их разведение в рамках СПТ, он пытается заново

ввести его через различие типов и токенов, которое позволяло бы ему утверждать, что $H2$, равно как и $H1$ после дубликации, есть та же самая личность, что и исходный Гитлер (как тип), и одновременно что $H1$ и $H2$ — не одна и та же личность, что они нумерически не тождественны (как токены). Однако различие типов и токенов не является вполне адекватным инструментом для такого рода различения: одна личность может не быть 'той же самой', что и другая, но при этом принадлежать с ней к одному типу (например, как $H2$ и $H1$ после дубликации). И Уокер, как отмечалось в четвертой части статьи, вынужден возвращаться к критерию психологической непрерывности (R-отношению). Однако одного только R-отношения достаточно, чтобы провести различие между отношением 'быть той же самой личностью' и отношением нумерического тождества, значимое в том числе для вопросов о моральной и юридической ответственности. И потому предлагаемый Уокером подход, помимо обременяющих его проблем, по всей видимости, оказывается совершенно излишним.

Тем не менее, как нередко считается, здесь СПТ сталкивается с существенными затруднениями иного вида. Даже если признать, что ее концептуальных средств достаточно для анализа случаев ветвления через прояснение различия между отношениями 'быть той же самой личностью' (R-отношением) и 'быть одной и той же личностью' (нумерическим тождеством), значимого для решения практических вопросов об ответственности, любви, выживании и т.п., этого анализа явно недостаточно для решения этих вопросов.

В частности, на эту проблему указывает Парфит. СПТ говорит о том, что в случаях ветвления сохранение R-отношения между итоговой и исходной личностью обеспечивает сохранение итоговой личности 'той же самой', что и исходная. Но значит ли это, что в случае деления исходная личность выживет, став Левшой, или Правшой, или обоими итоговыми личностями, или не выживет вовсе? По Парфиту, если принимать, что эти четыре опции описывают разные альтернативы, каждая из которых могла бы стать итогом операции, то случаи деления представляют проблему для СПТ, поскольку, как это отдельно и подробно показывается им для каждой опции, ни одна из них не является вполне правдоподобной [8, р. 253–261]. Предлагаемое Парфитом решение в данном случае состоит в том, чтобы дополнить СПТ редукционизмом относительно личностей, в соответствии с которым факты о существовании личности сводятся к более частным фактам об определенных физических и ментальных событиях, которые могут быть описаны безличным образом [8, р. 209–217]. Принятие такого редукционизма позволяет утверждать, что вопрос о выживании личности в случае деления является пустым: представленные четыре опции не описывают четырех разных альтернатив, но являются разными описаниями одного и того же набора безличных физических и ментальных фактов [8, р. 260].

Данная стратегия, однако, оказывается неприемима при решении ряда иных практических вопросов. Означает ли сохранение R-отношения, что, например, в случае появления тысяч копий Мэри Смит чувство любви должно переноситься с оригинала на каждую из копий, или лишь на некоторые, или на какую-то одну, или ни на одну из них? И будет ли уместным наказывать за преступления,

совершенные оригинальным Гитлером, *H1*, или *H2*, или обоих, или никого из них? Подобного рода практические вопросы сложно признать пустыми. В ответ Парфит высказывает лишь очень осторожные предположения о том, что «в таком случае была бы возможна взаимная любовь между мной и одним из этих токенов личности <или> даже взаимная любовь между мной и двумя или тремя такими личностями» [8, р. 297], и что «мы можем отстаивать утверждение, что заслугу за прошлые преступления переносит с собой психологическая непрерывность» [8, р. 325], добавляя при этом: «Возможно, существует аргумент, который окончательно разрешал бы этот спор. Однако я такой аргумент еще не находил» [8, р. 325].

Тот факт, что концептуальных средств СПТ оказывается недостаточным для вполне однозначного ответа на подобного рода практические вопросы, порой представляют в качестве довода против этой теории. Можно утверждать, что, оставаясь в рамках СПТ, выбор любой из возможных опций ответа на указанные вопросы обнаруживает существенную слабость оснований и приводит к коллизиям того или иного рода, а значит, предлагаемый СПТ анализ случаев ветвления является по меньшей мере неполным, если вообще адекватным.

В основе представлений о наличии такого рода затруднений, насколько можно судить, лежит неявное допущение, что теория тождества личности (психологическая или любая другая) в принципе должна давать однозначные ответы на такого рода практические вопросы. И это допущение, на мой взгляд, является вторым распространенным источником признания несостоятельности СПТ. Однако оно, очевидно, является ложным. Даже если сохранение личности той же самой является *необходимым*, оно, очевидно, не является *достаточным* условием для уместного возложения ответственности, сохранения любви, выживания и т.п., которые зависят также и от множества других факторов. И если теории тождества личности, включая СПТ, должны прояснять это необходимое условие, им нельзя вменить в упрек то, что они не проясняют других и, соответственно, не дают однозначного ответа на интересующие практические вопросы. Иными словами, теория тождества личности просто не должна исчерпывающим образом отвечать на вопросы о том, в каких случаях кого любить, кого винить и т.п., но лишь прояснять одно из оснований, обеспечивающих возможность сохранения любви, уместности возложения ответственности и решения иных практических вопросов, для которых важно сохранение во времени личности 'той же самой'. Но как раз с этой задачей СПТ прекрасно справляется, не нуждаясь в каких-либо модификациях. Что же касается других значимых для этих вопросов факторов, далеко не всегда (как, например, в случае с любовью) их удастся представить во вполне обобщенном виде, что, однако, не означает, что к подобным обобщениям нельзя стремиться, тем более что в отдельных случаях (как, например, в случае с моральной ответственностью) это получается вполне успешно. Рассмотрение же случаев ветвления с учётом выделяемых в теориях моральной ответственности условий уместности её возложения демонстрирует, что эти случаи не представляют проблемы для стандартной психологической теории.

6. Условия уместности возложения моральной ответственности. В современных дискуссиях по вопросам персональной (в отличие от коллективной)

ретроспективной (в отличие от проспективной, связанной с этикой долга) моральной (в отличие от каузальной, юридической и т.д.) ответственности центральным является подход, предложенный сэром Питером Стросоном в статье «Свобода и обида» [27, 28]. Согласно Стросону, быть морально ответственным за некоторое действие — значит быть тем, в отношении кого уместно испытывать соответствующие 'реактивные установки' — эмоциональные реакции (такие как благодарность, обида, негодование и т.п.), которые естественным образом возникают у нас в ответ не столько на действия, сколько на выражающееся в действиях других людей качество их воли, «установки доброй воли, привязанности или уважения, с одной стороны, или презрения, безразличия или злонамеренности — с другой» [28, с. 207]. При этом Стросон выделяет два рода соображений, в свете которых мы обычно склонны снижать или снимать моральную ответственность. Соображения первого типа указывают на то, что действие не выражало или некорректно выражало качество воли, которое имела личность, и поскольку качество воли является тем единственным, что, выражаясь в действии, каузально и содержательно связывает его с личностью в смысле, релевантном для моральной ответственности за него, это действие просто не может быть приписано личности в релевантном для моральной ответственности смысле. Соображения второго типа говорят о том, что личность не является моральным агентом — тем, кто в принципе способен нести моральную ответственность, быть полноценным участником моральных отношений и членом морального сообщества. Это позволяет выделить два необходимых условия уместности возложения моральной ответственности: (1) *условие агентности действия*, для соблюдения которого личность должна обладать релевантным качеством воли, выраженным в действии; (2) *условие моральной агентности*, для удовлетворения которого личность должна обладать определенными моральными способностями.

Оба эти условия в том или ином виде содержатся в большинстве современных теорий моральной ответственности¹⁴, хотя в различных теориях и для разных порой выделяемых видов моральной ответственности эти условия специфицируются по-разному [29, 33–38]. Например, под моральной ответственностью в смысле приписываемости (attributability) обычно понимается аретическая моральная оценка достоинств и недостатков личности. Характерными для этого вида моральной ответственности реактивными установками выступают восхищение и презрение. Предполагается, что их может быть уместным испытывать в ответ на проявленные в действиях благие или дурные черты характера, глубочайшие пристрастия и заботы, цели и ценности, которым привержена личность, даже если она не осознает их наличия и не контролирует их проявление. Здесь необходимые для моральной агентности способности в минимальном случае могут сводиться к простой способности выражать в своем поведении эти черты. Так, может быть уместным восхищаться стойкостью духа старца, страдающего глубокой деменцией, или испытывать презрение к тому, кто проявляет скрытые расистские убеждения. Под моральной ответственностью в смысле подотчетности (answerability) понимается возможность требовать от личности оправдания или отчета об основаниях ее действий, — объяснения, почему она рассудила, что ей стоило поступить так,

а не иначе. Характерными для этого вида моральной ответственности являются такие реакции, как гордость и стыд. Чтобы быть моральным агентом в смысле подотчетности, личность должна обладать широким набором рациональных способностей: способна понимать основания возможных действий, их силу и соотношение, а также систематически управлять своим поведением в соответствии с этим. Проявляемое качество воли здесь может пониматься как качество суждений, выносимых при оценке оснований действий. Одним из наиболее расхожих примеров такого рода ответственности служит реакция на неуместную шутку. Под моральной ответственностью в смысле вменимости (accountability) понимается такой вид ответственности, который предполагает уместность наград и наказаний. Для него характерны реактивные установки благодарности и гнева. Этот вид моральной ответственности наиболее требователен к моральным способностям: чтобы быть моральным агентом вменимости, помимо уже упомянутых рациональных способностей, личность должна обладать широким спектром компетенций, включая моральные, особого рода контролем над действиями, предполагающим свободу воли, эмпатией как способностью понимать чужую нормативную перспективу или сопереживать чувствам других людей и рассматривать это как основание собственных действий, и т.д. Под качеством воли здесь в общем случае понимается качество личного отношения, пренебрежение или доброжелательность во всем многообразии их оттенков. Именно этот вид моральной ответственности обычно имеется в виду при рассмотрении проблемных случаев в контексте вопроса о тождестве личности, и потому именно на нем я далее сосредоточу основное внимание.

Чтобы проиллюстрировать, как работают условия уместности возложения вменимости, рассмотрим классический сюжет с юношей, — назовем его Томом, — забравшимся ночью в соседский сад, чтобы нарвать яблок [39, с. 95]. Допустим, что Том был пойман хозяином сада в тот момент, когда рвал яблоки, и примем, — из уважения к оригиналу, — что адекватным наказанием за воровство яблок является порка. Легко убедиться, что, если Том не является моральным агентом или агентом того действия, которое ему приписывается (воровство), вменение ему наказания было бы неуместным. Действительно, мы можем представить, что Том не является моральным агентом, — что он не обладал должной степенью контроля в отношении своих действий, но действовал из принуждения (например, компания бандитов, угрожая искилечить, заставила его пойти на воровство). Аналогичным образом мы можем представить, что Том, хотя и является моральным агентом, он лишен того дурного качества воли, в силу которого ему могло бы быть приписано воровство. Том действительно забрался ночью в соседский сад, чтобы нарвать яблок, но он — лучший друг этого соседа, двери которому в его огороде всегда открыты. Том вовсе не собирался их красть; напротив, он хотел помочь соседу, зная, что завтра тот сам намеревался собрать яблоки несмотря на свою больную спину, и предвкушал, как обрадуется сосед, обнаружив поутру все яблоки в корзинке у себя на крыльце. В обоих случаях, согласно стросонианским теориям моральной ответственности, на Тома, пойманного в тот момент, когда он рвал яблоки, было бы неуместно возлагать ответственность в смысле вменимости,

то есть пороть его за воровство яблок¹⁵. С другой стороны, если допустить, что условие агентности действия и условие моральной агентности в требуемом для вменимости смысле соблюдены, — что Том действовал по собственной воле, грубо попирая неприкосновенность имущества соседа, — тогда наказание, как представляется, было бы уместным¹⁶. Все это хорошо согласуется с обыденными интуициями относительно уместности наказаний.

Но рассмотрим теперь вопрос об уместности вменимости в диахроническом аспекте. Действительно, в отличие от только что рассмотренного примера, в большинстве случаев ретроспективной моральной ответственности момент совершения действия и момент возложения за него моральной ответственности не совпадают. Представим, что воровство яблок случилось 10 лет назад, но только теперь хозяин сада узнал, что это сделал Том. Согласно стросонианским теориям, вопрос об уместности вменения наказания должен решаться в зависимости от соблюдения релевантных условий. Но в какой из моментов они должны соблюдаться, чтобы наказание Тома за совершенное 10 лет назад воровство было уместно в настоящий момент времени? Нетрудно убедиться, что условие моральной агентности и условие агентности действия должны соблюдаться в момент совершения действия: как мы только что видели, если в момент совершения действия они нарушались, если Том не обладал должной степенью контроля над своими действиями или не имел релевантных установок злой воли, вменять ему наказание было неуместным. Но аналогичным образом можно показать, что те же самые условия должны соблюдаться и в момент возложения ответственности. Представим, что год назад Том перенес обширный инсульт, существенно нарушивший его когнитивные функции, и теперь уровень развития его моральных способностей, значимых для вменимости, сопоставим с таковым у трехлетнего ребенка. Хотя в этом случае Том все еще может быть моральным агентом в смысле приписываемости (сравни со случаем деменции выше), он, очевидно, не будет являться моральным агентом в смысле вменимости, пусть даже в момент совершения действия он таковым являлся, поэтому возложение на него наказания было бы неуместным. Схожие рассуждения применимы и к условию агентности действия.

Представим, что за прошедшие 10 лет Том существенно преобразился в нравственном плане: произошедшие с ним за этот период события превратили его из юного хулигана, нарочито попиравшего нормативные установки других людей, в самого добропорядочного человека и ревностного блюстителя общественного порядка. Презрение к частной собственности, выразившееся 10 лет назад в краже яблок, несовместимо с разделяемыми им ныне моральными установками; и поскольку сегодняшний Том лишен того качества воли, которое, каузально и содержательно связывая его с воровством, определяло бы его в статусе агента того действия, кража яблок просто не может быть приписана нынешнему Тому в смысле, релевантном для вменения наказания за неё. Напротив, если допустить, что условия моральной агентности и агентности действия соблюдаются Томом и сегодня, что он обладает всеми теми же моральными способностями, какими обладал 10 лет назад, остался всё таким же хулиганом и до сих пор промышляет мелкими кражами, извиняющих соображений, которые бы позволили снять

с Тома ответственность за былую кражу яблок, не обнаружится.

Наличие временного интервала между моментом совершения действия и моментом возложения за него моральной ответственности не меняет условий уместности ее возложения, но предполагает, что они должны соблюдаться в оба момента. Однако их соблюдение еще не гарантирует адекватного возложения моральной ответственности. Так, можно представить себе ситуации, в которых условия моральной агентности и агентности действия формально соблюдались бы как в момент совершения действия, так и в момент возложения ответственности, но их соблюдение было бы некорректным, — например, ситуации, когда эти условия соблюдаются разными личностями. Представим хулигана Тома, обладающего всеми релевантными моральными способностями и специфическими установками злой воли, выразившимися в краже яблок прошлым вечером, а также его друга Финна, обладающего точно такими же способностями, но во всех отношениях добропорядочного, который никогда даже и не думал о воровстве. Допустим, что прошлой ночью, пока Том и Финн спали, нейрохирурги пересадили Финну паттерны мозга Тома, которые отвечали за его установки злой воли, выразившиеся в воровстве, а Тому, наоборот, паттерны мозга Финна, отвечающие за уважение к чужой частной собственности. Проснувшись наутро, Том помнит, как вчера вечером воровал яблоки, но испытывает острое отвращение к своему поступку, не может понять, что двигало им в тот момент, и зарекается впредь не прикасаться к чужому; Финн же не помнит, чтобы совершал что-то дурное, однако теперь он считает корыстные мотивы перевешивающими моральные соображения, и идея присвоить чужое кажется ему вполне оправданной и даже в чем-то привлекательной. Будет ли уместным наутро возложить моральную ответственность в смысле вменимости за вчерашнее воровство яблок на Тома, на Финна, на обоих или ни на кого из них? Я полагаю, что, следуя если не букве, то духу стросонианских теорий, мы должны предпочесть последнюю опцию. В пользу наказания Тома могут говорить ретрибутивистские интуиции; однако следует признать, что, поскольку сегодня Том начисто лишен того качества воли, которое связывало бы его со вчерашним воровством яблок, это действие не может быть приписано ему сегодня в релевантном для вменимости смысле: сегодняшний Том не является агентом этого действия в силу тех же самых оснований, что и Том по прошествии 10 лет из примера выше. В пользу наказания Финна могут говорить конвенционалистские интуиции: поскольку укоренившиеся теперь в Финне установки злой воли будут склонять его к воровству, такое наказание может рассматриваться в качестве превентивной меры, направленной на упреждение преступлений. Однако такое наказание было бы незаслуженным: Финн просто не является той личностью, которая вчера украла яблоки, и наказывать его за это действие было бы столь же неуместным, что и наказывать за него любую другую личность, имеющую по совпадению такие же установки злой воли, — мы не считаем уместным наказывать всех воров в мире, имеющих одинаковые установки злой воли, за воровство, совершенное кем-то одним из них (ср. со случаем с соседями и солью выше). Наказывать же обоих представляется вдвойне неуместным. Несмотря на то, что,

как можно настаивать, формально стросонианские условия уместности вменимости соблюдаются как в момент совершения действия, так и в момент возложения ответственности, поскольку в оба момента существует личность, обладающая релевантными моральными способностями и качеством воли, выразившимися в воровстве яблок, соблюдение этих условий в данном случае нельзя признать корректным, поскольку личность, удовлетворяющая им сегодня, — это не та же самая личность, что удовлетворяла им вчера. В данной ситуации, я полагаю, следует признать, что вмешательство нейрохирургов, пересадивших качество воли от одной личности другой, разорвало требуемую для моральной ответственности связь этого качества воли с действием, тем самым лишив Тома статуса агента по отношению к воровству яблок и не наделив им Финна. Это приводит к выводу о том, что для корректного соблюдения необходимых условий уместности возложения моральной ответственности (условий агентности действия и моральной агентности) личность, на которую в настоящий момент возлагается моральная ответственность за некое действие, должна быть той же самой, что и личность, совершившая это действие в прошлом.

Рассмотренный сюжет с воровством яблок изначально использовался Томасом Ридом [39, с. 95–97] в целях критики психологической теории тождества личности Джона Локка. Согласно Локку, тождество личности во времени определяется тождеством ее сознания: «насколько разумное существо может повторять идею прошлого действия с тем же самым сознанием о нем, какое у него было сначала, и с тем же самым своим сознанием о всяком теперешнем действии, настолько оно и есть одна и та же личность» [40, с. 388–389], и «вследствие этого она беспокоится о прошлых действиях, становится ответственной за них, признавая за свои и приписывая их себе совершенно на том же самом основании и по той же причине, что и настоящие действия» [40, с. 400]. По Риду, требуемая Локковским критерием способность личности «повторять идею прошлого действия с тем же самым сознанием о нем», какое у нее было в момент его совершения, означает, что личность должна помнить о прошлых действиях, чтобы оставаться той же самой личностью, что их совершила. Чтобы убедиться, что этот критерий несостоятелен, Рид предлагает представить бравого офицера, которого в юности порол за кражу яблок из сада, который захватил вражеское знамя во время своей первой кампании и впоследствии стал генералом. Допустим, что во времена своей первой кампании он помнил, как в юности его порол, а став генералом, он помнит, как захватил знамя, но уже не помнит, как его порол в юности. По Локку, тот, кого порол в юности, — та же личность, что и захватившая знамя, а последняя, в свою очередь, — та же личность, что стала генералом. По транзитивности отношения тождества мы должны заключить, что генерал — та же личность, что и юноша, укравший яблоки; однако, следуя критерию Локка, мы должны прийти к выводу, что они не тождественны, поскольку генерал не помнит, как его порол в юности. Это противоречие, по мнению Рида [39, с. 95–97], демонстрирует несостоятельность теории Локка. Легко, однако, убедиться, что для СПТ данный случай не представляет проблем. Вне зависимости от того, насколько оправданна Ридовская трактовка и действительно ли «сознание» у Локка может быть све-

дено к одной только 'памяти'¹⁷, Локк, по всей видимости, действительно предполагал, что сохранение личности той же самой обеспечивается непосредственным сохранением определенных психологических элементов — то есть тем, что в современных теориях называется психологической связностью. Однако, как отмечалось в первой части статьи, в современной СПТ центральная роль отводится не психологической связности, но R-отношению, позволяющему говорить о сохранении личности той же самой, даже если с течением времени ее психологические черты существенно изменились. И при этом, как подчеркивалось в пятой части, отличие R-отношения от нумерического тождества позволяет СПТ избегать проблем, связанных с трактовкой отношения 'быть той же самой личностью' как транзитивного отношения.

Тем не менее интуиции Локка о значимости психологической связности для атрибуции личности прошлых действий в смысле, релевантном для уместности возложения ответственности за них, находят поддержку в стросонианских теориях моральной ответственности. Согласно им, как мы видели выше, чтобы возложение моральной ответственности на личность на некое действие было уместным, на момент возложения моральной ответственности она должна обладать теми же моральными способностями и качеством воли, которые конституировали ее статус морального агента и агента действия в момент его совершения. В терминах СПТ это означает, что личность, на которую теперь возлагается моральная ответственность за некое действие, и личность, совершившая данное действие в прошлом, должны быть психологически связаны по моральным способностям и качеству воли. Мы также видели, что, чтобы эта связность обеспечивала уместность возложения моральной ответственности, т.е. чтобы условия моральной агентности и агентности действия соблюдались корректным образом, личность, на которую возлагается моральная ответственность за некое действие, должна быть той же самой, что и личность, его совершившая. В терминах СПТ это означает, что они должны стоять в R-отношении. Два этих обстоятельства можно выразить в едином тезисе: чтобы возложение моральной ответственности на личность за некое действие было уместным, личность, на которую в настоящий момент возлагается моральная ответственность, должна находиться с личностью, совершившей данное действие в прошлом, в таком специфическом R-отношении, которое конституировалось бы психологической связностью по релевантным моральным способностям и качеству воли (помимо иных составляющих его отношений психологической связности и непрерывности). Принятие в расчет этого тезиса снимает кажущуюся проблематичность случаев ветвления для СПТ.

7. Решение случаев ветвления в рамках СПТ.

Обратимся вновь к предложенному Парфитом случаю деления с пересадкой полушарий мозга исходной личности в два разных тела. В нем ни одна из итоговых личностей не является тождественной исходной, однако, как отмечалось в пятой части статьи, это не является проблемой для СПТ: поскольку каждая из итоговых личностей связана с исходной R-отношением (что принципиально отличает данный случай от рассмотренного выше примера пересадки одного только качества воли от Тома к Финну), каждая из них, согласно СПТ, будет 'той же самой' личностью, что и исходная. Одно только это, тем

не менее, еще не говорит об уместности возложения моральной ответственности на какую-либо из них за действия исходной личности. Парфит полагает, что не существует хороших оснований считать ответственным за действия Оригинала Правшу, Левшу, их обоих или никого из них. Однако с учетом проведенного рассмотрения такие основания легко обнаружить. Согласно стросонианским теориям, уместность возложения моральной ответственности будет обуславливаться тем, будет ли какая-либо из итоговых личностей моральным агентом и агентом соответствующих действий; иными словами, будет ли какая-либо из итоговых личностей связана с исходной личностью таким R-отношением, которое будет конституироваться психологической связностью по релевантным моральным способностям и качеству воли. Вопрос об этом можно признать эмпирическим, тем более что оригинальный пример Парфита не содержит каких-либо явных допущений на этот счет. Тем не менее в нем неявным образом, кажется, предполагается, что обе итоговые личности будут полноценными моральными агентами, — в противном случае возложение моральной ответственности ни на одну из них было бы заведомо неуместным. Если принимать данное допущение, уместность возложения моральной ответственности в данном примере будет зависеть только от психологической связности итоговых личностей с исходной по релевантному для определенного действия качеству воли. Если обе итоговые личности будут стоять в этом отношении с исходной, возложение моральной ответственности за соответствующее действие Оригинала будет уместным как на Правшу, так и на Левшу; если лишь одна из них, то только на нее; а если не одна, то ни на одну из них. Мы видим, таким образом, что концептуальных средств СПТ оказывается достаточным для анализа случаев деления и для того, чтобы, принимая во внимание необходимые условия уместности возложения моральной ответственности, выделяемые в стросонианских теориях, указать на основания, являющиеся решающими для вопроса об уместности возложения моральной ответственности в случаях деления: для этой цели СПТ не нуждается в дополнении редукционизмом относительно личностей, предлагаемом Парфитом.

Схожие рассуждения применимы и в случае копирования, являющемуся центральным для работы Уокера. По условиям в нем каждая из итоговых личностей — *H1* и *H2* — находится в таком R-отношении с Оригиналом, которое конституируется, помимо прочего, психологической связностью по всем моральным способностям и качествам воли (коль скоро каждая из итоговых личностей после дубликации неотличима от исходной личности в психологическом плане). Это означает, что каждая из итоговых личностей будет полноценным моральным агентом и агентом всех действий Оригинала (при условии, что последний сам является таковым), и следовательно, на каждую из них будет уместным возлагать моральную ответственность за его действия. Очевидный ответ получает и вопрос о том, почему за нарушение ПДД будет уместным возлагать моральную ответственность только на совершившего его после дубликации *H1*, но не на *H2*, несмотря на его психологическое сходство с *H1*, обладание всеми идентичными моральными способностями и даже, как можно допустить, таким же качеством воли, которое выразилось у *H1* в нарушении ПДД (т.е., окажись *H2* в тот момент

на месте *H1*, он бы тоже нарушил ПДД¹⁸): потому, что *H1* связан R-отношением с личностью, совершившей это нарушение, а *H2* — нет. Концептуальных средств СПТ оказывается достаточным для анализа случаев копирования личности: с учетом выделяемых в стросонианских теориях условий, СПТ позволяет дать ответ на вопрос об уместности возложения моральной ответственности в этих случаях, — притом такой ответ, который подтверждает справедливость защищаемых Уокером интуиций о том, что копию Гитлера было бы уместным наказывать за преступления Гитлера, совершенные до дубликации, но не за нарушение ПДД, совершенное им после дубликации; и для этой цели СПТ не нуждается в предлагаемом Уокером привлечении теории типов и токенов, которое, как было показано в четвертой части статьи, обременено собственными трудностями.

Аналогичные рассуждения применимы и в отношении иных случаев ветвления, традиционно считающихся проблемными для СПТ. Во всех таких случаях каждая из итоговых личностей связана с исходной R-отношением, и вопрос об уместности возложения моральной ответственности оказывается зависим от того, будет ли какая-либо из итоговых личностей психологически связана с исходной по релевантным моральным способностям и качеству воли¹⁹. Если между исходной и некоторой итоговой личностью такая связность будет иметь место, эта итоговая личность будет моральным агентом и агентом соответствующих действий исходной личности, и возложение на нее ответственности за данные действия будет уместным. Если же психологическая связность по этим моральным способностям и качеству воли между исходной и некоторой итоговой личностью будет нарушаться, эта итоговая личность не будет либо моральным агентом, либо агентом соответствующих действий исходной личности, и возложение на нее ответственности за данные действия будет неуместным. Это общее решение позволяет утверждать, что концептуальных средств СПТ достаточно для адекватного анализа случаев ветвления, а учет в рамках ее концептуальной схемы выделяемых в стросонианских теориях необходимых условий уместности возложения моральной ответственности — релевантных постольку, поскольку в случаях ветвления нас вообще интересует именно вопрос о моральной ответственности, — позволяет (в зависимости от деталей примера) либо представить конкретное решение этого вопроса (как в рассмотренном случае копирования), либо, по крайней мере, указать на достаточные основания для его решения (как в случае деления), не прибегая при этом к каким-либо сторонним концептуальным дополнениям и модификациям СПТ. Разумеется, это не решает всех проблем СПТ и не свидетельствует о её достоинствах при решении иных практических вопросов (вопросов выживания, сохранения любви и т.д.), и тем не менее говорит о ее потенциале, позволяющем ей справиться, по крайней мере, с некоторыми трудностями, традиционно считающимися для неё непреодолимыми.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта «Феномен моральной ответственности», поддержанного Российским научным фондом (проект № 21-78-10044, <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>).

Автор выражает глубокую признательность участникам Летней школы Московского центра исследования сознания «Метафизика загрузки» (27 июля–2 августа 2023, Палермо, Италия), в особенности Эрику Олсону, Пьетро Перконти, Дмитрию Волкову, Тарасу Тарасенко, Артёму Беседину, Антону Кузнецову, Евгению Логинову, Артёму Яшину и Василисе Бобковой за плодотворное обсуждение аргументов в пользу и против возможности для личности быть типом. Автор благодарит участников научного семинара Московского центра исследования сознания и кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ «Новые идеи в философии», в особенности Вадима Валерьевича Васильева, за регулярное обсуждение проблем и перспектив психологической теории тождества личности в свете новейших работ в этой области. Автор признателен участникам секции «Моральная ответственность: коллективная, распределённая, индивидуальная», организованной в рамках XIV Международной конференции Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ «Мир/миры будущего» (7 октября 2023, Москва), в особенности Артёму Юнусову, Константину Фролову и Роману Кочневу за плодотворную критику при обсуждении драфта настоящей статьи. Особую благодарность автор выражает Андрею Нехаеву за его ценные замечания, а также неустанную моральную поддержку и вдохновение, без которых данная статья не могла бы быть написана.

Примечания

¹ Обзор современных дискуссий по проблеме тождества личности см. в [5; 6, с. 225–337; 7].

² В изложении СПТ я буду опираться, главным образом, на работы [8–11].

³ Там, где есть психологическая связность, там есть и R-отношение, но не наоборот.

⁴ Психологическая непрерывность с *неправильным* типом причины, который, в силу тех или иных соображений, не может считаться обеспечивающим сохранение личности той же самой, как легко понять, не представляет особого интереса.

⁵ Примеры подобного рода можно найти в работах Сидни Шумейкера [10, р. 280; 13], Дэвида Уиггинса [14, р. 50; 15; 16], Бернарда Уильямса [17, р. 77–78] и многих других теоретиков.

⁶ На это указывает, в частности, тот факт, что, если одна из них по каким-либо причинам не выживет, вторая может продолжить свое существование.

⁷ К схожему выводу приходит и сам Дерек Парфит [8, р. 253–266; см. также: 18, с. 176].

⁸ Оговариваемое мной в данном месте различие причин сохранения R-отношения с исходной личностью у *H1* и *H2* может быть значимым для тех или иных трактовок психологического подхода. Однако в рамках СПТ, допускающей возможность сохранения R-отношения в силу любых причин, оно не является значимым, и потому далее в тексте будет мной игнорироваться.

⁹ Стоит подчеркнуть, что это положение не является произвольным допущением Уокера. В частности, существование различных токенов личностей (таких как *H1* и *H2*), имеющих идентичные психологические состояния, подобно существованию различных экземпляров книг, имеющих идентичное содержание, в принципе возможно именно потому, что психологические состояния индивидуализируют типы, а не токены личностей.

¹⁰ Очевидно, то же самое будет справедливо и для любого другого количества типов, принадлежность к которым токенов, различающихся одной характеристикой, мы могли бы

рассмотреть. Действительно, пусть токены $T1$ и $T2$ совпадают по l характеристикам. В таком случае $T1$ и $T2$ будут принадлежать к $2^n - 1$ общим для них типам. Допустим, что $T2$ также обладает одной дополнительной характеристикой, которой $T1$ не обладает. В таком случае $T2$ будет в общей сложности принадлежать к $2^{n+1} - 1$ типам. И поскольку $2^{n+1} - 1$ более чем вдвое превосходит $2^n - 1$, так как $2^{n+1} - 1 = 2(2^n - 1) + 1$, при любом значении n общими для $T1$ и $T2$ будут меньше половины типов, которым принадлежит, по крайней мере, один из этих токенов. Аналогично, если $T1$ и $T2$ будут различать две характеристики, общими для них будут менее четверти типов; если три — менее $1/8$, и т.д.

¹¹ Подробнее о проблемах вариативности токенов и множественной инстанциации ими типов см. в [23, р. 148; 24, р. 74; 25, р. 398–399]. Близкое направление критики развивается также в [4].

¹² Данная линия критики подробно развивается Андреем Нехаевым [3, с. 75–77].

¹³ Соображениями на этот счёт я обязан Пьетро Перконтти, из личной беседы с которым они почерпнуты.

¹⁴ Подробный анализ условий уместности возложения моральной ответственности в современных стросонианских теориях см. в [29–32].

¹⁵ Хотя при этом на Тома может быть уместным возлагать ответственность в смысле приписываемости или подотчетности.

¹⁶ Следует отметить, что в некоторых теориях моральной ответственности, помимо условий агентности действия и моральной агентности, выделяются также дополнительные условия вменимости (например, эпистемическое условие, касающееся должной степени знания агентом фактической стороны дела). Здесь и далее в тексте я считаю все подобные дополнительные условия по умолчанию соблюденными.

¹⁷ Критику подобной трактовки см., напр., в [41].

¹⁸ Андрей Нехаев в своей работе, посвященной критическому анализу позиции Марка Уокера, развивает позицию психологического секвенциализма, согласно которой, в его изложении, уместность возложения ответственности на $H2$ будет оправдываться тем, что «(CFC) Y должен быть наказан в момент времени t' за действие ϕ , совершенное X в момент времени t , когда нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что, если бы Y был в момент времени t на месте X , он также совершил бы действие ϕ » [3, с. 78]. Если этот анализ верен, позиция психологического секвенциализма ложна. Обыденная практика возложения моральной и юридической ответственности наглядно свидетельствует о том, что следование CFC — в представленной общей формулировке — является ошибочным. Мы фактически не считаем, что ту же самую ответственность, которую мы возлагаем на личность, совершившую некое действие, было бы уместно возлагать и на любую другую личность, относительно которой мы можем не только не иметь разумных оснований сомневаться, но даже и непосредственно знать, что в той же ситуации она поступила бы точно так же: если вы обратились к соседу слева за солью и получили грубый отказ, было бы неуместно обижаться на других соседей, к которым вы не обращались, даже если точно известно, что они точно так же отказали бы вам в грубой форме; как и не будет уместным наказывать за некую кражу, совершенную одним вором, других воров, которые, как может быть точно известно, также совершили бы ее, окажись они на месте первого вора (см. обсуждение этих примеров в тексте выше). Нехаев стремится защитить психологический секвенциализм от этого возражения, отмечая в примечании, что CFC справедливо только для случаев полных и точных дубликатов, но не для обычных личностей [3, с. 86–87]. Однако такая оговорка, с одной стороны, как представляется, подрывает значимость CFC: если для решения вопроса об уместности наказания значение имеет не то, совершила бы одна личность действие, совершенное другой, окажись она на ее месте, а лишь то, является ли она полным и точным дубликатом этой другой личности, CFC, как мож-

но утверждать, просто не играет роли при решении вопроса об уместности возложения наказания (или шире — ответственности). С другой стороны, принятие указанной оговорки не избавляет от контринтуитивных выводов: даже признавая, что $H2$ является полным и точным дубликатом $H1$ и что, окажись $H2$ на месте $H1$ в момент нарушения последним ПДД, $H2$ точно так же нарушил бы ПДД, возлагать на $H2$ ответственность за это нарушение было бы неуместным — потому что $H2$ не является той личностью, которая его совершила. Для решения вопроса об уместности возложения ответственности значение имеет не CFC (не то, как поступила бы одна личность на месте другой), а то, является ли личность, на которую возлагается ответственность, той же самой, что и личность, совершившая соответствующее действие в смысле, релевантном для уместности возложения ответственности за него, т.е. находятся ли они в таком R-отношении, которое конституировалось бы психологической связностью по релевантным моральным способностям и качеству воли.

¹⁹ При соблюдении всех прочих условий уместности возложения моральной ответственности; см. об этом выше примечание 16.

Библиографический список

1. Walker M. Branching Is Not a Bug; It's a Feature: Personal Identity and Legal (and Moral) Responsibility // *Philosophy & Technology*, 2020. № 33. P. 173–190. DOI: 10.1007/s13347-019-00347-w.
2. Уокер М. Ветвление — это не баг, а фича: тождество личности и юридическая (моральная) ответственность / пер. с англ. В. А. Пилипенко // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 3. С. 102–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-102-115.
3. Нехаев А. В. Наказание (не)виновных? // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 3. С. 73–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-73-94.
4. Кочнев Р. Л. Наказывать нельзя клонировать // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 3. С. 95–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-95-101.
5. Логинов Е. В., Мерцалов А. В., Салин А. С., Чугайнова Ю. И., Юнусов А. Т. Прологомены к проблеме тождества личности // *Финиковый Компот*. 2018. № 13. С. 6–40.
6. Волков Д. Б. Свобода воли. Иллюзия или возможность. Москва: Карьера Пресс, 2018. 368 с.
7. Олсон Э. Т. Тождество личности / пер. с англ. В. В. Васильева // *Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д. Б. Волкова, В. В. Васильева, М. О. Кедровой*. URL: <http://philosophy.ru/identity-personal/> (дата обращения: 10.09.2023).
8. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Clarendon Press, 1987. 560 p.
9. Lewis D. *Survival and Identity* // *Philosophical Papers*. New York: Oxford University Press, 1983. Vol. 1. P. 55–77.
10. Shoemaker S. *Persons and Their Pasts* // *American Philosophical Quarterly*. 1970. Vol. 7, № 4. P. 269–285.
11. Unger P. *Identity, Consciousness and Value*. Oxford: Oxford University Press, 1990. 344 p.
12. Glannon W. *Moral Responsibility and Personal Identity* // *American Philosophical Quarterly*. 1998. Vol. 35, № 3. P. 231–249.
13. Shoemaker S. *Self-Knowledge and Self-Identity*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1963. 264 p.
14. Wiggins D. *Identity and Spatio-Temporal Continuity*. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 84 p.
15. Wiggins D. *Essentialism, Continuity, and Identity* // *Synthese*. 1974. Vol. 28, № 3/4. P. 321–359. DOI: 10.1007/BF00877580.
16. Wiggins D. *Sameness and Substance*. Oxford: Basil Blackwell, 1980. 238 p.

17. Williams B. Problems of the Self. Philosophical Papers 1956–1972. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 267 p.
18. Логинов Е. В. Является ли тождество личности условием моральной ответственности? // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 2. С. 173–184. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-2-173-184.
19. Brennan A. Personal Identity and Personal Survival // Analysis. 1982. Vol. 42, № 1. P. 44–50. DOI: 10.1093/analys/42.1.44.
20. Brennan A. Survival // Synthese. 1984. Vol. 59, № 3. P. 339–361. DOI: 10.1007/BF00869339.
21. Pierce C. S. Prolegomena to an Apology for Pragmatism // Collected Papers of Charles Sanders Pierce / Eds.: C. Hartshorne, P. Weiss. Vol. 4: The Simplest Mathematics. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1960. P. 411–463.
22. Корман Д. Обычные объекты / пер. с англ. А. В. Мерцалова // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д. Б. Волкова, В. В. Васильева, М. О. Кедровой. URL: http://philosophy.ru/ordinary_objects/ (дата обращения: 10.09.2023).
23. Olson E. T. What Are We? A Study in Personal Ontology. New York: Oxford University Press, 2007. 250 p.
24. Olson E. T. The Metaphysics of Artificial Intelligence // Consciousness and the Ontology of Properties / Ed. M. P. Gula. New York: Routledge, 2019. P. 67–84.
25. Olson E. T. The Metaphysics of Transhumanism // Human: A History / Ed. K. Hübner. New York: Oxford University Press, 2022. P. 381–403.
26. Rawls J. Two Concepts of Rules // The Philosophical Review. 1955. Vol. 64, № 1. P. 3–32. DOI: 10.2307/2182230.
27. Strawson P. F. Freedom and Resentment // Proceedings of the British Academy. 1962. № 48. P. 187–211.
28. Стросон П. Свобода и обида / пер. с англ. Е. В. Логинова // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 204–221. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-204-221.
29. Shoemaker D. Responsibility from the Margins. New York: Oxford University Press, 2015. 262 p.
30. Логинов Е. В., Гаврилов М. В., Мерцалов А. В., Юнусов А. Т. Прологомены к моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 3–100. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100.
31. Ананьев Д. А. Понятие и концепции моральной ответственности // Финиковый Компот. 2020. № 15. С. 101–107. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-101-107.
32. Мерцалов А. В. Агентность, тождество личности и моральная ответственность // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2022. № 5. С. 72–90.
33. Frankfurt H. G. Freedom of the Will and the Concept of a Person // The Journal of Philosophy. 1971. Vol. 68, № 1. P. 5–20. DOI: 10.2307/2024717.
34. Wolf S. Freedom within Reason. New York: Oxford University Press, 1993. 174 p.
35. Watson G. Two Faces of Responsibility // Philosophical Topics. 1996. Vol. 24, № 2. P. 227–248. DOI: 10.5840/philtopics199624222.
36. Smith A. M. Attributability, Answerability, and Accountability: In Defense of a Unified Account // Ethics. 2012. Vol. 122, № 3. P. 575–589. DOI: 10.1086/664752.
37. Ekstrom L. W. A Coherence Theory of Autonomy // Philosophy and Phenomenological Research. 1993. Vol. 53, № 3. P. 599–616. DOI: 10.2307/2108082.
38. Fischer J. M., Ravizza M. Responsibility and Control: A Theory of Moral Responsibility. New York: Cambridge University Press, 1998. 288 p.
39. Рид Т. О тождестве личности. Фрагмент из сочинений Томаса Рида / пер. с англ. Д. Еремина // Финиковый Компот. 2018. № 13. С. 90–98.
40. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / пер. с англ. А. Н. Савина // Сочинения. В 3 т. Москва: Мысль, 1985. Т. 1. С. 78–620.
41. Weinberg S. Consciousness in Locke. Oxford: Oxford University Press, 2016. 240 p.

МЕРЦАЛОВ Андрей Викторович, редактор Московского центра исследования сознания при философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва; директор Центра исследований сознания философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва.
 SPIN-код: 8294-9926
 AuthorID (РИНЦ): 1036246
 AuthorID (SCOPUS): 57196065953
 Адрес для переписки: a.mertsalov@hardproblem.ru

Для цитирования

Мерцалов А. В. В защиту стандартной психологической теории: может ли личность быть типом? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 99–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-99-115.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023 г.
 © А. В. Мерцалов

IN DEFENCE OF THE STANDARD PSYCHOLOGICAL THEORY: CAN A PERSON BE A TYPE?

The paper presents a defense of the standard psychological theory of personal identity against Mark Walker's criticism of it. Walker claims that the conceptual tools of standard psychological theory of personal identity are insufficient to solve the problematic cases of branching in the context of moral and legal responsibility questions, and argues in favor of an approach to these problems that involves the type/token distinction. In the current paper I argue against Walker that the approach he suggests is untenable, and that the conceptual tools of standard psychological theory are sufficient to provide an adequate analysis of the cases mentioned.

Keywords: personal identity, moral responsibility, Strawsonian theories, psychological theory of personal identity, type and token theory, branching.

Acknowledgements

This study is supported by Russian Science Foundation, project No. 21-78-10044 «The Phenomenon of Moral Responsibility», <https://rscf.ru/project/21-78-10044/>.

The author expresses deep gratitude to all the organizers and participants of the Moscow Center for Consciousness Studies Summer School «Metaphysics of Uploading» (July 27–August 2, 2023, Palermo, Italy), especially to Eric Olson, Pietro Perconti, Dmitry Volkov, Taras Tarasenko, Artem Besedin, Anton Kuznetsov, Eugeny Loginov, Artem Yashin and Vasilisa Bobkova for a fruitful discussion of the arguments in favor and against the possibility for a person to be a type. The author thanks all the participants of the scientific seminar «New Ideas in Philosophy», organized by the Moscow Center for Consciousness Studies and the Department of the History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, especially to Vadim V. Vasilyev, for regular discussions of the problems and prospects of the psychological theory of personal identity in the latest philosophical works in this field. The author expresses words of gratitude to all the organizers and participants of the section «Moral Responsibility: Collective, Distributed, Individual», organized within the XIV Annual Conference of the School of Philosophy and Cultural Studies «The World/ Worlds of the Future» (October 7, 2023, Moscow), especially to Artem Iunusov, Konstantin Frolov and Roman Kochnev for their criticism of the first draft of this paper. A special gratitude the author expresses to Andrei Nekhaev: this article could not have been written without his tireless moral support and encouragement.

References

1. Walker M. Branching Is Not a Bug; It's a Feature: Personal Identity and Legal (and Moral) Responsibility // *Philosophy & Technology*, 2020. No. 33. P. 173–190. DOI: 10.1007/s13347-019-00347-w. (In Engl.).

2. Walker M. Vetvleniye — eto ne bag, a ficha: tozhdestvo lichnosti i yuridicheskaya (moral'naya) otvetstvennost' [Branching Is Not a Bug; It's a Feature: Personal Identity and Legal (and Moral) Responsibility] / trans. from Engl. V. A. Pilipenko // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 102–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-102-115. (In Russ.).

3. Nekhaev A. V. Nakazaniye (ne)vinovnykh? [Punishing (Not)Innocent Persons?] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 73–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-73-94. (In Russ.).

4. Kochnev R. L. Nakazyvat' nel'zya klonirovat' [Punish No Clone] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 95–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-95-101. (In Russ.).

5. Loginov E. V., Gavrilov M. V., Mertsalov A. V., Yunusov A. T. Prolegomeny k moral'noy otvetstvennosti [Prolegomena to Moral Responsibility] // *Finikovyy kompot. Date Palm Compote*. 2020. No. 15. P. 3–100. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100. (In Russ.).

6. Volkov D. B. Svoboda voli. Illyuziya ili vozmozhnost' [Free Will. Illusion or Opportunity]. Moscow, 2018. 368 p. (In Russ.).

7. Olson E. T. Tozhdestvo lichnosti [Personal Identity] / trans. from Engl. V. V. Vasilyev // *Stanford Encyclopedia of Philosophy in Russian: Selected Entries* / Eds.: D. B. Volkov, V. V. Vasilyev, M. O. Kedrova. URL: <http://philosophy.ru/identity-personal/> (accessed: 10.09.2023). (In Russ.).

8. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Clarendon Press, 1987. 560 p. (In Engl.).

9. Lewis D. *Survival and Identity* // *Philosophical Papers*. New York: Oxford University Press, 1983. Vol. 1. P. 55–77. (In Engl.).

10. Shoemaker S. *Persons and Their Pasts* // *American Philosophical Quarterly*. 1970. Vol. 7, no. 4. P. 269–285. (In Engl.).

11. Unger P. *Identity, Consciousness and Value*. Oxford: Oxford University Press, 1990. 344 p. (In Engl.).

12. Glannon W. Moral Responsibility and Personal Identity // *American Philosophical Quarterly*. 1998. Vol. 35, no. 3. P. 231–249. (In Engl.).
13. Shoemaker S. Self-Knowledge and Self-Identity. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1963. 264 p. (In Engl.).
14. Wiggins D. Identity and Spatio-Temporal Continuity. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 84 p. (In Engl.).
15. Wiggins D. Essentialism, Continuity, and Identity // *Synthese*. 1974. Vol. 28, no. 3/4. P. 321–359. DOI: 10.1007/BF00877580. (In Engl.).
16. Wiggins D. Sameness and Substance. Oxford: Basil Blackwell, 1980. 238 p. (In Engl.).
17. Williams B. Problems of the Self. *Philosophical Papers 1956–1972*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 267 p. (In Engl.).
18. Loginov E. V. Yavlyayetsya li tozhdestvo lichnosti usloviyem moral'noy otvetstvennosti? [Is Personal Identity a Condition of Moral Responsibility?] // *Filosofskiy zhurnal. Philosophy Journal*. 2020. Vol. 13, no. 2. P. 173–184. DOI: 10.21146/2072-0726-2020-13-2-173-184. (In Russ.).
19. Brennan A. Personal Identity and Personal Survival // *Analysis*. 1982. Vol. 42, no. 1. P. 44–50. DOI: 10.1093/analysis/42.1.44. (In Engl.).
20. Brennan A. Survival // *Synthese*. 1984. Vol. 59, no. 3. P. 339–361. DOI: 10.1007/BF00869339. (In Engl.).
21. Pierce C. S. Prolegomena to an Apology for Pragmatism // *Collected Papers of Charles Sanders Pierce* / Eds.: C. Hartshorne, P. Weiss. Vol. 4: The Simplest Mathematics. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1960. P. 411–463. (In Engl.).
22. Korman D. Obychnyye ob'yekty [Ordinary Objects] / trans. from Engl. A. V. Mertsalov // *Stanford Encyclopedia of Philosophy in Russian: Selected Entries* / Eds.: D. B. Volkov, V. V. Vasilyev, M. O. Kedrova. URL: http://philosophy.ru/ordinary_objects/ (accessed: 10.09.2023). (In Russ.).
23. Olson E. T. What Are We? A Study in Personal Ontology. New York: Oxford University Press, 2007. 250 p. (In Engl.).
24. Olson E. T. The Metaphysics of Artificial Intelligence // *Consciousness and the Ontology of Properties* / Ed. M. P. Gula. New York: Routledge, 2019. P. 67–84. (In Engl.).
25. Olson E. T. The Metaphysics of Transhumanism // *Human: A History* / Ed. K. Hübner. New York: Oxford University Press, 2022. P. 381–403. (In Engl.).
26. Rawls J. Two Concepts of Rules // *The Philosophical Review*. 1955. Vol. 64, no. 1. P. 3–32. DOI: 10.2307/2182230. (In Engl.).
27. Strawson P. F. Freedom and Resentment // *Proceedings of the British Academy*. 1962. No. 48. P. 187–211. (In Engl.).
28. Strawson P. F. Svoboda i obida [Freedom and Resentment] / trans. from Engl. E. V. Loginov // *Finikovyy kompote. Date Palm Compote*. 2020. No. 15. P. 204–221. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-204-221. (In Russ.).
29. Shoemaker D. Responsibility from the Margins. New York: Oxford University Press, 2015. 262 p. (In Engl.).
30. Loginov E. V., Gavrilov M. V., Mertsalov A. V., Yunusov A. T. Prolegomeny k moral'noy otvetstvennosti [Prolegomena to Moral Responsibility] // *Finikovyy kompote. Date Palm Compote*. 2020. No. 15. P. 3–100. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-3-100. (In Russ.).
31. Ananyev D. A. Ponyatiye i kontseptsii moral'noy otvetstvennosti [The Concept and Conceptions of Moral Responsibility] // *Finikovyy kompote. Date Palm Compote*. 2020. No. 15. P. 101–107. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-101-107. (In Russ.).
32. Mertsalov A. V. Agentnost', tozhdestvo lichnosti i moral'naya otvetstvennost' [Agency, Personal Identity, and Moral Responsibility] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2022. No. 5. P. 72–90. (In Russ.).
33. Frankfurt H. G. Freedom of the Will and the Concept of a Person // *The Journal of Philosophy*. 1971. Vol. 68, no. 1. P. 5–20. DOI: 10.2307/2024717. (In Engl.).
34. Wolf S. Freedom within Reason. New York: Oxford University Press, 1993. 174 p. (In Engl.).
35. Watson G. Two Faces of Responsibility // *Philosophical Topics*. 1996. Vol. 24, no. 2. P. 227–248. DOI: 10.5840/philtopics199624222. (In Engl.).
36. Smith A. M. Attributability, Answerability, and Accountability: In Defense of a Unified Account // *Ethics*. 2012. Vol. 122, no. 3. P. 575–589. DOI: 10.1086/664752. (In Engl.).
37. Ekstrom L. W. A Coherence Theory of Autonomy // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1993. Vol. 53, no. 3. P. 599–616. DOI: 10.2307/2108082. (In Engl.).
38. Fischer J. M., Ravizza M. Responsibility and Control: A Theory of Moral Responsibility. New York: Cambridge University Press, 1998. 288 p. (In Engl.).
39. Reid T. O tozhdestve lichnosti. Fragment iz sochineniy Tomasa Rida [Of Personal Identity. Fragment from the Writings of Thomas Reid] / trans. from Engl. D. Eremin // *Finikovyy kompote. Date Palm Compote*. 2018. No. 13. P. 90–98. (In Russ.).
40. Locke J. Opyt o chelovecheskom razumenii [An Essay concerning Humane Understanding] / trans. from Engl. A. N. Savin // *Sochineniya. V 3 t. [Works. In 3 vols.]* Moscow, 1985. Vol. 1. P. 78–620. (In Russ.).
41. Weinberg S. Consciousness in Locke. Oxford: Oxford University Press, 2016. 240 p. (In Engl.).

MERTSALOV Andrey Viktorovich, Editor of Moscow Center for Consciousness Studies, Moscow; Director of Center for Consciousness Studies of Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow. SPIN-code: 8294-9926
 AuthorID (RSCI): 1036246
 AuthorID (SCOPUS): 57196065953
 Correspondence address: a.mertsalov@hardproblem.ru

For citations

Mertsalov A. V. In defence of the standard psychological theory: can a person be a type? // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 99–115. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-99-115.

Received October 10, 2023.

© A. V. Mertsalov



УДК 338.46
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-116-125
EDN: PGAVGY

Е. Б. ДВОРЯДКИНА
А. А. ЕЛИСЕЕВА
Н. А. ИСТОМИНА

Уральский государственный
экономический университет,
г. Екатеринбург

ЦИФРОВАЯ СРЕДА РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ПЕРСОНАЛЬНЫХ УСЛУГ И МЕРЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена эмпирической содержательной характеристике цифровой среды, влияющей на функционирование и развитие региональных рынков персональных услуг. Уточнен перечень показателей, отражающих формирование цифровой среды, и выявлены тенденции их изменения в рамках реализации национальных проектов Российской Федерации. Установлено, что цифровая среда способствует эволюции телекоммуникационных сервисов, которые позволяют экономическим агентам региональных рынков персональных услуг коммуницировать посредством персональных сервисов. Следовательно, становится возможным, к примеру, развитие здравоохранения с помощью персонализированной медицины или, например, использование возможностей персонализированного обучения и многое другое. Также рассмотрены меры по регулированию региональных рынков персональных услуг в цифровой среде и приведены примеры региональных практик. Авторами подчеркивается такой магистральный тренд развития региональных потребительских рынков услуг, как цифровизация, что позволяет, в свою очередь, выявить факторы, способствующие развитию региональных рынков персональных услуг.

Ключевые слова: персональные услуги, региональный рынок персональных услуг, онлайн-опыт, цифровая среда, цифровые услуги, регулирование.

Развитие цифровых технологий оказывает воздействие как на общество в целом («оцифровка» всех сфер жизнедеятельности), так и на развитие цифровой экономики. Регуляторная политика со стороны государства, несомненно, сопутствует этому как инструмент для внедрения и совершенствования цифровых технологий и даже цифровых инноваций.

Целью статьи является эмпирическая содержательная характеристика цифровой среды, в рамках которой формируется и развивается региональный рынок персональных услуг (улучшение сервисного обслуживания потребителей), и соответствующих мер регулирования.

Задачами в данном исследовании будут являться:

— выявление общих индикаторов, отражающих цифровое и информационное развитие в контексте

влияния на региональные потребительские рынки услуг (и их компонента — регионального рынка персональных услуг) — первый этап исследования;

— определение перечня показателей, влияющих на формирование цифровой среды, и в т.ч. на функционирование региональных рынков персональных услуг, в аспекте национальных проектов Российской Федерации (далее РФ) — второй этап исследования;

— проведение краткого анализа и оценки тенденций по сформированным перечням показателей, характеризующим функционирование цифровой среды в рамках реализации национальных проектов РФ услуг — третий этап исследования;

— разъяснение дифференцированных мер по регулированию региональных рынков персон-

нальных услуг на примере конкретных региональных практик услуг — четвертый этап исследования;

— разработка и проектирование схемы факторов, способствующих развитию региональных рынков персональных услуг — пятый этап исследования.

В настоящее время в системе государственного управления широко используется информационно-аналитическое обеспечение, функции которого могут быть применимы для мониторинга развития региональных рынков персональных услуг.

Стоит отметить, что эффективная поддержка развития региональных рынков персональных услуг обеспечивается благодаря информационно-аналитическому обеспечению — гибкому в своем реагировании на глубинные причины, относящиеся к более широкой рыночной системе, включающей правила, стандарты и нормативы, а также вспомогательные функции.

На территории РФ действуют и активно используются информационные системы для анализа и оценки тенденций формирования и развития региональных рынков персональных услуг, как:

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система (далее ЕМИСС).

2. База данных показателей муниципальных образований (далее БД ПМО).

3. Федеральная государственная информационная система территориального планирования (далее ФГИС).

4. Портал Федеральной государственной информационной системы мониторинга деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг (далее ФГИС МДМ, МФЦ).

5. Портал КонсультантПлюс (для уточнения информации по государственным программам, действующим в субъектах РФ, регламентирующим условия долгосрочного развития региональных рынков персональных услуг).

Итак, на первом этапе исследования проанализированы открытые статистические данные в рамках реализации национальных проектов РФ, которые отражают цифровую среду [1].

В целом, выделены такие индикаторы, как:

1) количество поддержанных проектов в субъектах РФ, направленных на цифровое и информационное развитие за 2022 г., с июля по декабрь выросло с 83 до 313 ед. (т.е. увеличение на 230 ед.);

2) общий объем инвестиций в основной капитал в развитие цифрового решения в субъектах РФ за 2022 г., с января по июнь, составил 50 157 838 руб.;

3) цифровая зрелость органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, подразумевающая использование ими отечественных информационно-технологических решений, например, по Свердловской области с 41,8 % за 4-й квартал в 2021 г. выросла до 64,5 % за 4-й квартал 2022 г. Также по всем остальным 84 субъектам РФ наблюдается тенденция роста по данному показателю (лидерами, имеющими значения > 90 %, являются: Республика Татарстан за 2022 г., 4-й квартал, 94,7 %; Белгородская область за 2022 г., 4-й квартал, 96,1 %; Москва за 2022 г., 4-й квартал, 99,7 %; Ханты-Мансийский автономный округ-Югра за 2022 г., 4-й квартал, 90,7 %).

Далее, на втором этапе исследования, выделены такие национальные проекты РФ, как здравоохранение; образование; производительность труда; наука и университеты; культура; малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной

Таблица 1

Тенденции в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение»

Наименование показателя	Тенденция
Число граждан, воспользовавшихся услугами (сервисами) в личном кабинете пациента «Мое здоровье» (N7)	Спад на 11,6 %, т.к. за 2021 г. 216 370 тыс. чел., за 2022 г. 191 195 тыс. чел.
Доля случаев оказания медицинской помощи, по которым предоставлены электронные медицинские документы в Единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения за период (N7)	Рост на 48,12 %, т.к. за декабрь 2021 г. 49,1 %, за декабрь 2022 г. 97,22 %
Доля граждан из числа прошедших профилактический медицинский осмотр и (или) диспансеризацию, получивших возможность доступа к данным о прохождении профилактического медицинского осмотра и (или) диспансеризации в личном кабинете пациента «Мое здоровье»	Рост на 14,79 % в связи с тем, что за 2021 г. 1,03 %, за 2022 г. 15,82 %
Доля граждан, являющихся пользователями Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций), которым доступны электронные медицинские документы в личном кабинете пациента «Мое здоровье»	Рост на 36,54 % в связи с тем, что в декабре 2021 г. 20 %, а в декабре 2022 г. 56,54 %
Доля записей на прием к врачу, совершенных гражданами дистанционно	Рост на 19,6 % в связи с тем, что в декабре 2021 г. 43,1 %, в декабре 2022 г. 62,7 %
Доля медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения, использующих медицинские информационные системы для организации и оказания медицинской помощи гражданам, обеспечивающих информационное взаимодействие с Единой государственной информационной системой в сфере здравоохранения	Рост на 8,4 % в связи с тем, что в декабре 2021 г. отмечено 91,6 %, а в декабре 2022 г. установлено 100 %
Доля медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения, подключенных к централизованным подсистемам государственных информационных систем в сфере здравоохранения	Рост на 12,05 %, т.к. за декабрь 2021 г. 84,95 %, за декабрь 2022 г. 97 %

предпринимательской инициативы; международная кооперация и экспорт; цифровая экономика, в которых идентифицирован перечень показателей, влияющих на формирование цифровой среды, и в т.ч. на функционирование региональных рынков персональных услуг. Тенденции целесообразно рассматривать с учетом 2021 и 2022 гг., т.к. массив статистических данных ограничен и многие показатели, характеризующие цифровую среду, аккумулируются органами государственной власти именно с 2021 г.

На третьем этапе более подробно рассмотрены тенденции по отобранным показателям, характеризующим функционирование цифровой среды в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение» в РФ (табл. 1).

Так, среди семи анализируемых основных показателей выявлена тенденция роста по шести, при сравнении 2022 и 2021 гг. — цифровая среда расширяет возможности потребителей медицинских услуг, благодаря платформам медицинского обслуживания, когда появляется необходимый инструмент у пациента, позволяющий, например, осуществить запись на необходимую медицинскую услугу дистанционно.

Согласимся с С. D. Camelia, что «цифровые технологии здравоохранения могут использоваться в определенных клинических условиях, где их добавленная ценность неоспорима» [2, с. 5]. В научном журнале «The Lancet и Financial Times» подчеркивается, что цифровые технологии являются новой детерминантой здоровья [3]. Также стоит

отметить выводы коллектива авторов во главе с М. Senbekov, Т. Saliev, Z. Bukeyeva о том, что «...применение новых цифровых инноваций может улучшить доступность, качество и гибкость здравоохранения...телемедицина помогает людям из сельских и отдаленных регионов...хотя, несомненно, присутствуют такие проблемы, как:

1) клиническая эффективность предлагаемых технологий и их валидация;

2) надежность и безопасность цифровых инноваций в области здравоохранения [4, с. 13]. Развитие российского рынка телемедицинских услуг в условиях цифровизации здравоохранения широко исследуется в трудах А. О. Фечиной, которая разъясняет важность и актуальность основ телемедицины и телемедицинского обслуживания на потребительском рынке услуг [5].

Стоит заметить, что развитие цифровой среды содействует устранению барьеров в обеспечении доступности получения персональных услуг для лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ), инвалидов, а также содействию независимости пожилых людей (адресный подход). В свою очередь, сопутствует развитию такой важной отрасли в медицине, как протезирование, нанопротезирование, благодаря применению современных технологий, адаптированного оборудования и комплекса мероприятий по реабилитации и абилитации, что, несомненно, влияет на повышение качества жизни.

Далее, на третьем этапе исследования, рассмотрены тенденции по отобранным показателям, характеризующим функционирование цифровой сре-

Таблица 2

Тенденции в рамках реализации национальных проектов «Образование, Производительность труда»

Наименование показателя	Тенденция
Доля общеобразовательных организаций, оснащенных в целях внедрения цифровой образовательной среды (Е4)	Отмечен рост на 9,55 % в связи с тем, что показатель в 2021 г. значится как 27,48 %, а в 2022 г. 37,03 %
Доля обучающихся образовательных организаций, реализующих программы среднего профессионального образования, продемонстрировавших по итогам демонстрационного экзамена уровень, соответствующий национальным или международным стандартам (Е6)	Отмечен рост на 3 % в связи с тем, что показатель в 2021 г. значится как 3,5 %, а в 2022 г. 6,5 %
Доля обучающихся, для которых созданы равные условия получения качественного образования вне зависимости от места их нахождения посредством предоставления доступа к федеральной информационно-сервисной платформе цифровой образовательной среды (Е4)	Отмечен рост на 3 % в связи с тем, что показатель в 2021 г. равен 3,5 %, а в 2022 г. 6,5 %
Доля молодежи в возрасте от 14 до 35 лет от числа участников профессиональных конкурсов, направленных на самоопределение и профессиональную самореализацию, в рамках проектов платформы «Россия — страна возможностей» (ЕА)	Отмечен рост на 2,5 % в связи с тем, что показатель в 2021 г. равен 84 %, а в 2022 г. 86,5 %
Количество средних и крупных предприятий базовых несырьевых отраслей экономики, воспользовавшихся услугами экосистемы в целях оптимизации бизнес-процессов (L1)	Рост в 7 раз, т.к. за 2021 г. 107 ед., за 2022 г. 781 ед.
Количество внедрений сервисов цифровой экосистемы на предприятиях-участниках национального проекта (L1)	Рост в 6 раз, т.к. за 2021 г. 146 ед., за 2022 г. 884 ед.
Удовлетворенность предприятий предоставленными сервисами (цифровая экосистема национального проекта) (L1)	Спад на 10,5 %, т.к. за 2021 г. 79,5 %, за 2022 г. 69 %
Количество предприятий-участников цифровой экосистемы производительности в РФ	Рост на 43,5 % за 2023 г., с января (924 ед.) по апрель (1326 ед.)
Количество реализованных комплексных проектов на предприятиях-участниках цифровой экосистемы производительности	Постепенный рост — в марте 2023 г. показатель составил 7 ед., а в апреле 2023 г. 13 ед.
Доля предприятий, на которых ФЦК проведена диагностика уровня зрелости ИТ-функций, реализовавших комплексные проекты	Постепенный рост — в марте 2023 г. показатель составил 5 %, а в апреле 2023 г. 20 %
Количество зарегистрированных пользователей ИТ-платформы управленческих и технологических компетенций, тыс. человек нарастающим итогом	Рост на 8 % — в феврале 2023 г. показатель составлял 108 тыс. чел., в марте 113 тыс. чел., в апреле 117 тыс. чел.

Тенденции в рамках реализации национальных проектов «Наука и университеты, Культура, Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»

Наименование показателя	Тенденция
Численность лиц, прошедших обучение по дополнительным профессиональным программам в образовательных организациях высшего образования, в т. ч. посредством онлайн-курсов (S4)	Рост, с 2020 по 2022 гг. показатель возрос с 2,2 млн чел. до 2,5 млн чел.
Число обращений к цифровым ресурсам (A3)	Рост, с 2019 по 2022 гг., так, в декабре 2019 г. отмечено 58 млн ед., в декабре 2020 г. 118 млн ед., в декабре 2021 г. 231 млн ед., в декабре 2022 г. 264 млн ед.
Количество организаций культуры, получивших современное оборудование (A1)	Рост, с 2019 по 2022 гг., так, в 2019 г. отмечено 11 214 ед., в 2020 г. 30 924 ед., в 2021 г. 40 499 ед., в 2022 г. 50 928 ед.
Количество сервисов, реализованных в рамках цифровой платформы (I8)	Рост в 4,2 раза, т.к. за 2021 г. 5 ед., за 2022 г. 21 ед.
Количество уникальных субъектов малого и среднего предпринимательства, самозанятых граждан и физических лиц, воспользовавшихся услугами и сервисами цифровой платформы (I8)	Отмечен рост в 3,4 раза, в связи с тем что показатель в 2021 г. составил 30 тыс. ед., а в 2022 г. 103,545 тыс. ед.
Количество полученных в рамках цифровой платформы услуг и сервисов (I8)	Отмечен рост в 4,1 раза, в связи с тем что в 2021 г. показатель составил 50 тыс. ед., а в 2022 г. 206,925 тыс. ед.
Удовлетворенность пользователей, получивших услуги и сервисы на цифровой платформе (I8)	Отмечен рост в 2,5 раза, в связи с тем что в 2021 г. показатель значился 32 %, а в 2022 г. значение показателя составляло 81,43 %

Таблица 4

Тенденции в рамках реализации национальных проектов «Международная кооперация и экспорт, Цифровая экономика»

Наименование показателя	Тенденция
Количество экспортеров, которые осуществляют внешнеэкономическую деятельность с использованием экосистемы поддержки экспорта на базе цифровой платформы АО «Российский экспортный центр» («Одно окно») (T6)	Отмечен рост в 1,5 раза, в связи с тем что в 2021 г. значение показателя составило 3155 ед., а в 2022 г. значилось как 4662 ед.
Количество сервисов информационной системы «Одно окно», доступных пользователям (T6)	Отмечен рост в 1,4 раза, в связи с тем, что за 2021 г. значение показателя составляло 25 ед., а за 2022 г. было равно 34 ед.
Удовлетворенность качеством оказания услуг, в том числе государственных, предоставляемых с использованием информационной системы «Одно окно» (T6)	Отмечен рост, так, в 2021 г. показатель составлял 8,1 ед., а в 2022 г. значение показателя составляло 8,3 ед.
Число активных «личных кабинетов» информационной системы «Одно окно»	Отмечен рост на 3240 ед., так, в 2021 г. показатель составлял 4366 ед., а в 2022 г. значение показателя значится как 7606 ед.
Доля массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде, предоставляемых с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) (ЕПГУ), от общего количества таких услуг, предоставляемых в электронном виде (D6)	Отмечен рост при сравнении показателя за декабрь 2022 г. (99,97 %) и 2021 г. (59,69 %)
Доля госуслуг, оказываемых онлайн	Отмечен рост при сравнении показателя за декабрь 2022 г. (99,97 %) и 2021 г. (59,69 %)
Доля органов государственной власти, использующих государственные облачные сервисы и инфраструктуру	Отмечен рост на 11 %, при сравнении показателя за декабрь 2021 г. (28 %) и 2022 г. (39 %)
Количество государственных услуг, предоставляемых органами государственной власти в реестровой модели и (или) в проактивном режиме с предоставлением результата в электронном виде на едином портале государственных и муниципальных услуг (функций)	Отмечен рост в 2,2 раза при сравнении показателя за декабрь 2022 г. (204 ед.) и 2021 г. (92 ед.)
Количество реализованных на базе единой платформы сервисов обеспечения функций органов государственной власти и органов местного самоуправления, в том числе типовых функций	Отмечен рост в 1,3 раза при сравнении показателя за декабрь 2022 г. (120 шт.) и 2021 г. (92 шт.)

ды в рамках реализации национальных проектов «Образование, Производительность труда» в РФ (табл. 2).

Так, среди 10-ти (из 11-ти) анализируемых основных показателей выявлена тенденция роста при

сравнении 2022 и 2021 гг. — персональные услуги в сфере образования могут быть обеспечены за счет функционирования цифровых платформ, т.е. платформ цифрового обучения, которые обеспечивают новый ландшафт цифрового образо-

Таблица 5

Меры по регулированию региональных рынков персональных услуг: примеры региональных практик

Наименование услуг	Меры по регулированию региональных рынков персональных услуг в цифровой среде	Пример региональных практик
Бытовые персональные услуги		
Бытовые услуги	Технизация бытовой культуры	Мобильные приложения организаций, оказывающих бытовые услуги (г. Москва — химчистка bianca, ато; Свердловская область — Яндекс.Услуги; г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Екатеринбург — сервис KidsWay; сервис сопровождения детей на занятия — персональные услуги автоняни; Российский сервис — YouDo) и др.
Небытовые персональные услуги		
Услуги для лиц с ОВЗ и инвалидов	Обеспечение техническими и тифлотехническими средствами реабилитации; эффективное функционирование региональных составляющих отраслевых цифровых платформ; обеспечение доступа к получению инклюзивного и дистанционного образования для детей с ОВЗ и др.	Дистанционное обучение детей данной категории лиц «Школа.ру» — (Республика Алтай, Алтайский край и пр.); Бесплатные онлайн-курсы для ухаживающих за людьми с деменцией (Обучение родственников особенностям ухода за дементным больным; Особенности ухода за дементными больными: социальные, психологические и медицинские аспекты) — Свердловская область; Пилотный проект «Система одновременного ухода за пожилыми людьми и инвалидами на дому» — Свердловская область с 01.09.2023; Онлайн-курс по рисованию для детей с ментальными нарушениями — Проект «Творчество без границ» — Свердловская область и пр.
Медицинские услуги	Персонализированная медицина (оказание медицинских услуг); использование медицинскими организациями единой национальной системы электронных медицинских карт; организация подхода «4П»; развитие сектора телемедицины; электронный документооборот для граждан — медицинская карта; запись к врачу; электронные рецепты; цифровой профиль и др.	Реализация стратегической инициативы «Персональные медицинские помощники» — Республика Татарстан, Новосибирская область, Иркутская область, Самарская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра; внедрение в работу «Мониторинга оказания медицинской помощи с использованием метода экстракорпорального оплодотворения» — Еврейская автономная область и др.
Юридические услуги	Организация межведомственного юридически значимого электронного документооборота между многофункциональными центрами и органами власти и пр.	В центрах «Мои документы» реализуется проект по предоставлению гражданам бесплатной юридической помощи адвокатами, нотариусами и юристами (возможность предварительной записи граждан для получения бесплатной юридической помощи; возможность получения консультаций с помощью видеосвязи, в т.ч. для слабослышащих граждан). Доступность получения юридической помощи гражданами и реализация принципа «одного окна» (Новгородская область, Ненецкий автономный округ и др.).
Услуги в области культуры и просвещения	Цифровизация культурных ресурсов (виртуальные выставочные проекты; автоклубы) — создание новых типов цифрового контента; оцифровка фондов; создание и развитие региональной цифровой платформы и др.	Российский сайт Культура. live; мобильное приложение «Особый взгляд» — позволяющее получить тифлокомментарий — Свердловская область и др.
Услуги в области торговли	Участие в национальных павильонах на крупнейших электронных площадках и других специальных проекта (электронная коммерция).	Функционирование маркетплейсов (ozon, wildberries и др.)
Услуги в области образования	Реализация федерального проекта «Современная цифровая образовательная среда»; создание цифровой образовательной среды и др.	Создан и действует научно-образовательный центр «Алтай», где реализуется проект «Цифровая школа» — Республика Алтай и пр.
Услуги в секторе государственного управления	Сопровождение проектов в режиме «одного окна»; цифровизация деятельности мировых судов; перевод государственных и муниципальных услуг в электронный вид; реализация суперсервисов на Едином портале государственных и муниципальных услуг; развитие единой цифровой среды для субъектов МСП и самозанятых граждан; «Цифровая зрелость» органов государственной власти и пр.	Реализация проекта платформы цифровых сервисов «Комфортный Сахалин»; создание цифрового «Авоиника» Липецкого и Елецкого ареалов агломерации — Липецкая область и др.

вания — С. Собо, А. Rivas [6] и, конечно, влияют на повышение уровня инклюзивности — R. Blonder [7]. Нарращивание возможностей дополнительного дистанционного образования и профессиональной переподготовки, а также реализация мероприятий активной политики, которая бы содействовала занятости — влияет на развитие регионального рынка персональных услуг в сфере занятости. В свою очередь, необходимо учитывать и те изменения, которые происходят в структуре спроса на труд, развитии импортозамещающих технологий и производств с обеспечением этого процесса адекватным человеческим капиталом.

Научная тематика, представляющая собой экосистему цифрового бизнеса, набирает популярность с 2007-х гг. Так, коллектив авторов — А. Corallo, G. Passiante, A. Prencipe, поясняют, что «...создается связь между перспективой цифровой бизнес-экосистемы и моделями электронного бизнеса посредством ИКТ... ее клиентов и рынка, а также измерением производительности цифровой организации в ее бизнес-экосистеме» [8, с. 6]. В связи с этим можно констатировать важность существования цифровой экосистемы производительности в РФ, постепенного роста количества предприятий-участников и, в свою очередь, реализованных комплексных проектов на предприятиях.

Далее, на этом же этапе исследования, выявлены тенденции по отобранным показателям, характеризующим функционирование цифровой среды РФ в рамках реализации национальных проектов «Наука и университеты, Культура, Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (табл. 3).

Так, среди семи анализируемых основных показателей наблюдается тенденция роста по всем, при сравнении 2022 и 2021 гг. — стоит особо акцентировать внимание на том, что цифровая среда позволяет не только связывать экономических агентов регионального рынка персональных услуг, но и предоставляет возможность развития сектора цифровых персональных услуг, которые могут быть в таких сферах, как образование (услуги онлайн-курсов), культуры (виртуальная прогулка по музеям, театрам; дистанционные услуги в секторе библиотечного комплекса) — с помощью цифровых платформ.

Например, коллектив зарубежных ученых L. Howes, L. Ferrell, G. Pettys, A. Roloff уделяют внимание как раз удаленному библиотечному обслуживанию, а именно его адаптации вовремя COVID-19 [9]. Сектор библиотечного обслуживания в сегменте оказания цифровых персональных услуг проходит развитие в настоящее время. Так, мы можем отметить, что и Российская государственная библиотека расширила свой список услуг, оказываемых дистанционно, теперь они предоставляют услуги не только с помощью виртуальной службы, но и посредством формы индивидуального запроса в виртуальный читальный зал, что, несомненно, привлекает большее число потребителей. Вопросам, посвященным развитию дистанционного обслуживания в библиотечном комплексе, уделяется внимание такими российскими авторами, как О. А. Кучеркова [10], М. Ю. Нещерет [11] и др.

В продолжение представим тенденции по отобранным показателям, характеризующим функционирование цифровой среды РФ в рамках реализации национальных проектов «Международная кооперация и экспорт, Цифровая экономика» (табл. 4).

Так, среди девяти анализируемых основных показателей выявлена тенденция роста по всем, при сравнении 2022 и 2021 гг. — как мы можем отметить, государственная система «одного окна» является гармонизированной системой, позволяющей производителям, оказывающим персональные услуги, и потребителям, имеющим намерение их потребить, упрощать процессы совместной коммуникации.

В сфере рынка государственных услуг в электронной форме реализуется Федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика РФ» в рамках государственной программы «Информационное общество» [12].

Уровень цифровой зрелости органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления постепенно повышается с учетом таких принципов, как экстерриториальность, проактивность и, безусловно, реестровость.

Различные аспекты становления цифровой экономики достаточно широко исследуются такими авторами, как А. В. Суворова. Она останавливается на освещении тем цифровой экономики — одно из приоритетных направлений современности, коснувшееся разных сфер жизнедеятельности, на аспектах сельского хозяйства, что также имеет принципиальное значение для развития субъектов РФ, региональных потребительских рынков [13, с. 225].

Таким образом, результаты третьего этапа исследования подтверждают наличие магистрального тренда развития региональных потребительских рынков услуг и, в частности, региональных рынков персональных услуг — цифровизации.

Рассматривая федеральный уровень, на котором происходит формирование условий долгосрочного развития региональных рынков персональных услуг, можно акцентировать внимание на том, что реализация национальных проектов способствует организации цифровой среды для оказания и получения услуг, в т.ч. персональных, посредством функционирования платформ.

Далее, на четвертом этапе исследования, осветим вопрос, связанный с разработкой дифференцированных мер по регулированию региональных рынков персональных услуг.

Перспективы регулирования региональных рынков персональных услуг в различных субъектах РФ во многом складываются исходя из определенных ценностных ориентиров, в первую очередь это повышение качества жизни и благосостояния населения, указанных в стратегиях социально-экономического развития определенной территории.

Общие мероприятия, относящиеся к теме оцифровки услуг, развитию цифровой среды регионального рынка персональных услуг, классифицируемых как бытовые и небытовые [14], представлены в табл. 5.

Как мы можем отметить, меры регулирования региональных рынков персональных услуг связаны с реализацией проектов, направленных на внедрение цифровых инструментов, что позволило бы оказывать и потреблять персональные услуги дистанционно (использование персональных сервисов для улучшения качества жизни).

Так, в свою очередь, рассмотрение мер по регулированию региональных рынков персональных услуг позволило разработать схему факторов, способствующих развитию региональных рынков пер-

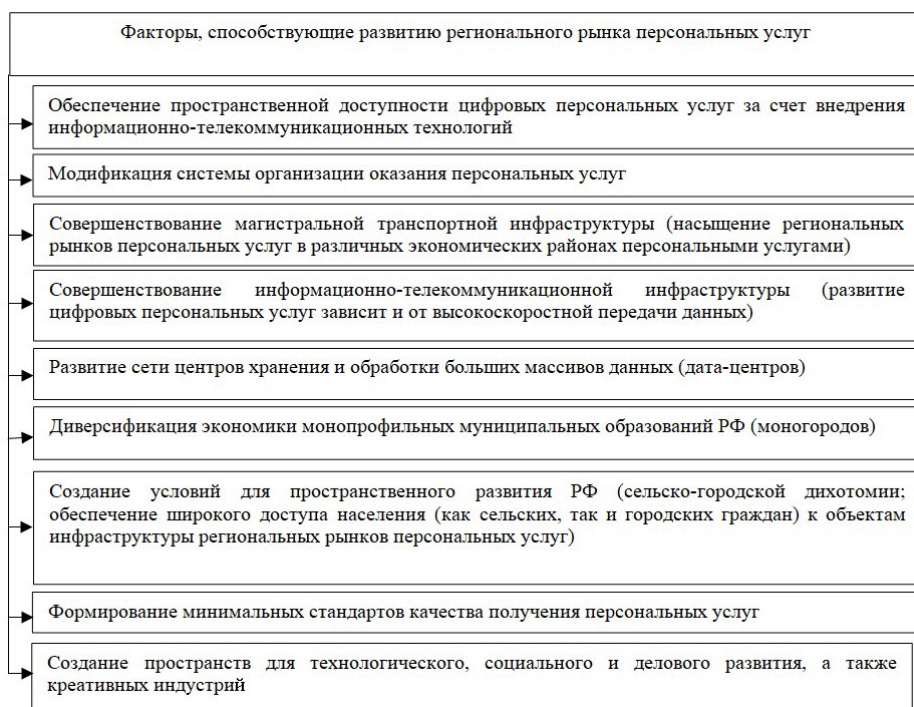


Рис. 1. Схема факторов, способствующих развитию региональных рынков персональных услуг

сональных услуг и отражающих магистральный тренд развития региональных потребительских рынков услуг — цифровизацию, рис. 1 — пятый этап исследования (конкретизирует новизну полученных результатов исследования).

Таким образом, к факторам, способствующим развитию региональных рынков персональных услуг, относятся:

- 1) обеспечение пространственной доступности цифровых персональных услуг за счет внедрения информационно-телекоммуникационных технологий;
- 2) модификация системы организации оказания персональных услуг;
- 3) совершенствование магистральной транспортной инфраструктуры (насыщение региональных рынков персональных услуг в различных экономических районах персональными услугами);
- 4) совершенствование информационно-телекоммуникационной инфраструктуры (развитие цифровых персональных услуг зависит и от высокоскоростной передачи данных);
- 5) развитие сети центров хранения и обработки больших массивов данных (дата-центров);
- 6) диверсификация экономики монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов);
- 7) создание условий для пространственного развития РФ (сельско-городской дихотомии; обеспечение широкого доступа населения (как сельских, так и городских граждан) к объектам инфраструктуры региональных рынков персональных услуг);
- 8) формирование минимальных стандартов качества получения персональных услуг;
- 9) создание пространств для технологического, социального и делового развития, а также креативных индустрий.

Заключение. Цифровая среда действительно оказывает влияние на функционирование и развитие региональных рынков персональных услуг, прежде всего за счет внедрения цифровых платформ

для оказания персональных услуг по различным видам экономической деятельности. Как мы смогли убедиться, такой мейнстрим, как цифровизация, сопутствует развитию в целом региональных потребительских рынков услуг, а также, в частности, региональных рынков персональных услуг. Особую актуальность приобретают цифровые персональные услуги (ввиду набирающей популярность концепции персонализации; индивидуализации в обслуживании; адаптивного подхода), что подтверждается результатами проведенного исследования — тенденций роста по основным 35-ти показателям, характеризующим цифровую среду региональных рынков персональных услуг. Также нельзя не отметить, что бытовые и небытовые персональные услуги подтверждены «оцифровке» — наглядно отражено при рассмотрении мер по регулированию региональных рынков персональных услуг в цифровой среде на примере региональных практик субъектов РФ.

Библиографический список

1. ЕМИСС: Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 27.05.2023).
2. Camelia C. D. The digitalization of healthcare services // Archives of the Balkan Medical Union. 2022. Vol. 57, no. 1. P. 5–7. DOI: 10.31688/abmu.2022.57.1.5.
3. The Lancet Digital Health. Digital technologies: a new determinant of health // The Lancet Digital Health. 2021. Vol. 3, no. 11. P. e684. DOI: 10.1016/s2589-7500(21)00238-7.
4. Senbekov M., Saliev T., Bukeyeva Z. [et al.]. The recent progress and applications of digital technologies in healthcare: a review // International Journal of Telemedicine and Applications. 2020. Vol. 2020. P. 1–18. DOI: 10.1155/2020/8830200.
5. Фечина А. О. Комплексный теоретический подход к исследованию рынка телемедицинских услуг // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7, № 7. С. 26. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_7_398. EDN: YUTIOX.

6. Cobo C., Rivas A. The New Digital Education Policy Landscape. New York: Routledge, 2023. 238 p. DOI: 10.4324/9781003373018.
7. Blonder R. Digital Learning Platforms: Digital Platforms for Increasing Inclusion in Chemistry Education // Digital Learning and Teaching in Chemistry. 2023. P. 108–113. DOI: 10.1039/9781839167942-00108.
8. Corallo A., Passiante G., Prencipe A. The Digital Business Ecosystem. Edward Elgar Publishing, 2007. 264 p. ISBN 1781009929.
9. Howes L., Ferrell L., Pettys G. [et al.]. Adapting to Remote Library Services during COVID-19. Medical Reference Services Quarterly. 2021. Vol. 40, no. 1. P. 35–47. DOI: 10.1080/02763869.2021.1873616.
10. Кучеркова О. А. Ассортимент услуг на официальных сайтах государственных (универсальных) библиотек субъектов Российской Федерации // Библиотекосведение. 2018. Т. 67, № 2. С. 225–231. DOI: 10.25281/0869-608X-2018-67-2-225-231. EDN: XSQACT.
11. Нещерет М. Ю. Библиотечно-информационные услуги в личном кабинете пользователя библиотеки // Библиотекосведение. 2023. Т. 72, № 3. С. 213–223. DOI: 10.25281/0869-608X-2023-72-3-213-223. EDN: PMZSZK.
12. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 474. URL: <http://government.ru/docs/all/128943/> (дата обращения: 27.05.2023).
13. Суворова А. В. Цифровая экономика в сельском хозяйстве: возможности и перспективы развития // Актуальные вопросы развития аграрного сектора Байкальского региона: материалы научн.-практ. конф., посвященной Дню российской науки (Улан-Удэ, 06–08 февраля 2019 г.). Улан-Удэ: Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова, 2019. С. 225–227. EDN: NQJQLW.
14. Дворядкина Е. Б., Елисеева А. А. К вопросу о классификации персональных услуг на региональном рынке // Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития: материалы V Междунар. научн.-практ. конф. (Екатеринбург, 12 мая 2022 г.). Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2022. С. 45–49. EDN: UTJUA.

ДВОРЯДКИНА Елена Борисовна, доктор экономических наук, профессор (Россия), профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, директор института экономики и финансов Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ), г. Екатеринбург.

SPIN-код: 9669-2400

AuthorID (РИНЦ): 308967

ORCID: 0000-0001-5163-0334

AuthorID (SCOPUS): 57192311691

Адрес для переписки: elena.dvoryadkina@yandex.ru

ЕЛИСЕЕВА Александра Александровна, аспирант кафедры региональной, муниципальной экономики и управления УрГЭУ, г. Екатеринбург.

SPIN-код: 6406-0309

AuthorID (РИНЦ): 1080668

ORCID: 0000-0001-6797-0835

AuthorID (SCOPUS): 57223668801

Адрес для переписки: eliseeva_aa@usue.ru

ИСТОМИНА Наталья Александровна, доктор экономических наук, доцент (Россия), профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита УрГЭУ, г. Екатеринбург.

SPIN-код: 3657-8355

AuthorID (РИНЦ): 333146

Адрес для переписки: n_istomina_usue@mail.ru

Для цитирования

Дворядкина Е. Б., Елисеева А. А., Истомина Н. А. Цифровая среда развития региональных рынков персональных услуг и меры их регулирования // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 116–125. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-116-125.

Статья поступила в редакцию 19.09.2023 г.

© Е. Б. Дворядкина, А. А. Елисеева, Н. А. Истомина



DIGITAL ENVIRONMENT OF DEVELOPMENT OF REGIONAL MARKETS OF PERSONAL SERVICES AND MEASURES OF THEIR REGULATION

The article is devoted to the empirical content characteristics of the digital environment affecting the functioning and development of regional markets for personal services. The list of indicators reflecting the formation of the digital environment has been clarified and trends in their changes in the framework of the implementation of national projects of the Russian Federation have been identified. It is established that the digital environment contributes to the evolution of telecommunication services that allow economic agents of regional markets of personal services to communicate through personal services. Consequently, it becomes possible, for example, the development of healthcare with the help of personalized medicine or, for example, the use of personalized learning opportunities, etc. Also, measures to regulate regional markets for personal services in the digital environment are considered and examples of regional practices are given. The authors emphasize such a major trend in the development of regional consumer services markets as digitalization, and, in turn, it allows us to identify factors contributing to the development of regional markets for personal services.

Keywords: personal services, regional personal services market, online experience, digital environment, digital services, regulation.

References

1. EMISS: Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema [UIISS: Unified interdepartmental information and statistical system]. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/> (accessed: 27.05.2023). (In Russ.).
2. Camelia C. D. The digitalization of healthcare services // Archives of the Balkan Medical Union. 2022. Vol. 57, no. 1. P. 5–7. DOI: 10.31688/abmu.2022.57.1.5. (In Engl.).
3. The Lancet Digital Health. Digital technologies: a new determinant of health // The Lancet Digital Health. 2021. Vol. 3, no. 11. P. e684. DOI: 10.1016/s2589-7500(21)00238-7. (In Engl.).
4. Senbekov M., Saliev T., Bukeyeva Z. [et al.]. The recent progress and applications of digital technologies in healthcare: a review // International Journal of Telemedicine and Applications. 2020. Vol. 2020. P. 1–18. DOI: 10.1155/2020/8830200. (In Engl.).
5. Fechina A. O. Kompleksnyy teoreticheskiy podkhod k issledovaniyu rynka teleditsinskikh uslug [Complex theoretical approach to telemedicine services market research] // Moskovskiy Ekonomicheskiy Zhurnal. Moscow Economic Journal. 2022. Vol. 7, no. 7. P. 26. DOI: 10.55186/2413046X_2022_7_7_398. EDN: YYTIOX. (In Russ.).
6. Cobo C., Rivas A. The New Digital Education Policy Landscape. New York: Routledge, 2023. 238 p. DOI: 10.4324/9781003373018. (In Engl.).
7. Blonder R. Digital Learning Platforms: Digital Platforms for Increasing Inclusion in Chemistry Education // Digital Learning and Teaching in Chemistry. 2023. P. 108–113. DOI: 10.1039/9781839167942-00108. (In Engl.).
8. Corallo A., Passiante G., Prencipe A. The Digital Business Ecosystem. Edward Elgar Publishing, 2007. 264 p. ISBN 1781009929. (In Engl.).
9. Howes L., Ferrell L., Pettys G., Roloff A. Adapting to Remote Library Services during COVID-19. Medical Reference Services Quarterly. 2021. Vol. 40, no. 1. P. 35–47. DOI: 10.1080/02763869.2021.1873616. (In Engl.).
10. Kucherkova O. A. Assortiment uslug na ofitsial'nykh saytakh gosudarstvennykh (universal'nykh) bibliotek sub'yektov Rossiyskoy Federatsii [The range of services on the official websites of state (universal) libraries of the subjects of the Russian Federation] // Bibliotekovedeniye. Librarianship. 2018. Vol. 67, no. 2. P. 225–231. DOI: 10.25281/0869-608X-2018-67-2-225-231. EDN: XSQACT. (In Russ.).
11. Neshcheret M. Yu. Bibliotekno-informatsionnyye uslugi v lichnom kabinete pol'zovatelya biblioteki [Library and information services in the personal account of the library user] // Bibliotekovedeniye. Librarianship. 2023. Vol. 72, no. 3. P. 213–223. DOI: 10.25281/0869-608X-2023-72-3-213-223 EDN: PMZSZK. (In Russ.).
12. O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 21 iyulya 2021 g. № 474 [On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation No. 474 dated July 21, 2021]. URL: <http://government.ru/docs/all/128943/> (accessed: 27.05.2023). (In Russ.).
13. Suvorova A. V. Tsifrovaya ekonomika v sel'skom khozyaystve: vozmozhnosti i perspektivy razvitiya [Digital economy in agriculture: opportunities and prospects for development] //

Aktual'nyye voprosy razvitiya agrarnogo sektora Baykal'skogo regiona. *Topical Issues of the Development of the Agricultural Sector of the Baikal Region*. Ulan – Ude, 2019. P. 225 – 227. EDN: NQJQLW. (In Russ.).

14. Dvoryadkina E. B., Eliseeva A. A. K voprosu o klassifikatsii personal'nykh uslug na regional'nom rynke [On the classification of personal services in the regional market] // *Menedzhment i predprinimatel'stvo v paradigme ustoychivogo razvitiya. Management and Entrepreneurship in the Paradigm of Sustainable Development*. Yekaterinburg, 2022. P. 45 – 49. EDN: UTJUAA. (In Russ.).

DVORYADKINA Elena Borisovna, Doctor of Economics Sciences, Professor, Professor of Regional, Municipal Economics and Management Department, Director of Economics and Finance Institute, Ural State University of Economics (USUE), Yekaterinburg.

SPIN-code: 9669-2400

AuthorID (RSCI): 308967

ORCID: 0000-0001-5163-0334

AuthorID (SCOPUS): 57192311691

Correspondence address: elena.dvoryadkina@yandex.ru

ELISEEVA Aleksandra Aleksandrovna, Graduate Student of Regional, Municipal Economics and Management Department, USUE, Yekaterinburg.

SPIN-code: 6406-0309

AuthorID (RSCI): 1080668

ORCID: 0000-0001-6797-0835

AuthorID (SCOPUS): 57223668801

Correspondence address: eliseeva_aa@usue.ru

ISTOMINA Natal'ya Aleksandrovna, Doctor of Economics Sciences, Associate Professor, Professor of the Finance, Money Circulation and Credit Department, USUE, Yekaterinburg.

SPIN-code: 3657-8355

AuthorID (RSCI): 333146

Correspondence address: n_istomina_usue@mail.ru

For citations

Dvoryadkina E. B., Eliseeva A. A., Istomina N. A. Digital environment of development of regional markets of personal services and measures of their regulation // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 116 – 125. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-116-125.

Received September 19, 2023.

© E. B. Dvoryadkina, A. A. Eliseeva,
N. A. Istomina



ОРГАНИЗАЦИОННО- УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА СПЕЦИАЛИСТОВ НА ОСНОВЕ ЭЛЕМЕНТОВ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

В статье рассматриваются различные подходы, используемые для исследований рынка труда, проанализированы их достоинства и недостатки, что позволило обосновать институциональный подход как наиболее релевантный для исследования совершенствования регионального рынка труда специалистов в современных условиях технологической трансформации на основе цифровизации. Представлен результат проведенного исследования, которым является разработка организационно-управленческого механизма в виде комплексной системы управленческих этапов, включающих определенные организационные и экономические мероприятия, реализуемые на всех уровнях управления региональным рынком труда специалистов как специфичной категории работников.

Ключевые слова: региональный рынок труда, специалист, институциональный подход, цифровая экономика, трансформация, организационно-управленческий механизм.

Введение. Гармоничный переход к региональной цифровой экономике сложно представить без создания адекватной институциональной среды на региональном рынке труда. Это обусловлено местом и ролью регионального рынка труда, заключающихся, прежде всего, в формировании специалистов, обладающих необходимыми цифровыми компетенциями для удовлетворения потребностей региональной экономики в развитии диджитализации, что предполагает развитие формальных и неформальных институтов, способных обеспечить достаточные и необходимые условия для осуществления процесса цифровизации. Причем формируемая на региональном рынке труда институциональная среда призвана не только осуществлять процесс выпуска на рынок специалистов с цифровыми компетенциями, но и подготавливать основу для внедрения и активного использования цифровых инструментов с учетом растущих соответствующих потребностей региональной экономики.

Состояние и характеристика регионального рынка труда зависят во многом от ресурсного потенциала региона, природно-климатических условий, его территориального расположения, а также от тенденций развития экономики и сложившейся экономической ситуации. Помимо этого, в настоящий момент на региональный рынок труда существенное влияние оказывают и процессы циф-

ровизации, которые порождают определенные структурные, организационные, экономические и институциональные изменения на рынках труда регионов [1, 2]. В качестве наиболее масштабных по охвату региональных рынков труда и динамичных по формированию и развитию определены такие тенденции трансформаций, как изменение структуры занятости; необходимость цифровых компетенций у современных специалистов; преобладание дистанционного характера работы и гибкой формы занятости; снижение потребностей на традиционные профессии и рост числа профессий, где необходимы информационно-коммуникационные навыки.

Обзор литературы. На теоретическом этапе исследования выявлен ряд методологических подходов, используемых в исследованиях регионального рынка труда, опирающихся на относительно различные научные позиции, характерные для тех или иных экономических школ. Так, сторонники классического подхода (А. Смит, Д. Рикардо, У. Петти и др.) придерживались позиции регулирования рынка труда за счет механизма конкуренции и возвращения рынка к состоянию равновесия. Помощь государства при этом считалась излишней и препятствующей саморегулированию рынка.

Представители неоклассического подхода (А. Маршалл, Й. Шумпетер, А. Пигу и др.) счита-

ли, что регулятором на рынке труда, роль которого существенна, является заработная плата. Авторы данного подхода по-прежнему основывались на научной гипотезе о том, что экономика способна без вмешательства государства регулировать и восстанавливать занятость на рынке труда. Рынок труда, таким образом, самостоятельно может обеспечить полную занятость, а вмешательство государства приводит лишь к нарушению работы рыночного механизма.

Последователи направления неоклассического синтеза (П. Самуэльсон, Р. Макконелл и др.) утверждали, что в целях улучшения функционирования рынка труда необходимо одновременно использовать механизмы как рыночного, так и государственного регулирования, при этом государственное регулирование экономики считается более приоритетным по сравнению с рыночным.

Сторонники кейнсианского направления (Дж. Кейнс, Д. Робинсон) придерживались точки зрения, что рынок труда находится в ситуации постоянного неравновесия. Занятость формируется исходя из психологических факторов, которые определяют поведение работников на рынке труда. Регулирующей силой выступает государство, которое воздействует на совокупный спрос и определяет минимальное значение заработной платы [3, 4].

Каждый из вышеописанных подходов отражает отдельные элементы механизма функционирования рынка труда и не позволяет сформировать комплексную организационно-управленческую модель механизма функционирования и развития регионального рынка труда с учетом современных процессов цифровизации, обуславливающих существенное повышение потребности рынков труда регионов в специалистах как категории работников, обладающих определенным компетентностным уровнем в рамках относительно широкой или узкой профессиональной специализации.

Относительно иной позиции по поводу теории и методологии функционирования рынка труда и его региональной составляющей придерживаются представители институционального подхода. Принято считать, что впервые сформулировал и изложил институциональный подход применительно к анализу экономических процессов Т. Веблен. Он определял «институт» как привычки, стереотипы мысли, которые разделяются большим числом общества. Институциональная среда, по его мнению, выступает последствием адаптации средств к целям. Сами по себе институты стабильны, однако в силу трансформации в обществе и экономике они могут трансформироваться и им на смену приходят другие. Общественными институтами Т. Веблен считал государство, профсоюзы, систему образования, систему хозяйственного права, семью и др., которые и прививают индивиду привычные нормы поведения в обществе, и в частности экономического поведения.

Дж. Коммонс считается основателем и сторонником социально-правового направления в институционализме. Применительно к экономике труда он выступал за повышение заработной платы, установление восьмичасового рабочего дня, применение арбитража при решении трудовых конфликтов, проведение социальных реформ в сфере труда, обеспечение безопасного труда, регулирование занятости женщин, детей и т.п. Дж. Коммонс в своей теории большое внимание уделял институтам, особенно юридическим, и считал, что правовые

нормы и юридические отношения на рынке труда являются основой развития экономики, от степени развитости социально-правового аспекта во многом зависит успешность функционирования рынка труда [5, 3].

В современной науке известно немало трактовок экономического содержания термина «институт». Чаще всего авторы придерживаются одного из двух вариантов. Сторонники первого под институтами понимают устойчивые нормы и правила, которые призваны определять поведение людей, а сторонники второго варианта утверждают, что институтами следует считать организации (государство, партии, учреждения, профсоюзы) [6]. Оба варианта дополняют друг друга. По мнению Ирхина Ю. В., нормы, правила, традиции рассматриваются как первичные институты по отношению к сложным институтам — организациям. Организации функционируют на основе комплексной системе норм и правил. Институты в целом являют собой разработанные формальные законы и неформальные ограничения, а также в определенной степени выполняют роль факторов принуждения и/или мотивации.

Институциональный подход предполагает, что рынок труда имеет свою институциональную природу и действует как самостоятельный экономический институт. Сторонники данного подхода считают, что состояние рынка труда зависит от развития отдельных отраслей и особенностей профессионально-демографических групп, находящихся на данном рынке труда, объектом внимания в таком случае выступают профессиональные и отраслевые различия на рынке труда.

Современные неoinституционалисты, с одной стороны, стремятся расширить сферу применения стандартного инструментария и понятийного аппарата экономической теории для изучения таких явлений, как здравоохранение и трудовая этика, контракты и право, парламентские выборы и лоббизм, преступность и расовая дискриминация. С другой стороны, — ввести институциональные детали в экономические модели неоклассической теории, приблизить их к реальной экономической практике и ситуациям, с которыми сталкиваются фирмы, индивиды и институты государственной власти. Неoinституционализм породил теории гибкого рынка труда, что проявляется в появлении нестандартных форм занятости и индивидуального подхода к каждому работнику и его потребностям на рынке труда [7, 5].

Преимуществом институционального подхода применительно к исследованию регионального рынка труда можно отнести влияние на появление концепции сегментирования рынка труда, предполагающей деление рынка на определенные сегменты, исходя из различий отдельных категорий и социальных групп работников и особенностей их трудового поведения. Так, определенный исследовательский интерес представляет социальная группа работников — молодые специалисты, т.к. молодежь представляет основную долю трудового потенциала любого региона и определяет перспективы его развития, позволяет обеспечивать потребности экономики региона в трудоспособной перспективной рабочей силе. При этом молодые специалисты, представленные отдельной социальной группой на рынке труда, имеют свои особенности, ключевыми из которых являются высокая мобильность на рынке труда, что обуславливает тенденцию к большому миграционному потоку, наличие боль-

ших амбиций в плане карьеры и заработной платы, одновременно это сопровождается отсутствием достаточного опыта и уровня квалификации.

К институциональным аспектам региональных рынков труда можно отнести и различные программы, которые действуют в настоящее время в РФ, связанные с получением населением навыков в области цифровизации. Образовательные программы, реализуемые на федеральном и региональном уровнях и направленные на переподготовку и повышение квалификации сотрудников, осуществляются по актуальным направлениям подготовки в условиях цифровизации. Данные программы обеспечивают повышение образовательного уровня работников в соответствии с требованиями цифровой экономики. Причем исследователями отмечается наличие экономического роста в случае институционального обеспечения данного процесса при одновременном повышении уровня здоровья и образования работников региона [8, 9].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в последнее время наблюдается процесс возрастания методологического значения институционального подхода, учитывающего институциональные факторы, действующие на рынке труда, что обуславливает развитие применения институционального подхода к исследованиям регионального рынка труда всех категорий и социальных групп работников и, в частности, специалистов как специфичной категории рынка труда в современных реалиях цифровой экономики.

Основные результаты исследования. Использование элементов институционального подхода в целях развития и совершенствования регионального рынка труда обусловлено во многом трансформацией роли институтов на рынке труда в условиях цифровизации экономики, необходимостью анализа профессионального поведения отдельных категорий и групп работников, отличающихся по социально-экономическим и демографическим характеристикам, обладающих определенными особенностями на рынке труда, что отличает их от других групп и предъявляет к ним специфические требования со стороны работодателей и требует государственного регулирования в виде доработки правовой базы, создания институтов, способных обеспечить им комфортное нахождение на региональном рынке труда [10]. Фокус-группой работников, рассматриваемых авторами, являются специалисты как категория работников, которые приобретают ключевую роль в формировании кадрового потенциала региона в условиях цифровой экономики, а следовательно, к ним предъявляются повышенные требования со стороны работодателей: цифровая грамотность, эмоциональный интеллект, нацеленность на постоянное обучение, креативность, гибкость и адаптивность и пр.

Совершенствование законодательно-правовой базы в области регионального рынка труда в условиях цифровизации экономики предполагает улучшение ситуации на рынке труда, повышение эффективности работы органов государственного управления на всех уровнях иерархии и возможности эффективно влиять на развитие регионального рынка труда в условиях цифровой трансформации [11, 12].

Цель институционального подхода применительно к исследованию регионального рынка труда в условиях цифровой экономики — формирование эффективной институциональной среды на регио-

нальном рынке труда для обеспечения благоприятных условий осуществления цифровой трансформации. Соответствующие задачи институционального подхода:

- формирование необходимой законодательно-правовой базы для эффективного функционирования рынка труда;

- создание новых и модернизация имеющихся институтов регионального рынка труда, отвечающих требованиям цифровой экономики;

- обеспечение структурного и компетентностного соответствия специалистов, выпускаемых системой образования, требованиям цифровой экономики.

Инструментарием институционального подхода к функционированию рынка труда можно считать:

- законы, регулирующие рынок труда в условиях цифровой экономики;

- правила поведения участников регионально-го рынка труда;

- нормы поведения на рынке труда;

- институты рынка труда, обеспечивающие его функционирование.

При исследовании регионального рынка труда с точки зрения элементов институционального подхода становится возможным структурировать его институты, основными из которых определены:

- институты правового обеспечения регионального рынка труда;

- государственного регулирования регионального рынка труда;

- институты лицензирования и аккредитации образовательных учреждений;

- институты гибкой и нестандартных форм занятости;

- защиты регионального рынка труда от рисков;

- институты социального партнерства;

- развития кадрового потенциала региона;

- социальной защиты/обеспечения.

Содержание институционального подхода определяется чертами, которые ему присущи. Важной отличительной чертой данного подхода в рамках достижения цели исследования можно считать, что он основывается на разделении рынка труда на отдельные группы исходя из имеющихся различий в характеристиках и поведении этих групп. Таковой группой на региональном рынке труда в рамках рассматриваемого авторами исследования выступают специалисты, и анализу подлежит региональный рынок труда специалистов. А также отличительной чертой и ключевой характеристикой институционального подхода применительно к рынку труда можно считать роль институтов, которые призваны способствовать совершенствованию и развитию регионального рынка труда и повышать эффективность его работы в условиях цифровой экономики.

Переход к цифровой экономике выявил и усугубил несовершенства институциональных норм, существующих на региональном рынке труда, основные из которых проявляются в виде:

- несоответствия новых институтов появляющимся на рынке труда уже функционирующим и их рассогласование;

- существенных недостатков новой институциональной среды в виде институциональных ловушек, под которыми понимается рассогласование институциональных норм;

- разрыва между временем появления цифровых технологий и практикой их нормативно-правового регулирования;

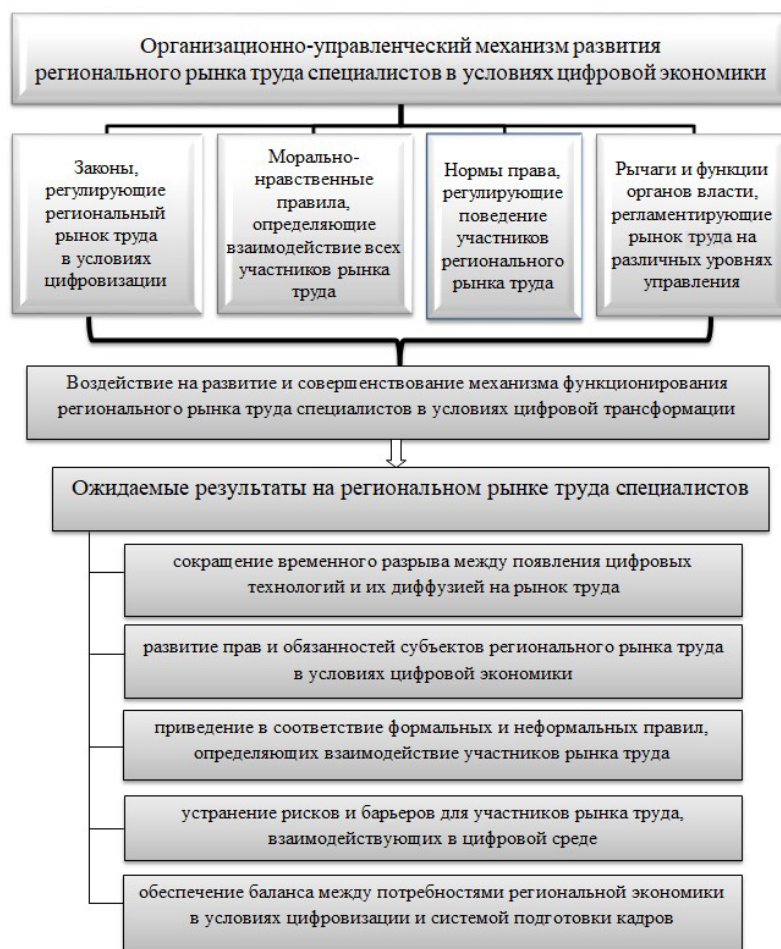


Рис. 1. Организационно-управленческий механизм совершенствования регионального рынка труда специалистов в условиях цифровизации на основе элементов институционального подхода (составлено авторами)

— отсутствия эффективного контроля нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы цифровизации на региональном рынке труда [13, 2];

— рисков и трудностей взаимодействия в условиях цифровой трансформации экономики и регионального рынка труда;

— несоответствия требуемых компетенций в сфере в цифровой среде потребностям цифровой экономики и подготовкой кадров [14, 7, 9].

Таким образом, опираясь на истоки институциональной теории, можно говорить о том, что в период цифровой трансформации возникает необходимость пересмотра институтов и институциональных механизмов, которые призваны обеспечить политику развития и совершенствования регионального рынка труда [15].

Применение институционального подхода к исследованию регионального рынка труда специалистов имеет определенные преимущества. Это связано с тем, что использование элементов институционального подхода в целях развития регионального рынка труда позволяет совершенствовать законодательно-правовую базу, адаптируя ее к условиям цифровизации экономики с целью улучшения ситуации на рынке труда и повышения эффективности управления региональными рынками труда.

С учетом вышеизложенного и в целях разработки рекомендаций по развитию региональных рынков труда специалистов авторами разработан организационно-управленческий механизм, представляющий собой комплексную систему взаимо-

связанных управленческих этапов, который представлен на рис. 1.

Под организационно-управленческим механизмом понимается определенная форма организации функционирования и взаимодействия всех участников регионального рынка труда. Механизм организационно-управленческого воздействия на рынок труда предполагает совершенствование как самих институтов, так и пересмотр правил, норм и функций, которые они выполняют на региональных рынках труда.

Региональный рынок труда специалистов в большей степени зависит от регулирующего воздействия институциональных структур: системы трудового законодательства, программ содействия трудоустройству специалистов, деятельности профессиональных союзов, объединений работодателей и пр.

Важно отметить, что реализация данного организационно-управленческого механизма развития рынка труда предполагается к осуществлению на трех уровнях управления: федеральном, региональном и местном (уровне сообществ отдельных представителей регионального рынка труда). Для осуществления эффективного функционирования регионального рынка труда специалистов и обеспечения потребностей экономики региона необходимо постоянное совершенствование всех элементов институциональной системы, составляющих организационно-управленческий механизм развития рынка труда.

Для совершенствования и развития регионального рынка труда специалистов на основе элементов институционального подхода авторами предлагается комплекс мероприятий и рекомендаций, основными из которых являются:

- совершенствование законодательной базы, регулирующей региональный рынок труда специалистов в условиях цифровой экономики;
- пересмотр правил и договоренностей между участниками рынка труда в целях обеспечения их эффективного взаимодействия;
- развитие существующих институтов, способствующих улучшению ситуации на региональных рынках труда и положения их участников (помощь в профориентации, обеспечении занятости, обучении и пр.);
- создание новых институтов, необходимых для обеспечения эффективного функционирования рынка труда специалистов в условиях цифровизации;
- улучшение взаимодействия на институциональной основе (законодательной базы) между участниками регионального рынка труда специалистов: работодателями, специалистами, органами государственной власти и др.;
- улучшение функционирования учреждений, обеспечивающих инфраструктуру регионального рынка труда (образовательные учреждения, службы занятости и пр.);
- сокращение дисбаланса в системе подготовки кадров с учетом потребностей региона в условиях цифровой экономики.

Заключение и выводы. Цифровая трансформация экономики серьезно влияет на социально-экономические процессы, которые затрагивают все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и институциональную основу рынка труда. В настоящее время существует объективная необходимость изменения институтов региональных рынков труда, совершенствования их функционирования в целях преодоления существующих трудностей развития, диспропорций в профессионально-квалификационном разрезе и количестве специалистов, необходимых рынку труда в условиях цифровой экономики.

На сегодняшний день весьма актуальны нормативно-правовые акты, касающиеся вопросов цифровизации на региональном рынке труда. К ним можно отнести не только программу «Цифровая экономика», но и программы подготовки квалифицированных кадров в условиях цифровизации, которым необходимы цифровые компетенции и которые с каждым годом совершенствуются с учетом потребностей региональной экономики. Для реализации программ, прописанных на законодательном уровне, задействуются все новые образовательные учреждения, готовые осуществлять подготовку специалистов по обновленным программам с приобретением навыков в области цифровизации и цифровых компетенций с целью обеспечения потребностей региональной экономики в период ее цифровой трансформации.

Вопрос функционирования и развития институтов регионального рынка труда имеет особое значение для решения целевых задач по цифровизации региональной экономики. Применение элементов институционального подхода к данной сфере при этом оправдано, прежде всего, трансформацией институтов регионального рынка труда под влиянием цифровизации как технологического тренда современности.

Методическое значение представленных результатов исследования состоит в разработке организационно-управленческого механизма совершенствования регионального рынка труда специалистов на основе институционального подхода.

Перспективным результатом применения институционального подхода и его элементов к организационно-управленческому совершенствованию регионального рынка труда должна стать разработка программы развития регионального рынка труда специалистов, учитывающая тенденции современной технологической динамики.

Библиографический список

1. Зорина М. С. Институциональный подход к развитию рынка труда в эпоху тотальной компьютеризации // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. 2019. № 3 (425), вып. 64. С. 50–58.
2. Сенокосова О. В. Трансформация институциональной матрицы рынка труда России // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 408–412. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-408-412.
3. Ашмаров И. А. Методологические подходы к анализу рынка труда // Вестник экономической теории. 2009. Т. 1, № 1. С. 27–34.
4. Кучма К. П., Горбунова О. Н. Процессы регулирования рынка труда // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 10. С. 82–87. DOI: 10.20310/1819-8813-2015-10-10-82-87.
5. Подгорная А. В. Систематизация экономико-географических подходов к исследованию регионального рынка труда // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 2 (15). С. 210–218. EDN: UHJLRL.
6. Ирхин Ю. В. Управленческий потенциал, возможности и ограничения институционализма и неинституционализма // Ars Administrandi (Искусство управления). 2014. № 2. С. 63–71. EDN: SLJNWV.
7. Мирзабалаева Ф. И., Санкова Л. В., Симонова М. В. Эффекты институциональных трансформаций рынка труда в условиях цифровизации // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 3. DOI: 10.18334/vinec.13.3.118245.
8. Устинова К. А., Гордиевская А. Н. Анализ влияния социально-демографических и институциональных факторов на человеческий капитал // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 4. С. 1505–1522. DOI: 10.18334/et.6.4.1312.
9. Устинова К. А. Институциональные барьеры, препятствующие воспроизводству человеческого капитала // Human Progress. 2019. Т. 5, вып. 6. С. 10. DOI: 10.34709/IM.156.1.
10. Цёхла С. Ю. Особенности влияния формальных институтов на развитие рынка труда молодежи в Республике Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2021. Т. 7 (17), вып. 4. С. 172–183.
11. Пичугин В. Г. Рынок труда в условиях цифровизации: теоретические подходы определения понятия в праве и экономике // Инновационное развитие экономики. 2020. № 2 (56). С. 76–84. EDN: DGYEEE.
12. Санникова Т. Д. Институциональные и ресурсные ограничения на пути решения задачи перехода к цифровой экономике // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9, № 3. С. 633–646.
13. Оболенская Л. В. Проблема системного учета институциональных рисков при реформировании экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2017. № 2 (77). С. 66–78.
14. Долженко Р. А. Институциональные барьеры использования блокчейн трудовых отношений // Лидерство и менеджмент. 2020. Т. 7, № 4. С. 585–598. DOI: 10.18334/lim.7.4.111261.

15. Коломиец А. Г. Национальные институциональные проекты как инструмент обеспечения экономической безопасности // Экономическая безопасность. 2023. Т. 6, № 1. С. 51–64. DOI:10.18334/ecsec.6.1.117372.

ЯКОВЛЕВА Елена Владимировна, доктор экономических наук, доцент (Россия), заведующая кафедрой «Менеджмент и сервис» Омского государственного технического университета (ОмГТУ), г. Омск.

SPIN-код: 1581-2810

AuthorID (РИНЦ): 650709

ORCID: 0000-0001-5158-3574

Адрес для переписки: elenav12@yandex.ru

ПРОПП Оксана Викторовна, старший преподаватель кафедры «Организация и управление наукоемкими производствами» ОмГТУ, Омск.

SPIN-код: 9912-8614

AuthorID (РИНЦ): 662025

ORCID: 0000-0002-9475-4385

Адрес для переписки: ovpropp@mail.ru

Для цитирования

Яковлева Е. В., Пропп О. В. Организационно-управленческое совершенствование регионального рынка труда специалистов на основе элементов институционального подхода // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 126–132. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-126-132.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023 г.

© Е. В. Яковлева, О. В. Пропп

UDC 331.5

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-126-132

EDN: VPKWAS

E. V. YAKOVLEVA

O. V. PROPP

**Omsk State Technical University,
Omsk, Russia**

ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL IMPROVEMENT OF THE REGIONAL LABOR MARKET OF SPECIALISTS BASED ON ELEMENTS OF AN INSTITUTIONAL APPROACH

The article discusses various approaches used for labor market research, analyzes their advantages and disadvantages, which makes it possible to substantiate the institutional approach as the most relevant for studying the improvement of the regional labor market for specialists in modern conditions of technological transformation based on digitalization. The result of the study is presented, which is the development of an organizational and managerial mechanism in the form of a comprehensive system of management stages, including certain organizational and economic activities implemented at all levels of management of the regional labor market of specialists as a specific category of workers.

Keywords: regional labor market, specialist, institutional approach, digital economy, transformation, organizational and managerial mechanism.

References

1. Zorina M. S. Institutional'nyy podkhod k razvitiyu rynka truda v epokhu total'noy komp'yuterizatsii [Institutional approach to the development of the process of forming a labor market in the epoch of total computerization] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye nauki. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2019. No. 3 (425), Issue 64. P. 50–58. (In Russ.).
2. Senokosova O. V. Transformatsiya institutsional'noy matritsy rynka truda Rossii [Transformation of the Institutional Matrix of the Labor Market of Russia] // Izvestiya Saratovskogo

universiteta. Ser. Ekonomika. Upravleniye. Pravo. *Izvestiya Saratov University. Series: Economics. Management. Law*. 2017. Vol. 17, Issue 4. P. 408–412. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-4-408-412. (In Russ.).

3. Ashmarov I. A. Metodologicheskiye podkhody k analizu rynka truda [Methodological approaches to labour market analysis] // Vestnik ekonomicheskoy teorii. *Vestnik Ekonomicheskoy Teorii*. 2009. Vol. 1, no. 1. P. 27–34. (In Russ.).

4. Kuchma K. P., Gorbunova O. N. Protsessy regulirovaniya rynka truda [Processes of regulation of labor market] // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. *Social Phenomena and*

Processes. 2015. Vol. 10, no. 10. P. 82–87. DOI: 10.20310/1819-8813-2015-10-10-82-87. (In Russ.).

5. Podgornaya A. V. Sistematizatsiya ekonomiko-geograficheskikh podkhodov k issledovaniyu regional'nogo rynka truda [The systematization of economic and geographical approaches to research of regional labour market] // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment. Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management*. 2015. No. 2. P. 210–218. EDN: UHJLR. (In Russ.).

6. Irkhin Yu. V. Upravlencheskiy potentsial, vozmozhnosti i ogranicheniya institutsionalizma i neoinstitutsionalizma [Managerial Capabilities, Opportunities and Limitations of Institutionalism and Neo-Institutionalism] // *Ars Administrandi (Iskusstvo Upravleniya). Ars Administrandi (The Art of Administration)*. 2014. No. 2. P. 63–71. EDN: SLJNWV. (In Russ.).

7. Mirzabalayeva F. I., Sankova L. V., Simonova M. V. Effekty institutsional'nykh transformatsiy rynka truda v usloviyakh tsifrovizatsii [Effects of institutional transformations of the labor market amidst digitalization] // *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. Voprosy Innovatsionnoy Ekonomiki*. 2023. Vol. 13, no. 3. DOI: 10.18334/vinec.13.3.118245. (In Russ.).

8. Ustinova K. A., Gordiyevskaya A. N. Analiz vliyaniya sotsial'no-demograficheskikh i institutsional'nykh faktorov na chelovecheskiy kapital [The analysis of the influence of socio-demographic and institutional factors on human capital] // *Ekonomika truda. Russian Journal of Labor Economics*. 2019. Vol. 6, no. 4. P. 1505–1522. DOI: 10.18334/et.6.4.41312. (In Russ.).

9. Ustinova K. A. Institutsional'nyye bar'yery, prep'yatstviya vosproizvodstvu chelovecheskogo kapitala [Institutional barriers to the human capital reproduction] // *Human Progress. Human Progress*. 2019. Vol. 5, Issue 6. P. 10. DOI: 10.34709/IM.156.1. (In Russ.).

10. Tsekhla S. Yu. Osobennosti vliyaniya formal'nykh institutov na razvitiye rynka truda molodezhi v Respublike Krym [Features of the influence of formal institutions on the development of the youth labour market in the Republic of Crimea] // *Geopolitika i ekogeodinamika regionov. Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2021. Vol. 7 (17), Issue. 4. P. 172–183. (In Russ.).

11. Pichugin V. G. Rynok truda v usloviyakh tsifrovizatsii: teoreticheskiye podkhody opredeleniya ponyatiya v prave i ekonomike [Labor market in the conditions of digitalization: theoretical approaches to defining the concept in law and economics] // *Innovatsionnoye razvitiye ekonomiki. Innovative Development of Economy*. 2020. No. 2 (56). P. 76–84. EDN: DGYEEE. (In Russ.).

12. Sannikova T. D. Institutsional'nyye i resursnyye ogranicheniya na puti resheniya zadachi perekhoda k tsifrovoy

ekonomike [Institutional and resource constraints on the way to solving the problem of transition to a digital economy] // *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki. Russian Journal of Innovation Economics*. 2019. Vol. 9, no. 3. P. 633–646. (In Russ.).

13. Obolenskaya L. V. Problema sistemnogo ucheta institutsional'nykh riskov pri reformirovaniy ekonomicheskikh institutov [Systemic problem concerning institutional risk in economic institution reforming] // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii. Economics of Contemporary Russia*. 2017. No. 2 (77). P. 66–78. (In Russ.).

14. Dolzhenko R. A. Institutsional'nyye bar'yery ispol'zovaniya blokcheyn trudovykh otnosheniy [Institutional barriers to application of labour relations blockchain] // *Liderstvo i menedzhment. Leadership and Management*. 2020. Vol. 7, no. 4. P. 585–598. DOI: 10.18334/lim.7.4.111261. (In Russ.).

15. Kolomiyets A. G. Natsional'nyye institutsional'nyye proyekty kak instrument obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti [National institutional projects as a tool for economic security] // *Ekonomicheskaya bezopasnost'. Economic Security*. 2023. Vol. 6, no. 1. P. 51–64. DOI: 10.18334/ecsec.6.1.117372. (In Russ.).

YAKOVLEVA Elena Vladimirovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Management and Service Department, Omsk State Technical University (OmSTU), Omsk.

SPIN-code: 1581-2810

AuthorID (RSCI): 650709

ORCID: 0000-0001-5158-3574

Correspondence address: elenav12@yandex.ru

PROPP Oksana Viktorovna, Senior Lecturer of Organization and Management of Science-Intensive Productions Department, OmSTU, Omsk.

SPIN-code: 9912-8614

AuthorID (RSCI): 662025

ORCID: 0000-0002-9475-4385

Correspondence address: ovpropp@mail.ru

For citations

Yakovleva E. V., Propp O. V. Organizational and managerial improvement of the regional labor market of specialists based on elements of an institutional approach // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 126–132. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-126-132.

Received August 28, 2023.

© E. V. Yakovleva, O. V. Propp

МОТИВЫ И СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ

В статье рассматриваются мотивы и социально-профессиональные ориентации молодежи на рынке труда региона. Актуальность исследования данной темы вызвана достаточно высокой долей молодежи среди трудоспособного населения России (около 35 %), а также стратегической ролью молодежи в экономическом развитии страны. Эмпирические данные получены в результате опроса, который проведен на базе исследования 2021 года в десяти регионах Сибирского федерального округа. Основной его целью являлась оценка факторов и мотивов, влияющих на выбор профессии и начало трудовой деятельности. Проанализированы причины выбора учебного заведения и места работы молодыми людьми, их зарплатные ожидания и основные направления развития системы трудоустройства выпускников учебных заведений. Материалы исследования могут быть использованы в образовательном процессе, в системе профессиональной ориентации, руководителями и специалистами предприятий, научными работниками.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, мотивы трудовой деятельности, социально-профессиональная ориентация.

Введение. Вопросы профессионального самоопределения возникают на разных этапах жизненного пути человека. Зачастую первичный выбор профессии случаен и не мотивирован, именно поэтому в будущем возникает потребность в его корректировке. Это связано с тем, что процесс самоопределения, не только его профессиональной ориентации, но и социальной составляющей, длителен и не развивается поступательно [1]. Процессы становления личности, утверждения и строительства жизненных перспектив, формирования системы ценностных ориентаций являются в высокой степени зависимыми от меняющихся социальных контекстов, задаваемых общественными трансформациями, быстрыми изменениями «правил игры» в общественных отношениях [2].

С позиций экономической науки важна возможность локализовать процесс профессионального самоопределения в сложном социокультурном пространстве, рассмотреть, как объективные мотивы начала и продолжения трудовой деятельности, так и субъективное отражение этих процессов в сознании молодого человека. Более того, по сути, профессиональный выбор ограничен только теми возможными траекториями, которые актуализированы человеком и оценены как возможные и допустимые [3, 4].

Целью исследования является оценка факторов и мотивов, влияющих на выбор молодыми людьми профессии и определяющих период начала трудовой деятельности.

Методологической основой исследования являются аналитические методы и методы социоло-

гических исследований. Аналитические методы направлены на изучение отечественных практик выявления мотивов социально-профессионального выбора молодежи. Эмпирическую базу исследования составил опрос молодежи десяти регионов Сибирского федерального округа: Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия, Алтайского края, Красноярского края, Иркутской, Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей. Основным котирующим признаком являлся возраст респондентов — от 14 до 35 лет. Выборочная совокупность составила 5092 человека [5]. Авторами получены новые результаты, характеризующие мотивы и социально-профессиональные ориентации молодых людей.

Основная часть. В подростковом и юношеском возрасте, несмотря на экстремальные настроения, повышенный уровень критичности в восприятии «взрослого мира», молодым людям свойственно в самоопределении ориентироваться на мнение рефератных групп или отдельных значимых других [6, 7]. Проведенное исследование позволило определить, что современная молодежь ориентируется практически в равной мере на два основных фактора: это рекомендации родителей и родственников (41,3 % выборов) или информация в сети Интернет (38,1 % выборов).

Таким образом, современная молодежь, с одной стороны, традиционно стремится к реализации ожиданий родителей в отношении их карьерного пути, а с другой — пытается сделать самостоятельный выбор, обращаясь к самому доступному для себя источнику.



Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие из нижеперечисленных факторов оказали влияние на выбор Вашей будущей профессии?», вся выборка, множественные выборы, %



Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что лежит в основе выбора Вашей будущей профессии?», вся выборка, множественные выборы, %



Рис. 3. Факторы выбора респондентами высшего учебного заведения, %

Третью позицию среди факторов профессионального самоопределения в равной мере занимает профессия, получить которую было мечтой детства, или та профессия, мнение о которой основано на информации, представляемой СМИ (по 27,7 % выборов). На последних позициях — 18,8 % — профориентационная работа в школе и дружеские советы (14,4 %). Обращает на себя внимание очевидная низкая эффективность работы образовательных учреждений по содействию профессиональному самоопределению учеников (рис. 1).

В основе выбора будущей профессии в большинстве случаев (52,6 % выборов) лежат причины личностно-субъективного характера — интересный характер работы и интересная сфера деятельности, на второй позиции по числу выборов — соответствие личным способностям, склонностям (40,7

% выборов). Третью позицию в рейтинге мотивов выбора профессии занимают рациональные оценки: практически в равной мере востребованность на рынке труда (28,7 %), высокооплачиваемая работа (27,9 %) и престижность, статусность профессии (26,3 %). Прочие мотивы довольно редко, но все-таки встречаются в структуре мотивирующих факторов — на уровне 10 % выборов: случайность (10,9 %), проблемы с поступлением на желаемое направление подготовки, специальность и семейные традиции. То есть мы получили еще одно подтверждение тому, что семья играет скорее второстепенную роль в определении будущего профессионального пути современного молодого человека, он в большей степени склонен ориентироваться на собственные потребности и интересы, а если выбор не реализуется, в этом случае молодой предпочитает «плыть по течению», конформно подчиняясь советам родственников, друзей, обстоятельств приемной кампании в вузе или СПО (рис. 2).

Дополнительно молодые люди сообщали, что хорошим мотивом выбора профессии выступают возможности интеллектуального роста, культурное развитие. Конечно, весьма желаемой выступает любовь к сфере профессионального выбора и характеру работы.

Проанализируем факторы выбора вуза молодежью, планирующей получать высшее образование в будущем (рис. 3). На первом месте в рейтинге факторов, обуславливающих выбор потенциальными абитуриентами высшего учебного заведения, оказались наличие желаемой специальности (57,3 %) и наличие бюджетных мест (53,4 %). Второе место в рейтинге занимает высокое качество предоставляемого в вузе образования (37,2 %). На третьем месте оказался высокий престиж вуза на рынке образовательных услуг (25,7 %). Не столь важными факторами, обуславливающими выбор потенциальными абитуриентами высшего учебного заведения, респондентам представляются возможность продолжения обучения в магистратуре, аспирантуре (16,3 %), хорошие социально-бытовые условия, наличие общежития (15,0 %), низкий проходной балл, легко поступить и учиться (14,8 %), материально-техническое оснащение вуза, наличие современного оборудования (12,4 %) и близость к дому (11,6 %). В наименьшей степени влияют на выбор вуза наличие возможностей дистанционного обучения (7,9 %) и применение в процессе обучения информационно-коммуникационных технологий (7,0 %).

Помимо мотивов выбора учебного заведения, нам также было важно проанализировать мотивы начала трудовой деятельности молодежи в периоде, когда только формируются первые профессиональные навыки и понимание значения выбранной специальности [8, 9]. Обратимся к анализу причин, побудивших молодых людей, имеющих опыт работы, начать трудовую деятельность (рис. 4).

На первом месте в рейтинге мотивов начала трудовой деятельности у молодых людей из Сибирского федерального округа оказалось желание улучшить свое материальное положение (62,5 %), второе место делят такие мотивы, как стремление быть финансово независимым от родителей (48,8 %) и желание приобрести опыт работы (44,2 %). Третье место занимают желание расширить свой круг общения, приобрести полезные знакомства (21,5 %), окончание профессионального обучения (18,9 %) и желание попробовать свои силы в будущей про-

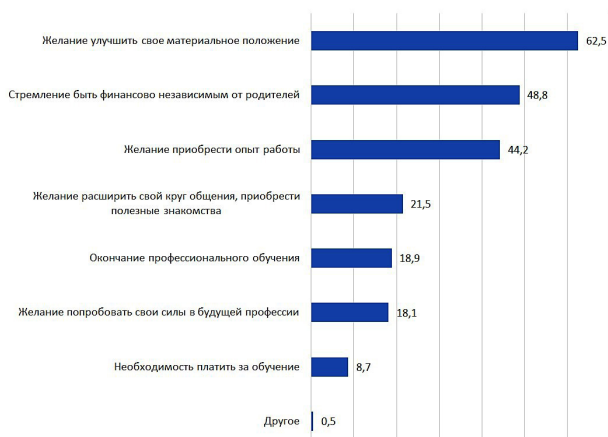


Рис. 4. Распределение респондентов по мотивам начала трудовой деятельности, %



Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Назовите пять факторов, наиболее важных для Вас при выборе места работы», вся выборка, множественные выборы, %

фессии (18,1 %). Наименее часто встречающаяся причина — необходимость платить за обучение (8,7 %).

Далее молодых людей просили выбрать пять наиболее важных факторов при выборе места работы. Полученный рейтинг позволил выделить три базовых фактора — это высокая заработная плата (56 %), стабильное положение организации на рынке (48,3 %) и возможности самореализации/наличие перспектив личного роста (36,2 % выборов). Четвертую позицию заняли в равной мере важные благоприятная атмосфера в коллективе (31,6 %) и репутация организации в качестве работодателя (31,5 %). На пятой позиции — достойный социальный пакет (24,7 %). Меньшими долями выборов (на уровне ниже пятой части выборов) отмечены: стратегия и планы развития организации (19,3 %), круг обязанностей и задачи (16,7 %), удобство расположения офиса (16 %), эффективность системы управления (13,6 %), известность бренда организации (13,4 %), использование цифровых сервисов (13,1 %), развитая корпоративная культура (12,6 %), возможность работать дистанционно (8,6 %) и возможность корпоративного обучения (6,7 %) (рис. 5).

Учитывая, что наиболее важным фактором, определяющим место работы, оказался уровень заработной платы, нами были проанализированы зарплатные претензии современной молодежи. Они оказались достаточно велики, учитывая отсутствие у большинства опрошиваемых опыта работы и практических навыков (рис. 6). Более того, если

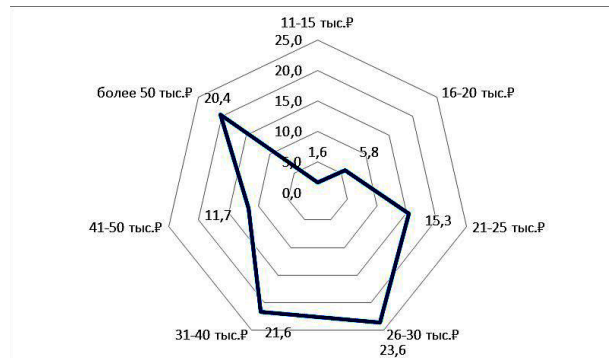


Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой уровень заработной платы является приемлемым для Вас в первый год работы после окончания обучения?», вся выборка, %

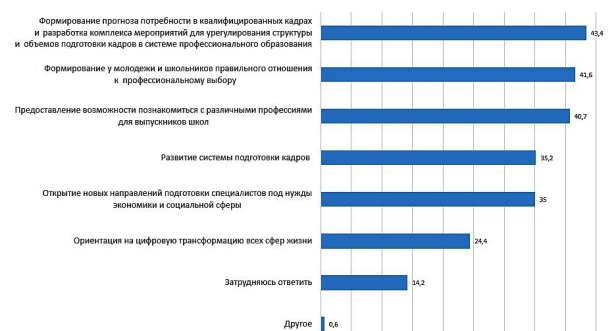


Рис. 7. Необходимые меры по улучшению ситуации с трудоустройством выпускников вузов / ссузов в регионе проживания респондента, %

мы посмотрим на ответы молодежи на открытую альтернативу, то здесь мы увидим существенно более высокие и неадекватные запросы, в том числе отражающие желание измерить заработную плату в иностранной валюте: «100 тыс. руб., 100 – 200 тыс. руб., более 300 тыс. руб., более 500 тыс. рублей», и так далее, отметим, что в целом запросы молодежи располагаются в среднем диапазоне более 50 тысяч рублей, что практически в 2 раза превышает среднюю начисленную заработную плату по округу в сентябре 2021 года (период проведения опроса) [10, 11].

Далее молодым людям было предложено оценить реальность возможности трудоустройства по полученной ими специальности в регионе, где они проживают. Чуть более половины опрошенных молодых людей отмечают, что в регионе, где они проживают, устроиться на работу по полученной ими специальности трудно, но возможно (50,8 %). Четверть от всей опрошенной молодежи сообщает, что трудоустройство по специальности в их регионе не составляет никакой проблемы (24,7 %). Каждый седьмой молодой человек, проживающий в Сибирском федеральном округе, сообщает, что в регионе его проживания устроиться на работу по полученной им специальности практически невозможно (14,3 %). Каждый десятый респондент (10,1 %) испытал затруднения при оценке степени сложности устройства на работу по полученной специальности в регионе его проживания.

Интересно проанализировать, какие меры, по мнению молодого населения Сибирского федерального округа, могут улучшить ситуацию с тру-



Рис. 8. Оптимальные модели взаимодействия бизнеса и учреждений профессионального образования, способные оказать положительное влияние на ситуацию профессионального самоопределения и трудовой занятости молодых специалистов, %

доустройством выпускников учебных заведений в регионе проживания респондента (рис. 7).

К ключевым мерам, способствующим улучшению ситуации с трудоустройством выпускников в регионе, молодежь Сибирского федерального округа относит формирование прогноза потребности в квалифицированных кадрах и разработку комплекса мероприятий для урегулирования структуры и объемов подготовки кадров в системе профессионального образования (43,4 %), формирование у молодежи правильного отношения к профессиональному выбору (41,6 %) и предоставление возможности познакомиться с различными профессиями для выпускников школ (40,7 %). Чуть менее эффективными, по мнению молодых людей, будут развитие системы подготовки кадров (35,2 %) и открытие новых направлений подготовки специалистов под нужды экономики и социальной сферы (35,0 %).

Наименее эффективной мерой улучшения ситуации с трудоустройством выпускников молодежью признана ориентация на цифровую трансформацию всех сфер жизни (24,4 %).

Каждый седьмой респондент (14,2 %) испытал затруднения в процессе предложения эффективных мер по улучшению ситуации с трудоустройством выпускников в регионе.

И, наконец, 0,6 % респондентов предложили свои варианты, среди которых были следующие меры: «актуализация программ обучения», «введение новых рабочих мест по данной специальности», «готовность организаций брать на работу выпускников без опыта работы», «увеличение количества рабочих мест», «борьба с коррупцией и развитие региона», «обязательное распределение выпускников», «повышение заработной платы», «предоставление мест практики», «предоставление работы при окончании учёбы» и т.д.

Ответы на открытые вопросы были в значительной степени ориентированы на более плотное взаимодействие учебных заведений с бизнес-сообществом. В современном подходе к обучению спе-

циалистов данное направление является наиболее важным.

В результате опроса были выявлены оптимальные (по мнению молодежи) модели взаимодействия бизнеса и учреждений профессионального образования, способные оказать положительное влияние на ситуацию профессионального самоопределения и трудовой занятости молодых специалистов (рис. 8).

Первое место в рейтинге оптимальных моделей взаимодействия бизнеса и учреждений профессионального образования занимает закрепление предприятия в качестве базы практики для студентов (42,2 %). На втором месте оказалось участие представителей бизнеса в учебном процессе (чтение лекций, проведение семинаров), разработка совместных образовательных программ (35,9 %) и целевая контрактная подготовка студентов, отраслевой заказ (28,9 %). На третье место молодежь Сибирского федерального округа поместила финансирование вуза со стороны бизнес-предприятий, включая обновление материально-технической базы (23,9 %) и непосредственное трудоустройство по заявкам (22,4 %).

Чуть менее актуально для молодежи оказалось участие представителей бизнеса в заседаниях комиссий по приему госэкзаменов и защите выпускных квалификационных работ (18,3 %). Неожиданным оказалось мнение молодежи о важности учреждения и выплаты именных стипендий, грантов талантливым студентам, преподавателям, молодым ученым (только 14,2 %).

Закключение и выводы. В основе выбора будущей профессии молодыми людьми в большинстве случаев лежат причины лично-субъективного характера — интересный характер работы и интересная сфера деятельности, а также соответствие личным способностям, склонностям. Причины, побуждающие молодых людей начать трудовую деятельность, чаще всего связаны с материальными факторами (улучшение материального положения и стремление к финансовой независимости), а также с желанием приобрести опыт работы. При этом, имея зачастую завышенные зарплатные ожидания, молодые люди считают, что устроиться на работу по полученной ими специальности трудно, но возможно. А для улучшения ситуации с трудоустройством выпускников учебных заведений в регионе необходимо разрабатывать прогнозы потребности в квалифицированных кадрах и реализовывать комплекс мероприятий для урегулирования структуры и объемов подготовки кадров в системе профессионального образования. К оптимальным моделям взаимодействия бизнеса и учреждений профессионального образования, способным оказать положительное влияние на ситуацию профессионального самоопределения и трудовой занятости молодых специалистов, молодежь отнесла следующие: закрепление предприятия в качестве базы практики для студентов; участие представителей бизнеса в учебном процессе (чтение лекций, проведение семинаров), разработку совместных образовательных программ, целевую контрактную подготовку студентов, отраслевой заказ.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07366.

1. Fossen F., Sorgner A. Mapping the Future of Occupations: Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs // *Foresight and STI Governance*. 2019. Vol. 13, № 2. P. 10–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.10.18.
2. Зинченко Ю. П., Дорожкин Е. М., Зеер Э. Ф. Психолого-педагогические основания прогнозирования будущего профессионального образования: векторы развития // *Образование и наука*. 2020. Т. 22, № 3. С. 11–35. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-3-11-35.
3. Красникова А. С., Береговская Е. О. Взаимосвязь качеств преподавателя и студента при формировании конкурентоспособных компетенций выпускников на рынке труда // *Экономика высокотехнологичных производств*. 2023. Т. 4, № 1. DOI: 10.18334/evp.4.1.117383.
4. Ребрикова Н. В., Соддатова Н. Ф. Образовательные технологии как потенциал роста адаптации выпускников вузов // *Экономика труда*. 2022. Т. 9, № 5. С. 971–982. DOI: 10.18334/et.9.5.114738.
5. Регистрация базы данных. 2022621478 Российская Федерация. База данных оценок жизненных перспектив, целей и ценностей молодежи Сибирского федерального округа / Зинич А. В., Ревякина Ю. Н., Скосырева Н. Д. [и др.]. № 2022621376; заявл. 14.06.22; опубл. 22. 07.22. Бюл. № 7.
6. Лопатина М. В., Леонова Л. А., Травкин П. В. [и др.]. Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда: информ. бюл. / под науч. ред. С. Ю. Рощина, В. Н. Рудакова. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 72 с.
7. Деркач А. А. Роль организационной среды в становлении личности профессионала // *Акмеология*. 2011. № 3. С. 8–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organizatsionnoy-sredy-v-ustanovlenii-lichnosti-professionala> (дата обращения: 07.07.2023).

8. Kluge J. Youth labor market interventions // *IZA World of Labor*. 2014. Vol. 106. DOI: 10.15185/izawol.106.

9. Аликперова Н. В., Ярашева А. В., Виноградова К. В. Мотивация трудового поведения молодежи как возможности для реализации финансовых стратегий // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12, № 1. С. 226–240. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.14.

10. О заработной плате в регионах Сибирского федерального округа. URL: https://54.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/p54_PRESS38_2022.pdf (дата обращения: 09.07.2023).

11. Голова Е. Е. Экономическое состояние региональной экономики: реалии и перспективы (на примере Омской области) // *Фундаментальные исследования*. 2021. № 10. С. 20–24. DOI: 10.17513/fr.43103.

ЗИНИЧ Алла Владимировна, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры менеджмента и маркетинга Омского государственного аграрного университета имени П. А. Столыпина, г. Омск.

SPIN-код: 9586-8823

AuthorID (РИНЦ): 745280

ORCID: 0000-0003-2265-5633

AuthorID (SCOPUS): 57191881037

Адрес для переписки: av.zinich@omgau.org

Для цитирования

Зинич А. В. Мотивы и социально-профессиональные ориентации молодежи при выборе профессии // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 4. С. 133–138. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-133-138.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023 г.

© А. В. Зинич

UDC 331.54

DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-133-138

EDN: UBLPBN

A. V. ZINICH

Omsk State Agrarian University
named after P. A. Stolypin,
Omsk, Russia

MOTIVES AND SOCIO-PROFESSIONAL ORIENTATIONS OF YOUNG PEOPLE WHEN CHOOSING A PROFESSION

The article examines the motives and socio-professional orientations of young people in the labor market of the region. The relevance of the study of this topic is caused by a fairly high proportion of young people among the able-bodied population of Russia (about 35 %), as well as the strategic role of youth in the economic development of the country. Empirical data are obtained as a result of a survey conducted on the basis of the 2021 study in ten regions of the Siberian Federal District. Its main purpose is to assess the factors and motives influencing the choice of profession and the beginning of work. The reasons for the choice of an educational institution and a place of work by young people, their salary expectations and the main directions of the development of the system of employment of graduates of educational institutions are analyzed. The research materials can be used in the educational process, in the system of professional orientation, by managers and specialists of enterprises, researchers.

Keywords: youth, labor market, motives of labor activity, socio-professional orientation.

Acknowledgments

The reported study is funded by RFBR, project number 19-29-07366.

References

1. Fossen F., Sorgner A. Mapping the Future of Occupations: Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, no. 2. P. 10–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.10.18. (In Engl.).
2. Zinchenko Yu. P., Dorozhkin E. M., Zeyer E. F. Psikhologo-pedagogicheskiye osnovaniya prognozirovaniya budushchego professional'nogo obrazovaniya: vektory razvitiya [Psychological and pedagogical bases for determining the future of vocational education: vectors of development] // Obrazovaniye i nauka. *The Education and Science Journal*. 2020. Vol. 22, no. 3. P. 11–35. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-3-11-35. (In Russ.).
3. Krasnikova A. S., Beregovskaya E. O. Vzaimosvyaz' kachestv prepodavatelya i studenta pri formirovani konkurentosposobnykh kompetentsiy vypusnikov na rynke truda [Vzaimosvyaz kachestv prepodavatelya i studenta pri formirovani konkurentosposobnykh kompetentsiy vypusnikov na rynke truda] // *Ekonomika vysokotekhnologichnykh proizvodstv. Ekonomika Vysokotekhnologichnykh Proizvodstv*. 2023. Vol. 4, no. 1. DOI: 10.18334/evp.4.1.117383. (In Russ.).
4. Rebrikova N. V., Soldatova N. F. Obrazovatel'nyye tekhnologii kak potentsial rosta adaptatsii vypusnikov vuzov [Educational technologies as a growth potential for the adaptation of university graduates] // *Ekonomika truda. Labor Economics*. 2022. Vol. 9, no. 5. P. 971–982. DOI: 10.18334/et.9.5.114738. (In Russ.).
5. Database Registration. 2022621478 Russian Federation. Baza dannykh otsenok zhiznennykh perspektiv, tseley i tsennostey molodezhi Sibirskogo federal'nogo okruga [Database of assessments of life prospects, goals and values of young people in the Siberian Federal District] / Zinich A. V., Revyakina Yu. N., Skosyreva N. D. [et al.]. No. 2022621376. (In Russ.).
6. Lopatina M. V., Leonova L. A., Travkin P. V. [et al.]. Vypusniki srednego professional'nogo i vysshego obrazovaniya na rossiyskom rynke truda: inform. byul. [Graduates of secondary vocational and higher education in the Russian labor market: newsletter] / Ed. by S. Yu. Roshchina, V. N. Rudakova. Moscow, 2020. 72 p. (In Russ.).
7. Derkach A. A. Rol' organizatsionnoy sredy v stanovlenii lichnosti professionala [The role of the organizational environment

in the formation of a professional personality] // *Akmeologiya. Akmeologiya*. 2011. No. 3. P. 8–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organizatsionnoy-sredy-v-stanovlenii-lichnosti-professionala> (accessed: 07.07.2023). (In Russ.).

8. Kluge J. Youth labor market interventions // *IZA World of Labor*. 2014. Vol. 106. DOI: 10.15185/izawol.106. (In Engl.).

9. Alikperova N. V., Yarasheva A. V., Vinogradova K. V. Motivatsiya trudovogo povedeniya molodezhi kak vozmozhnosti dlya realizatsii finansovykh strategiy [Motivating Young People's Labor Behavior as an Opportunity for Implementing Financial Strategies] // *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019. Vol. 12, no. 1. P. 226–240. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.14. (In Russ.).

10. O zarabotnoy plate v regionakh Sibirskogo federal'nogo okruga [About wages in the regions of the Siberian Federal District]. URL: https://54.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/p54_PRESS38_2022.pdf (accessed: 09.07.2023). (In Russ.).

11. Golova E. E. Ekonomicheskoye sostoyaniye regional'noy ekonomiki: realii i perspektivy (na primere Omskoy oblasti) [The economic state of the regional economy: realities and prospects (on the example of the Omsk region)] // *Fundamental'nye issledovaniya. Fundamental Research*. 2021. No. 10. P. 20–24. DOI: 10.17513/fr.43103. (In Russ.).

ZINICH Alla Vladimirovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Management and Marketing Department, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk.

SPIN-code: 9586-8823

AuthorID (RSCI): 745280

ORCID: 0000-0003-2265-5633

AuthorID (SCOPUS): 57191881037

Correspondence address: av.zinich@omgau.org

For citations

Zinich A. V. Motives and socio-professional orientations of young people when choosing a profession // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 133–138. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-133-138.

Received July 10, 2023.

© A. V. Zinich

ОЦЕНКА СТЕПЕНИ ИННОВАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ШЕСТОМУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ УКЛАДУ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью активного вхождения России в новый постиндустриальный технологический уклад шестого поколения, требующий не только инфраструктурного базиса, но и научно-управленческого потенциала. Данные обстоятельства, отличающиеся высокими темпами изменений, актуализируют задачи переосмысления ценностных ориентиров менеджмента предприятий промышленности, особенно в части технологий, методик и инструментов управления, сконцентрированных на приоритетах инновационного развития, обоснованно рассматриваемых в качестве управленческого базиса технологической модернизации экономики на основе инновационных решений. Целью работы является оценка степени готовности трансформации систем менеджмента в условиях перехода к шестому технологическому укладу в контексте исследования инновационной активности субъектов промышленности в сфере разработанных производственных технологий, в том числе интегрированного управления и контроля (передовых методов организации и управления производством). В статье рассмотрены динамические, структурные, трендовые качественные вариации разработанных передовых производственных технологий в РФ за 2000–2021 гг. на основе значительного массива статистических данных. Авторами сделан вывод о наличии положительной динамики роста разработанных передовых производственных технологий, качественных структурных сдвигов в сторону российских разработок.

Ключевые слова: менеджмент, экономика, инновационная активность, шестой технологический уклад, передовые производственные технологии, интегрированное управление и контроль, передовые методы организации и управления производством, интегрированный контроллинг.

Введение. На современном этапе развития экономики функционирование предприятий промышленности осуществляется в условиях формирования нового постиндустриального технологического уклада шестого поколения, характеризующегося нацеленностью на развитие и применение наукоемких нано-, био- и информационных технологий на основе их интеграции, влекущей за собой глобальные структурные экономические изменения и формирование совершенно новых моделей производства, а следовательно, и потребность в новых моделях управления им.

Определяющим стимулирующим обстоятельством перехода к шестому технологическому укладу выступает экономическая эффективность производства, а также базовые технологии, определяющие становление технологического уклада и его

особенности. Вместе с тем для достижения подобного результата требуется принципиальная трансформация менеджмента предприятий, касающаяся форм и методов управления, вызванная сетевым характером управления шестого технологического уклада в части распределения информационных потоков в процессе обмена данными, разработке и принятии управленческих решений.

Результативность контроллинга как активной системной инновации менеджмента позволяет создать и постоянно поддерживать данный процесс на высоком уровне, преобразовывая возникающие управленческие потребности в практические результаты [1]. Оценку прикладного аспекта уровня инновационной готовности системной трансформации менеджмента, по нашему мнению, целесообразно провести в контексте исследования среза

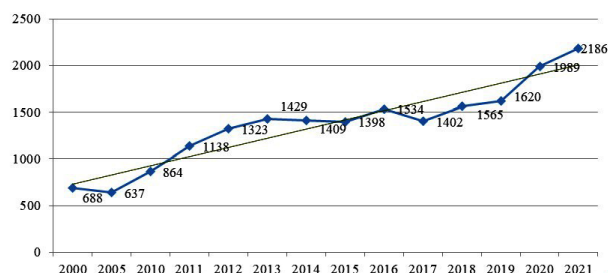


Рис. 1. Динамика инновационной активности предприятий промышленности (разработанные передовые производственные технологии, единиц)
Источник: график построен на основе исследований авторами данных [2–10]

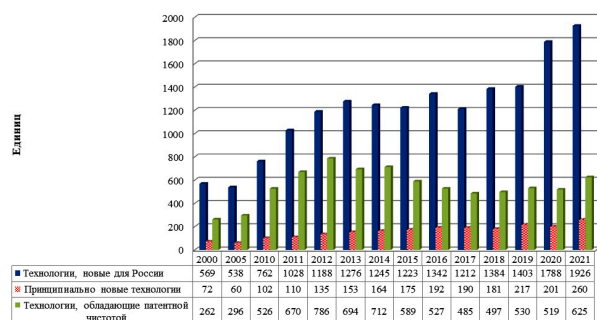


Рис. 2. Динамика количественного соотношения качественных характеристик разработанных производственных технологий
Источник: график построен на основе исследований авторами данных [2–10]

инновационной составляющей функционирования предприятий промышленности в динамике, сложившейся в данной отрасли народного хозяйства РФ, не снижая степени актуальности и достоверности оценки.

Благодаря проведению подобного рода исследования получим представление о динамике изменения, количественном и качественном соотношении разработанных передовых производственных технологий в контексте расчета их результативности, что, на наш взгляд, будет способствовать оптимизации инновационной политики предприятий промышленности в комплексе с точки зрения прогнозирования развития отрасли в условиях перехода к новому постиндустриальному технологическому укладу шестого поколения.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу исследования в целом составляют важнейшие принципы логического подхода (формальной и математической логики): объективности и всесторонности рассмотрения, не противоречия, достаточного обоснования.

В работе применён широкий спектр общенаучных методов исследования: общелогических, теоретических, эмпирических.

Информационный и фактологический материал получен на основе изучения значительного массива российских источников: монографий, научных статей, статистических данных, различных видов электронной информации, эмпирических материалов за 2000–2021 гг.

Результаты исследования. Анализируя инновационную активность субъектов промышленности по данным, представленным в официальных источниках [2–10], можно говорить о том, что

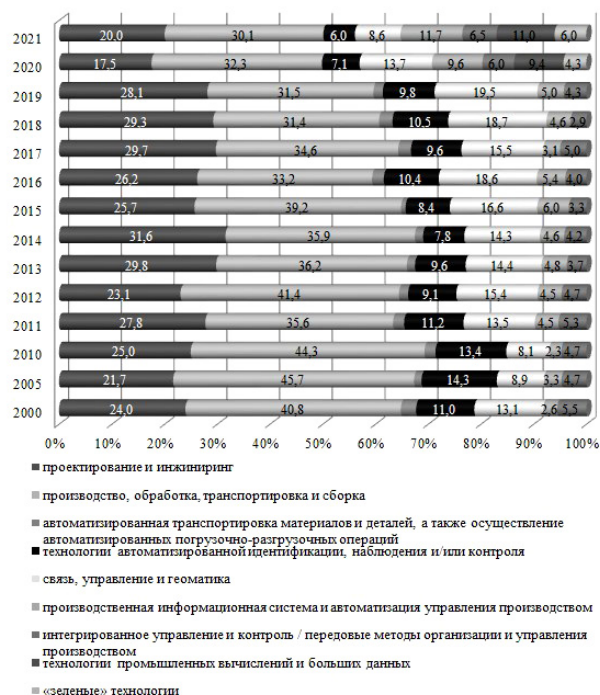


Рис. 3. Структура инновационной активности предприятий промышленности по видам разработанных передовых производственных технологий, %
Источник: график построен на основе исследований авторами данных [2–10]

в совокупности динамика разработанных передовых производственных технологий в данном отраслевом сегменте положительная и имеет тенденцию роста (график линейного тренда показан на рис. 1).

Так, за 2000–2021 гг. общее количество разработанных передовых производственных технологий выросло в 3,17 раза.

Следует отметить, что в общем объеме разработанных российских производственных технологий значительную долю (2000 г. — 82,7 %, 2015 г. — 87,48 %, 2020 г. — 89,89 %, 2021 г. — 88,1 %) занимают технологии, новые для России, т. е. не имеющие отечественных аналогов (рис. 2).

Удельный вес принципиально новых технологий, не имеющих отечественных или зарубежных аналогов, разработанных впервые и обладающих качественно новыми характеристиками, отвечающими требованиям современного уровня или превосходящими его, невысок: 2000 г. — 10,46 %, 2015 г. — 12,51 %, 2021 г. — 11,89 %, хотя в количественном соотношении объем данного вида технологий вырос в 3,61 раза.

Наибольший удельный вес в структуре разработанных передовых производственных технологий приходится на долю разработок в сфере производства, обработки и сборки промышленной продукции (2000 г. — 40,84 %, 2015 г. — 39,2 %, 2020 г. — 32,3 %, 2021 г. — 30,1 %) (рис. 3). На долю промышленных производственных технологий, связанных с проектированием и инжинирингом, в 2015 г. приходится 25,68 %, а в 2021 г. — 20 % от общего объема инновационных разработок. С 2020 г. структура разработанных технологий претерпела некоторые изменения за счет появления таких технологий, как технологии промышленных вычислений и больших данных и «зеленых» технологий (11 и 6 % соответственно в 2021 г.). Удельный вес разработанных передовых производственных техно-



Рис. 4. Динамика инновационной активности предприятий промышленности по видам разработанных передовых производственных технологий, единиц
Источник: график построен на основе исследований авторами данных [2–10]

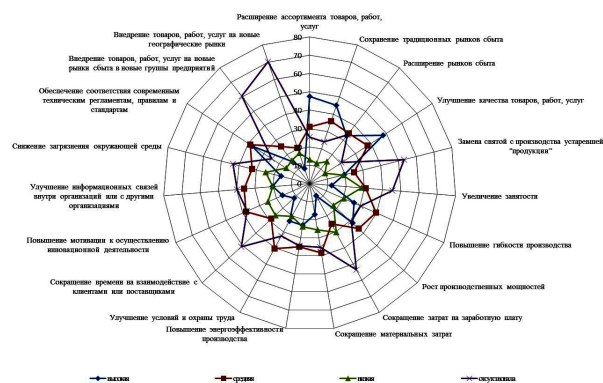


Рис. 5. Степень воздействия результатов инновационной деятельности на развитие производства
Источник: график построен на основе исследований авторами данных [2–10]

логий, относящихся к сфере интегрированного управления и контроля (передовых методов организации и управления производством) составлял 5,52 % в 2000 г., 3,29 % в 2015 г., 6,5 % в 2021 г., что свидетельствует как об относительно низкой исследовательской активности в данной области, так и не доведения теоретических разработок до уровня прикладного использования ввиду отсутствия адекватного концептуального обоснования и модели их практической реализации.

Динамика инновационной активности предприятий промышленности по видам разработанных передовых производственных технологий представлена на рис. 4. В целом за рассматриваемый период количество разработанных передовых производственных технологий, относящихся к сфере интегрированного управления и контроля (передовых методов организации и управления производством), выросло в 3,74 раза, или на 104 единицы.

Систематизация исследования степени воздействия результатов инновационной деятельности на развитие производства показана на рис. 5.

Оценивая качественную составляющую разработанных передовых технологий в области интегри-

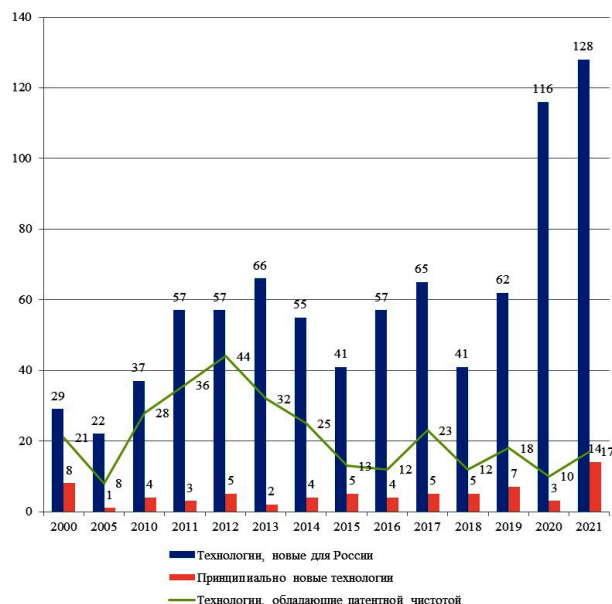


Рис. 6. Динамика количественного соотношения качественных характеристик разработанных производственных технологий, относящихся к сфере интегрированного управления и контроля (передовых методов организации и управления производством)
Источник: график построен на основе исследований авторами данных [2–10]

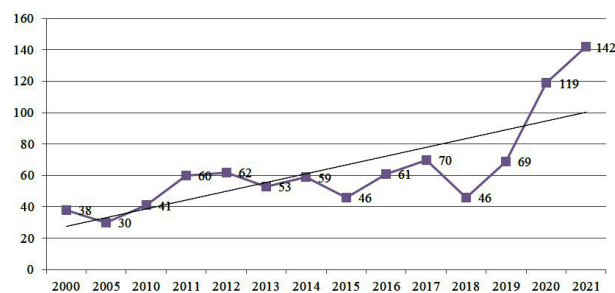


Рис. 7. Динамика инновационной активности предприятий промышленности (разработанные передовые производственные технологии, относящиеся к сфере передовых методов организации и управления производством), единиц
Источник: график построен на основе исследований авторами данных [2–10]

рованного управления и контроля (передовых методов организации и управления производством), мы можем сделать вывод о том, что вектор инновационной деятельности ориентирован преимущественно на поиск путей адаптации зарубежных технологий к российской практике хозяйствования — 76,3 % от общего числа разработок в данной сфере в 2000 г., 89,1 % — в 2015 г., 90,1 % — в 2021 г. (рис. 6).

При этом, повторяя общую тенденцию развития инновационной активности субъектов промышленного производства, доля принципиально новых технологий в данной области также незначительна: 2015 г. — 8,47 % от общего объема разработок, 2021 г. — 9,86 %.

Общая тенденция развития российских разработанных производственных технологий, относящихся к сфере интегрированного управления и контроля (передовых методов организации и управления производством), показана на рис. 7.

Далее оценим используемые передовые производственные технологии с точки зрения продолжи-

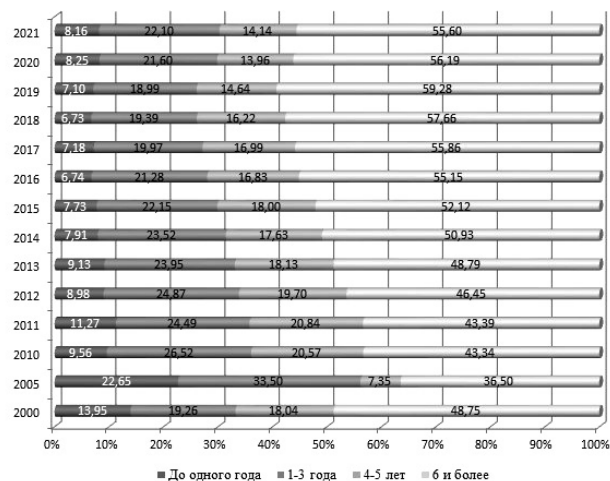


Рис. 8. Структура используемых передовых производственных технологий с точки зрения продолжительности периода их внедрения
Источник: график построен на основе исследований авторами данных [2–10]

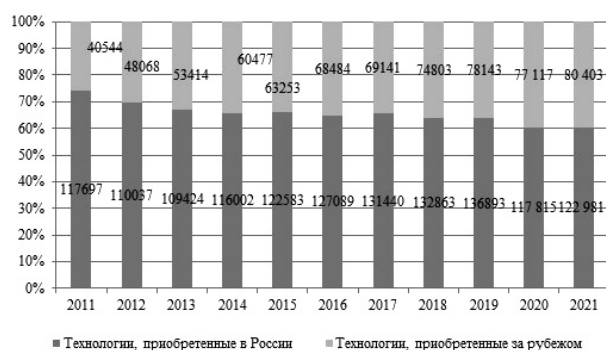


Рис. 9. Динамика количественного соотношения используемых передовых производственных технологий с позиции источника приобретения
Источник: график построен на основе исследований авторами данных [2–10]

тельности периода их внедрения (рис. 8). В целом в 2000–2021 гг. по промышленности отмечено преобладание передовых производственных технологий с периодом внедрения шесть и более лет с положительной динамикой роста в 4,17 раза за указанный период (48,75 и 55,6 % соответственно в 2000 г. и 2021 г.). Иначе говоря, внедряемые технологии носят стратегический характер и рассчитаны на получение результата в долгосрочной перспективе.

Нами установлено, что в структуре используемых передовых производственных технологий доминируют технологии, приобретенные в России (2000 г. — 74,38 %, 2021 г. — 60,47 % от общего числа), что свидетельствует о наличии научно-технического потенциала определенного уровня, способного генерировать результативные разработки. Однако следует отметить тенденцию «предпочтений» применения зарубежных аналогов: за 2000–2021 гг. количество технологий, приобретенных за рубежом, практически удвоилось (рис. 9).

Если мы обратимся к данным, характеризующим используемые передовые производственные технологии в области интегрированного управления и контроля (передовые методы организации

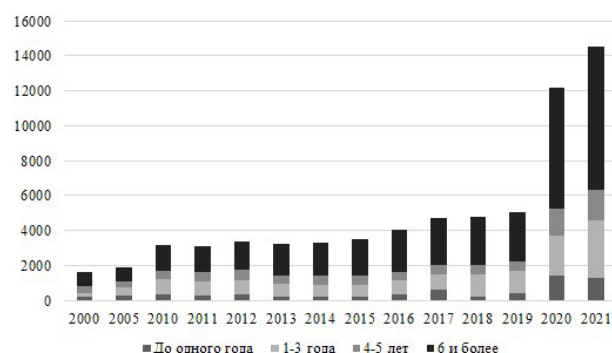


Рис. 10. Динамика структурно-количественного соотношения используемых передовых производственных технологий в области интегрированного управления и контроля (передовых методов организации и управления производством) с точки зрения продолжительности периода их внедрения
Источник: график построен на основе исследований авторами данных [2–10]

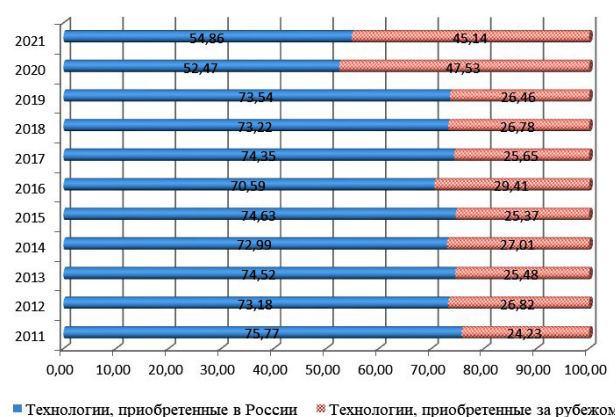


Рис. 11. Структура используемых передовых производственных технологий в области интегрированного управления и контроля (передовых методов организации и управления производством) с точки зрения источника приобретения
Источник: график построен на основе исследований авторами данных [2–10]

и управления производством) в целом, то увидим, что в общем объеме подобного рода технологий преобладают технологии, внедряемые в течение шести и более лет, — прирост в общем объеме за период в 9,66 раза (рис. 10).

Указанные технологии имеют сложный характер, что доказывает долгосрочный период их внедрения.

Анализ используемых передовых производственных технологий в области интегрированного управления и контроля (передовые методы организации и управления производством) с точки зрения источника приобретения показал, что 75,77 % всех технологий в 2011 году были приобретены в России (рис. 11). В 2015 г. данный показатель составил 74,63 %, а в 2021 г. — 54,86 %, что позволяет говорить о существенных изменениях в данном структурном соотношении в пользу технологий, приобретаемых за рубежом.

В целом приведенная динамика свидетельствует о востребованности и эффективности разработок в рамках исследуемой группы инновационных технологий.

Обсуждение и заключение. Обобщая вышесказанное, мы приходим к выводу о том, что в условиях формирования нового постиндустриального технологического уклада шестого поколения, нацеленного на конвергенцию на уровне технологий, динамика инновационной активности субъектов промышленного производства в 2000–2021 гг. положительная, что подтверждает тот факт, что общее количество разработанных передовых производственных технологий выросло в 3,17 раза. В общем объеме разработанных российских производственных технологий значительную долю (2000 г. — 82,7 %, 2015 г. — 87,48 %, 2020 г. — 89,89 %, 2021 г. — 88,1 %) занимают технологии, ранее известные, но адаптированные к российским условиям хозяйствования; доля принципиально новых технологий невысока: 2000 г. — 10,46 %, 2015 г. — 12,51 %, 2021 г. — 11,89 %.

Наибольший удельный вес в структуре разработанных передовых производственных технологий приходится на долю разработок в сфере производства, обработки и сборки промышленной продукции (39,2 % в 2015 г.; 30,1 % в 2021 г.). Удельный вес разработанных передовых производственных технологий, относящихся к сфере интегрированного управления и контроля (передовых методов организации и управления производством), составлял 5,52 % в 2000 г.; 3,29 % в 2015 г.; 6,5 % в 2021 г.), что свидетельствует как об относительно низкой исследовательской активности в данной области, так и об отсутствии адекватного концептуального обоснования и модели прикладного использования предлагаемых теоретических разработок.

Количество разработанных передовых производственных технологий, относящихся к сфере интегрированного управления и контроля (передовых методов организации и управления производством), за анализируемый период выросло в 3,7 раза, или на 104 единицы. Вместе с тем вектор инновационной активности в этой области ориентирован преимущественно на поиск путей адаптации зарубежных технологий к российской практике хозяйствования — 88,3 % от общего числа разработок в данной сфере.

Используемые передовые производственные технологии в области интегрированного управления и контроля (передовых методов организации и управления производством) носят, как правило, стратегический характер и рассчитаны на получение результата в долгосрочной перспективе, поскольку в общем объеме подобного рода технологий преобладают технологии с периодом внедрения шесть и более лет (51,34 % в 2000 г., 59,64 % в 2015 г.; 56,29 % в 2021 г.). Наряду с этим оценка вышеуказанных производственных технологий, с точки зрения источника приобретения, показала, что около половины всех технологий были приобретены в России.

Библиографический список

1. Калинина Н. М. Интегрированный контроллинг: теория, методология, практика: моногр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 350 с.
2. Российский статистический ежегодник — 2003. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b03_13/Main.htm (дата обращения: 06.03.2023).
3. Российский статистический ежегодник — 2005. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b05_13/Main.htm (дата обращения: 06.03.2023).
4. Российский статистический ежегодник — 2008. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b08_13/Main.htm (дата обращения: 10.03.2023).
5. Российский статистический ежегодник — 2010. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b10_13/Main.htm (дата обращения: 12.03.2023).
6. Российский статистический ежегодник — 2013. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b10_13/main.htm (дата обращения: 16.03.2023).
7. Российский статистический ежегодник — 2015. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm (дата обращения: 16.03.2023).
8. Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. / Росстат. Москва, 2018. 694 с.
9. Российский статистический ежегодник. 2020: стат. сб. / Росстат. Москва, 2020. 700 с.
10. Российский статистический ежегодник. 2021: стат. сб. / Росстат. Москва, 2021. 692 с.

КАЛИНИНА Наталья Михайловна, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры менеджмента и сервиса Омского государственного технического университета (ОмГТУ), г. Омск.

SPIN-код: 6580-3352

AuthorID (РИНЦ): 508769

ORCID: 0000-0001-9364-3686

Адрес для переписки: kalinina-nata@mail.ru

КУЛИК Нина Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент (Россия), доцент кафедры менеджмента и сервиса ОмГТУ, г. Омск.

SPIN-код: 5162-2758

ORCID: 0000-0002-5253-7796

ResearcherID: E-2562-2019

Адрес для переписки: nina-k77@yandex.ru

Для цитирования

Калинина Н. М., Кулик Н. А. Оценка степени инновационной готовности системной трансформации менеджмента в условиях перехода к шестому технологическому укладу // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 139–145. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-139-145.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023 г.

© Н. М. Калинина, Н. А. Кулик



ASSESSING THE DEGREE OF INNOVATIVE READINESS OF SYSTEMIC TRANSFORMATION OF MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF TRANSITION TO THE SIXTH TECHNOLOGICAL PARADIGM

The relevance of the study is due to the need for Russia to actively enter the new post-industrial technological paradigm of the sixth generation, which requires not only an infrastructural basis, but also a scientific and managerial potential. These circumstances, characterized by high rates of change, actualize the tasks of rethinking the value orientations of the management of industrial enterprises, especially in terms of technologies, methods and management tools, focused on the priorities of innovative development, which are reasonably considered as the managerial basis for technological modernization of the economy based on innovative solutions. The purpose of the work is to assess the degree of readiness for the transformation of management systems in the context of the transition to the sixth technological paradigm in the context of studying the innovative activity of industrial entities in the field of developed production technologies, including integrated management and control (advanced methods of organization and production management). The article examines dynamic, structural, trend qualitative variations of the developed advanced production technologies in the Russian Federation for 2000–2021 based on a significant amount of statistical data. The authors concluded that there are positive growth dynamics of developed advanced production technologies, qualitative structural shifts towards Russian developments.

Keywords: management, economics, innovation activity, the sixth technological paradigm, advanced production technologies, integrated management and control, advanced methods of organizing and managing production, integrated controlling.

References

1. Kalinina N. M. Integrirovannyi kontrolling: teoriya, metodologiya, praktika [Integrated controlling: theory, methodology, practice]. Novosibirsk, 2016. 350 p. (In Russ.).
2. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik – 2003 [Russian Statistical Yearbook – 2003]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b03_13/Main.htm (accessed: 06.03.2023). (In Russ.).
3. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik – 2005 [Russian Statistical Yearbook – 2005]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b05_13/Main.htm (accessed: 06.03.2023). (In Russ.).
4. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik – 2008 [Russian Statistical Yearbook – 2008]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b08_13/Main.htm (accessed: 06.03.2023). (In Russ.).
5. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik – 2010 [Russian Statistical Yearbook – 2010]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b10_13/Main.htm (accessed: 12.03.2023). (In Russ.).
6. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik – 2013 [Russian Statistical Yearbook – 2013]. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b10_13/main.htm (accessed: 16.03.2023). (In Russ.).
7. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik – 2015 [Russian Statistical Yearbook – 2015]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b15_13/Main.htm (accessed: 16.03.2023). (In Russ.).
8. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2018 [Russian Statistical Yearbook. 2018] / Rosstat. Moscow, 2018. 694 p. (In Russ.).
9. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2020 [Russian Statistical Yearbook. 2020] / Rosstat. Moscow, 2020. 700 p. (In Russ.).
10. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2021 [Russian Statistical Yearbook. 2021] / Rosstat. Moscow, 2021. 692 p. (In Russ.).

KALININA Natalya Mikhaylovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Management and Service Department, Omsk State Technical University (OmSTU), Omsk.

SPIN-code: 6580-3352
AuthorID (RSCI): 508769
ORCID: 0000-0001-9364-3686
Correspondence address: kalinina-nata@mail.ru
KULIK Nina Anatolyevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Management and Service Department, OmSTU, Omsk.
SPIN-code: 5162-2758
ORCID: 0000-0002-5253-7796
ResearcherID: E-2562-2019
Correspondence address: nina-k77@yandex.ru

For citations

Kalinina N. M., Kulik N. A. Assessing the degree of innovative readiness of systemic transformation of management in the context of transition to the sixth technological paradigm // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 139 – 145. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-139-145.

Received September 04, 2023.

© N. M. Kalinina, N. A. Kulik



ЭКОНОМИКА ГИБРИДИЗАЦИИ: РАБОТА С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ЕМКИМИ ПРОЦЕССАМИ И ПРОДУКТАМИ

Цель статьи — рассмотреть понятие экономики гибридизации, какие формы она принимает, как рост темпов гибридизации повлияет на бизнес-процессы на примерах комплексной работы с интеллектуально емкими процессами и продуктами. После COVID-19 основной характеристикой современной экономики — гибридизация. В теории это сочетание нескольких предметов, процессов, технологий. Автор выделяет несколько этапов гибридизации. Первый — применение схмотехники для управления экономическими процессами. На данном этапе происходит приспособление человека под технику. Второй этап заключается в появлении человекообразности. Техника и технические изделия по своим параметрам должны быть соразмерны человеку, удобны ему для использования. В отличие от первого этапа, человек подчиняет технику и цифровые системы, используя их для своего усиления. В экономике — гибридные офисы. Следующий этап — управление и взаимодействие с интеллектуально емкими объектами. Прогнозируется в ближайшее время по различным источникам переход на следующий этап — гибридизацию собственности.

Ключевые слова: гибридизация, гибридизация собственности, гибридный офис, схмотехника, системотехника, финансовые технологии, человекообразность.

Темпы изменений внешней среды современной экономики очень высоки. Это повышает требования к квалификации сотрудников, руководителей и собственников бизнеса, формирует у них новые (дополнительные) навыки для обеспечения конкурентоспособности. Автор выделяет разные слои и изменения, происходящие в них. Так, для исполнителей, рабочих специальностей увеличивается количество и сложность инновационных технологий, изобретений. Для менеджеров и управленцев меняются теоретические подходы к управлению, они становятся междисциплинарными; ускоренно развиваются отношения управления и финансовых процессов.

Серьезным противоречием инновационности и междисциплинарности современной экономики выступает ее фрагментарность, узкая специализация. В настоящее время оба (инновационность и междисциплинарность) эти процесса находят выражение в существенном увеличении роли гибридизации в отношении различных производств и специалистов, готовых выполнять различные трудовые функции и их комбинации.

В первую очередь, это отражается в усложнении управленческих процессов. Если на начальном уровне для управления экономическими процессами применялась схмотехника, то позднее появилась системотехника. Под схмотехникой понимается направление в науке, которое занимается проектированием, созданием и отладкой (синтезом и анализом) электронных (цифровых) схем и устройств различного назначения [1].

Схмотехника предполагает три основных этапа. Первый — создание или разработка технического задания. В нем описываются функции, которыми должно обладать проектируемое устройство. В техническом задании могут содержаться показатели, которым должно соответствовать устройство. Например, напряжение, сопротивление, рабочие температуры и т.д. При этом в техническом задании не указывается, как должно работать изделие или продукт. Это, с одной стороны, открывает перечень возможностей для проектирования или конструирования, а с другой — создает ограничения имеющимися технологиями [2].

Второй этап — конструирование. После постановки технического задания формируется блок-схема, где каждый блок представляет собой «черный ящик» с определенным набором функций. Затем черновая блок-схема преобразовывается в принципиальную, где конструируются связи между блоками, контролируется непрерывность и правильность прохождения сигнала. Завершается все третьим этапом — тестированием и отладкой. В сформированный макет (прототип изделия) подается входной сигнал, измеряются выходные параметры. Если они соответствуют техническому заданию, изделие или схема считаются рабочими. В случае несоответствия выходных параметров вычисляется блок, в котором произошел сбой, выполняются операции отладки [2].

Данный метод активно применяется в ИТ компаниях. Сначала формируется техническое задание, в котором заказчик описывает требования к про-

грамме или цифровому комплексу (изделие плюс программа). Затем специалисты компании выполняют этап конструирования, когда формируется прототип будущей программы (цифрового или программно-аппаратного комплекса). Завершается работа тестированием и отладкой, когда происходит проверка программы на соответствие заявленным в техническом задании параметрам и функциональным требованиям.

Следующим этапом в схемотехнике предполагается интеллектуальная схемотехника. Интеллектуальная схемотехника — результат объединения категориально-системной методологии и теории динамических информационных систем. Это методология, предполагающая использование схем в качестве когнитивных инструментов, при этом схемы, преобразуясь в формат когнитивных шаблонов, становятся ключевыми компонентами новых интеллектуальных технологий, позволяющих осуществлять процессы переносов знаний и технологий, устанавливать связи между логико-математическими, естественными, социально-гуманитарными и инженерно-техническими науками. На пути развития интеллектуальных технологий и интеллектуальных схемотехник, как их инструментальной основы, могут решаться такие задачи, как соединение смысло-содержательных и формально-математических компонентов исследования, согласования автоматизации вычислений и рассуждений [3].

Это позволяет говорить о переходе на второй этап гибридизации. Он заключается в появлении человекоразмерности, работе с интеллектуальными системами, применении кибернетики и системного подхода. Под интеллектуальной системой [4] понимается коллектив специалистов, когнитивные инструменты, предметная область, задачи, техника. Ведущим процессом в интеллектуальной системе является перераспределение функций, замещение функций, выполняемых человеком, техникой. Техника и технические изделия по своим параметрам должны быть соразмерны человеку, удобны ему для использования. В отличие от первого этапа, человек подчиняет технику и цифровые системы, используя их для своего усиления.

Важной тенденцией является усложнение и переплетение, возникновение новых комбинаций отдельных форм собственности и их динамические изменения. Для адекватного отражения этих процессов необходимо развитие методологии исследования отношений собственности и применяемой терминологии. Например, термин «режим собственности» впервые был употреблен в 90-х годах XX века. Под режимом собственности понимается реальная совокупность возможностей, которой тот или иной субъект обладает по отношению к объекту собственности. Также режим собственности можно определить, как определенную структуру прав и обязанностей, характеризующую отношение одного субъекта к другому в связи с объектом собственности [5].

В соответствии с данной концепцией можно выделить три режима собственности:

- режим государственной собственности;
- режим частной собственности;
- режим коллективной (коммунальной) собственности.

В настоящее время в связи с происходящими изменениями экономических отношений в качестве особого режима произошло выделение четвертого — режима свободной собственности, предпо-

лагающего отсутствие ограничений для доступа к какому-либо благу [5]. Всемирный экономический форум даже опубликовал 8 прогнозов для мира в 2030 году [6]. Согласно этому прогнозу, к 2030 году частная собственность исчезнет.

Резко усилилась важность интеллектуальных возможностей человека в хозяйственной деятельности, увеличилась гибкость в управлении хозяйствующими субъектами, возросла индивидуальность потребления. Это ведет к формированию сетевых структур, появлению понятия «режим собственности» из-за существенного увеличения значения личной эффективности, инициативы, предприимчивости для экономического прогресса [5].

В РФ основная масса компаний была основана или люди начали заниматься предпринимательством (бизнесом) в 1990-х годах. Это приводит к тому, что к 20-м годам XXI века энергия этих собственников или предпринимателей естественным образом снижается. Возникает вопрос преемственности бизнеса, что особенно актуально становится в условиях изменения форм собственности. В РФ в настоящее время 9 % хотят передать бизнес детям, 11 % — менеджменту, 39 % — продать. При этом 80 % детей ожидают получить бизнес от родителей. Пятая часть детей о своем желании говорят в семье, 10 % — в кругу друзей, 70 % — не говорят нигде. При обсуждении вопросов преемственности 31 % участников опроса знает, из чего состоит благосостояние семьи, 69 % людей не знает. Из-за этого риски по передаче бизнеса существенно увеличиваются: нет полноты информации об объекте наследования, технологии передачи бизнеса отсутствуют, стандартов подготовки собственников и наследников тоже практически нет. В РФ передачу бизнеса по наследству планирует 20 %, 25 % семейных компаний вовлекает в работу наследников. За рубежом — 73 % планируют передачу бизнеса по наследству, 69 % семейных компаний привлекают к работе наследников [7].

В условиях действующего режима частной собственности для наследования компании нужно, в первую очередь, превратить ее в капитал (отделить от собственника). Это означает построить корпоративную культуру (выделить ценности компании), настроить бизнес-процессы. Однако функционировать и развиваться компания будет в новых условиях с новыми режимами собственности. Следовательно, необходима иная подготовка при передаче компании. На первый план выходят не юридические, а экономические механизмы передачи владения и управления в современных экономических условиях, изменение структуры собственности, формирования сетевых структур и т.д.

Таким образом, проблема передачи собственности осложняется процессом трансформации отношений собственности. Следовательно, приходится не только готовить собственника и наследника, но и рассматривать различные сценарии гибридизации собственности в будущем, чтобы обеспечить жизнеспособность и конкурентоспособность компаний.

В настоящее время активно обсуждается современный, гибридный формат работы, который приобрел значительную популярность после пандемии. Он стал более сложным. На практике можно выделить отдельные его черты, в целом же практика гибридизации диктует необходимость формирования теории. С точки зрения автора, COVID-19, последовавшая за ним Специальная военная операция

выступили катализатором, который позволил оценить «антихрупкость» соответствующих технологий и сущностей. Технологическое развитие совместно с технологиями удаленного доступа привело к развитию фриланса, гибкому рабочему графику и т.д. Компаниям для этого потребовалось перестроить свои бизнес-процессы, организационную структуру и системы управления.

Бизнес-процессы и технологические операции стали более прозрачными. Эффективность зависит от качества разработки и выполнения инструкций. Важную роль стала играть дисциплина сотрудников, поскольку у работодателя пропала возможность контролировать способ и время выполнения задачи. Специалист теперь может самостоятельно планировать свой график, ориентируясь только на назначенные руководителем совещания. Наличие в разных регионах РФ разной заработной платы открыло возможности для оптимизации затрат за счет перемещения рутинной работы в регионы с низким уровнем заработной платы.

Так, в Росбанке за счет внедрения гибридных форматов работы удалось сократить количество офисных площадей в два раза, расширилась география поиска талантливых сотрудников. Для работы в гибридном режиме созданы соответствующие регламенты (изменен внутренний трудовой распорядок), проводятся специальные тренинги, для сохранения ориентации и целевых показателей сотрудники регулярно общаются с руководством [8].

В настоящее время отсутствуют отечественные исследования, четко описывающие модель гибридного офиса, нет и определенного соотношения работников по удаленной схеме, работающих в офисе. Эксперты сходятся во мнении, что уровень гибридности должен определяться индивидуально в зависимости от характера работы, целей компании, коммуникационной среды, значимости человека в организации, необходимости его постоянного присутствия в компании [8].

При внедрении гибридной работы перестраиваются основные и вспомогательные бизнес-процессы. Предпосылки для этого:

- гибкий график работы сотрудников, отсутствие необходимости постоянного присутствия в офисе, постоянный доступ в помещение офиса;
- изменение форматов офисов, появление коворкингов, где можно периодически организовывать встречи, коллективную работу, рабочее пространство легко адаптируется под задачи;
- рабочие места не закреплены за конкретными сотрудниками;
- соблюдение регламентов и расписаний личных встреч, совещаний, совместной работы.

Пандемия ускорила процесс гибридизации офисов. Если ИТ-компании уже оцифровали свои бизнес-процессы и в целях оптимизации затрат использовали труд фрилансеров, применяли дистанционные технологии работы, то организации промышленного производства на начальном этапе гибридизации столкнулись с проблемами. В компании, где значительная часть сотрудников должна находиться на производстве, стоять у станка, сложно организовать удаленную занятость. Выходом в данном случае видится автоматизация и роботизация технологических процессов.

Внедрение современных технологий позволит промышленным компаниям оптимизировать численность, снизить затраты, повысить конкурентоспособность.

Компании, которые активно внедряют гибридные форматы работы, сталкиваются с необходимостью изменения психологии сотрудников. Они должны быть более ответственными и самостоятельными. Кроме развития личных качеств персонала, гибридный формат работы приносит такие преимущества, как:

- оптимизация затрат в связи с сокращением офисных площадей, снижением необходимости в командировках, затрат на переезд сотрудников;

- конкурентоспособность на рынке труда (талантливый сотрудник можно найти не только в локации, где расположена компания, но и в любой точке земного шара).

Гибриднему формату работы присущи определенные риски:

- снижение уровня инновационных идей и технологий: многие инновационные идеи рождаются в процессе тесного общения сотрудников между собой, гибридный формат работ не способствует частым встречам, количество контактов снижается, что ведет к уменьшению числа идей и снижает вероятность их внедрения (без общения с разными экспертами сложно оценить риски внедрения и способы их преодоления);

- потеря корпоративной культуры, потеря целей и смыслов: в настоящее время корпоративная культура рождается и развивается в процессе непосредственной коммуникации, поэтому снижение интенсивности коммуникации ведет к необходимости менять корпоративную культуру. Коммуникационные барьеры ухудшают качество коммуникации, затрудняют передачу смыслов, в результате смыслы существенно меняются;

- ухудшение психологического состояния сотрудников: появляются цифровые фобии, профессиональное выгорание, падение мотивации и т.д. А. В. Курпатов в своих книгах назвал современной проблемой общение с гаджетами, а не с людьми, увеличение их приоритетов в жизни людей. Такое состояние он назвал информационной псевдодебильностью [9];

- сложности с адаптацией сотрудников в компании: процесс адаптации также происходит в процессе коммуникации сотрудников, новый работник должен выстроить отношения с другими сотрудниками. В условиях гибридного формата такая необходимость пропадает;

- снижение уровня доверия в коллективе: без постоянной коммуникации между сотрудниками снижается уровень доверия, команды работают хуже.

Чтобы снизить такие риски, автор предлагает привлекать тренеров, специалистов по улучшению организации и внедрению технологий дистанционной работы. Помимо процессов взаимодействия, необходимо менять и управленческие процессы: целеполагание, планирование, распределение ресурсов, администрирование. Возрастает роль информационной безопасности, поскольку удаленная работа требует обмена коммерческой информацией, а значит, технологии передачи данных должны быть безопасными, не допускать распространения коммерческих данных, неправомерного к ним доступа.

В результате гибридный офис привел к изменению процессов управления: наем и адаптация сотрудников, управление корпоративной культурой, мотивацией, изменением, процессы организационного развития, управления знаниями. Это, в свою

очередь, влечет корректировку стиля руководства на предприятиях. С точки зрения автора, ключевыми факторами становятся доверие, ответственность, умение управлять командой, скорость реакции на изменения. Это интеллектуально емкие процессы и продукты, которые требуют новых методов управления и работы с ними.

Примером таких продуктов и процессов являются финансовые технологии. К финансовым технологиям относятся компании, которые используют различные инновации и цифровые технологии для увеличения своей конкурентоспособности по сравнению с традиционными финансовыми институтами типа коммерческих банков. В результате у банков становится все меньше банковских услуг и больше информационно-коммуникационных. Они превращаются в ИТ компании с банковской лицензией.

Финансовые технологии в наибольшей степени модернизировали деятельности в следующих областях [10]:

- платежи и переводы: сервисы онлайн платежей, онлайн переводов, обмен валют между физическими лицами (переводы между физическими лицами), сервисы платежей юридическим лицам без привлечения банков, облачные кассы и смарт-терминалы, сервисы массовых выплат;

- финансирование: потребительское кредитование физическими лицами онлайн, краудфандинг;

- управление капиталом: робо-эдвайзинг, программы и приложения по финансовому планированию, алгоритмическая биржевая торговля, сервисы целевых накоплений;

- страхование: страхование по подписке, микрострахование, автоматическое урегулирование убытков (страховые выплаты без участия страхователя).

Основные цели развития финансовых технологий [10]:

- содействие развитию конкуренции на финансовом рынке;

- повышение доступности, качества и ассортимента финансовых услуг;

- снижение рисков и издержек в финансовой сфере;

- обеспечение безопасности и устойчивости при применении финансовых технологий;

- повышение уровня конкурентоспособности российских технологий.

С точки зрения Банка России, основные направления финансовых технологий разделяются на два направления: непосредственно сам бизнес (большие данные, искусственный интеллект, машинное обучение) и цифровая инфраструктура:

- методы идентификации: биометрия и т.д.;

- система быстрых платежей: моментальные переводы между физическими и юридическими лицами;

- мастерчейн (технологии распределенных реестров): цифровые закладные, аккредитивы, банковские гарантии;

- финансовый маркетплейс (регистратор финансовых транзакций): супермаркет финансовых услуг;

- цифровой профиль: цифровая информация и управление согласием.

Так, в период с 2018 по 2020 годы оборот компаний отрасли увеличился в 1,5 раза с 32 млрд руб. до 48 млрд руб. Лидеры роста: маркетплейсы (основной акционер Wildberries стала самой богатой

женщиной в РФ по версии журнала Forbes), инвестиционные платформы, платежи и обработка транзакций, системы лояльности, решения для бизнеса. Основную долю в рейтинге занимают системы обработки платежей и транзакций. В период самоизоляции они активно подключали новых пользователей в связи с ростом интернет-торговли. Лидером в этом сегменте является компания ЮMoney. Второй по величине сегмент (15 % выручки у представителей сегмента в топ-40 рейтинга) — рынок онлайн-касс. Несмотря на завершение кассовой реформы (внедрение касс с фискальным накопителем, моментальное информирование о сделке ИФНС, упрощение регистрации) и последовавшее за этим падение выручки, новые экономические реалии создали предпосылки для увеличения выручки. Это интернет-торговля, развитие служб доставки, автоматизация закупок и т.д. Лидером в этом сегменте является компания «Эвотор». Третье место по доле рынка принадлежит маркетплейсам. Драйвером роста их выручки является также увеличение объема онлайн торговли [11].

Следует отметить, что компании разных отраслей обладают разным уровнем гибридизации. Лидером в области гибридизации является в настоящее время ИТ. Компании этой отрасли производят интеллектуальные продукты и услуги; оцифровывали свои бизнес-процессы, применяют различные современные формы организации работ и управления (фрилансеров, удаленные формы работы, обязательное присутствие сотрудников на рабочем месте только во время совещаний).

На втором месте по гибридизации находятся банки и компании из сферы финансовых технологий. Так, 75 % банков и финтех компаний разработали и активно применяют мобильные и web-приложения для совершения платежей, оформления кредитов, накоплений и инвестиций. Почти 70 % (68 %) банков используют корпоративные хранилища данных, 58 % — используют для этого облачные технологии. Для анализа «больших данных» и принятия решений по кредитованию (и других целей) 46 % финансовых компаний применяют соответствующие инструменты, 34 % — сервисы с искусственным интеллектом, 31 % — машинное обучение. Для идентификации клиентов используют биометрические технологии — 21 % компаний, меньшинство организаций (6 %) применяют технологии распределенного реестра (мастерчейн) [12]. Возникает вопрос: насколько такие формы гибридизации сопровождаются междисциплинарными исследованиями?

Сложнее внедрять гибридные технологии в промышленности. Специфика отрасли заключается в необходимости постоянного присутствия рабочего персонала на месте и выполнения стандартных операций по обработке материалов и выпуска продукции. Однако наиболее продвинутые компании применяют роботизированные технологии, что позволяет сократить количество сотрудников и требует повышения их квалификации.

В процессе гибридизации:

- смешиваются виды предметов, например, продукты и услуги (например, появляются биотехнологии, нанотехнологии, биоинжиниринг и т.д.);

- происходит диффузия технологий (характер технологических процессов становится все более междисциплинарным);

- сокращается время жизни предметов, ускоряются процессы научно-технического развития (например, по закону Мура количество транзисто-

ров, размещаемых в центральном процессоре компьютера, удваивается каждые 24 месяца; новые модели смартфонов выпускаются не реже одного раза в год, что ведет к увеличению скорости обработки информации);

— внедряются цифровые технологии (цифровизация происходит практически повсеместно: используются программы для управления предприятием, нейросети, интернет-вещей, электронное оказание государственных услуг и т.д.).

В заключение отметим, что основная характеристика современной экономики — гибридизация. В теории это сочетание нескольких предметов, процессов, технологий. Ключевыми противоречиями гибридизации в сравнении с традиционной наукой являются высокие темпы инновационности и междисциплинарность. Благодаря гибридизации в экономике происходит изменение бизнес-процессов и предметов, что требует новых способов управления, ускоряются темпы изменений, которые меняют организационные структуры, внедряется цифровизация, которая, в свою очередь, увеличивает скорость изменений и переводит цикл смены форм управления и организационных структур на новый уровень.

Автором выделены этапы становления и развития гибридизации — вначале для управления организацией используется схемотехника, затем развивается системотехника и после COVID-19 появляются гибридные предприятия, которые требуют новых систем и методов управления. Меняется и структура собственности, возникает новое понятие «режим собственности».

Организации по-разному используют преимущества гибридизации. Наиболее активно в области гибридизации работают предприятия в отрасли ИТ. В ней уже перестроены бизнес-процессы, работники работают удаленно, управленцы также без непосредственного контакта с персоналом. Приближается к отрасли ИТ отрасль финтех. Организации этой отрасли носят сетевой характер, в них внедряются инновации (финансовые организации активно превращаются в ИТ-компании с банковской лицензией) и междисциплинарный подход к управлению. Сложнее всего гибридизация внедряется в промышленных отраслях. Это обусловлено спецификой производства, низким процентом роботизации, недостаточной гибкостью персонала и управленческих структур.

Библиографический список

1. Веселов Г. И. Схемотехника // Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 25. Струнино—Тихорецк / гл. ред.

А. М. Прохоров. 3-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1976. С. 121.

2. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. Санкт-Петербург: Ленанд, 2021. 432 с.

3. Разумов В. И. Формирование синтетических стратегий мышления как условие перехода человечества в новую эпоху // Ориентированные фундаментальные и прикладные исследования — основа модернизации и инновационного развития архитектурно-строительного и дорожно-транспортного комплексов России: материалы 66-й науч.-техн. конф. Омск: Изд-во СибАДИ, 2012. С. 544–547. EDN: TRUFTJ.

4. Ладенко И. С. Интеллектуальные системы в целевом управлении: моногр. Москва: Наука, 1987. 200 с.

5. Максимов С. Н. «Распределенная собственность» как современный режим функционирования отношений собственности // Проблемы современной экономики. 2016. № 1 (57). С. 40–44. EDN: WDPDBF.

6. Прогнозы Совета ВЭФ «Глобальное будущее». URL: <https://www.weforum.org/communities/global-future-councils> (дата обращения: 05.06.2023).

7. Отцы и дети: преемственность бизнеса и благосостояния в семьях собственников крупного бизнеса в России // Центр управления благосостоянием и филантропии СКОЛКОВО. 2022. URL: https://nisse.ru/upload/iblock/5ff/Рождественская_доклад.pdf (дата обращения: 12.06.2023).

8. Рыкина М. Н., Филатова О. Г. Гибридные офисы / под общ. ред. С. Р. Филоновича. Москва: НИУ ВШЭ, 2022 г. 128 с.

9. Курпатов А. В. Чертоги разума. Убей в себе идиота. Санкт-Петербург: Издат. дом Нева, 2020. 330 с.

10. Основные направления цифровизации финансового рынка на период 2022–2024 годов // Портал Центрального банка РФ. URL: www.cbr.ru (дата обращения: 05.06.2023).

11. Кто стал крупнейшей FinTech-компанией России? // РБК Тренды. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/612764bb9a7947123393189f> (дата обращения: 12.06.2023).

12. Что такое финтех: ответы на главные вопросы // РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/618b6f349a794772fa50adf> (дата обращения: 11.06.2023).

ШАСТИН Анатолий Васильевич, кандидат экономических наук, директор ООО «Рэдиум Инвестиции», г. Омск.

Адрес для переписки: trioomsk@mail.ru

Для цитирования

Шастин А. В. Экономика гибридизации: работа с интеллектуально емкими процессами и продуктами // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 146–151. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-146-151.

Статья поступила в редакцию 16.08.2023 г.

© А. В. Шастин

THE ECONOMICS OF HYBRIDIZATION: WORKING WITH INTELLECTUALLY CAPACIOUS PROCESSES AND PRODUCTS

The purpose of the article is to consider the concept of hybridization economics, what forms it takes, how the growth of hybridization rates will affect business processes using examples of complex work with intellectually capacious processes and products. After COVID-19, the main characteristic of the modern economy is hybridization. In theory, it is a combination of several subjects, processes, and technologies. The author identifies several stages of hybridization. The first is the use of circuitry to control economic processes. At this stage, a person adapts to the technique. The second stage is the appearance of human dimension. Equipment and technical products in their parameters should be commensurate with the person, convenient for him to use. In contrast to the first stage, a person subordinates technology and digital systems using them to strengthen himself. Hybrid offices are used in the economy. The next stage is management and interaction with intellectually capacious objects. It is predicted in the near future, according to various sources, the transition to the next stage — the hybridization of property.

Keywords: hybridization, hybridization of property, hybrid office, circuit engineering, system engineering, financial technologies, human dimension.

References

1. Veselov G. I. *Skhemitotekhnika [Circuitry]* // *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*. V 30 t. T. 25. Strunino—Tikhoretsk [The Big Soviet Encyclopaedia. In 30 vols. Vol. 25. Strunino—Tikhoretsk] / Ed. A. M. Prohorov. 3rd ed. Moscow, 1976. P. 121. (In Russ.).
2. Ashby Ross W. *Vvedenie v kibernetiku [An introduction to cybernetics]*. Saint Petersburg, 2021. 432 p. (In Russ.).
3. Razumov V. I. *Formirovaniye sinteticheskikh strategiy myshleniya kak usloviye perekhoda chelovechestva v novuyu epokhu [Formation of synthetic thinking strategies as a condition for humanity's transition to a new era]* // *Oriyentirovannyye fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya — osnova modernizatsii i innovatsionnogo razvitiya arkhitekturno-stroitel'nogo i dorozhno-transportnogo kompleksov Rossii. Focused Fundamental and Applied Research — the Basis for Modernisation and Innovative Development of the Architectural, Construction and Road Transport Complexes of Russia*. Omsk, 2012. 544 p. EDN: TRUFTJ. (In Russ.).
4. Ladenko I. S. *Intellektual'nyye sistemy v tsel'nom upravlenii [Intelligent systems in target management]*. Moscow, 1987. 200 p. (In Russ.).
5. Maksimov S. N. «Raspredelennaya sobstvennost'» kak sovremennyy rezhim funktsionirovaniya otnosheniy sobstvennosti [«Distributed property» as a contemporary regime in the functioning of property relations problems of modern economics] // *Problemy sovremennoy ekonomiki. Problems of Modern Economics*. 2016. No. 1 (57). P. 40—44. EDN: WDPDBF. (In Russ.).
6. *Prognozy Soveta VEF «Global'noye budushcheye» [WEF Council's Global Future Forecasts]*. URL: <https://www.weforum.org/communities/global-future-councils> (accessed: 05.06.2023). (In Russ.).
7. *Ottsy i deti: preymstvennost' biznesa i blagosostoyaniya v sem'yakh sobstvennikov krupnogo biznesa v Rossii [Fathers and Children: Business and Wealth Succession in the Families of Large Business Owners in Russia]* // *Tsentr upravleniya*

blagosostoyaniyem i filantropii SKOLKOVO. SKOLKOVO Centre for Wealth Management and Philanthropy. 2022. URL: https://nisse.ru/upload/iblock/5ff/Rozhdestvenskaya_doklad.pdf (accessed: 12.06.2023). (In Russ.).

8. Rykina M. N., Filatova O. G. *Gibridnyye ofisy [Hybrid offices]*. Moscow, 2022. 128 p. (In Russ.).
9. Kurpatov A. V. *Chertogi razuma. Ubej v sebe idiota [The halls of reason. Kill the idiot in you]*. Saint Petersburg, 2020. 330 p. (In Russ.).
10. *Osnovnye napravleniya cifrovizatsii finansovogo rynka na period 2022—2024 godov [Main directions of the financial market digitalisation for the period 2022—2024]* // *Portal Central'nogo banka RF. Portal of the Central Bank of the Russian Federation*. URL: www.cbr.ru (accessed: 05.06.2023). (In Russ.).
11. *Kto stal krupneyshey FinTech-kompaniyei Rossii? [Who has become Russia's largest FinTech company?]* // *RBK Trendy. RBC Trends*. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/612764bb9a7947123393189f> (accessed: 12.06.2023). (In Russ.).
12. *Chto takoye fintekh: otvety na glavnyye voprosy [What is fintech: answers to the main questions]* // *RBK Trendy. RBC Trends*. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/618b6f349a794772fa50adf4> (accessed: 11.06.2023). (In Russ.).

SHASTIN Anatoliy Vasilyevich, Candidate of Economic Sciences, Director of «Radium Investments» LLC, Omsk.

Correspondence address: trioomsk@mail.ru

For citations

Shastin A. V. The economics of hybridization: working with intellectually capacious processes and products // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 146—151. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-146-151.

Received August 16, 2023.

© A. V. Shastin



НАУКАСТИНГ ВЫПУСКА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДАННЫХ ОПРОСОВ ПРЕДПРИЯТИЙ

Данная статья посвящена проверке возможности использования результатов опросов предприятий для наукастинга выпуска обрабатывающей промышленности России: анализ бизнес-циклов и краткосрочное прогнозирование (на 1 месяц вперед). В работе исследуются возможности опросов, результаты которых публикуются оперативно (опережают выход официальной статистики на 20 дней и более) и в открытом доступе. Исследование показывает, что индикаторы опросов Росстата (экономическая ситуация, численность занятых, индекс предпринимательской уверенности, выпуск, спрос, экспорт) позволяют повысить точность прогнозов на 21–39 % и имеют высокую связь с бизнес-циклами обрабатывающей промышленности.

Ключевые слова: наукастинг, опросы предприятий, опережающие индикаторы, обрабатывающая промышленность, бизнес-циклы.

Настоящая статья отражает личную позицию автора. Содержание и результаты данного исследования не следует рассматривать, в том числе цитировать в каких-либо изданиях, как официальную позицию Банка России или указание на официальную политику или решения регулятора. Любые ошибки в данном материале являются исключительно авторскими.

Введение. Одним из важнейших источников экономической информации являются данные официальной статистики, однако они выходят с различной периодичностью и с определенным лагом после окончания отчетного периода. Для преодоления этой проблемы используется наукастинг (nowcasting) — подход, направленный на анализ и предсказание процессов определенного экономического показателя в текущем периоде, ближайшем будущем и, иногда, в недавнем прошлом [1]. В данном исследовании под наукастингом будет пониматься прогнозирование индексов производства на месяц вперед, а также определение динамики бизнес-циклов обрабатывающей промышленности с использованием данных опросов, то есть когда официальная статистика еще недоступна, а результаты опросов за отчетный месяц уже опубликованы.

Важным элементом наукастинга является наличие оперативно публикуемых показателей, примерами которых являются результаты опросов предприятий. Они используются в качестве опережающих индикаторов деловой активности предприятий различных секторов экономики, в том числе обрабатывающей промышленности, которая является одной из важнейших частей экономики России. Так, в 2022 г. она заняла первое место по доле в структуре валовой добавленной стоимости, на нее пришлось 14,2 % [2].

Важность обрабатывающих производств для экономики России и возможности опросов по оперативному получению информации подчеркивают актуальность исследований связи и прогнозных способностей опросных индикаторов для официальной статистики этого сектора.

Цель исследования. Целью данной статьи является проверка возможности использования результатов опросов предприятий Росстата, Российского союза промышленников и предпринимателей (далее — РСПП) и S&P Global (всего 21 индикатор) для наукастинга выпуска обрабатывающей промышленности России: краткосрочное прогнозирование (на 1 месяц вперед) индексов производства и определение бизнес-циклов.

Гипотеза заключается в том, что отдельные индикаторы опросов должны улучшить краткосрочные прогнозы индексов производства и определять циклическую компоненту их динамики. Этому может способствовать опережающий выход итогов опросов, успешная мировая практика применения результатов опросов для наукастинга, широкий охват респондентов в отдельных обследованиях, наличие показателей ожиданий предприятий.

Основная часть. Результаты опросов давно рекомендовали себя в качестве надежных опережающих индикаторов различных макроэкономических переменных: ВВП, промышленное производство, бизнес-циклы, потребительская активность, инфляция, занятость, инвестиции, и т.д. [3, 4]. За индикаторами опросов следят различные группы пользователей: респонденты, руководители высшего звена различных фирм и банков, политики, аналитики, исследователи, СМИ и т.д. [5]. Такое внимание обусловлено следующими преимуществами результатов опросов: дополнение к данным статистики;

охват различных секторов экономики; высокая частота и оперативность публикаций; сопоставимость рядов между странами, регионами и секторами экономики; наличие вопросов не только о текущем положении дел, но и об ожиданиях респондентов [6].

Одними из основных инструментов опросов являются ежемесячные конъюнктурные обследования. В анкетах у респондентов обычно просят качественно оценить состояние или изменение различных показателей: «рост/улучшение/хорошее состояние», «без изменений/удовлетворительное состояние», «снижение/ухудшение/плохое состояние» [7]. Помимо качественных оценок, у предприятий могут узнавать их ожидания (например, на 3, 6, 12 месяцев и т.д.), а также небольшое число количественных характеристик, например, уровень использования производственных мощностей.

Применение результатов конъюнктурных обследований для анализа и наукастинга ситуации не обошло стороной и промышленность, которая имеет высокое значение для экономик различных стран, часто определяется как образующая цикл (cycle-maker) отрасль, а статистика по ней публикуется быстрее и чаще, чем по ВВП. Так, например, индикаторы опросов Института IFO и S&P Global успешно применяются в качестве опережающих показателей состояния и динамики промышленности.

Институт IFO на регулярной основе проводит опросы предприятий с 1949 г., на текущий момент в них ежемесячно участвует около 9000 предприятий Германии. На основе результатов этих опросов строится один самых важнейших опережающих индикаторов немецкой экономики — индекс делового климата (ifo Business Climate Index), который рассчитывается как для экономики в целом, так и для отдельных видов деятельности на основе ответов на вопросы о текущей и ожидаемой деловой ситуации [8, 9].

В работе Lehmann приводится обширный обзор результатов исследований различных авторов, посвященных анализу взаимосвязи, опережающих свойств и точности прогнозов индикаторов опросов Института IFO для промышленного производства [3]. Исходя из этого обзора, следует, что большинство исследований подтверждают высокую прогнозную способность результатов опросов. Так, ifo Business Climate Manufacturing и ifo Business Climate Industry and Trade и их субиндексы (о текущей деловой ситуации и ожиданиях) имеют хорошие опережающие свойства и могут быть использованы для составления точечных прогнозов для промышленного производства.

S&P Global проводит опросы в более чем 40 странах. По результатам опросов публикуется индекс менеджеров по закупкам (Purchasing Managers' Index (PMI)), который для обрабатывающих производств рассчитывается как средневзвешенное значение субиндексов: новые заказы — 30 %, выпуск — 25 %, занятость — 20 %, сроки поставок поставщиками — 15 % (инвертируется при включении в индекс), складские запасы — 10 % [4]. Этот показатель также успешно используется в качестве оперативного индикатора промышленности.

Так, например, Arigiliano указывает, что индекс деловой активности в производственном секторе (Manufacturing PMI) хорошо отслеживает динамику средне- и долгосрочной компоненты квартальных темпов роста итальянского промышленного производства, а общее поведение опросного индекса

выше (ниже) своего порогового уровня соответствует фазе расширения (сокращения) бизнес-цикла итальянской промышленности [10].

Herwadkar, Snehal S. и Ghosh, Saurabh в своем исследовании пишут, что индекс деловой активности в промышленности (Manufacturing PMI) является хорошим опережающим индикатором индекса промышленного производства Индии в целом и индийской обрабатывающей промышленности в частности, по крайней мере, в краткосрочной перспективе [11].

Таким образом, показатели, построенные на основе результатов опросов предприятий, выступают опережающими индикаторами для анализа бизнес-циклов и несут полезную информацию для краткосрочного прогнозирования ситуации в обрабатывающей промышленности.

В данной работе для анализа взаимосвязи и прогнозной способности опросных индикаторов для динамики обрабатывающей промышленности России использовались показатели опросов, проводимых Росстатом, РСПП и S&P Global (PMI обрабатывающих отраслей России (Russia Manufacturing PMI)).

Росстат на ежемесячной основе проводит мониторинг деловой активности свыше 3 тыс. крупных и средних предприятий промышленности, в том числе обрабатывающих производств [12]. Результаты опросов о деловой активности в этом секторе экономики, согласно Федеральному плану статистических работ, публикуются на 19–23-й рабочий день отчетного периода [13]. Так, например, итоги обследований в июле 2023 г. были опубликованы 2 августа. Для исследования в данной работе использовались следующие данные (итоги опросов), размещенные на сайте Росстата в разделе «Опережающие индикаторы по видам экономической деятельности» (всего 13 рядов):

- индекс предпринимательской уверенности, рассчитываемый как среднее арифметическое значение балансов оценок фактически сложившихся уровней спроса, ожидаемого выпуска продукции и запасов готовой продукции (берется с обратным знаком). Использовались результаты старой методологии расчета, так как оценки по новой имеют короткий временной ряд (с января 2019 г.);

- общий спрос на продукцию: уровень в текущем месяце (далее — тек. ур.), перспективы изменения в ближайшие 3 месяца (далее — ожид. 3 мес.);

- выпуск основного вида продукции в натуральном выражении: в текущем месяце по сравнению с предыдущим (далее — тек. мес. изм.), ожид. 3 мес.;

- запасы готовой продукции: тек. ур.;

- спрос на продукцию на внешнем рынке: тек. ур., ожид. 3 мес.;

- численность занятых: тек. ур., ожид. 3 мес.;

- средний уровень использования производственных мощностей: тек. ур.;

- экономическая ситуация: тек. мес. изм., ожид. 6 мес.

Росстат для расчета итогов опросов (за исключением уровня использования производственных мощностей) использует балансы ответов (балансы оценок):

$$B = 100(P - N) \text{ или } B = (P - N) / (P + E + N) \cdot 100,$$

где B — баланс ответов (оценок), P — доля ответов типа «больше» (+), N — доля ответов типа «мень-

ше» (–), E — доля ответов типа «без изменений» (=). Балансы могут принимать значения от –100 до +100, значение 0 соответствует ситуации, характеризующей отсутствие изменений в какую-либо сторону [5].

Опросы РСПП проводятся среди его членов, в котором участвуют в основном представители крупной промышленности (доля колеблется около значения 66,3 %) [14]. Результаты обследований публикуются оперативно, например, итоги опроса в июле 2023 г. были опубликованы 1 августа. Сводный Индекс РСПП рассчитывается как среднее арифметическое следующих 7 субиндексов: рынка производимой продукции, логистики и инфраструктуры, B2B, B2G, финансовых рынков, личной оценки делового климата, инвестиционной и социальной активности [14]. Для исследования в данной работе использовались значения сводного индекса и шести его субиндексов (всего 7 рядов от РСПП), за исключением данных об инвестиционной и социальной активности, так с января 2022 г. в публикациях временной ряд значений этого индекса не указывается.

В свободном доступе размещаются итоговые значения индекса PMI обрабатывающих отраслей России (Russia Manufacturing PMI), который составляется на основе ответов менеджеров по закупкам из примерно 250 предприятий. Результаты обследований размещаются оперативно, например, итоги опроса в июле 2023 г. были опубликованы 1 августа. Субиндексы PMI обрабатывающих отраслей России в свободном доступе не публикуются.

Ряды РСПП и PMI обрабатывающих отраслей России публикуются как диффузные индексы, которые, как правило, (при трех вариантах ответа об изменении ситуации) рассчитываются следующим образом:

$$DI = 100(P + E/2)$$

$$\text{или } DI = (P + E/2)/(P + E + N) \cdot 100,$$

где DI — индекс диффузии, P — доля ответов типа «больше» (+), N — доля ответов типа «меньше» (–), E — доля ответов типа «без изменений» (=). Диффузные индексы могут принимать значения от 0 до +100, значение 50 соответствует отсутствию изменений в какую-либо сторону [5].

В качестве показателей динамики обрабатывающей промышленности России в данной работе использовались индексы производства по виду деятельности обрабатывающие производства: темпы роста в процентах отчетный месяц к соответствующему месяцу предыдущего года (далее — YoY), темпы роста в процентах отчетный месяц к предыдущему месяцу с корректировкой на сезонность (далее — MoM SA) [15]. Для устранения сезонности использовался метод TRAMO-SEATS в Eviews. Темпы роста публикуются ежемесячно на 16–20-й рабочий день после отчетного периода, тогда как результаты опросов доступны в первые дни месяца следующего после отчетного, опережая статистику минимум на 20 календарных дней (с учетом выходных) [13].

Для соответствия индексам производства результаты опросов переводились в форму темпов роста: сначала все ряды пересчитывались в балансы ответов (B в формуле ниже), затем устранялась сезонность (для расчета MoM SA), далее рассчитывались годовые и месячные темпы роста опросных показателей:

Темп роста =

$$= (B_t + 200)/(B_{t-1(\text{MoM SA}) \text{ или } t-12(\text{YoY})} + 200) \cdot 100.$$

Учитывая опережающие свойства индикаторов опросов (в том числе с учетом показателей ожиданий), в работе рассматривалась их динамика с лагами от 0 до 3 месяцев к текущему индексу производства.

Для проверки того, могут ли индикаторы опросов повысить точность прогнозов индексов производства, использовались модели ARIMA-X, где выбор структуры осуществлялся автоматически по информационному критерию Акаике (AIC), в качестве объясняющей переменной выступали индикаторы опросов (всего 84 модели как для YoY, так и для MoM SA (21 индикатор с 4 вариантами лагов)). В качестве альтернативной модели была взята ARIMA-модель с автоматическим выбором ARIMA-структуры по информационному критерию Акаике (AIC) без объясняющих переменных.

Для оценки прогнозной точности моделей использовались ежемесячные данные годовых (YoY) и месячных (MoM SA) темпов роста обрабатывающей промышленности с января 2007 г. по июль 2023 г. (для РСПП с августа 2010 г., так как его данные доступны только с этого месяца). Осуществлялись вневыборочные прогнозы на один месяц вперед с января 2020 г. по июль 2023 г., при этом происходила переоценка моделей по окончании каждого года, когда строился прогноз (по итогам 2020, 2021, 2022 гг.). Качество прогнозов оценивалось по следующим критериям: среднеквадратическая ошибка (RMSE), средняя абсолютная ошибка (MAE), средняя абсолютная ошибка в % к прогнозируемой величине (MAPE). Точность прогнозов рассчитывалась для прогнозов с января 2020 г. и с января 2021 г. по июль 2023 г. (в обоих случаях). Это обусловлено тем, что опросы в основном улучшают результаты наукастинга в периоды шоков [16]. Ряды РСПП не застали кризис 2008–2009 гг., поэтому могли иметь модели, менее точно отражающие связь с выпуском. Второй вариант (оценка точности с января 2021 — июль 2023 гг.) призван уравнивать шансы разных показателей с учетом их динамики в 2020 г. (COVID-19).

Результаты проверки точности прогнозирования представлены ниже в таблицах. При прогнозировании годовых темпов роста обрабатывающей промышленности на 1 месяц вперед использование индикаторов опросов в качестве объясняющих переменных улучшает точность прогнозов на 30–39 % в лучших вариантах по сравнению с ARIMA-моделью (табл. 1). Наименьшие ошибки прогнозов наблюдались при использовании показателя Росстата об изменении экономической ситуации в текущем месяце по сравнению с предыдущим. Хорошие результаты показали индикаторы Росстата, связанные с выпуском, экспортом, спросом, численностью занятых, а также индекс предпринимательской уверенности. В целом использование большинства индикаторов опросов приводит к повышению точности прогнозов. Пример динамики годовых темпов роста обрабатывающей промышленности и ее прогнозов указаны ниже на рис. 1.

При прогнозировании месячных темпов роста (MoM SA) использование индикаторов опросов в лучшем случае приводит к улучшению точности прогнозов на 21–26 % (табл. 2). Наименьшие ошибки прогнозов наблюдались при использовании по-

Точность прогнозов годовых темпов роста выпуска обрабатывающих производств
(ARIMAX с использованием опросов) на 1 месяц вперед

№	Индикатор	янв. 20 – июль 23*			янв. 21 – июль 23*		
		RMSE	MAE	MAPE	RMSE	MAE	MAPE
1	Росстат: эк. сит. (0/0**)	0,659	0,670	0,669	0,614	0,640	0,645
2	Росстат: выпуск (0/0)	0,701	0,675	0,674	0,673	0,627	0,628
3	Росстат: экспорт, ожид. (0/0)	0,717	0,757	0,760	0,684	0,729	0,738
4	Росстат: спрос, ожид. (0/0)	0,735	0,725	0,726	0,700	0,701	0,710
5	Росстат: числ. зан., ожид. (0/0)	0,751	0,755	0,759	0,711	0,709	0,713
6	Росстат: выпуск, ожид. (0/0)	0,734	0,731	0,735	0,714	0,719	0,728
7	Росстат: ИПУ (0/0)	0,783	0,791	0,795	0,772	0,775	0,779
8	Росстат: эк. сит., ожид. (0/0)	0,789	0,779	0,779	0,777	0,766	0,773
9	Росстат: экспорт (0/0)	0,855	0,846	0,852	0,804	0,765	0,769
10	S&P Global: PMI обработ. (0/0)	0,794	0,811	0,812	0,808	0,800	0,806
11	Росстат: спрос (0/0)	0,898	0,870	0,872	0,847	0,827	0,829
12	РСПП: логист. и инфрастр. (0/0)	0,957	0,900	0,910	0,855	0,802	0,808
13	Росстат: числ. зан. (0/0)	0,927	0,921	0,932	0,868	0,890	0,900
14	РСПП: произв. продукция (0/0)	1,010	1,036	1,047	0,879	0,930	0,937
15	РСПП: B2G (1/1)	1,014	0,997	1,002	0,900	0,886	0,885
16	РСПП: личная оценка (2/2)	1,006	0,986	0,994	0,905	0,894	0,896
17	РСПП: сводный индекс (0/0)	1,007	0,972	0,979	0,907	0,892	0,893
18	РСПП: фин. рынки (0/1)	1,022	0,976	0,984	0,911	0,891	0,889
19	РСПП: B2B (2/2)	1,012	0,996	1,001	0,927	0,921	0,920
20	Росстат: ур. испол. мощн. (0/0)	0,954	0,922	0,919	0,940	0,893	0,888
21	Росстат: запасы (3/0)	1,007	1,019	1,017	0,995	0,997	0,997

* Значения ошибок в таблице представлены как отношение RMSE, MAE, MAPE опросного индикатора к результатам ARIMA-модели. Значения сортированы по возрастанию RMSE для периода с янв. 2021 – июль 2023 гг.;

** в скобках указан лаг, при котором ошибки минимальны (пример (0/1): без лагов для янв. 2020 – июль 2023 гг., лаг на 1 месяц для янв. 2021 – июль 2023 гг.).



Рис. 1. Пример прогнозов годовых темпов роста обрабатывающих производств, январь 2020–июль 2023 гг., %

казателей Росстата об изменении экономической ситуации в текущем месяце по сравнению с предыдущим, а также перспективы изменения численности занятых в ближайшие 3 месяца. В целом использование большинства индикаторов опросов

также приводит к повышению точности прогнозов, однако в меньших размерах, чем это наблюдается при прогнозировании годовых темпов роста.

Для проверки возможности использования итогов опросов как индикаторов бизнес-циклов обрабатывающих производств России было сделано следующее:

— из приведенной к базе (декабрь 2006 г.) динамики выпуска обрабатывающей промышленности (с учетом сезонной корректировки) исключался тренд при помощи использования фильтра Ходрика–Прекскотта (НР-фильтр: значение параметра $\lambda = 14400$ (Eviews)). Однако, как замечают Abberger и Nierhaus, даже после этого циклическая составляющая все еще содержит высокочастотные компоненты, которые размывают циклический сигнал, поэтому они проводят еще один этап фильтрации НР-фильтром со значением параметра $\lambda = 1$ [17]. Такая же процедура применялась в данной статье;

— аналогичные действия осуществлялись для индикаторов опросов (это приводило к более высоким значениям корреляции, чем для исходного ряда);

Точность прогнозов месячных темпов роста выпуска обрабатывающих производств
(ARIMAX с использованием опросов) на 1 месяц вперед

№	Индикатор	янв. 20 – июль 23*			янв. 21 – июль 23		
		RMSE	MAE	MAPE	RMSE	MAE	MAPE
1	Росстат: числ. зан., ожид. (0/0)	0,775	0,793	0,789	0,783	0,745	0,746
2	Росстат: числ. зан. (0/0)	0,865	0,853	0,854	0,823	0,802	0,802
3	Росстат: выпуск (0/1)	0,954	1,017	1,008	0,856	0,854	0,854
4	Росстат: эк. сит. (0/1)	0,755	0,820	0,813	0,857	0,846	0,846
5	Росстат: спрос, ожид. (0/1)	0,815	0,816	0,812	0,864	0,869	0,870
6	Росстат: спрос (0/0)	0,872	0,903	0,901	0,878	0,866	0,866
7	Росстат: ур. испол. мощн. (2/2)	0,961	0,937	0,936	0,906	0,885	0,883
8	Росстат: экспорт, ожид. (0/1)	0,935	0,893	0,892	0,912	0,904	0,905
9	Росстат: ИПУ (0/0)	0,776	0,811	0,808	0,917	0,868	0,868
10	РСПП: произв. продукция (0/0)	1,039	0,997	0,997	0,923	0,918	0,917
11	S&P Global: PMI обработ. (0/1)	0,874	0,846	0,838	0,923	0,872	0,872
12	Росстат: выпуск, ожид. (0/1)	0,826	0,865	0,860	0,947	0,960	0,961
13	Росстат: эк. сит., ожид. (1/1)	0,992	0,932	0,933	0,949	0,860	0,862
14	РСПП: личная оценка (2/0)	1,075	1,039	1,038	0,972	0,969	0,969
15	РСПП: B2B (1/0)	1,065	1,032	1,031	0,973	0,970	0,970
16	РСПП: сводный индекс (0/0)	1,063	1,032	1,031	0,974	0,971	0,970
17	Росстат: экспорт (0/1)	0,923	0,925	0,925	0,975	0,870	0,868
18	РСПП: фин. рынки (0/0)	1,078	1,046	1,046	0,979	0,975	0,975
19	Росстат: запасы (2/2)	0,996	0,969	0,967	0,986	0,932	0,929
20	РСПП: B2G (0/0)	1,068	1,032	1,032	0,991	0,973	0,973
21	РСПП: логист. и инфрастр. (3/3)	1,071	1,034	1,033	1,007	0,988	0,988

* Значения ошибок в таблице представлены как отношение RMSE, MAE, MAPE опросного индикатора к результатам ARIMA-модели. Значения сортированы по возрастанию RMSE для периода с янв. 2021 – июль 2023 гг.;

** в скобках указан лаг, при котором ошибки минимальны (пример (0/1): без лагов для янв. 2020 – июль 2023 гг., лаг на 1 месяц для янв. 2021 – июль 2023 гг.).

Затем сравнивались коэффициенты корреляции между бизнес-циклами обрабатывающих производств и опросных индикаторов за период последних 5 лет в данных (период август 2018 – июль 2023 гг.). Период выбран с учетом ограниченности ряда данных РСПП, также в этот промежуток времени наблюдалась сильная разнонаправленная динамика выпуска отрасли (2020, 2022 – 2023 гг.). Результаты показали, что большинство индикаторов опросов имеют высокую связь с бизнес-циклами обрабатывающих производств. Лучшие результаты продемонстрировали показатели Росстата: перспективы изменения численности занятых в ближайшие 3 месяца (коэффициент корреляции 0,93), индекс предпринимательской уверенности (0,92), уровень численности занятых в текущем месяце (–0,88), изменение выпуска в текущем месяце по сравнению с предыдущим месяцем (0,88) (табл. 3). Пример динамики циклической компоненты обрабатывающей промышленности России и индикаторов опросов указаны ниже на рис. 2.

Заключение. Исследование показало, что использование индикаторов, построенных на основе результатов опросов, которые публикуются опе-



Рис. 2. Сравнение бизнес-циклов обрабатывающей промышленности и индикаторов опросов, август 2018 – июль 2023 гг., п. п.

ративно и в свободном доступе, позволяют повысить точность краткосрочного прогнозирования (наукастинга) индексов производства (для годовых темпов роста ошибки прогнозов снижаются больше чем для месячных), а также определять дина-

Коэффициенты корреляции между бизнес-циклами обрабатывающих производств и индикаторов опросов (август 2018–июль 2023 гг.)

№	Индикатор	Коэффициент корреляции				
		Лучший результат	Лаги			
			0	1	2	3
1	Росстат: числ. зан., ожид.	0,930	0,930	0,881	0,738	0,545
2	Росстат: ИПУ	0,921	0,921	0,901	0,785	0,614
3	Росстат: числ. зан.	–0,880	–0,883	–0,737	–0,542	–0,343
4	Росстат: выпуск	0,879	0,827	0,879	0,790	0,627
5	Росстат: эк. сит.	0,869	0,842	0,869	0,758	0,575
6	Росстат: экспорт, ожид.	0,864	0,842	0,864	0,764	0,586
7	Росстат: эк. сит., ожид.	0,861	0,819	0,861	0,779	0,615
8	Росстат: спрос, ожид.	0,845	0,804	0,845	0,757	0,592
9	Росстат: спрос	0,839	0,839	0,764	0,630	0,472
10	Росстат: экспорт	0,838	0,838	0,732	0,571	0,383
11	Росстат: выпуск, ожид.	0,821	0,755	0,821	0,769	0,635
12	РСПП: произв. продукция	0,791	0,791	0,760	0,627	0,471
13	РСПП: логист. и инфрастр.	0,781	0,725	0,781	0,730	0,613
14	РСПП: личная оценка	0,780	0,677	0,780	0,750	0,631
15	РСПП: сводный индекс	0,778	0,695	0,778	0,743	0,633
16	РСПП: фин. рынки	0,760	0,681	0,760	0,720	0,599
17	РСПП: B2B	0,691	0,691	0,644	0,508	0,350
18	РСПП: B2G	0,589	0,549	0,589	0,548	0,458
19	S&P Global: PMI обработ.	0,574	0,420	0,569	0,574	0,503
20	Росстат: ур. испол. мощн.	0,521	0,521	0,351	0,141	–0,057
21	Росстат: запасы	0,173	0,094	0,165	0,173	0,138

мику бизнес-циклов обрабатывающей промышленности.

Наилучшие результаты демонстрируют показатели Росстата, связанные с оценкой респондентами экономической ситуации, численности занятых, выпуска, спроса, экспорта, а также индекс предпринимательской уверенности.

В дальнейшем использование результатов данной работы можно применять для выбора индикаторов опросов для построения сводных показателей, которые будут компенсировать недостатки отдельных рядов опросов. Это должно позволить дополнительно улучшить точность прогнозов и повысить связь с бизнес-циклами обрабатывающей промышленности.

Библиографический список

1. Щербаков В. С., Харламова М. С., Гартвич Р. Е. Методы и модели наукастинга экономических показателей с помощью поисковых запросов // Развитие экономики регионов: пространственная трансформация, глобальные вызовы и перспективы экономического роста: материалы Межрегион. науч.-практ. онлайн-конф., Красноярск, 28 октября 2021 года / под общей ред. С. А. Самусенко, отв. за выпуск С. А. Козлова. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2022. С. 117–127. EDN YWNMHG.

2. Федеральная служба государственной статистики. Национальные счета. Произведенный ВВП. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 07.09.2023).

3. Lehmann R. The Forecasting Power of the Ifo Business Survey // CESifo Working Paper. 2020. No. 8291. 67 p. DOI: 10.2139/ssrn.3603848.

4. S&P Global. Purchasing Managers' Index (PMI). URL: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/mi/products/pmi.html> (дата обращения: 08.09.2023).

5. OECD. Business Tendency Surveys: A Handbook, 2003. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/business-tendency-surveys_9789264177444-en#page2 (дата обращения: 10.09.2023).

6. Банк России. Мониторинг предприятий для целей денежно-кредитной политики: мировой опыт, 2022. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131901/mp_we.pdf (дата обращения: 07.09.2023).

7. Банк России. Индикаторы деловой активности и инфляции на основе мониторинга предприятий. Аналитическая записка, 2021. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/119543/analytic_note_20210322.pdf (дата обращения: 07.09.2023).

8. Ifo Institute. Ifo Business Climate Index for Germany. URL: <https://www.ifo.de/en/survey/ifo-business-climate-index-germany> (дата обращения: 07.09.2023).

9. Sauer S., Wohlrabe K. The new ifo Business Climate Index for Germany // CESifo Forum. 2018. Vol. 19 (02). P. 59–64.

10. Aprigliano V. The Relationship between the PMI and the Italian Index of Industrial Production and the Impact of the Latest Economic Crisis (September 23, 2011) // Bank of Italy Temi di Discussione (Working Paper). No. 820. DOI: 10.2139/ssrn.1960900.

11. Herwadkar Snehal S., Saurabh G. Is PMI a good leading indicator of industrial production?: Evidence from India // MPRA Paper № 97924. 2020. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/97924/> (дата обращения: 07.09.2023).

12. Федеральная служба государственной статистики. Опережающие индикаторы по видам экономической деятельности. URL: https://rosstat.gov.ru/leading_indicators (дата обращения: 07.09.2023).

13. Об утверждении Федерального плана статистических работ: Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 671-р (ред. от 10.06.2023). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

14. Российский союз промышленников и предпринимателей. Индекс деловой среды. URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/> (дата обращения: 07.09.2023).

15. ЕМИСС. Федеральная служба государственной статистики. Обработанные производства. Индекс производства. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 07.09.2023).

16. Stratford K. Nowcasting world GDP and trade using global indicators // Bank of England Quarterly Bulletin. 2013. Q3. P. 233 – 243.

17. Abberger K., Nierhaus W. Ifo Geschäftsklima, Produktion und Ertragslage in der gewerblichen Wirtschaft // Ifo Schnelldienst. 2011. Nu. 64 (03). S. 21 – 24.

ГАРТВИЧ Роман Евгеньевич, аспирант кафедры экономики и финансов Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск; ведущий экономист Отделения по Омской области Сибирского главного управления Центрального банка Российской Федерации, г. Омск.

SPIN-код: 3474-2289

AuthorID: 1015207

ORCID: 0000-0001-8782-9759

Адрес электронной почты: gartvich.roma@mail.ru

Для цитирования

Гартвич Р. Е. Наукастинг выпуска обрабатывающей промышленности России с использованием данных опросов предприятий // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 152 – 160. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-152-160.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023 г.

© Р. Е. Гартвич

NOWCASTING OF RUSSIAN MANUFACTURING OUTPUT USING BUSINESS SURVEY DATA

This article is devoted to checking the possibility of using business survey data surveys to nowcasting of Russian manufacturing output: analysis of business cycles and short-term forecasting (1 month ahead). The study uses data from business surveys of the Federal State Statistics Service, the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs and S&P Global. The results of these surveys are published promptly (20 days or more ahead of the release of official statistics) and are freely available. The study shows that the indicators of the Federal State Statistics Service (economic situation, number of employees, business confidence index, output, demand, export) allow to increase the accuracy of forecasts by 21–39 % and have a high correlation with business cycles of the manufacturing industry. In general, the use of most business survey indicators improves short-term forecasts of manufacturing output, more than half of the indicators have a correlation coefficient greater than 0,8 with the business cycles of this sector of the economy.

Keywords: nowcasting, business survey, leading indicators, manufacturing, business cycles.

References

1. Shcherbakov V. S., Kharlamova M. S., Gartvich R. E. Metody i modeli naukastinga ekonomicheskikh pokazateley s pomoshch'yu poiskovykh zaprosov [Methods and models of nowcasting of economic indicators using search queries] // *Razvitiye ekonomiki regionov: prostranstvennaya transformatsiya, global'nyye vyzovy i perspektivy ekonomicheskogo rosta. Regional Economic Development: Spatial Transformation, Global Challenges and Prospects for Economic Growth* / ed. by S. A. Samusenko, resp. S. A. Kozlova. Krasnoyarsk, 2022. P. 117–127. EDN YWNMHG. (In Russ.).
2. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Natsional'nyye scheta. Proizvedenny VVP [Federal State Statistics Service. National accounts. Produced GDP]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (accessed: 07.09.2023). (In Russ.).
3. Lehmann R. The Forecasting Power of the Ifo Business Survey // CESifo Working Paper. 2020. No. 8291. 67 p. DOI: 10.2139/ssrn.3603848. (In Engl.).
4. S&P Global. Purchasing Managers' Index (PMI). URL: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/mi/products/pmi.html> (accessed: 08.09.2023). (In Engl.).
5. OECD. Business Tendency Surveys: A Handbook, 2003. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/business-tendency-surveys_9789264177444-en#page2 (accessed: 10.09.2023). (In Engl.).
6. Bank Rossii. Monitoring predpriyatii dlya tseyey denezhno-kreditnoy politiki: mirovoy opyt [Bank of Russia. Monitoring of enterprises for monetary policy purposes: world experience], 2022. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/131901/mp_we.pdf (accessed: 07.09.2023). (In Russ.).
7. Bank Rossii. Indikatory delovoy aktivnosti i inflyatsii na osnove monitoringa predpriyatii. Analiticheskaya zapiska [Bank of Russia. Indicators of business activity and inflation based on enterprise monitoring. Analytical note], 2021. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/119543/analytic_note_20210322.pdf (accessed: 07.09.2023). (In Russ.).
8. Ifo Institute. Ifo Business Climate Index for Germany. URL: <https://www.ifo.de/en/survey/ifo-business-climate-index-germany> (accessed: 07.09.2023). (In Engl.).
9. Sauer S., Wohlrabe K. The new ifo Business Climate Index for Germany // CESifo Forum. 2018. Vol. 19 (02). P. 59–64. (In Engl.).
10. Aprigliano V. The Relationship between the PMI and the Italian Index of Industrial Production and the Impact of the Latest Economic Crisis (September 23, 2011) // Bank of Italy Temi di Discussione (Working Paper). No. 820. DOI: 10.2139/ssrn.1960900. (In Engl.).
11. Herwadkar Snehal S., Saurabh G. Is PMI a good leading indicator of industrial production?: Evidence from India // MPRA Paper No. 97924. 2020. URL: <https://mpa.ub.uni-muenchen.de/97924/> (accessed: 07.09.2023). (In Engl.).
12. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Operezhayushchiye indikatory po vidam ekonomicheskoy deyatel'nosti [Federal State Statistics Service. Leading indicators by type of economic activity]. URL: https://rosstat.gov.ru/leading_indicators (accessed: 07.09.2023). (In Russ.).
13. Ob utverzhdenii Federal'nogo plana statisticheskikh rabot: Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 06.05.2008 № 671-r (red. ot 10.06.2023) [On approval of the Federal Plan of Statistical Work: Decree of the Government of the Russian Federation No. 671-r dated 06.05.2008 (ed. dated 10.06.2023)]. Available at «Consultant Plus» System. (In Russ.).
14. Rossiyskiy soyuz promyshlennikov i predprinimateley. Indeks delovoy sredy [Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. Business Environment index]. URL: <https://rspp.ru/activity/analytics/> (accessed: 07.09.2023). (In Russ.).
15. EMISS. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Obrabatyvayushchiye proizvodstva. Indeks proizvodstva [UIISS. Federal State Statistics Service. Manufacturing industries. Production index]. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/> (accessed: 07.09.2023). (In Russ.).

16. Stratford K. Nowcasting world GDP and trade using global indicators // Bank of England Quarterly Bulletin. 2013. Q3. P. 233–243. (In Engl.).

17. Abberger K., Nierhaus W. Ifo Geschäftsklima, Produktion und Ertragslage in der gewerblichen Wirtschaft [Ifo Business Climate, Production and Earnings Situation in the Commercial Economy] // Ifo Schnelldienst. *Ifo Schnelldienst*. 2011. No. 64 (03). P. 21–24. (In Germ.).

GARTVICH Roman Evgenyevich, Graduate Student of Economics and Finance Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk; Lead Economist of the Omsk Region Branch of the Siberian Main Directorate of the Central Bank of the Russian Federation, Omsk.

SPIN-code: 3474-2289

AuthorID: 1015207

ORCID: 0000-0001-8782-9759

Correspondence address: gartvich.roma@mail.ru

For citations

Gartvich R. E. Nowcasting of Russian manufacturing output using business survey data // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 4. 152–160. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-152-160.

Received October 10, 2023.

© R. E. Gartvich

